

ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ
ХАКАСИЯ

РОССИЙСКИЙ
ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ХАКАССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. Ф. Катанова
1939

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

СИБИРЬДЕ ЧУРТАПЧАТХАН ЧОННАРНЫҢ КУЛЬТУРАЗЫН ПАЗА ТІЛЛЕРІН ХАЙРАЛЛИРІ ПАЗА ТИЛІДЕРІ

*Материалы
II Всероссийской
научно-практической
конференции
(Абакан, 24–25 мая 2018 г.)*

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Министерство национальной и территориальной политики
Республики Хакасия
Министерство образования и науки Республики Хакасия

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

**СИБИРЬДЕ ЧУРТАПЧАТХАН ЧОННАРНЫҢ
КУЛЬТУРАЗЫН ПАЗА ТІЛЛЕРІН ХАЙРАЛЛИРІ ПАЗА
ТИЛДЕРІ**

Материалы

*II Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 24–25 мая 2018 г.)*

Абакан
2018

УДК 81-2(571.1/.5)
ББК 81.0(2Рос-16)я431
С689

*Издается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

**Издание сборника осуществляется при финансовой поддержке
гранта РФФИ (проект № 18-012-20030)**

Редакционная коллегия:

Т. Г. Боргоякова, д-р филол. наук, профессор (*отв. редактор*);
О. Ф. Горбунова, канд. пед. наук, доцент;
А. В. Гусейнова, канд. филол. наук;
К. А. Покоякова, канд. филол. наук;
М. Д. Чертыкова, д-р филол. наук;
А. Н. Чугунекова, д-р филол. наук, доцент.

**Сохранение и развитие языков и культур коренных народов
Сибиря / Сибирьде чуртапчатхан чоннарнын культуразын па-
за тиллерин хайраллири паза тиллери:** материалы II Всероссийской
научно-практической конференции (Абакан, 24–25 мая 2018
года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ
ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катано-
ва», 2018. – 348 с.
ISBN 978-5-7810-1722-5

В сборнике представлены итоги исследований по актуальным проблемам функционирования языков коренных народов Сибири в контексте современного языкового законодательства и поликультурного коммуникативного пространства, по лингвистическому анализу их структуры и семантики в корреляции с этнокультурными особенностями мировидения, отраженными в фольклоре и литературе. Отдельный блок материалов посвящен новым подходам и практикам этнокультурного образования в условиях городской и сельской школ поликультурной модели.

Издание предназначено для ученых, преподавателей вузов, школьных педагогов, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами сохранения и изучения языков и культур коренных народов в российском и глобальном контексте.

УДК 81-2(571.1/.5)
ББК 81.0(2Рос.-16)я431

ISBN 978-5-7810-1722-5

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	10
<i>Биткеева А. Н.</i> Динамика и перспективы развития языковой ситуации в Российской Федерации	10
<i>Араева Л. А.</i> Эпистемологическая функция словообразовательных типов в разноструктурных языках	13
<i>Дырхеева Г. А.</i> Современная социолингвистическая проблематика в Бурятии	15
<i>Бавуу-Сюрюн М. В.</i> Социолингвистическая ситуация на территориях распространения тувинского языка за рубежом	19
<i>Кобенко Ю. В.</i> Предпосылки сохранения миноритарных и индигенных языков в многонациональном государстве	28
<i>Борзякова Т. Г.</i> Субъекты языковой политики и языкового планирования в Республике Хакасия: эффективность взаимодействия	33
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	40
<i>Иванова Н. И.</i> «Места памяти»: социолингвистическая интерпретация показателей этноязыковой идентичности носителей языка саха	40
<i>Каксин А. Д.</i> Общественный прогресс и экология традиционной культуры и языка (на примере Республики Хакасия)	45
<i>Образцова М. Н.</i> Взаимодействие миноритарных языков и русского государственного языка на территории Сибири	49
<i>Оленев С. В.</i> Особенности билингвальной языковой личности современных телеутов	51
<i>Журавель Т. Н.</i> Учебно-педагогический статус языков Красноярского края	53
<i>Озерова Г. В.</i> Создание условий для сохранения и развития хакасского языка в муниципальной системе образования города Абакана	55
<i>Пушкарева И. А., Седова А. Ф.</i> Дискурсивно-стилистическое воплощение шорской темы в городской газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк)	59
<i>Захарова Н. Е., Алексеева Д. В., Никитина А. Д.</i> Языковая ситуация в полиэтнических поселениях Республики Саха (Якутия) (на примере мест совместного проживания эвенков, эвенов, якутов и русских)	66
<i>Тюньдешев Г. А.</i> Реальность и перспективы сохранения и развития языков коренных народов Российской Федерации	73
<i>Дамбуев И. А.</i> Актуальные вопросы нормализации топонимов в Республике Тыва	75
<i>Сагалакова Т. Н.</i> Языковое законодательство Ямало-Ненецкого автономного округа	82
<i>Гусейнова А. В., Забусова Н. Е.</i> Формирование медиаобраза Республики Хакасия в федеральных СМИ	84

Субракова Н. Ч. Проблема сохранения и развития хакасского языка: особенности освещения в республиканской газете «Хабар»..... 87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ 94

Селютин И. Я. Сингармонические модели в тюркских языках Южной Сибири как показатели лингвистической сложности 94

Шамина Л. А. Морфосинтаксические и семантические характеристики тувинских аналитических конструкций с первым деепричастным компонентом: асимметричные и симметричные структуры 101

Досжан Р. А. Словообразование однокоренного слова древнетюркского происхождения 102

Чертыкова М. Д. Хакасский глагол *хайха-* «удивляться» и его семантические параллели в тюркских языках Южной Сибири и в монгольском языке 108

Телякова В. М. Аспектуальные значения глагола *пар-* в шорском языке 115

Серээдар Н. Ч. Модели элементарных простых предложений со значением реляционных отношений 118

Абдуллаева Ф. Э., Лихун Го Фоновое семантическое пространство терминов родства в китайском, русском, азербайджанском и телеутском языках 124

Ли С. И. Особенности категоризации в разноструктурных языках 126

Чугунцова А. Н. Фразеологизмы, выражающие нереальные явления в хакасском языке (сопоставительный аспект) 128

Кичеева К. В. Темпоральные реалии «сутки и части суток» в хакасском и тувинском языках 130

Булгакова О. А., Тарасова М. Н. Соматизмы в телеутском языке 135

Абдина Р. П. К вопросу о классификации этнокультурной лексики хакасского языка 136

Боргоякова И. Н. Антонимические отношения во фразеологии хакасского языка 140

Карачакова А. В. Названия грибов в хакасском языке 144

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ 147

Кетенчиев М. Б. Компаратив как средство репрезентации карачаево-балкарской языковой картины мира 147

Дашинимаева П. П. Разграничение внешнеречевой и мыслительной частей семиозиса: новый взгляд на статус переводчика-«переселенца» 151

Додуева А. Т. Глагольная лексика карачаево-балкарского языка в парадигме когнитивной лингвистики 153

Мельник Н. В., Язева Е. Е. Языковая картина мира телеутов: лингвоперсонологический аспект 160

Айтмагамбетова М. Б. Национальные элементы в казахстанской аудиовизуальной рекламе молочной продукции 161

Цыбенова Ч. С. Изменение этнокультурных ценностей и его отражение в языке (на примере тувинского языка) 166

<i>Ахматова М. А.</i> Репрезентация ментальности в карачаево-балкарских паремиях	168
<i>Денисова Э. С., Герасименко Д. С.</i> Тематическая группа «погода» и её реализация в русской и телеутской лингвокультурах (на материале примет)	173
<i>Султанбаева К. И.</i> Отражение языковой картины мира хакасов в фольклорном наследии Н. Ф. Катанова.....	175
<i>Проскурина А. В.</i> Словообразовательная система телеутского языка как отражение картины мира его носителей	179
<i>Паули Ю. С., Мальцева А. П.</i> Об опыте исследования культурной специфичности коммуникативных норм	181
<i>Покоякова К. А.</i> Репрезентация образа семьи в хакасском и русском языковом сознании.....	184
<i>Монге А. Д.</i> Этнические автостереотипы в языковом сознании американских, русских и тувинских подростков.....	186
<i>Керексибесова У. В.</i> Этнолингвистические особенности синонимии в разных лингвокультурах на примере лексемы «хитрый».....	188
<i>Топова Л. М.</i> Оценка человека в бинарной оппозиции <i>АХ/ХАРА</i> и <i>WHITE/BLACK</i>	189

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР.....

<i>Ойроткинова Н. Р.</i> Лексика обряда поклонения земле у южных алтайцев	193
<i>Карамашева В. А.</i> История хакасской басни	201
<i>Косточаков Г. В.</i> Лирические образы любви к природе и Шории в шорской лирике 90-х гг. XX века	206
<i>Евсеева И. В., Кулехова А. М.</i> Роль народного творчества как средство сохранения родного языка.....	212
<i>Юлдыбаева Г. В., Ханова Г. С.</i> История публикаций, научного изучения и популяризации байта «Сак-Сук».....	220
<i>Таскаракова Н. Н.</i> Кобк чили саңнарын сапхан Валерий Майнашев.....	222
<i>Миндибекова В. В.</i> Этиологические нарративы в несказочной прозе хакасов ..	225
<i>Николаева Н. Н.</i> Способы выражения эмоций в героическом эпосе тюрко-монгольских народов Сибири (бурят и хакасов).....	227
<i>Тихонова Е. Л.</i> Рецепция ритуала в устных рассказах русских старожилов Бурятии о народном календаре.....	229
<i>Гымпилова С. Д.</i> Концепт «семья–род» в афористической поэзии тюрко-монгольских народов.....	233
<i>Егорова Ю. Г.</i> Произведения О. Г. Алахтаевой как средство формирования музыкально-эстетической культуры будущих педагогов.....	235
<i>Егорова Ю. Г.</i> Сохранение традиций хакасской национальной культуры в творчестве О. Г. Алахтаевой	239
<i>Кувалева С. М.</i> Изучение шорских сказок на уроках литературного чтения в начальной школе	243
<i>Сердюкова Н. К.</i> Великая Отечественная война в творчестве Николая Георгиевича Доможакова	247
<i>Торокова А. Э.</i> Мотив сватовства в хакасской литературе	251

**РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ** 254

<i>Мирошниченко В. В., Боргоякова Л. С.</i> Организация проектной деятельности в начальной школе как условие формирования интереса к культуре народов региона.....	254
<i>Тюкпиекова Е. Я., Улугбаиева О. И.</i> Проект «Чапсых чоох» как одна из форм популяризации хакасского языка	257
<i>Сагалакова О. П.</i> Практические способы использования интерактивных форм и методов работы на уроках хакасского языка и литературы	259
<i>Тинникова Л. И.</i> Использование современных образовательных технологий в обучении хакасскому языку во внеурочной деятельности	264
<i>Албычакова В. В.</i> Самобытность и жанровое многообразие хакасского фольклора при обучении хакасской литературе	269
<i>Артюшкина Е. И.</i> Значение фольклора в формировании этнокультурной компетенции учащихся.....	275
<i>Коква А. Г.</i> Изучение и сохранение хакасского языка в общеобразовательных организациях Орджоникидзевского района.....	278
<i>Чебодаева Л. А.</i> Духовно-нравственное воспитание обучающихся через внеурочную деятельность	281
<i>Байкалова М. Г.</i> Этнокультурное наследие как фактор укрепления межэтнической толерантности	284
<i>Боргоякова Г. В.</i> Истины, сокрытые в героических сказаниях хакасов и бурят.....	290
<i>Тоданова И. В.</i> Формирование этнокультурной компетенции учащихся с ОВЗ на уроках литературы.....	297
<i>Щерзина Г. Д.</i> Шорские народные сказки при обучении детей родному языку	299
<i>Кочелакова С. А.</i> Изучение фольклора и литературы в контексте интеграции культур народов Республики Хакасия	301
<i>Гусева Т. А.</i> Шорские украшения как средство приобщения детей к родному языку	304
<i>Чепсаракова В. А.</i> Использование хакасского фольклора в работе с обучающимися начальных классов	305

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО,
РЕГИОНАЛЬНОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ
В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ** 309

<i>Шоева Н. Ф., Бурнакова О. Б.</i> Этнокультурное развитие детей дошкольного возраста средствами театрализованной деятельности	309
<i>Акушакова В. П.</i> Современные технологии обучения хакасскому языку детей дошкольного возраста	311
<i>Чаптыкова Ю. Д.</i> Обучение детей дошкольного возраста хакасскому языку как фактор укрепления межэтнической толерантности (из опыта работы).....	316
<i>Чучалина О. И.</i> Использование народных игр на занятиях по физической культуре в детском саду	320

Балахчина М. В. Использование театрализованных игр при обучении дошкольников хакасскому языку	323
Белякова М. А. Использование музейной педагогики в этнокультурном образовании дошкольников	326
Танбаева Т. П. Интенсивный метод обучения хакасскому языку детей дошкольного возраста	329
Лобыгина О. Ю., Саломатова Е. В., Туктарова С. В., Берестова Н. Н. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста как фактор укрепления межэтнической толерантности	332
Копчегашева И. И., Тюкпиекова О. Н. Знакомство дошкольников с хакасскими национальными праздниками средствами театрализованной деятельности.....	336
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научные мероприятия в рамках проекта «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» проводятся в ХГУ им. Н. Ф. Катанова начиная с 2005 года. Несмотря на разный статус – международный, всероссийский, межрегиональный – они объединены актуальностью поиска путей сохранения лингвокультурного разнообразия, выживаемости миноритарных языков в условиях жесткой конкуренции с доминантным языком. Необходимость поиска связана с базовой потребностью людей в позитивной этнокультурной идентификации через свой родной язык для конструктивного взаимодействия с другими народами и культурами на национальном и глобальном уровнях. Теоретическую и законодательную базу данной междисциплинарной области составляют труды ведущих социолингвистов, основанные на единстве их «интеллектуального» и «нравственного поиска» [Fishman, 2000], и международные правовые документы, защищающие языковые права человека.

По итогам дискуссий предыдущих конференций и семинаров мы сумели совместными усилиями выработать соответствующие стратегии и рекомендации, которые становились предметом нового научного поиска и практической апробации. Важное значение имела I Международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России», которая состоялась в мае 2005 г. Ее резолюция, направленная руководству высших органов власти РФ и Сибирского федерального округа, способствовала устранению негативных тенденций в развитии республиканского языкового законодательства в 2002–2004 гг, направленных на сужение сфер функционирования второго государственного языка Республики Хакасия.

В обсуждении результатов научных исследований и их практической апробации в рамках последующих научных форумов активное участие всегда принимали представители власти, научного сообщества, педагогов и общественных объединений не только Сибири, но и других регионов России и зарубежья. Практически все материалы этих конференций и семинаров были изданы благодаря постоянной финансовой поддержке проекта грантами РГНФ, РФФИ, Министерства образования и науки РФ, Министерства национальной и территориальной политики РФ и ХГУ им. Н. Ф. Катанова. В результате мы имеем многолетний мониторинг эффективности взаимодействия субъектов языковой политики и развития социолингвистической ситуации в Хакасии и других сибирских регионах.

Предлагаемый сборник отражает как результаты социолингвистических исследований, так и различные аспекты изучения языков, литературы и фольклора коренных народов Сибири. Отдельные разделы посвяще-

ны инновационному опыту изучения языков и этнокультурного наследия народов Сибири в системе образования.

Материалы конференции будут опубликованы в электронном издании, в авторской редакции, спорные вопросы станут предметом для обсуждения на заседаниях конференции.

Надеюсь, что совместный научный и нравственный поиск всех участников конференции, обмен опытом и идеями будут способствовать укреплению мультикультурализма – единства народов Сибири и России в богатстве и разнообразии их языков и культур.

Т. Г. Боргоякова,
руководитель проекта

ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В докладе рассматриваются динамика и перспективы развития языковых общностей в России в контексте современной языковой ситуации и языковой политики. Автор анализирует основные тенденции внутренней и внешней языковой политики РФ, проблемы решения языковых вопросов в правовом поле. Особое внимание уделяется моделям прогнозирования развития языковых общностей в РФ исходя из следующих параметров: демографической мощности, коммуникативной мощности языков, типа расселения народов, символической мощности языков, конфессионального фактора и т. д.

Ключевые слова: языковая общность, национальные языки, языковая ситуация, языковая политика, языковое законодательство, модели прогнозирования.

Языковая политика. Языковая политика обладает сложной структурой. Как правило, внутренняя языковая политика подразумевает языковую политику и планирование в области статуса, корпуса, обучения языку, внешняя языковая политика направлена на распространение языка за пределами государства. Каждый из указанных компонентов характеризуется своим набором целей, субъектов, объектов и инструментов реализации. В современной Российской Федерации представлена многокомпонентная общегосударственная модель языковой политики, которая включает однокомпонентную (одноязычную), трехкомпонентную (трехязычную), многокомпонентную (многоязычную) и экстерриториальную модели языковой политики, при которых функционирует общегосударственный язык – государственный язык Российской Федерации – русский, в республиках он дополняется 36 республиканскими функциональными доминантами, местными республиканскими государственными языками [1, с. 47].

На сегодня языковая политика Российской Федерации находится в поле напряженности между международной, федеральной и региональной языковой политикой. Решение языковых вопросов в некоторых регионах РФ протекает довольно остро, что связано с существующими проблемами в реализации договоренностей и правовых взаимоотношений федерального и регионального уровней. Кроме того, помимо проблем внутренней политики в последние годы все большую значимость приобретают вопросы языковой политики на международном уровне. Внимание к вопросам внешней языковой политики обусловлено потребностями политики мягкой силы.

Российское языковое законодательство в целом направлено на сохранение и развитие всех языков народов Российской Федерации, укрепление позиций русского языка в России и за рубежом, однако, существует ряд проблем. Причину этих языковых проблем исследователи видят в терминологической неясности, отсутствии в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона и др. [2, с. 845]. Кроме того, успех языкового планирования зависит не только от реализации государством заявленных принципов в области языковых прав, но и от готовности самих носителей этих языков реализовать потенциальные функциональные возможности национальных языков. В докладе рассматриваются основные тенденции внутренней и внешней языковой политики РФ, проблемы решения языковых вопросов в правовом поле.

Языковая ситуация. Принципы, формы, цели и инструменты языковой политики каждого государства складываются под воздействием уникальной для каждого региона языковой ситуации. В данном контексте России отводится особое место, поскольку это многонациональная, многоязычная и поликультурная страна. Стратегией развития страны последних лет является языковое единство в контексте языкового разнообразия.

Языковая ситуация в России в значительной мере зависит от сложного устройства государства. Российская Федерация включает 85 равноправных субъектов. На территории России проживают более 100 коренных народов, а также ряд этнических групп, представлено более 150 языков разных языковых семей – славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских, северокавказских и др. По давности письменной традиции представлены древнеписьменные, старописьменные, младописьменные, новописьменные и бесписьменные языки, около 80 литературных языков. Средством языкового единения государства является русский язык – государственный язык Российской Федерации. Уровень языкового единения РФ высок: на русском языке говорит 98,2 % населения. 23 % населения владеет ещё 38 языками, а остальные 114 языков распространены всего среди 1 % населения.

Сегодня следует признать, что в силу глобализационных и миграционных процессов языковая ситуация в РФ изменилась, структура и статус языковых общностей также изменились, что делает задачу мониторинга современной языковой ситуации актуальной. Языковая ситуация, представляя значительный научный интерес, одновременно являет собой достаточно сложный материал для научного изучения. Сложность состоит в том, что экстралингвистические факторы представляют собой такое многообразие, которое с трудом поддается типологизации. Тем более сложно сопоставлять социолингвистический материал разных языковых общностей, проживающих в многонациональном государстве. Среди коренного

населения страны выделяются, например, малочисленные народы, всесторонняя поддержка языков и культур которых в настоящее время признана особенно актуальной из-за опасности их исчезновения. Внутренние диаспоры (казахи, эстонцы, латыши и др.) тоже имеют определенные права на внимание со стороны государства, так как несколько поколений этих народов живут в России и являются её полноправными гражданами. Следует учесть, что обязательства государства к разным типам населения различны.

Языковая ситуация формируется под воздействием ряда параметров, исходя из которых прогностическая картина по каждой языковой общности складывается по-разному. В докладе рассматривается динамика развития языковых общностей в РФ исходя из следующих параметров: демографической мощности и коммуникативной мощности языков [3, с. 616], типа расселения, символической мощности языков, конфессионального фактора и т. д.

Анализ указанных параметров представляет прогностическую картину развития языковых общностей РФ. Перспективы развития по разным народам и их языкам разные – как отрицательные, так и положительные. Всю совокупность языковых общностей России можно описать с прогностической точки зрения по 4 моделям:

- стабильный тип развития языка (русский язык и др.);
- перспективный тип развития языка (чеченский, татарский и др.);
- нестабильный тип развития языка (большинство языков РФ);
- слабо перспективный тип развития языка (миноритарные языки, языки диаспор и др.).

В докладе подробно рассматриваются модели прогнозирования развития языковых общностей РФ.

Библиографический список

1. Михальченко В. Ю. Языковое единство и языковое разнообразие в Российской Федерации // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М., 2015. С. 37–51.
2. Орешкина М. В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 835–847.
3. Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.

© Биткеева А. Н., 2018

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

В статье акцентируется внимание на том, что человек познает мир посредством языка, используя репрезентированные в языке гносеологически ориентированные категории, проявляющие особенности языкового сознания. Такие категории, как словообразовательные типы, являют собой пропозиционально организованные микросистемы, в пределах которых производные создаются по аналогии, что способствует сохранению их в долговременной памяти. Анализ типов в пропозициональной перспективе позволяет выявить особенности мировидения, познания мира людьми, говорящими на разных языках, в том числе и на бесписьменных языках коренных малочисленных народов России.

Ключевые слова: словообразовательный тип, пропозициональная структура, пропозиция, производное слово.

Человек познает мир с помощью языка. Встает вопрос: как это происходит? В каждом языке существует немалое количество слов, аффиксов, словосочетаний, предложений и т. п. Присутствуют такие ментальные категории, как концепты, достаточно специфично реализованные в каждом языке, что позволяет обнаружить особенности мировидения конкретной нации и народности. И. В. Привалова дает обзор американской и отечественной литературы, в которой представлен анализ различных категорий (вербальных и ментальных), играющих важную роль в познании мира и в межкультурной коммуникации [2]. Не менее значима в плане выявления особенностей познания мира такая комплексная единица словообразования, как словообразовательный тип (СТ).

Словообразовательные типы в любом языке являют собой ментально-языковые объединения, построенные по принципу естественных категорий, обоснованных Л. Витгенштейном. В пределах типа формируются серии производных единиц, проявляющих работу мозга по аналогии. С одной стороны, как отмечает В. фон Гумбольдт, человек способствует развитию языка, именуя новые предметы и явления действительности, с другой – сложившаяся веками система языковых форм направляет мысль человека в определенные категории, эксплицируя особенности познания окружающего мира.

Производное слово называет какую-либо реалию мира посредством предикативной связанности с производящей лексической единицей. В основе семантики производного слова, таким образом, находится суж-

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

дение – пропозиция. В свою очередь пропозиция (ословленное суждение – термин Лео Вайсгербера) реализуется в границах пропозициональной структуры, наиболее абстрактного суждения, в пределах которого субъекты и объекты предикативно связаны между собой. Эти глубинные структуры знания являются общими для представителей современной земной цивилизации [1].

В типах мотивирующие одной части речи пропозиционально соотносятся с мотивированными, которые также представлены одной частью речи. Производные слова в рамках типа оформлены одним и тем же формантом либо его вариантами. При этом возможна реализация одной и той же пропозиции в границах одной и той же пропозициональной структуры в разных языках. Например, в русском языке в СТ «С+ -ин/а/, -атин/а/, -овин/а/, -евин/а/» сосредоточены названия мяса животных, рыб, птиц: *свинина, телятина, курятина, стерлядина* и т. д. В тюркских языках названия мяса животных представлены устойчивыми сочетаниями слов: к наименованию животного присоединяется суффиксоид *edu* «это мясо». В китайском языке названия мяса животного также представлены устойчивыми сочетаниями слов с присоединением к имени животного суффиксоида *rou*, означающего мясо. Аналогичная ситуация при именовании мяса животного в немецком языке: *Kalbfleisch* – телятина, *Pferdefleisch* – конина; *Schweinefleisch* – свинина; *Hühnerfleisch* – курятина и др.

Тем не менее, в каждом языке СТ имеют свою пропозиционально-семантическую организацию. Ср.: в эвенкийском языке с помощью суффикса *-һаса/-һэсэ/-һосо* от терминов родства образуются названия умерших родственников: *эмиһаса* «покойный отец», *эниһэсэ* «покойная мать», *экиһэсэ* «покойная старшая сестра» и др.

Выявление и описание пропозиционально-семантических отношений производных и производящих единиц в границах типа – это прежде всего системное видение его устройства. Значимо рассмотрение СТ сквозь призму этнолингвистического сознания человека, обнаруживающего в процессе познания мира связи предметов, осмысливающего и интерпретирующего их через создание производных слов в рамках словообразовательных типов.

Библиографический список

1. Араева Л. А. Изучение языков мира в аспекте пропозиционального подхода // Лингвистика как форма жизни. Кемерово, 2015. С. 32–36.
2. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2015. 472 с.

© Араева Л. А., 2018

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В БУРЯТИИ

Статья посвящена современным проблемам бурятского языка – одного из государственных языков Республики Бурятия. Отмечены последние социолингвистические исследования, проводимые в республике, посвященные, в том числе, языковым предпочтениям молодежи; говорится о проблеме лингвоэтнической консолидации, связанной с литературной формой бурятского языка, его диалектами, заимствованиями.

Ключевые слова: бурятский язык, социолингвистические исследования, языковые приоритеты молодежи, национальный литературный язык, диалекты.

Современная социолингвистическая проблематика в Бурятии достаточно обширна. Очевидно, что в первую очередь она касается состояния бурятского языка, проблемы реализации языкового законодательства относительно государственного бурятского языка.

Так, если рассматривать внешний аспект данной проблемы, то необходимо обратить внимание на то, что, согласно официальным данным по переписи населения 2010 года, существенно снизилась доля владеющих бурятским языком не только в целом по республике, но и среди самих бурят (43,6 %) [2]. Снижение доли владеющих своим языком бурят, возможно, объясняется тем, что уходит из жизни довоенное поколение тех, кто, по нашим данным (социолингвистический опрос 1989–1990 гг.), хорошо владел родным языком.

Как видим, ситуация, по официальным данным, с бурятским языком не улучшается. Общеизвестно, что в связи с проблемой дальнейшего существования бурятского языка большие надежды возлагались на закон «О языках народов Республики Бурятия», принятый в 1992 году. Кратко можно отметить следующее: в течение многих лет государственная программа по сохранению и развитию бурятского языка напрямую не финансировалась. Только в 2010 году Постановлением Правительства РБ от 2 августа № 312 была принята Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011–2014 гг.»*, информация о ходе выполнения которой ежегодно заслушивалась на заседании специальной комиссии. Так, в 2014 году на реализацию программы было выделено более 28 млн рублей, в 2015 г – более 36 млн, в 2017 году – 30 млн рублей.

* О том, что именно в этот период, т. е. с 2010 года, было отмечено улучшение ситуации с бурятским языком, сказал Санжиев Солбон Дугарович, руководитель общественной организации «Буряад соёл» на проведении фокус-группы социологами ИМБТ СО РАН в декабре 2017 г. В настоящее время интерес к проблеме, по его мнению, постепенно угасает.

О достоинствах и недостатках закона уже много говорилось на различных конференциях, круглых столах и заседаниях. В частности, проблема внесения поправок в закон активно обсуждалась в конце 2013 года в связи с принятием республиканского Закона об образовании, что еще раз показало, насколько остро стоит проблема с его реализацией, а также то, что необходимо не только найти пути решения проблемы, но и проводить регулярный мониторинг в данной области.

В связи с этим задачами серии исследований, проводимых в последние годы, являлись, в том числе, анализ языковых предпочтений молодежи при обучении в образовательных учреждениях республики, их отношения к введению после принятия языкового законодательства бурятского языка в программы обучения, оценка эффективности преподавания бурятского языка в школах, ссузах и вузах республики. Обследования проводились в 1999–2000 [1] и 2013 годах. Данное обследование было связано также со спецификой изменения языковых ситуаций в ее приграничных регионах. Основные результаты изложены в коллективной монографии «Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края)» [3].

В частности, результаты последнего обследования показали, что наиболее значимым фактором, определяющим мнение по вопросу о введении в программу обучения бурятского языка, является национальность, определенную роль играет также возраст: так, почти все (90 %) информанты-буряты, независимо от возраста, высказались за необходимость изучать бурятский язык в школе, тогда как мнения русских информантов разделились по возрастному принципу. Если русская молодежь образовала две полярные группы сторонников и противников изучения бурятского языка в школе (45,6 % – «за» и 41,1 % – «против»), то среди русских учителей и родителей гораздо больше сторонников тех, кто предпочел более мягкие и взвешенные подходы к решению этой проблемы: «за» – 56,9 %, «против» – 19,6 %, а 23,5 % считают, что изучать нужно по желанию (по выбору, факультативно, дифференцированно), выбрать интересную методику, чтобы увлечь детей.

Как и при прошлом опросе, основной причиной того, почему надо изучать бурятский язык, является: у бурят – потому что это родной / национальный язык. На втором месте (при опросе в 2000 году) стоял ответ «потому что он позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры, религии и т. д.», на третьем – «потому что его преподавали (преподают) в школе», «потому что он помогает в общении с друзьями, родственниками». У русских учащихся мотивация изучения бурятского языка изменилась: при опросе пятнадцатилетней давности на первом месте стоял ответ «потому что его преподавали (преподают) в

школе», теперь большинство ответило «потому что живем в Бурятии» (с вариациями ответов «чтобы быть полноценной частью общества республики», «чтобы уверенно чувствовать себя в любой компании», «чтобы общаться на селе»). Причина «живем в Бурятии» актуальна сегодня и для 20,3 % бурят, для 13 % бурятский язык нужен, «чтобы язык не вымер», «для поддержания своей культуры, традиций», а также «для общего развития» (3,6 %). При последнем опросе основным мотивом, высказанным против изучения бурятского языка в школе (как русскими, так и учащимися-бурятами), является то, что он «не пригодится в жизни». Для русских учащихся и студентов нежелание учить бурятский язык мотивируется в первую очередь национальной принадлежностью; как высказались два информанта, «русский все равно не будет разговаривать на бурятском языке».

То есть очевидно, что языковые приоритеты в системе образования постепенно меняются и находятся, в том числе, в зависимости от языковой политики, проводимой в регионе.

Другой обострившейся в последние годы проблемой является проблема лингвоэтнической консолидации. А именно она касается проблемы литературной формы языка, которая время от времени дискутируется национально-культурной общественностью и, соответственно, возникает необходимость фундаментального рассмотрения и решения современных проблем бурятского литературного языка.

Об актуализации интереса к литературному бурятскому языку, проблеме его единства в последнее время, в частности, говорит появление газеты «Нютагай хэлэн/диалекты», которая, как отмечают киоскеры, расходуется «как горячие пирожки». В газете публикуются разнообразные материалы (поздравления, песни, стихи, жизненные истории, кухонные рецепты, объявления, воспоминания и др.), представленные носителями разных диалектов и говоров бурятского языка.

Далее, эта тема неоднократно официально поднималась на заседаниях комиссии при Правительстве РБ по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», на которых выдвигались пожелания о создании отдельных грамматик для некоторых диалектов и говоров. Рядом общественных и религиозных деятелей обостряются дискуссии относительно диалектной основы бурятского языка. Кроме того, можно отметить, что начавшееся в 2016 году вещание на канале «Буряад радио FM» ведется при поддержке Буддийской Сангхи России на пяти бурятских диалектах.

Общеизвестно, что проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. Поэтому, судя по приведенным фактам, пока можно констатировать, что достаточ-

но сильная диалектная дифференциация бурятского языка поддерживается доминирующими идеями дезинтеграции, изоляционизма. А единое самосознание и самоназвание носителей языка пока не способствует функционированию объединяющей идиомы «бурятский литературный язык».

Причиной сложности решения проблем национально-языкового развития, помимо многодиалектности языка, является относительно слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка. Как и для многих малых языков России, проблема бурятского литературного языка является, во-первых, этносоциальной, связанной с длительным отсутствием соответствующей языковой политики по поддержке литературного языка, его норм в различных сферах, во-вторых, этнопсихологической, связанной с престижем, авторитетом принятой нормы. В последнее время проблема единства к тому же осложняется сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке), а также все более развивающимся билингвизмом носителей языка

К внутрilingвистическим, в частности, относится проблема заимствования. В последние годы заимствования и калькирования терминов в родственных монгольских языках проходят стихийно и по-разному. Помимо графических отличий, возникает ненужное разнообразие терминов, наименований и других элементов лексико-семантической системы. Так, в последние годы в связи с отменой визового режима с Монголией наблюдается существенное увеличение потока монгольских туристов. Соответственно, во многих торговых точках стихийно стали появляться соответствующие надписи и указатели на монгольском языке, которые не всегда являются корректными. В целом же можно сказать, что наблюдающиеся в последнее время попытки использования монгольских слов и в бурятском литературном языке пока успеха не имеют, что связано со значительными языковыми расхождениями, отсутствием достаточных речевых контактов, а также современной практики заимствования монголизмов.

Как показывает история, становление литературного языка – процесс длительный, и на данном этапе в бурятоведении помимо проблемы становления литературных норм нужно ставить задачу сохранения диалектов. Сохранятся диалекты – сохранится язык, поскольку носители диалектов пользуются родным языком в семье чаще, чем носители литературного варианта. Так как характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с русским языком, такая деятельность должна быть постоянной. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс, оптимальное сочетание

норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, бурятского, русского, монгольского литературных языков.

Таким образом, перед языковедами Бурятии в данном аспекте стоят различные задачи, которые включают проблемы дальнейшей научной разработки вопросов литературного бурятского языка, теории и практики его нормализации, изучения особенностей разнообразных форм двуязычия, функционирования и взаимодействия языков, диалектов, социолектов, региолектов и т. д., анализ социолингвистических корреляций в различных частях этнической Бурятии, факторов, влияющих на переключение с одного языкового кода на другой и др. И здесь можно отметить, что в последние годы активнее стали рассматриваться такие субъективные (или сентиментальные) параметры, как эмоции, чувства, оценка, настроения, интенции и т. д. Очевидно, что это связано с тем, что язык относится именно к тем явлениям, которые затрагивают самое сокровенное, подсознательное любого человека, и именно тот факт, что дискуссии и дебаты по данной проблеме не утихают, говорит о том, что она лежит в области очень важного для каждой личности, для народа.

Библиографический список

1. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ, 2002. 189 с.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. Т. 4 в 3 кн. М.: Статистика России, 2012.
3. Хилханова Э. В., Дырхеева Г. А., Любимова Л. М., Сундуева Д. Б. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов Востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М., 2016. 174 с.

© Дырхеева Г. А., 2018

УДК 81.27

М. В. Бавуу-Сюрюн

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ*

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация, в которой функционируют современные зарубежные диалекты тувинского языка, дается оценка состояния их витальности. Особое внимание уделено определению статуса зарубежных идиомов по отношению друг к другу и к литературному языку, что достаточно проблематично в отсутствие письменности на родном языке.

Ключевые слова: тувинский язык, зарубежные диалекты, социолингвистическая ситуация, этническая ассимиляция, языковая ассимиляция, бесписьменный идиом, полилингвизм.

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта 34.3876.2017/ПЧ

Социолингвистическая ситуация основной территории распространения тувинского языка – Республика Тыва – была объектом обстоятельных исследований В. А. Аврорина в 70-е годы прошлого столетия [1], а современное состояние – в работе Т. Г. Боргояковой [6]. А что касается зарубежных территорий распространения тувинского языка, то они ещё не были предметом обстоятельного системного исследования. В первую очередь это касается территорий Северо-Западной Монголии и Китая.

Уникальный языковой ландшафт отрогов Алтая до недавнего времени был закрыт для тюркологов России. На восточных (монгольская сторона) и западных склонах (китайская сторона) Алтая проживают на значительном расстоянии друг от друга небольшие по численности группы этнических тувинцев, которые в силу исторических обстоятельств в течение длительного времени были разобщены и не имели контактов между собой.

По данным историков, алтайские тувинцы оказались оторванными от основного этноса со времен переселения монгольского племени *дербет* [10, с. 307]. Лишь небольшая группа тувинцев нынешнего рода *оорцок* (ооржак – в Центральной Туве), выходцы из Центральной Тувы, были переселены туда в начале XVIII века. Сами информанты из числа тувинцев Китая называют точное место на территории современной Тувы – Ак-Довурак, откуда пришли их предки. Там до сих пор проживает в основном родо-племенная группа *ооржак*.

В этом отношении вызывает интерес работа В. Я. Бутанаева, где он дает интересные наблюдения о присоединении Хонгорая (Хакасии) к России. Оно официально завершено в 1727 г. Кяхтинским миром и связано с трагическими страницами в жизни хакасского народа. Енисейские кыргызы, как в XVIII в. называли хакасов в русских документах, были частично переселены за Алтай и оказались рассеянными по громадным просторам Центральной Азии – от Калмыкии на западе до Маньчжурии на востоке. В 1703 г. Джунгарский контайша Цэван-Рабдан (годы правления 1699–1727), учитывая осложнившуюся политическую обстановку в Центральной Азии и опасаясь военной угрозы со стороны Китая и России, решил военной силой переселить к своей ставке по р. Эмель-гол nomadов Южной Сибири – кыргызов Хонгорая, телеутов Северного Алтая и мингатов из Тувы. Было угнано от 70 % до 80 % всего населения долины Среднего Енисея [7, с. 13–15].

Таким образом, исторические источники и сведения информантов позволяют считать временем отделения алтайских тувинцев от основного этноса начало XVIII века как минимум.

Не всегда однозначно решение вопроса о статусе языка этих маргинальных групп тувинцев. Так, В. И. Рассадин считал, например, язык тувинцев Цагаан-Нура отдельным уйгур-цаатанским языком саяно-алтайской группы наряду с тофаларским, сойотским, уйгуро-

урянской [12, с. 134]. Э. Рагагин на основе своих исследований пришла к мнению, что эта группа говорит на диалекте тувинского языка [21], с чем соглашаемся и мы.

Вопрос о соотношении языка и диалекта в языкознании изучается давно. В каждом случае его решают исходя из конкретной ситуации. Непросто решаются вопросы о признании статуса языков тех этнических групп, которые проживают за пределами территорий основного этноса. Они усугубляются интенсивными контактами близкородственных языков. Так, сложен вопрос о признании статуса идиом татар, живущих в Башкирии, и наоборот, о языке башкир, живущих вне пределов территории основного этноса [3], сибирских татар [15].

Аналогичный вопрос об определении статуса языка норильских долган, которые проживают вне пределов территории распространения якутского языка, был объектом внимания якутских языковедов. Об этом очень подробно написано в работе М. С. Воронкина, где автор назвал его своеобразным диалектом якутского языка [8, с. 160–166].

В нашем случае решение вопроса об определении статуса бесписьменного идиома, носители которого живут изолированно небольшими группами, обоснованно предлагается в статье Д. И. Эдельман «К проблеме ‘язык или диалект’ в условиях отсутствия письменности» [18]. Во время наших экспедиций мы говорили с носителями диалектной речи о возможности признания их идиома как отдельного языка, отличного от тувинского литературного языка, распространенного на территории Республики Тыва. Свои доводы мы обосновывали тем, что многие дети уже не владеют родным тувинским языком, что довольно часто переспрашиваем друг друга, уточняем значения слов, иногда плохо понимаем друг друга, т. е. указывали на значительную разницу между их идиомом и литературным языком. Чаще всего у носителя диалектной речи данный вопрос вызывал крайне неодобрительную реакцию, которая ярче всего выражала недовольство и недоумение. В сознании носителей всех зарубежных диалектов тувинского языка очень прочно усвоен тот факт, что они являются по крови тувинцами. И все считают тувинский язык Тандытыва (распространенный на территории Республики Тыва) старшим, основным, а все остальные зарубежные идиомы – его частью.

В качестве подтверждения целостности своего народа тувинцы Монголии и Китая говорят *сөөгүвүстүң сыны болган, ханывыстың чамдыы болган төрөл чонувус* – букв. ‘наш народ, который есть осколок кости нашей, часть крови нашей’, что соответствует фразеологизму в русском языке «кровь от крови, плоть от плоти (кость от кости)». Все в один голос утверждают, что они – тувинцы. Таким образом, этническое самосознание носителей зарубежных идиом тувинского языка также позволяет говорить о едином тувинском языке, распространенном на обширных территориях Центральной Азии.

При определении статуса зарубежных идиом мы обязательно принимали во внимание их самоназвание. Так, тувинцы сумона Цэнгэл называют себя *Сеңгил дыгъвазы*, сумона Буянт – *Коьнту дыгъвазы*, в центральном аймаке – *Селеңги дыгъвазы*. Можно также услышать объяснение, что есть *Аьлдай дыгъвазы*, *Таңны дыгъвазы*; в Цагаан-Нуре – *туха*, *дуьха*, *дыгъва*, *барыын тайга кишиси*, *Чөөн тайга кыьйиси*.

Тувинцы Китая в научной литературе известны под названиями *көкмончак*, *мончак*, *тувинцы Китая*, *тувинцы Синьцзяня*. Сами называют себя *тыгъва*, *аьлдай тыгъвасы*, или *көкмончак*, *моьнчак*, а свой язык – *тыгъважа*, или *моьнчакша*.

Первые сведения о численности кокмончаков, об их языке можно увидеть в работах Э. Р. Тенишева [2006], Л. Ю. Доржу, Ш. Ч. Сата [13], работе М. В. Монгуш [11]. В работе ученого-этнографа Намкямидаг из Китая указывается, что тувинцев в Китае насчитывается свыше 2500 человек. Во время публичной лекции в Тувинском госуниверситете профессор Намкямидаг подтвердила свои сведения о сокращении тувинского населения алтайского Китая в силу разных причин.

Сами тувинцы также затрудняются ответить на данный вопрос, дают самые разнообразные ответы. Сведения о численности тувинцев, живущих в китайском Алтае, затруднены целым рядом причин: ассимилированием родного тувинского языка под влиянием близкородственного казахского языка, увеличением количества смешанных браков и т. п.

Тем не менее, благодаря данным информаторов нам удалось установить и подтвердить цифру 2500 по численности тувинцев Китая на сегодня (по монгольским кочевым традициям, подсчет количества населения ведется по домохозяйствам, где в среднем насчитывают 5 человек). Они распределены следующим образом: в селении Көк-Догай – 60 домохозяйств (280 человек), в Хоме – 170 домохозяйств (640 человек), в Ханасе – 130 домохозяйств (400 человек), Ак-Хаба – 70–80 домохозяйств (300 человек), Алагаак – 80 домохозяйств (400 человек), Шунгур – 20 домохозяйств (100 человек), Чежежек – 10 домохозяйств (50 человек), Чиңгил – 3 домохозяйства (20 человек), по 20 домохозяйств (по 100 человек) в г. Буурчин и Алтай.

Родной (тувинский) язык мончаков остается языком семейно-бытового общения, так как обучение в школе ведется на монгольском языке с использованием старомонгольского письма. Сохраняется богатое устное народное творчество: многие песни, записанные участниками данного проекта в Китае, оказались аналогичными образцам фольклора тувинцев Северо-Западной и Центральной Монголии [16; 2], где так же компактно, небольшими группами проживают этнические тувинцы.

С получением сведений по языку тувинцев Китая у нас появилась возможность обнаружить данные по тому недостающему звену, отсутст-

вие которого не позволяло выстроить систему зарубежных диалектов и говоров тувинского языка.

Современные тувинцы Китая считают себя потомками тех, кто жил на территории китайского Алтая еще до Джунгарского ханства. Китайский исследователь Намкимядаг пишет, что тувинцы населяют нынешнюю территорию своего проживания не менее 270 лет [19]. Алтайские тувинцы оказались оторванными от основного этноса со времен переселения дербетов, поэтому время провозглашения Джунгарского государства можно считать временем начала формирования этого диалекта тувинского языка. Однако многие информанты говорят, что китайские тувинцы переселились на западные отроги Алтайского нагорья еще во времена Чингисхана, в составе его войск, и, наверное, поэтому они свято чтят его имя, а его портреты висят на самых почетных местах в домах тувинцев.

В начале XX в. ослабление позиций государственной власти в Туве, России, Китае, Монголии под влиянием известных революционных событий, а затем гражданская война между казаками и джунгарами в 1930-е годы вынудили часть тувинцев, проживавших в китайском Алтае, бежать в Монголию и обосновать небольшую группу численностью около 2 тысяч человек в сумоне Буянт и г. Ховд Кобдоского аймака Монголии. У оставшейся части тувинцев Китая судьба сложилась также по-разному. Казахи оттеснили тувинцев глубоко в необжитые таежные местности, близко к поселениям русских староверов, которые пришли в верховья Иртыша в поисках Беловодья, райского уголка на земле. Основной причиной местных вооруженных конфликтов было стремление захвата земель, принадлежавших тувинцам китайского Алтая. Оставшихся тувинцев из Хом, Ханаса вынудили переехать зимой южнее на 250 километров в Кызыл-Өек, затем в 1970-е годы разрешили вернуться обратно по решению китайских властей.

Наши экспедиционные материалы также показывают присутствие алтайского этнического элемента в составе современных родоплеменных групп тувинцев России, Китая и Монголии. По словам информантов из сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии, в 1920–1930-х гг. небольшая группа делег переселилась в китайский Алтай (Ханас) и на территорию сумона Цэнгэл в поисках свободных от чумы мест. Родоплеменная группа алтайцев называлась *чаьгат* // *шагат*, которая делилась на *кара чаьгат* и *ак чаьгат*. В настоящее время *делеглер*, живущие в Монголии и Китае среди тувинцев, родным языком признают тувинский язык, а свою родоплеменную группу называют *делег* и считают, что эта группа входит в состав родоплеменных групп *адай-делег*, *адай-иргит*, *адай-монгол*. О том, что в составе тувинцев Китая ассимилировалась алтайская родоплеменная группа (или группы), свидетельствуют также следы материальной культуры. Так, например, в селении Ак-Хава нами были обнаружены деревянные сооружения, называемые местными ту-

винцами *өг* 'юрта, дом, жилище'. По своей конструкции они полностью идентичны алтайским деревянным юртам *аил*: шестистенные или четырехстенные деревянные дома без окон, с конической крышей.

По словам информантов из Монгун-Тайгинского кожууна, факты миграции и затем ассимилирования алтайцев в составе западных родоплеменных групп Тувы салчак и иргит имели место в 1920-х и 1940-х гг.

Таким образом, в составе тувинцев Китая и Цэнгэла Монголии, Монгун-Тайгинского кожууна Тувы растворились малочисленные алтайские родоплеменные группы. Они переселились двумя волнами, в настоящее время ассимилировались в среде, этнически близкой по хозяйственной деятельности, по культуре, стали тувиноязычными.

С началом промышленного освоения северо-востока Монголии в 60–70-е годы прошлого столетия цэнгэльские тувинцы (сперва – представители молодежи, потом семьи) начали мигрировать на восток. Образовалась небольшая диаспора около города Дархан в сумонах Орхон и Зуун-Бурен (около 100 хозяйств) и в самом Дархане (около 20 хозяйств). В сумоне Орхон около 50 семей занимаются овощеводством. Кочевые скотоводы из Цэнгэла в основном переселяются в сумон Зуун-Бурен, перегоня свой скот на 1800 километров. Летом этот нелегкий путь они преодолевают за 2–2,5 месяца. В настоящее время, хотя и не таким мощным потоком, но все же продолжается миграция тувинцев из Цэнгэла в более промышленно развитые аймаки Монголии. Также в 60-е годы для работы на угольных разработках в сумон Заамар Центрального аймака переехало несколько семей из Цэнгэла. В настоящее время их насчитывается около 1 000 человек. Все переселенцы себя называют селенгинскими тувинцами. Степень сохранности родного языка у этой группы тувинцев очень низкая. Только взрослые между собой общаются на родном языке – цэнгэльском говоре. У всех переселенцев дети уже не говорят на родном языке, переходу на монгольский язык способствуют смешанные браки, обучение в школе на монгольском языке.

Коренные жители сумона Цэнгэл ведут определенную работу по сохранению родного языка: в селе функционируют три школы – начальная с тувинским языком обучения, полная средняя и духовная с монгольским и казахским языками обучения. В 2007 г. Комитет тувинцев Цэнгэла обратился к Председателю Правительства РТ Ш. В. Кара-оолу с просьбой создать учебники для Цэнгэльской начальной школы Баян-Ульгийского аймака Монголии. Школа была открыта в 1991 г. Два учителя закончили педагогический колледж в Туве, учителя временами проходят курсы повышения квалификации в Кызыле, Минобразования Республики Тыва помогло обеспечить школы учебниками на тувинском языке. Однако проверка знаний учащихся показала неутешительные результаты. Ошибок в организации учебного процесса было много, но самой главной ошибкой было то, что не были учтены

особенности алтайского диалекта. За это время был исследован язык цэнгэльский тувинцев. Работы Х. Гансук [9], Б. Баярсайхана [4], У. Цэцэгдарь [17] стали той теоретической базой, на основе которой началось создание оригинальных учебников по тувинскому языку с учетом диалектных особенностей. Поэтому в 2012 г. была начата работа в русле транснационального проекта по созданию и выпуску учебников тувинского языка для Цэнгэльской начальной школы Баян-Улэгэйского аймака Монголии. В настоящее время созданы оригинальные учебники с 1-го по 4-й класс, программа по тувинскому языку для начальной школы, продукция выпускается на средства ЮНЕСКО, работу организует Институт образования Минобразования Монголии. Выходят на тувинском языке новости продолжительностью 10 минут на втором канале Монголии. Способствуют сохранению родного языка хотя и редкие, но печатные издания самих цэнгэльских тувинцев. Немаловажным фактором выступает дистанцирование от казахов на религиозной почве как в Монголии, так и в Китае. Тем не менее заметно интенсивное ассимилирующее воздействие близкородственного казахского языка, языка большинства, на тувинский язык жителей Цэнгэла и Китая.

Несколько другая ситуация у носителей цагаан-нурского диалекта. В сумоне Цагаан-Нур Хубсугульского аймака Монголии смешались беженцы, оленеводы из Кунгуртуга и Тоджи, кочевавшие в исконно родных местах. Первоначально они образовали сумон Улаан-Уул, а в 1980-е годы откочевали во вновь образованный сумон Цагаан-Нур (Ак-Хөл), на 90 км севернее, ближе к оленным пастбищам. Кочевые оленеводы известны под именами тувинцы, цаатаны, уйгур-цаатаны.

Семьи оленеводов либо бежали в 1940–1950-е гг. по разным причинам из Тувы, либо не переставали вести кочевой образ жизни в таежной глуши, труднодоступных местах Восточных Саян. Лишь с 1950-х годов они признали себя гражданами Монголии в соответствии с соглашением между СССР и Монголией о признании прав кочевников-олeneводоВ Восточных Саян, кочующих в пограничной зоне. Называют себя *дуьха*, *туьха*. Выходцы из Кунгуртуга называют себя *туха*. Основные родоплеменные группы, зафиксированные нами, – *балыкшы*, *чооду*, *урат*, *хөйүк*. Это в основном оленеводы, лишь пять информантов из 20, с которыми мы общались, занимались до недавнего времени другим видом деятельности (работали рыбаками в артели).

По данным 2014 г., составленным администрацией сумона Цагаан-Нур, тувинцы составляют 35 % населения сумона, в абсолютных цифрах – 587 чел., из них оленеводами считаются 286 человек, или 17 % от общего числа, остальные 8 % – животноводы, 10 % живут в сумонном центре. В тайге кочевой образ жизни ведут 64 семьи. В сумоне среди оленеводов преобладают следующие родоплеменные группы: *балыкшы*, *соян*, *урат*, *чооду*, *ак-куулар*, *кызыл-куулар*.

Данные по этническому составу Хубсугульского аймака свидетельствуют о том, что наиболее многочисленными группами являются халхамонголы – 78 381 чел., дархады – 17 714, хотогойдцы – 13 082, урианхайцы – 3 211, цаатаны – 244 чел., тувинцы – 191, буряты – 1039, представители остальных свыше 20 родоплеменных групп – меньше ста. Всего население аймака – 114 331 чел. [20, с. 49–52].

Небольшая группа энтузиастов пытается сохранить родной язык цаатанов. Был организован совместный американо-российско-монгольский проект «Цаатаны – возрождение культуры и языка». По его результатам был создан документальный фильм. С американской стороны финансирование проекта было осуществлено фирмой «Сантиспродакшн»; с российской стороны – ТувГУ, с монгольской стороны принимали участие Министерство науки и образования Монголии, Институт образования. Был организован летний лагерь в двух летних стойбищах с целью социализации детей оленеводов, обучения их родному тувинскому языку, возрождения их родной культуры. Консультантом по учебной деятельности выступила М. В. Бавуу-Сюрюн. Учебники по тувинскому языку для начальной школы Цэнгэла также передаются для желающих выучить родной тувинский язык в Цагаан-Нур, Кобдо, Селенгу. Тем не менее, диалект остается в критическом состоянии.

Уйгур-урианхайский язык не является объектом нашего исследования. Тем не менее язык, находящийся в критическом состоянии, нуждается в документировании, он близок к тере-хольскому диалекту тувинского языка и поэтому его материалы крайне важны для сопоставительных и сравнительно-исторических исследований. Носителями уйгур-урианхайского языка являются урианхайцы, проживающие в двух сумонах – Цагаан-Уур и Чандмань-Ондер – Хубсугульского аймака. Родной язык они называют *туха дыл*, самоназвание их – *урианхай*. Уйгурами их называют монголы, поэтому их язык в научной литературе известен под названием уйгур-урианхайский [5]. Всего урианхайцев в аймаке 3211, основным местом их проживания является сумон Цагаан-Уур, где живут около 1500 урианхайцев, из них всего около 20 человек знают свой родной язык, причем это люди в возрасте старше 60 лет. Совершенно очевидно, что идиом находится в критическом состоянии.

Надо отметить, что тувинцы Цэнгэла и Китая, кроме своего родного языка, владеют монгольским и казахским языками; у остальных тувинцев Монголии – тувинско-монгольский билингвизм.

Как видно из вышеизложенного материала, условия функционирования диалектов и говоров тувинского языка на территориях их распространения существенно менялись за последнее столетие. На их современное состояние значительно повлияли социально-экономические, политические преобразования в жизни народа-носителя на территории трех

государств. И то, что все местные разновидности тувинского языка нуждаются в поддержке и сохранении, не подлежит сомнению. В этом отношении создание диалектного корпуса как хранилища этнолингвистического материала становится актуальной задачей.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете «социоллингвистика»). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 275 с.
2. Бавуу-Сюрюн М. В. Социоллингвистические заметки о тувинцах Китая // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. URL: http://www.tuva.asia/iournal/issue_9/3028-bavuu-svurvun.html (дата обращения: 24.03.2018 г.).
3. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. 2-е изд., стереотип. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.
4. Баярсайхан Б. Лексика животноводства в речи тувинцев Цэнгэла: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 190 с.
5. Болд Л. Особенности уйгуро-уряньхайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978. 18 с.
6. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
7. Бутанаев В. Я. Хакасы из провинции Хэйлуцзян. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2006. 84 с.
8. Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристики. Новосибирск: Наука, 1999. 197 с.
9. Гансух Х. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 192 с.
10. История Тувы: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. И. Ванштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 367 с.
11. Монгуш М. В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака, 2010. 250 с.
12. Рассадин В. И. Тюркологические исследования: избранное. Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. 215 с.
13. Сат Ш. Ч., Доржу Л. Ю. Изучение тувинского языка в Китае // Сов.тюркология. Баку, 1989. № 5. С. 93–96.
14. Тенишев Э. Р. Тувинское племя кёкмунчак из Синьцзяна // Избранные труды. Книга вторая. Уфа: Гилем, 2006. С. 186–189.
15. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1977. 294 с.
16. Цэцэгдарь У., Бавуу-Сюрюн Б. А. Кыдат тываларының аас чогаалының үлгерлери // Эртем бижиктери: ТКУ-нун тыва болгаш ниити дыл эртемнеринин кафедразынын чыл чыындызы. IV үндүрүлгези. Кызыл: ТывКУ, 2010. С. 50–54.
17. Цэцэгдарь У. Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.
18. Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 127–147.
19. Намкимядаг. Шинжааны Тувачуудын тухай. Хох хот., 2007. 221 с.
20. Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тоологосн нэгдсэн дун. Хевсгел аймак. Мерен, 2012.
21. Elisabetta Ragagnin. Dukhan, a TurKic Variety of Nothern Mongolia. Description and Analysis. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2011. 290 p.

© Бавуу-Сюрюн М. В., 2018

ПРЕДПОСЫЛКИ СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ И ИНДИГЕННЫХ ЯЗЫКОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье приводятся соображения в пользу сохранения традиционного этнолингвистического многообразия в пределах полиэтнических административно-территориальных формаций; раскрываются особенности осуществления статусной языковой политики, направленной на ревитализацию миноритарных идиомов за счёт увеличения их коммуникативной мощности в условиях отдельных языковых ситуаций.

Ключевые слова: *миноритарные (индигенные) языки, коммуникативная мощность, сферы использования языка, престиж, языковая политика, ревитализация, билингвизм.*

Существование полиэтнических государств, скреплённых рамками административно-территориальных формаций и коммуникативных макросред, недвусмысленно ставит во главу любых лингвополитических преобразований необходимость функционирования общего (государственного) языка на всей территории указанных формаций. Так как первичной социальной функцией языка выступает интегративная, т. е. скрепляющая [5, с. 22–23], то задачей такого (государственного) языка-макропосредника надрегionalного уровня будет обеспечение сохранения общей коммуникативной среды в пределах формации, если имеется смысл сохранения таковой. Наличие общего (государственного) языка, беспрецедентным примером чего можно считать сегодняшнюю языковую ситуацию в Российской Федерации с общим русским языком, обеспечивающим коммуникативное взаимодействие граждан и гостей государства от Находки до Калининграда на территории почти 17 млн км², выводит указанный язык в статус первого обязательного (общего) в любых микро-средах, существующих в пределах указанной административно-территориальной формации. Русский язык выступает языком осуществления официального документооборота, языком образования, производства, науки, юриспруденции, социального взаимодействия и т. д., что порождает непреодолимый престиж государственного языка перед местными (миноритарными) языковыми разновидностями. Вторым общим может быть иностранный металект (международный английский), распространённый в качестве средства общения на территории с большим коммуникативным охватом – для поддержания глобальной языковой среды. Но если существование языка вне среды обесмыслено, то преодоление языком её границ автоматически наделяется атрибутом «престижный», понимаемым исключительно через популярность данной языковой формы за пределами её этнического происхождения. Безусловно, зачастую престиж – лишь производная доминантной, искусственной языковой

политики её законодательных субъектов, нацеленной на сохранение и укрепление позиций официальных литературных языков-макропосредников в современном политизированном мире. На фоне безоговорочного престижа государственного языка местные языки с коммуникативной мощностью, не превосходящей рамки этнических территорий распространения, машинально становятся «непрестижными». Молодёжь, желающая обеспечить себе стабильное будущее, делает выбор в пользу языков надрегионального и даже межнационального (межгосударственного) статуса, оставляя языковые «реликты» старшему поколению, выступающему зачастую единственным (базовым) носителем этнических языковых форм и народного фольклора (как функционально-жанровой палитры первых). Поэтому *главным принципом сохранения индигенных языковых форм должно быть расширение их коммуникативной мощности*, измеряемой количеством сфер использования того или иного языка [1, с. 617]. Однако, как правило, миноритарные языки, которые сегодня всё чаще фиксируются как рецессивные (инволюционирующие) языковые страты пожилых билингов, обслуживают лишь коммуникативные сферы «семья», «этнос», «обычаи и обряды», «(исконная) религия». У российских немцев, представленных сегодня зачастую лишь носителями фамилий, но не языков, к данному репертуару добавляются ещё сферы «война», «репрессии» и достаточно редко «лютеранство и Реформация».

Непрестижность миноритарных языковых форм в глазах молодёжи, растущей в условиях глобализации, всегда субъективирована статусной рамкой языков надрегионального или надгосударственного (надконтинентального) характера: пока есть престижные, будут и непрестижные языки. Престиж есть то качество функционирования отдельных языковых форм в социальном пространстве, которое порождено, с одной стороны, извечной человеческой необходимостью преодоления культурных (во многом искусственных) границ этносов и национальных образований, а с другой стороны, врождёнными инстинктами человека к ресурсной конкуренции в условиях постоянно действующего естественного отбора. Следовательно, с биологической точки зрения, престиж – это необходимое статусное условие существования языка, в то время как непрестижность равносильна миноритарности, индигенности и фактически инволюции, т. е. смерти языковой формы.

Несмотря на широкую прецедентную палитру, языковая смерть остаётся наименее изученным явлением в социолингвистике. Существуют две разновидности языковой смерти: первая (экстинкция) наступает автоматически со смертью последнего говорящего (гумбольдтианцы говорят в этом случае о потере отдельного мира в мировоззренческом многообразии); вторая (инволюция) предполагает прижизненный отказ пользовате-

ля от той или иной языковой формы в силу различных причин: непристижности последней, запретительного характера языковой политики в отношении оной, разрыва языкового континуума (так называемой языковой автаркии на примере немецких переселенческих говоров практически на всех континентах земного шара), устаревания и т. п.

Единственный известный способ избежать инволюции заключается в расширении коммуникативной мощности миноритарных языковых форм, которая, как упоминалось выше, измеряется незначительным количеством этнически скреплённых сфер их использования. Переводя данный вывод в ресурсную плоскость, можно констатировать *порог приблизительно в 3 500–4 000 лексических единиц, который не преодолевают языки со статусной рамкой «миноритарные»* [3, с. 114]. Их лексический строй является зеркальным отражением слабой коммуникативной мощности, фиксируемой в пределах исторически сложившихся сред распространения или их совокупностей. Обладая таким небольшим словарным фондом, безусловно, непросто конкурировать с эволюционными «макробионтами» литературных языков, легко преодолевающими миллионный порог, а также значительные отрезки диахронии, обозначаемые формациями или периодами [6].

Небезызвестно, что задачами языковой политики выступают изменение и сохранение регулируемых языковых форм. Несмотря на перспективность обеих задач, их фактология и логистика предельно различны. В первом случае лингвополитические меры будут нацелены на преобразование *корпусной* составляющей языка: купирование иноязычной инвазии, пуризм, ревитализацию отдельных (архаизированных) регистров и т. п. Во втором случае акцент будет делаться, как правило, на преобразовании *статусной* составляющей: на поднятии престижа, закреплении статуса языка в нормативных актах, создании учебников и т. п.

Очевидно, что главным доводом для сохранения миноритарных и индигенных языковых форм выступает *языковое многообразие как залог существования культурного (этнического) полиморфизма человеческой популяции*. С. В. Савельев так обосновывает преимущества полиморфизма: «На протяжении сотен тысяч лет эволюция человека была направлена на то, чтобы в определённых этносах приспособить мозги к определённым условиям жизни, к определённым традициям. Из поколения в поколение люди подбирались с заданными свойствами, которые востребованы на конкретной территории, в конкретной популяции. Эти популяционные особенности являются ключом к тем особенностям мозга, которые могут быть востребованы завтра или послезавтра. Уничтожение этносов приведёт к утрате уникальных механизмов отбора и, как следствие, гениальности той или иной популяции. Изменчивость – необходимое условие эволюции, а не единообразия» [4].

Так как «цементом» любых коммуникативных сред и зеркалом культуры выступает та или иная форма языка, основной упор при сохранении этнической самобытности, а с ней и церебрального полиморфизма, должен делаться именно на язык. Как отмечалось ранее, камнем преткновения на пути сохранения миноритарных форм языка выступает их слабая коммуникативная мощность в пределах отдельных административно-территориальных формаций на фоне более престижных языков надрегионального (государственного) характера – компонентов (экспонентов) языковых ситуаций. Проблема усугубляется тем, что основные, интересующие молодёжь сферы использования языка целиком заполнены языками надрегионального или международного характера – языками-макропосредниками: программы смартфонов и компьютеров не существуют, как правило, для языков эзотерической ниши; миноритарные языки содержат регистры, мало адаптированные для описания реалии современной жизни. Феномен безальтернативности изучения экзотерических (неместных) языков возникает лишь потому, что их лексический репертуар несравнимо разнообразнее и шире.

Таким образом, следует решать проблему через такой билингвизм, основанием для которого будет *сосуществование и взаимодополнение языков*. Контактующие языки при стихийных процессах вступают друг с другом в конкуренцию, задачей лингвистов различного профиля и политиков является обеспечение *мирного сосуществования языков с различным статусом на одной территории*. Языки должны не вытеснять, а дополнять, не конкурировать за сферы использования, а непринуждённо дублировать друг друга. Это означает, в частности, что для нужд молодёжи субъекты языковой политики должны перевести программы электронных устройств и аксессуаров на этнический язык, ведь пользователи не могут оперировать названиями, которых нет в обиходе, иначе окказиональное словотворчество будет автоматически осуществляться при использовании морфологического материала престижного языка (ср. неолоксикку русского языка XXI века: *стартан, блог(г)ер, дедлайн, форсайт* и т. п.). Следовательно, подготовка дублирующих регистров на языке меньшинств – целиком и полностью задача лингвистов, а не обычных пользователей языка.

На примере языков национальных меньшинств Российской Федерации становится очевидным отсутствие действенной модели языковой политики, направленной на развитие у подрастающего поколения сбалансированного двуязычия. Так как смысл существования любой разновидности человеческого языка заключается в возможности его внегенерационной передачи (репликации) следующему поколению (в отличие от репродукции генетической информации, передающейся потомству безусловно), репликацию следует поддерживать и делать беспрепятственной и

добровольной. Именно в данном поле возникает проблема, известная как индигенность, т. е. угроза существованию языка: идиом либо не может быть передан младшему поколению, либо не может быть принят или не принимается им по собственному желанию. Таким образом, *важнейшая задача субъектов языковой политики или её более крупной составляющей – культурной политики – видится в преодолении конфликта репликации языкового идиома в следующее поколение*. Во многом её решение зависит от того, насколько привлекательным будет для последующих поколений использование миноритарного (этнического) языка. Любой человеческий язык выполняет пять основных функций (не коммуникативную и когнитивную, как привыкли считать приверженцы конъюнктурных направлений постструктурализма – отнюдь!): 1) *средовую* (интегративную), связывающую всех пользователей языкового коллектива для решения внутрипопуляционных задач; 2) *поведенческую* (перформативную), позволяющую совершать поступки словами; 3) *номинативную* для обозначения объектов, процессов и явлений действительности по принципу К. Линнея «*Nomina si nescis perit et cognitio rerum*» («Забудется название – исчезнет и понимание природы вещей»); 4) *рецептивную*, связанную с узнаванием (распознаванием) языковых знаков и 5) *сигнификативную* (собственно знаковую) [3, с. 153–160]. Выполнение всех перечисленных функций должно быть обеспечено действующей моделью языковой политики, призванной стать *искусственной средой для репликации миноритарного компонента языковой ситуации в следующее поколение до тех пор, пока естественная способность репликации не будет восстановлена языком самостоятельно*.

В. Т. Клоков предлагает четыре уровня отправления лингвополитических мер: индивидуальный, групповой, административный и государственный [2, с. 14]. Все уровни должны быть пермиссивными (пропускными), т. е. ни на одном из них не должны создаваться препятствия для реализации актуальных задач языковой политики посредством имплементации лингвополитической модели сбалансированного двуязычия.

Итак, повышение коммуникативной мощности миноритарных (индигенных) языков возможно на начальном этапе в лоне разработанных для этих нужд моделей языковой политики. Стержневым моментом ревитализации выступает искусственное выравнивание коммуникативных мощностей разнопорядковых компонентов (экспонентов) языковых ситуаций через создание и репликацию дублирующих регистров. Самое пристальное внимание следует при этом уделять преемственности языковых преобразований в извечном конфликтном поле «старое vs. молодое», в котором происходят эволюция и инволюция языков.

Библиографический список

1. Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е репр. изд. / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.

2. Клоков В. Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. 130 с.
3. Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томск: Изд-во ТПУ, 2017. 214 с.
4. Савельев С. В. Самоубийство для человечества. URL: <https://www.facebook.com/econetvideo/videos/787593534771603/> (дата обращения: 26.02.2018).
5. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.
6. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. 2-е изд., испр. Москва: Эдиториал УРСС, 2004. 288 с.

© Кобенко Ю. В., 2018

УДК 81'272

Т. Г. Боргоякова

СУБЪЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрена результативность языковой политики и языкового планирования в Республике Хакасия через выявление и оценку деятельности основных субъектов официальной и неофициальной языковой политики, влияющих на статус и реальное функционирование двух государственных языков РХ; определены проблемы и возможные пути их решения.

Ключевые слова: хакасский язык, языковая политика, языковое планирование, языки коренных народов, билингвизм.

Важнейшей функцией языков народов РФ является самоидентификация, позволяющая «конструировать собственную, локальную идентичность», что составляет естественную и неотъемлемую черту любого многонационального государства [3, с. 10]. Принципы и гарантии поддержки языков коренных народов закреплены в документах ООН и в законодательстве демократических государств, включая РФ. При всей важности законодательных мер, часто декларативных, решающее значение имеют продуманные и действенные механизмы их выполнения или языковое планирование.

Мы рассмотрим результативность языковой политики в Республике Хакасия за последние 10 лет через выявление и оценку деятельности ее основных субъектов, к которым относятся: органы законодательной и исполнительной власти, представленные Верховным Советом (далее ВС) РХ и Правительством РХ, СМИ; научные центры и образовательные учреждения, общественные организации.

Содержание докладов представителей Правительства РХ на IV Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие

языков и культур коренных народов Сибири» в 2016 году позволяет сделать вывод об определенных позитивных результатах работы органов исполнительной власти республики по укреплению позиций хакасского языка как второго государственного языка РХ [6; 7], с учетом выводов по теории и практике развития языковой ситуации в Хакасии [2; 4].

Одним из важных изменений, внесенных ВС РХ в Закон о языках народов РХ в 2008 году, является отмена указания на создание условий для изучения хакасского языка как предмета только для детей коренной национальности, что открывает такие возможности и для детей других этнических групп. В результате к позитивным трендам в республике сегодня относится постепенное увеличение количества образовательных и воспитательных учреждений, в которых введено изучение хакасского языка в разных формах, с привлечением к таким занятиям детей других национальностей. Так, произошло увеличение охвата детей, изучающих хакасский язык, в столице республики с 390 дошкольников и 515 детей школьного возраста в 2011 г. до 866 (включая 92 % хакасских детей дошкольного возраста) и 2 708 (включая 48 % школьников-хакасов) в 2015 г., соответственно [5].

В этой связи вызывает сожаление длительное отсутствие современного учебно-методического обеспечения занятий по хакасскому языку для наиболее многочисленной категории детей – не владеющих или слабо владеющих хакасским языком. Создание соответствующих учебников для них является, несомненно, буквально «горящим» требованием времени. Ведь отсутствие качественной поддержки занятий учебными пособиями и технологиями подрывает наметившийся интерес к изучению языка коренного этноса, а вернуть его будет чрезвычайно сложно. Кстати, введение законности использования хакасского языка при переводе и дублировании кино- и видеопродукции дает возможности для более активной работы по созданию и дублированию учебных и детских видео- и мультфильмов, важных для повышения эффективности как обучения на родном языке, так и его изучения детьми с разным уровнем владения хакасским языком [1].

Что касается издания учебников хакасского языка и литературы, предназначенных для детей, владеющих родным языком, то здесь успехи несомненны и заслуживают всяческого поощрения. Обучающиеся общеобразовательных организаций Республики Хакасия с 1 по 11 классы обеспечены бесплатными учебниками на хакасском языке, включенными в соответствующий федеральный перечень учебников [6].

Следует также отметить позитивные изменения, связанные с:

- подготовкой и поддержкой педагогических кадров, которые включают: а) доплату в размере 15% к базовому должностному окладу педагогическим работникам школ и дошкольных образовательных органи-

- заций, обучающим хакасскому языку; б) ежемесячную доплату в размере 2000 рублей к стипендии с 1 января 2013 г. 31 студенту ХГУ им. Н. Ф. Катанова, обучающемуся по направлению бакалавриата «Педагогическое образование» с профилем, связанным с изучением хакасского языка и литературы;
- появлением новых форм республиканских мероприятий на хакасском языке, включая фестиваль «Ине тілі», конкурсы «Юный тахпахчи», «Ада сѳс» и др.

Необходимо отметить и структурные преобразования в Минобрнауки РХ с выделением отдела, курирующего вопросы национального образования, а также назначением лиц, владеющих хакасским языком, на ведущие должности в аппарате данного министерства.

К инновационным формам работы в осуществлении языковой политики относится деятельность Рабочей группы по сохранению и развитию хакасского языка и культуры, развитию этнотуризма при Правительстве Республики Хакасия, которую возглавляет В. А. Крафт, заместитель Главы РХ. Личное участие в работе данной группы в последние 3 года позволяет мне отметить не только актуальность повестки дня заседаний (как правило, отчеты о проделанной работе министерств и муниципалитетов), но и результативность выполнения принятых решений. Это касается, например, увеличения количества билингвальных вывесок, приветствий и объявлений на хакасском языке, включая визуальное приветствие и аудиоинформацию в аэропорту г. Абакана. Формат проведения заседаний позволяет представителям институтов гражданского общества, которые составляют 25 % состава, активно участвовать в обсуждении проблем, получая самое заинтересованное внимание и оперативные ответы от руководителя группы, который здесь же дает поручения соответствующим структурам.

Позитивные изменения произошли в деятельности республиканской газеты на хакасском языке «Хабар» под руководством главного редактора Р. Д. Сунчугашева, известного ученого в области хакасского языкознания. Среди них можно отметить более активное использование богатства образного потенциала хакасского языка, терминологических новаций с опорой на ресурсные возможности хакасского языка, наличие оценочных выводов в публикациях журналистов. Важным достижением также является появление электронной версии выпусков газеты в Интернете. Для повышения уровня популярности газеты среди читателей необходимо, на наш взгляд, стремиться к разумной минимизации констатирующих материалов, широко освещенных в русскоязычных СМИ, и повышению доли актуальных проблемных публикаций, посвященных решению острых проблем развития хакасского языка с учетом российского социолингвистического контекста.

В соответствии с последними редакциями Закона о языках народов РХ (Статья 18) в СМИ РХ, независимо от формы собственности, «используются русский, хакасский языки, а также иные языки народов, проживающих на территории Республики Хакасия». Данная норма традиционно выполняется филиалом ГТРК в РХ, предлагающей теле- и радиoproграммы на хакасском языке. Речь ведущих журналистов заслуживает высокой оценки и может служить моделью для изучающих хакасский язык. Появление программы на хакасском языке «Солбан» на республиканском ТВ (автор и ведущий – Ю. Челтыгмашев) – еще один маркер реальных изменений в языковом ландшафте СМИ республики. Анализ выполнения законодательства по использованию государственных языков РХ остальными СМИ – перспективное и актуальное направление для ученых, соответствующих органов власти и активистов заинтересованных общественных движений. Успешное сотрудничество СМИ г. Абакана с учеными ХГУ и, прежде всего, с И. Л. Кызласовой, позволило реализовать инновационный ТВ-проект «Хада», который был высоко оценен и на федеральном уровне. Но созданный позитивный имидж городского телевидения был существенно испорчен после скандальной ТВ передачи с призывами к эвтаназии хакасского языка и вынесением предупреждения прокуратуры их автору по итогам открытого обращения хакасской общественности к Главе и прокурору республики. Этот инцидент служит ярким подтверждением роли и ответственности СМИ как важного субъекта языковой политики.

Следующим субъектом языковой политики выступают научные и образовательные центры, в которых социолингвистическая проблематика относится к приоритетным направлениям научных исследований. В ХГУ им. Н. Ф. Катанова, начиная с 2005 года, реализуется многолетний научный проект «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири». В его рамках состоялись четыре международных научных конференции, несколько всероссийских и межрегиональных конференций и семинаров. В 7 сборниках материалов указанных научных форумов содержатся важные итоги как теоретического осмысления и оценки развития социолингвистических процессов с опорой на международный и российский опыт, так и практического опыта борьбы за остановку процессов языкового сдвига, накопленного всеми участниками планирования и реализации языковой политики в РХ и регионах Сибири. Успех данного долгосрочного проекта во многом определяется объединением усилий ученых, органов власти, СМИ и общественных объединений республики. Органы власти – это Министерство образования и науки РХ, Министерство национальной и территориальной политики, а также Министерство культуры РХ. Из органов муниципального управления постоянным партнером выступает администрация Аскизского района. Следуя сложившейся традиции, и в этом году там, на родине Н. Ф. Катанова, пройдет второй

день II Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири».

В 2005 году во время первой Международной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» мы создали объединение ученых «Abakan Action» (AA). Зарубежные участники этого объединения принимали участие и во многих последующих наших форумах, постоянно ссылаясь в своих выступлениях и публикациях на полученный в Хакасии опыт. Так, в своем приветственном видеобращении к нашей IV Международной конференции в 2016 году профессор Калифорнийского университета Тереза МакКарти (Teresa McCarty) процитировала слова Н. Ф. Катанова, которые она услышала в школе Аскизского района: «Прай ниме төреен уядаң пасталча...» (Все начинается с родного гнезда...). Они поразили ее своей мудростью. А мы были удивлены ее способности проникновения в смысловые глубины сказанных слов и с ее помощью заново «прочитали» слова нашего великого земляка.

Языковая политика бывает не только у государства, региона, но и у каждого отдельного учреждения и даже у каждой семьи и отдельного человека. Причем, в родном гнезде она оказывается самой эффективной. Если в семье ребенок получает бесценное наследство в виде родного языка, то он вырастает более сильным, с адаптивными и когнитивными преимуществами активного билингва и бикультурного человека. Прекрасные тому примеры – Н. Ф. Катанов и наш земляк физик-ядерщик, доктор физико-математических наук Сидор Капчигашев. Каждый из нас может найти такие примеры для мотивации детей и родителей, которые отказываются от родного языка ради иллюзорных прагматических выгод. Но если человеку не удалось получить родной язык в семье, то это не окончательный приговор. У Доналла О’Риагана (Donall O’Riagain), руководителя группы AA, который трижды посетил Хакасию и пока не может приехать снова по состоянию здоровья, родители, бабушки и дедушки не знали родного ирландского языка – он был запрещен английскими колонизаторами. Но Доналл решил прервать эту монолингвальную практику, выучил ирландский, будучи взрослым (для этого он переехал с семьей в район Дублина, в котором были соседи, говорящие на родном языке), и теперь в семье выросли дочери и растут внуки, говорящие на трех языках, включая ирландский. Ему не передали родной язык в семье, но передали мужество и силу духа своего народа, и это тоже капитал – достояние «родного гнезда».

Язык, который используется в семье и в частной жизни, не регулируется государством. Но государственная языковая политика оказывает сильнейшее влияние на выбор семейной языковой политики. В РФ произошла смена вектора государственной языковой политики в правильном направлении. Показательно, что впервые в Кремле в 2017 году на рабо-

чей встрече с Президентом РФ В. В. Путиным Глава республики В. М. Зимин доложил и о ходе работы по изучению «хакасского языка, родного языка, языка титульной нации»: «По каждому году у нас рост постоянно идёт, я считаю, это очень важный показатель». Мы долго и трудно шли к этому пониманию и формулированию важности родного языка для позитивной этнокультурной идентичности хакасов, для успеха межкультурного взаимодействия и психологического комфорта в нашей республике.

Следующий шаг – за другими субъектами языковой политики, включая семью. Мне кажется важным в этой связи активное участие в наших конференциях такого большого количества воспитателей и учителей, готовых поделиться наработанным опытом и инновациями в деле сохранения хакасского языка. Это обязательно окажет позитивное влияние и на восстановление и укрепление естественной передачи родного языка детям в семье при условии, что и СМИ, и муниципальные, и местные органы власти, и общественные объединения тоже смогут оказать эффективную поддержку. Ведь даже при благоприятной вертикальной (up-down) языковой политике необходимо встречное движение – снизу вверх (grass-root). Это движение включает индивидуальную, семейную и общественную языковую политику самого народа при активном взаимодействии со всеми уровнями официальной власти. У каждого из нас, справедливо отмечает Т. МакКарти, есть власть «создавать, сопротивляться и трансформировать языковую политику», поэтому человеческий фактор является центральным в языковой политике и языковом планировании [8, с. 36].

К общественным объединениям, активно способствующим решению проблем сохранения и развития хакасского языка, повышению его престижа, относятся республиканский Совет старейшин, республиканское движение «Ине тіл» (Родной язык) и Региональный тюркологический центр (РТЦ) РХ, объединяющий руководителей многих общественных организаций РХ и представителей государственных учреждений культуры, науки и образования. Заинтересованное обсуждение вопросов реального функционирования и изучения хакасского языка способствует осмыслению тенденций и проблем, выработке приоритетов дальнейшей работы по замедлению процессов языкового сдвига и усилению позиций хакасского языка в коммуникативном пространстве республики.

Несмотря на позитивные изменения в языковой политике и языковом планировании РХ, остается еще много нерешенных проблем, включая сокращение количества детей, полноценно владеющих хакасским языком, и отсутствие системы поддержки уровня языковой компетенции (активного, пассивного, нулевого) в образовательном и коммуникативном пространстве республики. Для закрепления и развития достигнутых

результатов и решения накопившихся проблем необходима разработка Государственной программы сохранения и развития языков Республики Хакасия, предусмотренной Законом о языках народов РХ. Это позволит создать концептуальную основу языковой политики, обозначить приоритеты и стратегии их достижения с участием всех субъектов языковой политики, включая постоянных участников наших научных форумов по сохранению и развитию языков коренных народов Сибири.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Социолингвистические аспекты функционирования тюркских языков Южной Сибири // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 42–48.
2. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
3. Головкин Е. В. Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 9–11.
4. Гусейнова А. В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014. 21 с.
5. Озерова Г. В. Создание условий для сохранения и развития хакасского языка в городе Абакане // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 74–78.
6. Сагалаков Ю. Г. Развитие этнокультурного образования в Республике Хакасия // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 28–31.
7. Тодышев Д. А. О мерах по сохранению и поддержке языков народов, проживающих в Республике Хакасия // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции (Абакан, 19–20 мая 2016 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 12–16.
8. McCarty T.L. Language Planning and Policy in Native America: History, Theory, Praxis. Multilingual Matters. 2013. 269 p.

© Боргоякова Т. Г., 2018

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81'27

Н. И. Иванова

«МЕСТА ПАМЯТИ»: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА САХА

Статья посвящена исследованию этноязыковой идентичности этнических саха в контексте гуманитарной географии. Отмечается, что носитель языка саха как «место коллективной памяти» репрезентирует неизменность его ядерной характеристики в меняющихся внешних условиях, факт двуязычия определяет значимость гражданской идентичности, несущественно снижая при этом первостепенность этноязыковой идентичности.

Ключевые слова: «место памяти», носитель языка, этноязыковая идентичность, уровень владения родным языком, языковые установки.

Проблематика памяти и идентичности переплетается с рядом социолингвистических задач и посвящена междисциплинарному исследованию основных характеристик этноязыковой идентичности носителя якутского языка, поставленного нами в различные пространственно-временные условия, с использованием социолингвистических (социолингвистическое анкетирование, интервью) и психолингвистических (направленный ассоциативный эксперимент) процедур в контексте гуманитарной географии, т. е. человек, носитель языка, рассматривается как «место памяти».

Исследование коллективной памяти нации, этноса с позиций культурной географии, российской гуманитарной географии [2], привлекает специалистов различных областей науки – историков, психологов, культурологов и т. д. – своим комплексным характером, разноплановостью объектов, спецификой темы, концепции и методологии. Ключевым понятием мифогеографии выбран палимпсест, или модель «Место как палимпсест» [4], который стал достаточно распространённой метафорой культурного ландшафта как многослойной (многозначной) структуры. Метафора палимпсеста отражает видение ландшафта как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох, т. е. используется как отражение истории ландшафта. Фритцеф Беньямин Шенк в Концепции «Lieuxdememoire» [3] отмечает как заглавную функцию мест памяти – сохранять память группы людей. «Местами памяти» могут стать люди,

события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться.

Территория Якутии является особым полиэтническим, полилингвальным пространством, на котором синтезируются духовные ценности различных культур. Условия активного якутско-русского билингвизма находят свое отражение во многих процессах, представляющих идентичность коренного населения. Этноязыковая идентичность, владение родным языком – на сегодняшний день основные показатели этнического самосознания народа саха, позволяющие выразить народу этнические функции и выработать этническое самосознание. Однако тенденции множественности идентичности, явления проблемной идентичности все чаще становятся фактом этноязыковой ситуации нашего региона [1]. В условиях унификации и стандартизации современного общества для жизнеспособности региональных языков, прежде всего, важна прямая этноязыковая идентичность и владение языком (не знание языка, а владение, как коммуникативная практика), как базовые ценности этноса. Незнание или лишь частичное знание родного языка ведет к изменению системы мышления человека, к утрате основы традиционного восприятия мира, заменяясь мозаичностью и фрагментарностью восприятия окружающей действительности.

Задача статьи – социопсихолингвистическая репрезентация этноязыковой идентичности саха, проживающих в г. Якутске, в пространственно-временной динамике.

В данной работе эмпирическую базу исследования составляют: выборка этнических саха г. Якутска в 307 респондентов из опроса «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)», проведенного в 2007–2008 гг., опроса «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска», проведенного в 2014 г. с охватом 467 респондентов – этнических саха. В качестве полевых материалов послужили также 23 интервью на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске», в котором в 2016 г. приняли участие 23 эксперта, среди которых ученые (языковеды, философы), преподаватели вузов, школ, журналисты и т. д. Материалом для анализа ассоциативных реакций послужили выборки реакций студенческой молодежи из проводившихся в разное время пилотных и массовых ассоциативных экспериментов. Анализу подверглись реакции 111 студентов-саха в 2008 г. и 126 студентов-саха в 2014 г.

Рассматривая социальную сущность, характер, особенности и формы урбаноязыковых интеракций внутри 4 различных социальных групп,

подразделенных по времени проживания в городе Якутске (при условии, что носитель языка рассматривается как «место памяти» и при этом житель села – как носитель этнических ценностей и, прежде всего, языка) удалось выявить, что важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения, и что эти значения могут меняться. Характеристика этноязыковой идентичности саха на материале особенностей языковой компетенции, анализе значимости родного языка в ее формировании, выявление динамических тенденций языковых установок носителей якутского языка в полиэтническом городском социуме, что представляется нам новым фактом в социолингвистическом изучении на региональном материале, отражает цикличность становления данного феномена, который можно подразделить на 3 этапа: I – начальный с установкой на русский язык, II – адаптационный с установкой на двуязычие, III – генерирующий, с установкой на воспроизводство этнических ценностей, который формируется после 10 лет проживания в городе.

В материалах экспертных интервью большинством специалистов отмечена значимость национально-русского (якутско-русского) двуязычия для формирования российской и региональной идентичности, но выражены весьма аргументированные в современных условиях опасения за этническую идентичность. Экспертами названо 26 сильных признаков якутской идентичности, среди которых выделяются: владение языком, национальное самосознание, преемственность в сохранении родного языка, хорошее владение родным и русским языками; и 17 слабых признаков, в т.ч. языковой нигилизм, атрофия языка, некоторый консерватизм в восприятии нового, слабое владение родным и русским языками. Открытость, толерантность, готовность к равноправному взаимодействию, взаимопониманию партнеров отмечаются одновременно как сильные и слабые стороны.

По результатам ассоциативного эксперимента можно сделать вывод, что у студентов-саха при сохранении позитивной этноязыковой идентичности актуализируется проблема снижения языковой компетенции, созвучная и для всего якутского сообщества. В целом, если связать витальность языка и реальную коммуникативную потребность языкового сообщества, для которого данный язык представляет необходимость и ценность, то подтверждаются высокие ресурсы его жизнеспособности.

В целом, прямая языковая идентичность свойственна для выходцев из села независимо от длительности их проживания в городе, также имеет место и незначительная доля двойственной идентичности – якутской и русской одновременно. Среди коренных горожан все три варианта идентичности имеют выражение, но преобладает прямая этноязыковая идентичность. В наших условиях исследования ответы отражают сильное влияние сельской этноязыковой среды, традиционного уклада жизни на

сохранение этнической идентичности. Также представлена ясная картина того, что двуязычная среда, неоднородная языковая среда начинают формировать более разнообразные варианты идентичности.

Продолжительность проживания в городе отражается на уровне владения якутским языком незначительно: так, на свободное владение якутским языком указали 90 % респондентов, переехавших в город 1–3 года тому назад; 92 % переехавших 4–10 лет тому назад и 89 %, проживающих в городе более 10 лет. Из числа коренных жителей города свободно владеют якутским языком 50 %. Безусловно, экстралингвистические условия, а именно рост коммуникативной и демографической мощности в г. Якутске, повлияли на данный показатель. Но 10 лет жизни в городе предопределяет мышление на обоих языках у 40,1 % горожан саха (на родном – у 58 %) и в основном двуязычное речевое поведение в различных сферах общения. И лишь в отношении воспроизводства якутского языка последующими поколениями наблюдается значительный перевес доли родного языка в ответах.

Ассоциативный эксперимент показал, что язык саха, родной для большинства испытуемых студентов, в данное время представляется сложным, трудным для изучения и использования, хотя 7 лет назад большинство реакций было представлено признаком *родной*, что отражало, в первую очередь, значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению. Этноидентифицирующий мотив (родной – 64) и положительная эстетическая оценка концепта (красивый – 47) также имеют достаточную значимость в репрезентации концепта и занимают по степени представленности вторую и третью позиции. Содержание концепта в коммуникативном сознании студентов-саха сместилось от базового культурного к прагматическому, утилитарному. Реакции отражают наличие в якутском сообществе серьезных проблем во владении якутским языком, о чем свидетельствуют ответы и более взрослых респондентов – старше 25 лет. Так, в эксперименте 2014 г. в их ответах преобладает этноидентифицирующий маркер (родной – 134), но на второй позиции обозначена степень сложности якутского языка для его современных носителей (сложный – 66, трудный – 39). И, наоборот, – в ядре концепта «русский язык» наряду с превосходными оценками присутствует реакция «легкий», отражающая его доступность, простоту, понятность для молодого билингва-саха, т. е. прагматическую составляющую. В 2008 г. установлено в целом идентичное отношение к родному и русскому языкам в коммуникативном сознании: при эксперименте, проводившемся в 2014 г., зафиксировано отсутствие в ядре сознания реакции *родной*, что отражает установление «дистанцированности».

У этнического саха, мигрировавшего из улуса, при относительном сохранении основных маркеров этничности (родной язык и владение им)

развиваются установки на двуязычие в других коммуникативных сферах. Потребность в воспроизводстве родного языка саха видят в реализации прав на обучение и воспитание на родном языке в дошкольных и школьных учреждениях. Все социальные группы уверены в двуязычной социализации успешных людей. И среднестатистический носитель языка, как «место памяти», в процессе урбанизации проходит через ряд непростых испытаний в условиях города, прежде чем восстановить или обрести вновь статус исконного носителя родного языка. В условиях массового активного якутско-русского двуязычия, установившегося в г. Якутске сегодня, в век электронных гаджетов, существует реальная опасность забвения родного языка. Поэтому, по мнению экспертов, сохранить и воспроизводить родной язык можно только при условии совершенствования владения им, дальнейшего повышения национального самосознания, и, видимо, пересмотре тактики и стратегии партнерских отношений в любого рода взаимодействиях.

В целом социолингвистическое содержание объекта – носителя якутского языка как места коллективной памяти, репрезентирует неизменность его ядерной характеристики в меняющихся внешних условиях. Социокультурная роль коллективной памяти заключается в том, что она является важным фактором сохранения этнической и региональной идентичности. Факт якутско-русского двуязычия определяет значимость российской/гражданской идентичности, несущественно снижая при этом простепенность этноязыковой идентичности.

Библиографический список

1. Иванова Н. И. Язык и этноязыковая идентичность якутов в г. Якутске: основные тенденции и динамика // Казанская наука. 2015. № 1. С.114–118.
2. Митин И. И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов-н/Д: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147–156.
3. Фритьеф Беньямин Шенк. Концепция «Lieuxdememoire». URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (дата обращения: 19.04.2016.)
4. Mitin I. Palimpsest // SAGE Encyclopedia of Geography / Ed. by B. Warf. ThousandOaks, CA: SAGE, 2010.

© Иванова Н. И., 2018

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ЭКОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

В статье содержатся размышления о связи языка с общей культурой этноса. Особо подчеркивается необходимость детального исследования тех сторон и явлений языка, которые в первую очередь подвержены изменению вследствие социального прогресса, развития традиционной культуры. Одно из направлений такого подхода, осуществляемого с позиций когнитивистики, рассматривается на материале хакасского языка.

Ключевые слова: язык и общество, развитие языков, экология языка, хакасский язык.

Культуру иногда понимают очень узко, как явления в надстройке, связанные с удовлетворением общественных запросов в сфере массового досуга. Такой взгляд в нашем случае, естественно, не подходит. С другой стороны, наше понимание не совпадает с тем, что принято понимать под культурой у археологов, хотя в каком-то смысле близко именно к этому. Археологи по реальным вещественным (материальным) следам также пытаются воссоздать комплексную картину той жизни, которой жило население определенного исторического района в определенный период времени. Единственное, что не устраивает в этой ситуации филолога, – нет обращения к языковой составляющей. В нашем случае, видимо, целесообразнее принять то понимание традиционной культуры, которого придерживаются многие сибирские антропологи и этнографы, и которое кратко и емко изложил в своих тезисах один из корифеев сибирской этнографической науки [1].

Дальнейшее изложение сути нашего подхода к избранной теме основывается на наблюдениях за жизнью современных хакасов. Конечно, нашей задачей является рассмотрение не всех составляющих культуры хакасов в конце XX – начале XXI веков, а только тех фрагментов, что прямо или косвенно соотносятся с языком.

Культура этноса представляет собой неразделимое единство материального и духовного. К материальной составляющей можно отнести производство, хозяйство, товарно-денежные отношения, сферы быта, семьи, культуры в узком смысле. Духовную сферу формируют мораль, нравственность, воспитание, религия, приобщение к народным обрядам. Эти отдельные составляющие реализуются в мотивации жизнедеятельности, в поведении каждого индивида. Важно также, что традиционная культура принадлежит людям с характерными этнографическими признаками, в том числе – владеющим своим родным языком. Что касается базиса жизни (бытия) коренного населения Хакасии – производственной деятельности составляющих его трудовых коллективов, с самого начала здесь все

определялось общим для населения Минусинской котловины типом хозяйствования – отгонным скотоводством (в сочетании с охотой). Наличие всех этих признаков: общих способов материального производства, антропологических черт и единого языка – является необходимым условием для полнокровной жизни этноса в качестве отдельной, самостоятельной субстанции (общности). Только в этом случае культура этноса аутентична, т. е. «равна самой себе».

Современное состояние исследований по проблеме «этнос и его язык» характеризуется сложностью определения базовых понятий: «этнос», «язык ~ диалект», «развитие этноса / языка». Если смотреть с высот современной политики, принимающей все более глобальный характер, когда решающее значение приобретают телодвижения держав и сверхдержав, более «мелкие» общности – народы, даже нации, видимо, действительно отходят на второй план. А если спуститься с этих высот? Тут мы увидим, что, к примеру, историки по-прежнему говорят о распространении и перемещениях, о социальной организации, о традициях и даже о генофонде народов (этносов).

Мы тоже хотели бы говорить о неактуальности, нерелевантности понятий «нация», «народность», «этнос», поскольку достаточно много ситуаций, когда, действительно, этническая принадлежность человека, если можно так сказать, неинтересна. Думаем, в том, что в паспорте гражданина Российской Федерации исчезла строка «национальность», есть определенный смысл. Однако нельзя сказать, что на прагматическом уровне, в сфере общения в больших человеческих сообществах понятие национальной принадлежности тоже исчезло. Лучше сказать по-другому: в огромном числе бытовых (и не бытовых) ситуаций, случаев сам индивидум к вопросу своей национальной принадлежности относится индифферентно.

Меняется жизнь хакасов и окружающая их действительность – меняется языковая картина мира хакасов – происходят изменения в языке. Поэтому целесообразно рассматривать языковые трансформации, происходящие на определенных уровнях, затрагивающие те или иные категории, единицы современного хакасского языка. Строго говоря, именно те, что тесно связаны с ментальностью этноса, с процессом познания окружающего мира и участвуют в создании хакасской языковой картины мира.

Язык, безусловно, является одним из решающих факторов идентификации национальной принадлежности индивида. Существенна и обратная связь: знание своего языка, владение им дает индивиду неисчерпаемые возможности в общении и в познании.

Язык и культура связаны естественным и необходимым образом, но не на любых участках языка – прямо и непосредственно. Если располагать все естественные языки в одной плоскости, сразу выяснится, что

любой из языков (в нашем случае – хакасский язык) не оказывается специфическим, единственным в своем роде: все языки распределяются по определенным типам. Но любую типологию, в конечном счете, строят все-таки сами лингвисты, такие классификации – искусственные с самого начала. Таксономии типологического характера легче всего строятся на основании сравнения структурных свойств естественных языков. Первые подобные классификации, появившиеся еще в XIX веке, были морфологические. И до сих пор морфологические признаки языков являются преобладающими для большинства лингвистов, занимающихся типологией.

В любом языке есть стороны, грани, явления, подтверждающие его (языка) связь с историей развития этноса. Возьмем для примера слова, которые в грамматических описаниях хакасского языка называются образоподражательными. Очевидно, что при создании звукоподражательных слов хакасский язык в большей мере ориентировался на явления окружающей действительности, наглядно демонстрируя участие в создании этого пласта лексики определенной стороны человеческого сознания. Процесс «складывания» образоподражательных слов был сложен: появление этих слов опосредовано уже существующими в сознании представлениями и образами. Этот процесс во многих случаях проходит и стадию сравнения. Другое дело, что оба сравниваемых понятия находятся в сфере обыденного сознания.

В материалах академической грамматики хакасского языка мы найдем упоминание о более 60 лексемах, возникших с опорой на образ, в числе которых, например, субараан ‘неряха; растрепа’, талтаңна- ‘ходить как ребенок, едва начинающий ходить’, чикчеңнӧс – обозначение ‘легкомысленно-кокетливой женщины’ [2, с. 142–144].

Таким образом, отдельные фрагменты лексики языка могут опираться как на обыденное, «повседневное» человеческое сознание, так и на виртуальное, одним из которых, как выясняется, является сакральное, мифологическое сознание. Как видим, и в хакасском языке достаточно отчетливо проявляется специфика формирования картины мира как мировоззренческого феномена, хотя, конечно, мы не можем относить культуру народа, говорящего на этом языке, к типу архаических культур.

В частности, в контексте сравнения языковых картин мира адекватным представляется вывод о том, что, к примеру, междометия, хотя и являются простыми по звуковому облику, отражают все же когнитивный потенциал данного языка. Даже небольшой ряд примеров ясно показывает, что и неродственные языки (русский и тувинский), и родственные (тувинский и хакасский) языки демонстрируют ощутимую разницу в произношении и смысловом наполнении «одних и тех же» междометий. Чисто графическое (т. е. без фонетической транскрипции) представление междометий, конечно, не дает полной и точной картины, но разница видна и в этом случае. Вот какие соответствия русским междометиям имеются, к примеру, в тувинском языке:

а – межд.: а, аа; а, попался! аа, холга кирдиң аа! [3, с. 12];

ага – межд.: аа, ахаа, охаай [3, с. 13];

ау – межд.: ау, кууг [3, с. 17];

ох – межд.: ох, ой; ох, как устал! ой, хөлчок туруптум! [3, с. 228].

А вот какие аналоги видятся авторам-составителям хакасско-русского словаря:

А – межд. (обычно протяжное): а, а-а! ага! ах! ой! (выражает решимость, удивление, негодование, насмешку, злорадство, испуг, боль и т. п.); а, килдің ме? – а, ты пришел?; а-а, ниме мин чоохтаам! – а-а, что я говорил!; а-а! ағырча! – ой! больно! [5, с. 17];

үү-үү – межд.: ау; үү-үү тіп хысхырызарға – кричать «ау»; разг. аукать вместе с кем-л. [5, с. 760];

ох – межд.: о, ох (выражает чувства удовлетворения, радости, усталости, сожаления); ох, хайди майыхтым – ох, как [я] устал [5, с. 319].

Нельзя, конечно, утверждать, что именно междометия были «первыми словами», а все последующие – произошли от них. Наряду с междометиями первыми словесными знаками можно считать трудовые выкрики, а также элементарные звуковые комплексы, синкретично выражающие базовые семы и аллосемы [4, с. 27–28].

Вместе с тем очевидно и то, что междометия – одна из первых (по времени появления) групп слов в любом естественном языке. Происхождение части междометий можно объяснить стремлением к подражанию звукам окружающей природы, но и в этом случае, как оказывается, представители разных человеческих сообществ по-разному слышали и воспроизводили их. «Вряд ли стоит однозначно определять видение мира древними людьми. ... В данном случае можно вести речь об особенностях отражения звукового мира в языках разных народов с учетом, во-первых, особенностей фонемного состава их языков, во-вторых, особенностей их мировосприятия» [4, с. 40].

Таким образом, в области междисциплинарных исследований (в нашем случае – на стыке лингвистики и этнографии) важно правильно оценивать соотношение мифологического сознания и обыденного, прагматического сознания в формировании отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

Основной вопрос можно поставить и так: стоит ли ориентироваться на эти, во многом утраченные, признаки традиционной культуры, искать их в окружающей жизни? Если стоит, нужно ли стремиться воссоздавать в новых условиях этот канон? Или иметь в виду только основные, востребованные и в наше время, признаки, свойства уходящей культуры и смириться с утратой остальных? Наверное, самым правильным будет последний ответ. Поскольку смена типов культуры – это объективный процесс. Эта смена и эти изменения в культуре этноса неизбежны. Они сле-

дуют за исторически обусловленной, происходящей во всем государстве эволюцией форм материальной культуры и производства, трансформациями в сфере общественных отношений.

Языковедам, которым интересен язык в его развитии, к примеру, одинаково важно изучать и «богатство синонимии, полисемии, абстрактной лексики», и «такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как «открытость» лексических единиц для семантической деривации» [6, с. 76–77].

Такого рода изыскания внесут неоценимый вклад в решение задач по изучению развития тех сторон языка, которые связаны с жизнью этноса и его «движением во времени». В конечном итоге эти явления и процессы и определяют сущность, специфику, «живую физиономию» любого языка.

Библиографический список

1. Гемуев И. Н. Цивилизация и культура // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: тезисы Международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Том II: Археология. Этнография. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 101–102.
2. Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
3. Краткий русско-тувинский словарь. Около 14 тысяч слов / отв. ред. Д. А. Монгуш; ред. Я. Ш. Хертек / Тувинский НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1994. 432 с.
4. Трегубов А. Н. Структурно-элементарная лексика (семантический и звукоизобразительный аспекты): автореф. дис. ... доктора филологических наук. Уфа, 2012. 47 с.
5. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳтік / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и [др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
6. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1992. 92 с.

© Каксин А. Д., 2018

УДК 81'272

М. Н. Образцова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ И РУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ*

Русский язык не только объединяет все национальности, проживающие на огромной территории Российской Федерации, но и делает возможным сохранение их самобытности. Каждый язык – уникальный взгляд на мир, проявляющийся в специфической языковой картине мира. В тезисах освещается взаимодействие миноритарных языков и русского государственного языка на территории Сибири.

Ключевые слова: миноритарный язык, государственный язык, языковая картина мира, билингвизм.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

Русский язык является языком межнационального общения на территории огромной страны. И многие представители коренных малочисленных народов России русский язык воспринимают как родной или как второй родной. Сочетание этнически первичного языка и русского приводит к формированию уникального языкового мышления, синтезирующего две и более языковые и культурные парадигмы. Тем не менее, в центре находится именно русский язык, являющийся государственным языком РФ и выступающий в роли связующего звена разных народов.

Сибирь – довольно многонациональный и многоязычный регион нашей страны. Языки, имеющие статус государственных на территории республик, имеют широкое распространение и хорошую поддержку. Например, алтайский язык – язык Республики Алтай, изучается в национальной школе, в г. Горно-Алтайске, обслуживает сферу не только бытового общения, но и официально-делового, на алтайском и русском языках ведется документооборот республики. Существование литературы на алтайском языке также способствует его сохранению и развитию.

Совсем иначе обстоят дела с бесписьменными языками коренных малочисленных народов Сибири. Становясь языком сугубо бытового общения (например, телеутский или кумандинский), он выходит из широкого употребления, перестает развиваться, не пополняется его лексический состав, перестает идти процесс нормализации и изменения языка. И особенно остро встает проблема сохранения самобытной языковой картины мира, отражающей уникальный взгляд на мир, присущий языковому мышлению народа.

Каждый язык формирует уникальную, национально и культурно обусловленную картину мира, в которой взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное. Языковая картина мира может носить и глобальный характер, поскольку заключает в себе универсальную логику человеческого мышления. В итоге картины мира у всех людей имеют, с одной стороны, общие черты, так как человеческое мышление осуществляется по единым законам, а с другой – национально специфические, что обусловлено разным менталитетом, территориальной закрепленностью, социальными особенностями этнических групп. Однако индивидуальная национальная картина мира вписывается в глобальную, являясь ее частью и результатом развития. В то же время мы можем наблюдать взаимодействие нескольких языковых картин мира, что обусловлено многоязычием у целого ряда народов в пределах одной страны. Тем не менее, знание, получаемое человеком через родной язык, значительно превосходит по качественному и количественному разнообразию знание, полученное из других источников.

Конституция Российской Федерации, провозглашая государственным языком на всей её территории России русский язык, одновременно гаран-

тирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (статья 68). При этом Российская Федерация также гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации (статья 69).

Следует отметить, что любой естественный этнический язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, то есть имеет свою особую картину мира. Специфическое восприятие мира человеком всегда зафиксировано в языке, а значит можно говорить о наличии собственных языковых картин мира у представителей разных народов. Но языковая картина мира представителей коренных малочисленных народов, проживающих на территории РФ, имеет свои особенности: билингвизм, свойственным данным народам, позволяет им иметь «двойной» мир, их языковая картина мира «удваивается», что, на наш взгляд, обогащает русский язык.

Национально ориентированный подход к преподаванию русского языка и русской культуры повышает мотивацию у обучающихся: знать русский язык (особенно как неродной) необходимо не только для полноценного общения на территории Российской Федерации, но и для более комплексного понимания своей культуры и культуры многонациональной России.

© Образцова М. Н., 2018

УДК 39.34

С. В. Оленев

ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕУТОВ*

В статье на основе изучения ряда работ лингвистов, социологов, этнологов и историков характеризуется система факторов, формирующих специфику билингвальной языковой личности современных телеутов – коренного малочисленного народа, проживающего на территории Кемеровской области.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная языковая личность, телеуты, лингвоперсонология.

Актуальное состояние лингвоперсонологических исследований приводит учёных к необходимости рассматривать языковую личность в качестве «сложной адаптивной (самонастраивающейся) системы – созна-

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

тельной ипостаси конкретного человека, обеспечиваемой наличием языковой способности и содействующей творческой самореализации его уникальных и типовых черт в ходе речемыслительной деятельности, которая происходит в определенных социо-коммуникативных условиях» [4, с. 26].

Билингв – человек, который владеет приблизительно в равной степени двумя языками и может свободно их использовать в различных сферах речевого общения. Специфика билингвальной языковой личности, владеющей двумя языками на уровне, достаточном для понимания и полноценной коммуникации, приводит к тому, что процесс языкового мышления и социо-коммуникативной адаптации осложняется взаимодействием двух языковых систем, конструирующих языковое сознание индивида. Ситуация осложняется ещё более значительно, если билингвизм является субординативным: в этом случае языки билингва не полностью автономны, а так или иначе взаимодействуют, влияют друг на друга.

Современные представители этноса телеутов (коренной малочисленный народ общей численностью около 2,6 тыс. чел., преимущественно компактно проживающий в нескольких поселениях Кемеровской области) испытывают на себе влияние сложного комплекса этнографических, социально- и культурно-исторических, популяционно-демографических, социально-психологических и иных факторов (см. [1, 2, 3]), при этом «центральной и наиболее болезненной в современной культурной жизни народа, безусловно, является языковая проблема» [5, с. 220]. Несмотря на то, что в телеутском этносе отмечен ряд позитивных демографических тенденций («рост (в 2 раза) численности в местах компактного проживания (с 1940 по 2012 гг.) при стабильной общей численности телеутов в Кемеровской области и в Российской Федерации (с 2002 по 2010 гг.); снижение за поколение (30 лет) у телеутов уровня пренатальных потерь в 1,3 раза и уровня детской смертности в 2,3 раза» [3, с. 13]), наблюдается постепенное снижение уровня владения родным языком, который используется преимущественно в домашнем общении людьми зрелого и пожилого возраста. При этом данные В. М. Кимеева свидетельствуют о том, что и в домашнем общении часть телеутов уже использует русский язык [1, с. 46].

Несомненно, что сложившаяся система экстралингвистических факторов способствует как относительной стабильности телеутского этноса и языка, так и постепенной его ассимиляции русским языком. В результате и билингвальная языковая личность современного носителя телеутского языка приобретает ряд особенностей, обусловленных значительным влиянием русского языка и культуры в языковом сознании и в коммуникативной практике. Подробнее данные особенности охарактеризованы в докладе.

Библиографический список

1. Кимеев В. М. Современные этнокультурные процессы у бачатских телеутов // Алтай–Россия: через века в будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф / отв. ред. В. Г. Бабин. В 2-х т. Т. 1. Горно-Алтайск, 2016. С. 45–49.
2. Кригер Г. Н., Григашкина С. И., Верчагина И. Ю. Детерминанты особенностей телеутского этноса // Регионология. 2009. № 3. Саранск: НИ МГУ им. Н. П. Огарёва. С. 261–270.
3. Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Толочко Т. А. и др. Коренные народы Кемеровской области: особенности динамики демографических процессов в популяциях телеутов и шорцев (1940–2012 гг.) // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 2. С. 13–20.
4. Оленев С. В. Аспектирующие и синтезирующие (системные) подходы к изучению языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2 / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник, С. В. Оленева. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 7–27.
5. Тыбыкова Л. Н. Телеуты и телеутский язык // Актуальные вопросы преподавания в высшей школе: теория и практика: сб. науч. тр. В 2 частях. Часть 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2015. С. 218–223.

© Оленев С. В., 2018

УДК 81'23

Т. Н. Журавель

УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается проблема преподавания родных языков народов, проживающих на территории Красноярского края. Дается характеристика этноязыковой ситуации в Красноярском крае. Приводится функциональная классификация языков, а также их учебно-педагогический статус.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, этнопедагогический статус языка, языки Красноярского края, миноритарные языки, диаспорные языки.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Красноярского края проживают 38 тыс. украинцев, 35 тыс. татар, 22 тыс. немцев, 16 тыс. азербайджанцев, 11 тыс. чувашей, 10 тыс. армян, почти 10 тыс. белорусов, а также киргизы, узбеки, таджики, мордва, хакасы, ненцы, марийцы, башкиры, тувинцы и многие другие – всего около 150 национальностей.

Этноязыковая ситуация в Красноярском крае характеризуется как многоязычная разбалансированная, с отдельными территориями неравновесного национально-русского билингвизма [1]. Яркой чертой этноязыковой ситуации региона является нестабильный билингвизм с тенденцией перехода носителей миноритарных языков на русский язык.

Все языки Красноярского края подразделяются на несколько функциональных типов: а) по связи с этнической общностью и уровню развития языковой системы – на национальные, языки народностей и племенные языки; б) по числу выполняемых общественно значимых функций и

числу носителей – на мажоритарный русский и миноритарные языки; в) по отношению к исконному ареалу функционирования – на русский, коренные языки малочисленных народов и диаспорные языки; г) по наличию-отсутствию письменности и степени стандартизованности – на старописьменные литературные, младописьменные, имеющие литературную форму, младописьменные слабостандартизованные; д) по этнопедагогическому статусу – на используемый на всех ступенях образования русский, языки, преподающиеся в начальной среднеобразовательной школе, а также с I по VIII класс в этноинтернатах, языки, преподающиеся в воскресных школах и на языковых курсах, языки, не обладающие этнопедагогическим статусом на территории Красноярского края.

Большинство языков национальных меньшинств «находятся в зоне риска». В частности, численность носителей автохтонного энецкого языка достигла критической точки. При этом «в крае так и не создана система подготовки и переподготовки национальных педагогических кадров, эпизодически и в основном силами местных энтузиастов и командированных (зачастую из-за рубежа) ученых ведется документирование исчезающих языков и культур» [2, с. 34].

В настоящее время в школах Красноярского края преподаются 8 языков коренных малочисленных народов Севера, находящихся под защитой закона «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории КК». Это долганский, кетский, нганасанский, ненецкий, селькупский, чулымский, эвенкийский, язык энцев. Помимо этих языков на территории региона учебно-педагогическим статусом обладает только татарский. Преподавание татарского языка ведется только в селе Отношка Казачинского района.

Сохранение некоренных языков народов Красноярского края в основном осуществляется силами национально-культурных объединений. В 2014 году в работе НКО принимали участие почти 50 народов, проживающих на территории Красноярского края. Практически каждое из таких обществ ставит задачу сохранения родного языка. Занятия по изучению языков ведутся в рамках курсов для населения и воскресных школ. Так, в Красноярске можно изучить еврейский, армянский, татарский, польский, азербайджанский, латышский, литовский, эстонский и др. языки.

Библиографический список

1. Борхвальдт О. В. Языковая ситуация Красноярского края // Совершенствование подготовки учителей-словесников в условиях национально-русского двуязычия: тезисы докл. всесоюз. науч. конф. Фрунзе, 1990. С. 179–181.
2. Фельде О. В. Языки национальных меньшинств Красноярского края в социолингвистическом освещении // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: мат-лы III межд. науч. конф. Абакан, 2010. С. 33–34.

© Журавель Т. Н., 2018

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА АБАКАНА

В статье дан анализ мер по созданию условий для сохранения и развития хакасского языка в столице Республики Хакасия, приведены статистические данные по предоставлению горожанам услуг по изучению хакасского языка, проанализированы используемые в образовательных учреждениях Абакана формы изучения хакасского языка. Автор приводит примеры социально-образовательных проектов этнокультурной и лингвистической направленности, реализованных на территории Абакана.

Ключевые слова: хакасский язык, сохранение, развитие, образовательное учреждение, языковая среда, мотивация к изучению хакасского языка.

Одним из приоритетных направлений деятельности муниципальной системы образования города Абакана является обеспечение права детей на изучение хакасского языка, на удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей.

В последние годы в столице Республики Хакасия происходит стабильное увеличение количества образовательных учреждений, в которых горожанам предоставлена услуга по изучению хакасского языка. Об этом свидетельствует статистика, представленная в таблице.

Динамика увеличения численности детей, изучающих хакасский язык

Год	Количество детских садов, в которых изучается хакасский язык	Количество дошкольников, изучающих хакасский язык	Количество школ, в которых изучается хакасский язык	Количество школьников, изучающих хакасский язык
2014	14	484	20	1228
2015	16	579	21	1644
2016	19	866	21	2708
2017	21	875	21	2717
2018	27	1601	22	2832

Организация деятельности по изучению хакасского языка и удовлетворению этнокультурных образовательных потребностей в школах отличается ежегодным совершенствованием традиционных и появлением новых форм. Так, в 2017–2018 учебном году хакасский язык изучается в рамках учебного предмета (охват – 25 % школьников от общего числа изучающих хакасский язык), в рамках внеурочной деятельности ФГОС (48 %), на факультативных занятиях и в специально организованных

кружках и студиях (27 %). Школьники Абакана являются активными участниками кружков: «Ынархас» (школа № 1), «Учимся говорить на хакасском языке» (школа № 2), «Хакасский язык в играх» (школа № 4), «Хакасский язык – с удовольствием» (школа № 5), «Говорим по-хакасски» (школа № 9), «Язык, культура и традиции хакасского народа» (школа № 2), «Изеннер, палалар!» (школа № 20) и др. В рамках внеурочной деятельности реализуется программа этно клубов «Хакасия – солнечный край», «Традиции и обычаи народов Хакасии» (школа № 1), реализуется программа авторских курсов учителей Абакана «Язык солнечного края» (школа № 1), «Язык моей малой Родины» (школа № 26).

Уже более 10 лет национальные классы действуют в школах № 22 и 24, в 2017–2018 учебном году еще один национальный 1-й класс открыт в школе № 20. В данных образовательных учреждениях учебные предметы «Хакасский язык», «Литературное чтение на хакасском языке» включены в учебный план на уровне начального общего образования, «Хакасский язык», «Хакасская литература» есть в учебном плане школ на уровне основного и среднего общего образования.

В Абакане сложилась система мероприятий, направленных на сохранение и развитие хакасского языка, которые объединяют всех участников образовательных отношений. Среди традиционных мероприятий – праздники «Чыл Пазы», «Чир Ине» («День Земли»). Дошкольники ежегодно принимают участие в музыкальном фестивале «Чалтызахтар», конкурсе «Пала Тілі». Большой популярностью среди дошкольников и их родителей пользуется фестиваль театрализованных представлений «Сурнагастар», который проводится ежегодно с целью приобщения детей к национальной театральной культуре, развития их творческих способностей. В 2018 г. в нем приняли участие представители 18 детских садов Абакана, участниками стали более 200 детей в возрасте от 4 до 7 лет.

С целью обеспечения преемственности в работе по формированию у детей интереса и уважения к языку, культуре и истории Хакасии в системе образования Абакана реализуется комплекс мер для школьников. Так, в 2017–2018 учебном году более 8 000 учеников 1–11 классов стали участниками городских мероприятий поликультурной направленности: фестивалей «Абакан – поликультурный город» и «Наша школьная страна», конкурса «Чурта, төреен тілім!» («Живи, родной язык!»), выставки-ярмарки «Многообразие традиций», конкурса вокального мастерства «Пою тебе, моя Хакасия!», интеллектуального марафона по хакасскому языку «Умники и умницы» и др.

В соответствии с Законом Республики Хакасия от 13.07.2017 «Об установлении Дня хакасского языка», 4 сентября 2017 года во всех образовательных учреждениях Абакана впервые состоялся День хакасского языка: более 20 тысяч школьников столицы республики стали участ-

никами муниципальной акции «Изеннёр! – Здравствуйте!». В этот день состоялось открытие «Виртуального кабинета хакасского языка» в лицее, дан старт проекту школы № 1 «Изучаем хакасский язык всей школой» и др.

На базе муниципального Центра поликультурного образования (школа № 22) продолжает работу Школа выходного дня для горожан, желающих изучать хакасский язык. В 2018 г. 38 семей Абакана стали активными участниками данной школы. Здесь проходят специально разработанные лингвистические занятия, реализуются мероприятия, направленные на ознакомление с культурой, традициями Хакасии, работают кружки хакасского национального литературного и театрального творчества. Абаканская семья Сагатаевых (мама, папа и трое детей, обучающихся в школе № 23) стала победителем муниципального этапа фестиваля хакасских родов «Родной язык – душа народа», проведенного по инициативе Республиканского совета старейшин родов хакасского народа и посвященного 100-летию первых съездов хакасского народа, и заняла 2 место на республиканском этапе фестиваля.

В муниципальной системе образования Абакана большое внимание уделяется методической работе, повышению профессионального мастерства педагогов. Только в 2017–2018 учебном году проведено более 38 мероприятий, направленных на повышение мастерства педагогов. Впервые состоялся Фестиваль методических идей педагогов, реализующих программы обучения детей хакасскому языку, в котором приняли участие более 150 чел. Участниками муниципального конкурса проектов «Хакасия – край мой» стали педагоги из 30 образовательных учреждений. Абаканские педагоги: И. Н. Карачакова – учитель начальных классов и хакасского языка школы № 22, и О. В. Майнагашева – учитель начальных классов школы № 9, – лауреаты республиканского конкурса учителей хакасского языка 2017 г., воспитатель детского сада «Ивушка» А. А. Сагалакова стала призером республиканского конкурса в номинации «Лучшее занятие по раннему обучению хакасскому языку».

2017–2018 учебный год стал годом внедрения в детских садах и школах Абакана новых практик, сформированных в ходе реализации муниципальных проектов по сохранению и развитию хакасского языка. Так, результатом муниципального проекта «Храни родное слово», реализованного педагогами детских садов Абакана, стали рабочие программы образовательной деятельности в группах с изучением хакасского языка для детей 5–7 лет «Родное слово», учебно-методический комплект «Храни родное слово», в который вошли разработанные педагогами дошкольного образования буклеты-раскраски для дошкольников «Хакасская одежда», словарь «Волшебные звуки родного слова», учебно-наглядное пособие на хакасском языке «Веселый счет».

Остаются востребованными среди педагогов школ столицы республики методические материалы, разработанные в ходе реализации культурно-образовательного проекта «Чапсых чоох» («Интересная беседа»). Данный проект является победителем республиканского конкурса на предоставление грантовой поддержки муниципальным образованиям в области сохранения хакасского языка и культуры. Основные материалы – цикл радио- и телепередач, способствующий расширению аудитории, использующей хакасский язык в качестве средства общения, сборник методических разработок уроков и внеурочных занятий – активно используются в практике школ Абакана.

Интерес к языку и культуре Хакасии поддерживается в системе дополнительного образования. Так, в Центре детского творчества города Абакана реализуются дополнительные образовательные программы с использованием лингвистических особенностей хакасского языка: «Мой край – Хакасия», «Обучение игре на хакасских народных инструментах», «Хакасский орнамент». Разработаны образовательные модули: «Стилизация хакасского костюма в современной молодежной одежде», «Хакасский эпос». В детских школах искусств и музыкальных школах города работают творческие коллективы учащихся – ансамбли национальных инструментов «Радость», «Чылтыс», в том числе ансамбль хакасских народных инструментов.

Важным фактором повышения внутренней мотивации к изучению хакасского языка является научно-исследовательская деятельность обучающихся. На муниципальных научно-практических конференциях «Умный дошколенок», «ГНОМ» (для 1–4 классов), «Юные исследователи Абакана» (для 5–7 классов), «Юность. Наука. Культура» (8–11 классы) действуют секции «Хакасский язык и литература». Ежегодно школьники Абакана принимают участие в предметных олимпиадах по хакасскому языку и хакасской литературе.

Вот уже 5 лет подряд в период летних каникул в загородном муниципальном детском оздоровительном лагере «Звездный» проходит билингвистическая (языковая) смена «Ынархас», во время которой дети погружаются в языковую среду, совершенствуют речевую активность на хакасском и английском языках (ежегодно участниками данной смены становятся более 100 школьников Абакана).

Городским управлением образования Администрации города Абакана, муниципальными образовательными учреждениями ведется разъяснительная работа с родителями обучающихся по формированию мотивации к изучению родного языка. В течение учебного года в образовательных учреждениях города проводятся тематические родительские собрания «Родной язык – духовное наследие народа», «Хакасский язык – государственный язык республики» и др. Ежегодно в родительских собраниях

ях данной тематики принимают участие более 5000 абаканских родителей.

Великому русскому писателю А. И. Куприну принадлежит мудрая мысль: «Изучение и сбережение родного языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью». Эта мысль созвучна деятельности, которая осуществляется в муниципальной системе образования Абакана по созданию условий для сохранения и развития хакасского языка.

© Озерова Г. В., 2018

УДК 81'42

И. А. Пушкарева, А. Ф. Седова

ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ШОРСКОЙ ТЕМЫ В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ» (НОВОКУЗНЕЦК)*

В статье рассматриваются семантико-стилистические особенности воплощения краеведческой доминанты «Судьба шорского народа» в городской газете «Кузнецкий рабочий» 2017–2018 гг. Материалом анализа являются тексты, посвящённые вопросам этнического сознания и культурным традициям шорского народа, публикации о талантливых представителях шорского народа, о творческом осмыслении образа Горной Шории и др.

Ключевые слова: региональный медиадискурс, городская газета, краеведческая доминанта, социальная оценка, семантико-стилистический анализ.

Дискурс городской газеты представляет особую разновидность регионального медиадискурса, семантико-стилистическая специфика которого обусловлена комплексом экстралингвистических факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Региональная составляющая аксиосферы городской газеты отражается в семантико-стилистическом воплощении ведущей гипертемы (темы региона, города) и краеведческих доминант – тем, которые формируются в региональном медиадискурсе, связаны с осознанием и выражением региональной идентичности и актуализированы системой стилистических средств и приёмов.

Рассмотрим особенности семантико-стилистического воплощения краеведческой доминанты «Судьба шорского народа» в материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий» 2017–2018 гг. [1], учитывая тенденции репрезентации данной краеведческой доминанты в дискурсе городской газеты конца XX – начала XXI вв. Результаты предпринятого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Кемеровской области (проект № 18-412-420001).

анализа текстов 1980–2014 гг. (см. подробнее: [3, с. 259–294]) позволяют судить о динамике семантико-стилистического воплощения шорской темы в городской газете конца XX – начала XXI вв. Основные темы первой половины 1980-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. Гуманистический дух перемен, акцент на духовном преображении, возвращении к истинному состоянию жизни отразило в эпоху перестройки такое ключевое слово текущего момента, как *возрождение*, играющее важную роль и в семантико-стилистическом воплощении шорской темы и связанное с актуализацией идеологемы *возрождение шорского народа*, являющейся региональным вариантом идеологемы *возрождение* (см. подробнее: [2]). В материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-х гг. и теряет ключевую роль в газете первого десятилетия XXI в. В рассмотренных материалах начала XXI в. акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Несмотря на потерю словом *возрождение* статуса ключевого слова текущего момента, в информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотносённый с темой культурного беспамятства.

Анализ 14 текстов 2017–2018 гг. позволяет выявить круг вопросов, связанных с рассматриваемой краеведческой доминантой (тексты выявлены методом сплошной выборки). Четыре публикации посвящены вопросам этнического сознания и культурным традициям шорского народа. К ним примыкает статья о роли филологического образования в формировании личности. В соответствии с наметившейся в материалах XX в. и начала XXI в. тенденцией, важное место занимают публикации о талантливых представителях шорского народа и о творческом осмыслении образа Горной Шории (4 текста). В трёх публикациях шорская тема эксплицирована в связи с размышлениями об истории региона, в двух публикациях – звучит при обсуждении проблем экономического развития региона, связанных с экологическим неблагополучием. Обратимся к своеобразию прагматической (экспрессивной) программы текстов, позволяющей авторам материалов актуализировать определённые смысловые нюансы шорской темы.

Публикации, посвящённые вопросам этнического сознания и культурным традициям шорского народа, представлены материалами аналитического и новостного характера. События, которые стали информационным поводом для них, разнообразны: V областной общественно-педагогический форум «Мы живём в России – 2017», приуроченный ко

Дню толерантности и организованный Центром языков и культур народов Сибири НФИ КемГУ при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, – *«Что же такое этническая журналистика?»* (А. Гунько, 19.12.2017); выпускная квалификационная работа студента экономического факультета НФИ КемГУ *«Межэтническая толерантность населения Новокузнецка» – «Возможна ли дружба народов?»* (Л. Филиппова, 26.01.2018); празднование старого Нового года в обновлённом сквере имени архитектора Александра Ивановича Выпова – *«Не календарный, но очень весёлый»* (О. Волкова, 16.01.2018); областной конкурс *«Краса Шории-2017»* – подзаголовок *«Краса Шории»* в новостном блоке *«Служба новостей»* (С. Бабинов, 10.05.2017). Аналитическое начало публикаций эксплицировано заголовками, оформленными в виде вопросительных предложений, которые подчёркивают злободневный характер публикаций, остроту проблемы, волнующих социум. В материалах доминирует мелиоративная телеологическая характеристика представляемых мероприятий, например: *«Участникам форума были представлены яркие работы в сфере этножурналистики. Всем пришедшим был подарен журнал «Кузбасс – регион согласия», на страницах которого собраны наиболее интересные материалы по теме содружества народов. Представители общественного движения «Междуреченское общество коренного населения «Алтын Шор» показали очень трогательный фильм «Улус», описывающий историю жизни человека из шорского посёлка. МБУК Телередакция «Эфир-Т» Ташигольского муниципального района представила участникам мероприятия свои выпуски новостей на этническую тему»* (А. Гунько, 19.12.2017). Подзаголовок заметки об областном конкурсе *«Краса Шории-2017»* (С. Бабинов, 10.05.2017) оформлен без кавычек (*Краса Шории*), это позволяет предположить, что использован оценочный перифраз, выражающий эстетическую оценку и анонсирующий информацию об истинной красавице-шориянке. В этом материале, несмотря на его лаконизм, мы отмечаем одобрительную телеологическую оценку, связанную с мыслью о необходимости сохранить традиции шорского народа: *«Обязательными требованиями к претенденткам на звание первой красавицы было владение родным языком, знание национальных традиций и искусства тюркского танца. В ходе конкурса участницы продемонстрировали танцевальные номера и постановки по мотивам шорских мифов»*. Информационная и экспрессивная программы взаимодействуют в репортаже о праздновании «старого» Нового года, что проявляется в рематическом заголовке, состоящем из эпитетов: *«Не календарный, но очень весёлый»* (О. Волкова, 16.01.2018). Шорская тема эксплицирована во фрагменте, рассказывающем о шорском народном состязании: *«Эксклюзивное – шорское народное состязание с плетью камчы. Сбить концом плети*

один за другим несколько деревянных брусков удавалось далеко не всем». Журналист использует в контексте экспрессивные средства (эпитет-акцентуатор, экзотизм, передающий национальный колорит).

Примыкает к представленным публикациям статья, связанная с таким информационным поводом, как конкурс эссе среди школьников «Мой Достоевский» (А. С. Сазыкин, 12.01.2017). Размышления одного из старейших преподавателей-филологов города охватывают не столько непосредственные результаты работ, сколько целый комплекс факторов, влияющих на становление личности ученика. Главная проблема экспрессивно представлена заголовком-акротезой – *«Воспитывать личность, а не потребителя»*. Шорская тема связана с пейоративным контекстом, в котором звучат горькие мысли о разрушении традиций высшего педагогического образования, о потерях, которые понесло культурное пространство Новокузнецка в связи с объединением вузов и кафедр: *«Педагогические вузы в стране, в большинстве своем, просто закрыты или слиты с чем придется, как Кузбасская педакадемия в нашем городе. В так называемом педагогическом центре, оставшемся при слиянии при филиале КемГУ, факультета русского языка и литературы как такового нет, кафедры литературы, естественно, тоже нет. Самостоятельной кафедры русского языка тоже нет. Что есть? Вот такой симбиоз под трудно произносимым названием: кафедра русского языка, литературы и методики изучения русского языка и литературы. К этому пристегнута еще и бывшая кафедра шорского языка и литературы»*. Одной из страшных потерь стало исчезновение кафедры шорского языка и литературы, созданной ценой огромных усилий в конце 1980-х и в 1990-е годы, проникнутые духом возрождения шорского народа. Мелиоративное начало скрыто в подтексте и связано с мыслью о необходимости сохранить традиции Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее КузГПА), в том числе специальные кафедры как научно-методические центры в культурном пространстве региона.

Экспрессивная актуализация ярко проявляется в группе текстов, рассказывающих о юбилейном творческом вечере шорской поэтессы Тайаны Тудегешевой (А. Любимова, 19.01.2018; Е. Кулакова, 07.02.2018), о собирателе шорского фольклора и писателе Софроне Тотыше (Л. Попова, 24.01.2017), об авторской выставке фотографий члена Союза фотохудожников России, дипломанта международных, межреспубликанских, всесоюзных и городских выставок Александра Трофимова из фондов музея-заповедника «Кузнецкая крепость» (Е. Кулакова, 21.11.2017).

Заголовки этих публикаций отражают роль социальной оценки в медиадискурсе, позволяют сделать акцент на теме воспитания подрастающего поколения. Эта тема эксплицирована в заголовке очерка Л. И. Поповой о С. Тотыше – *«Его книги учили добру и совести»*. Отме-

тим, что семантический повтор в ряду однородных членов актуализирует этическое начало размышлений автора. Тема благотворного влияния на подростков звучит в метафорическом заголовке аналитической корреспонденции, посвящённой акции «Неделя культуры» в библиотеке имени Д. С. Лихачёва – *«Зажечь молодые сердца»*. Заголовки публикаций о творческом юбилее Т. В. Тудегешевой подчёркивают связь с родиной: *«Летописец души шорского народа»* (образная характеристика поэтессы передаёт её высокую миссию) и поэтическая строчка *«Звенящие волны Мрассу»* (гидроним становится частью языка духовной культуры).

В публикациях о творчестве выдающихся представителей шорского народа можно выделить несколько экспрессивных семантико-стилистических составляющих, связанных с шорской темой. Во-первых, это авторский текст, в котором выражены мысли о связи с родиной. Например, в аналитической корреспонденции Е. Кулаковой ключевая мысль выражена с помощью акцентуатора *главная*, эпитетов, метафор, рядов однородных членов: *«Главная тема творчества поэта – ее родина, Горная Шория, неповторимую красоту которой она воспевает в своих замечательных поэтических книгах «Шория моя», «Поющие стрелы времен», «Небесный полет девятиглазых стрел», «По ту сторону шорских гор», «Элимай» («Моя родина») и целом ряде замечательных публикаций, рассыпанных по различным литературно-художественным журналам. И всюду в них дышит неодолимое родство поэтессы с ее родной землей и живущими рядом с нею прекрасными людьми этого края»* (Е. Кулакова, 07.02.2018). В контексте повторяются слова с корнем *-род-* (*родина, родство, родной*), используется номинационная цепочка *родина – Горная Шория – родная земля – этот край*, экспрессивные мелиоративы (*неповторимая красота, прекрасные люди*). Или: *«Он [Софрон Тотыш] является одним из трех столпов шорской литературы. И хотя все его произведения написаны на русском языке, но художественно писатель мыслил по-шорски. Произведения его были посвящены жизни шорских охотников, людей мужественных и стойких. <...> Много за свою жизнь видел и пережил Тотыш, и ему хотелось рассказать людям о родной Шории, о жизни шорцев, нравах и обычаях своего народа»* (Л. Попова, 24.01.2017)

Во-вторых, авторы публикаций актуализируют и другие созидательные мысли, связанные с гипертемами сохранения шорской культуры и изучения истории родного края. Так, неоднократно эксплицированы темы нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения, например: *«Увидеть Горную Шорию глазами известного в городе фотографа [Александра Трофимова] в библиотеку пришли старшеклассники школ № 77 и № 65. Заведующая выставочным отделом музея «Кузнецкая крепость» Е.А. Симонова рассказала ребятам, что автор*

черно-белых снимков в 1980–1990-е годы несколько лет ездил в Шорию в составе археологической и этнографической экспедиций, чтобы запечатлеть удаленные от цивилизации горные уголки Кузнецкой земли – Усть-Анзас, Челей, Ближний Кезек и другие. Многие из этих фотографий опубликованы в различных книгах о Шории. Старики, женщины, дети смотрят в объектив с интересом. По фотографиям можно изучать быт шорцев, окружающий их пейзаж. Непролазная суровая тайга находится в нескольких шагах от подворья» (Е. Кулакова, 21.11.2017); «Воспитательный потенциал рассказов С. Тотыша неоспорим. Это его перу принадлежат такие известные книги, как «Сказки Шапка», «Сын Тайги», «Тайга», «Хозяин гор». С сожалением можно отметить, что современному читателю-школьнику они неизвестны. <...> Однако литература родного края (прежде всего произведения шорских поэтов и писателей) изучается в школе недостаточно, а часто совсем игнорируется учителем. <...> 2017 год объявлен годом экологии, а значит, книги Софрона Тотыша как никогда будут уместны на уроках литературы в школе. Доступные, понятные, и в то же время открывающие для ребёнка духовный мир шорского народа, они не только памятник литературы, но и кладёзь народной мудрости» (Л. Попова, 24.01.2017).

В-третьих, используется введение чужого слова, создающее эффект «стилистического эха», усиливающего звучание ключевых мыслей: «В стихи Тайаны Тудегешевой приходишь, как в какое-то волшебное царство, – пишет о творчестве поэта секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов, – они мгновенно завораживают читающего своим магическим ритмом, овладевают его сознанием и ведут через густую сеть строк, как через экзотический лес или дремучую тайгу, то пугая таинственными тревожными звуками, раздающимися в окружающей чаще, то очаровывая величием таёжных просторов и клубящимися в них, точно цветные туманы, легендами... Поэзия Тайаны Тудегешевой – это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала, это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам оригинальной народной культуры...» (А. Любимова, 19.01.2018); «Кандидат филологических наук А.С. Сазыкин, сделав краткий анализ творчества поэта, пришел к выводу, что поэзия Тайаны – это глоток чистой родниковой воды, таёжного воздуха, духовной красоты, это соединение чувства и мысли, это голос высокого таланта человечности» (Е. Кулакова, 07.02.2018); «Софрона Тотыша, – пишет Г. В. Косточаков, – можно назвать великим пропагандистом и популяризатором шорских культурных ценностей средствами художественного слова» (Л. Попова, 24.01.2017).

Шорская тема звучит в трёх публикациях, посвящённых истории региона и различающихся стилистически. Одна из них носит просветитель-

ский характер и нетипична для газеты, поскольку представляет словарные статьи *«Топонимического словаря южной части Кузнецкого Алатау»* (И. В. Гуляев, 28.12.2017). Вторая представлена художественно-публицистическим биографическим дискурсом – очерком *«Далёкий свет 1962 года»* (Г. Немченко, 21.05.2017). Как видим, экспрессивная программа эксплицирована уже заголовком. Поддержана она и подзаголовком – *«К 60-летию "первого колышка" на Запсибе»*. Шорская тема в материале связана с образами первостроителей, с региональным колоритом, например: *«Давно Виктор Иванович чешет затылок с тем же вопросом. Выбранный москвичами, бывшими запсибовцами, председателем оргкомитета по встрече шестидесятилетия этого самого «первого колышка», размышляет теперь: надеяться до конца, что все-таки позовут в Новокузнецк? Или на это не рассчитывать? Собрать, кто из «старичков» еще остался в Москве? А их там попросить, чтоб хоть черемшички, колбешки нашей, прислали к праздничному столу. В шорских горах к концу мая еще мал-мало останется»*. Третья публикация из рассматриваемой группы – проблемная статья, посвящённая *«вышибанию из-под Новокузнецка его историко-культурного фундамента»*, которое *«скорее всего будет успешно сделано при активном безучастии новокузнецкой общественности»*, – *«Подмена истории»* (В. Паничкин, 21.01.2017). Шорская тема звучит в историческом экскурсе статьи: *«[острог] простоял на устье Кондомы с 1610 по 1615 год и отнюдь не «впусте» – его заселили «кузницы-абинцы», то есть один из шорских родов-сеоков, которых ещё в 1608 году князец Базаяк привёл к «шерти», то есть присяге на верность царю, что означало переход шорцев в русское подданство и, выражаясь правовым языком, распространение суверенитета России на Кузнецкую землю»*.

Экспрессивными средствами насыщены и проблемные материалы, посвящённые вопросам экономического развития региона, сопряжённым с экологическим неблагополучием, – статьи *«Колониальная жизнь Кузбасса»* (В. Кузнецов, 29.10.2017), *«Есть ли выход?»* (С. Улагашев, 21.11.2017). Как видим, проблемный тон изложения задаётся уже заголовками, поддерживается пейоративными контекстами, выражающими критическую позицию авторов по отношению к сложившейся ситуации: *«А представители коренного шорского народа направили жалобу в Организацию Объединённых Наций по поводу сноса их исторически традиционных поселений Кийзасским и другими разрезами»* (С. Улагашев, 21.11.2017); *«Трагедия Кузбасса дошла даже до Организации Объединённых Наций. Насильственное выселение коренных жителей (шорцев) с исконных земель озаботило «верховную мировую власть». Московские захватчики «огнем и калашом» уничтожают шорские деревни. Рекомендации ООН компенсировать шорцам «утрату их земель» колонизаторы-*

грабители, конечно, «не заметят» и продолжают уничтожать Кузбасс. Ведь на компенсацию «утраты» нужны большие деньги. А колонизаторы не для того грабят колонию, чтобы потом ее облагораживать» (В. Кузнецов, 29.10.2017).

Таким образом, в публикациях городской газеты «Кузнецкий рабочий» 2017–2018 гг. проявляется тематическое разнообразие материалов, в той или иной степени затрагивающих вопросы о судьбе шорского народа, о культурных традициях, природе Горной Шории (творчество, образование, этническая толерантность, история края, экономика, экология). Семантико-стилистическое своеобразие материалов связано с выражением социальной оценки: её мелиоративный полюс соотносится с сохранением традиций в области культуры и образования, улучшением экологической ситуации в регионе, воспитанием уважения к истории малой родины; пейоративный полюс актуализирован в проблемных материалах «набатного» характера, доносящих до жителей региона мысли о потере культурных традиций, разрушении системы образования, колониальной судьбе Кузбасса, забвении истории.

Библиографический список:

1. «Кузнецкий рабочий» – новокузнецкая городская газета. URL: <http://www.kuzrab.ru> (дата обращения: 02.03.2018).
2. Пушкарева И. А. Ключевое слово «возрождение» в материалах о шорской культуре городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 162–173.
3. Пушкарева И. А. Краеведческие доминанты в российском региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2016. 360 с.

© Пушкарева И. А., Седова А. Ф., 2018

УДК 81'246.3:911.373(571.56)

**Н. Е. Захарова, Д. В. Алексева,
А. Д. Никитина**

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) (НА ПРИМЕРЕ МЕСТ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ЭВЕНКОВ, ЭВЕНОВ, ЯКУТОВ И РУССКИХ)

В данной статье дается описание современной языковой ситуации в селах Республики Саха (Якутия), где эвенки проживают совместно с другими народами. При этом идет процесс взаимодействия языка и культуры. Это создает сложную языковую ситуацию и приводит к формированию языковой личности, не владеющей ни одним из знакомых ему языков в совершенстве. Все это говорит о низком уровне функциональной нагрузки на язык.

Ключевые слова: языковая ситуация, взаимодействие языков, двуязычие, смешение языков, коммуникативное пространство, языковая личность, закон о языке.

Языковая ситуация, по определению В. А. Аврорина, есть «конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития» [1, с. 2]. Рассмотрим языковую ситуацию по следующим признакам: степень языкового и этноязыкового разнообразия, демографическая и коммуникативная мощь языков, юридический статус языков, степень генетической близости языков и их этнические корни, престиж сосуществующих языков. [2, с. 101–102].

Обратимся к Переписи населения, из которой видно, что в 2010 году в Республике Саха (Якутия) проживало более 120 национальностей, всего 949 тыс. человек, в том числе коренные народы – якуты, эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи. Эвенков всего 20 782 человека [9]. Они расселены по всей территории республики и большими группами живут в Алданском, Анабарском, Булунском, Жиганском, Олекминском, Оленекском районах, которые являются местами их компактного проживания. Под местом компактного проживания следует понимать административно-территориальную единицу, на территории которой, по официальным данным, проживает большее количество народа [3, с. 23]. Большинство утратило свой родной язык, им владеют лишь 12–15 % эвенков, проживающих в Якутии. Во многом это объясняется тем, что эвенкийские школы начали открываться в 20-х годах прошлого века, но к концу 30-х годов закрылись, и до 70-х годов изучение родного языка в школах было приостановлено. В период застоя, с конца 30-го по 70-е годы XX века, языковое состояние значительно ухудшилось, следовательно, владеющих эвенкийским языком стало меньше, дети в школах изучали якутский и русский языки, которые и стали для них родными. Сегодня язык изучается в детских садах и школах, но не везде [3, с. 70–71]. Для изучения родного языка отведено катастрофически мало часов – урок эвенкийского языка и литературы преподается только один раз в неделю, факультатив также один час в неделю. Те, кто хотят изучить язык углубленно, поступают в вузы и сузуы. Такие учебные заведения есть в городах Якутск, Санкт-Петербург, Улан-Удэ, в Хабаровском крае.

Для исследования нами выбраны полиэтнические поселения эвенков Республики Саха (Якутия), которые условно названы *местами совместного проживания* (МСП), они удалены друг от друга. Население этих сел между собой практически не контактирует. Таким образом, эвенки, проживающие в них, находятся в разном языковом окружении:

с. Тяня – с преобладающим якутско-русским двуязычием, в школе преподается родной язык – эвенкийский;

с. Кутана – с преобладающим якутско-русским двуязычием, в школе преподается родной язык – якутский, эвенкийский язык изучается факультативно;

с. Кюпцы – преобладающее якутско-русское двуязычие, в школе преподается родной язык – якутский, эвенкийский язык не изучается;

с. Иенгра – преобладающее эвенкийско-русское двуязычие, в школе ведется преподавание родного эвенкийского языка;

с. Найба – с преобладающим якутско-русским двуязычием, в школе преподается эвенкийский язык, эвенкийский изучается факультативно.

Необходимо отметить, что основной язык общения (якутский или русский) в данных МСП имеет свои региональные или даже локальные особенности и может отличаться от норм литературного якутского или русского языков.

МСП Иенгра (Нерюнгринский улус).

Село Иенгра – Иенгринский эвенкийский национальный наслег Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Расположено на левом берегу реки Иенгра, в 51 км от районного центра – г. Нерюнгри. Рядом проходит железная дорога и федеральная автодорога. Издавна эвенки помогали золотопромышленникам перевозить грузы на оленях. К началу XX в. эвенки кочевали на хорошо освоенной территории недалеко от нынешней Иенгры. Позднее они стали формировать кооперативы и бригады по перевозке грузов и охотничьим промыслам, создавались кочевые советы, школы, культурные центры. Так постепенно образовалась постоянная база в виде села.

По данным Паспорта социально-экономического развития сельского поселения «Село Иенгра», на 01.01.2010 г. [6] среднегодовая численность постоянного населения – 1 103 чел., соотношение мужчин и женщин практически равное. Дети дошкольного и школьного возраста составляют четверть всего населения, 20 % – пенсионеры. Трудоспособное население 669 чел., из них всего занятых по наслегу 325 чел. В селе имеются все социальные и культурные объекты, районный центр находится в часе езды по автодороге. С каждым годом численность населения уменьшается, несмотря на то, что коэффициенты рождаемости выше коэффициентов смертности, в основном такая динамика – следствие миграционного оттока, в основном молодежи и людей детородного и трудоспособного возраста.

По национальному составу село довольно однородно: на 01 января 2010 г. эвенков здесь насчитывалось 856 чел. Употребляемые языки – эвенкийский, русский, языки обучения в школе – также эвенкийский и русский. Приобщение к языку и культуре своего народа происходит и во внеурочное время – действуют дополнительные кружки по декоративно-прикладному искусству, работают самодельные коллективы. Эвенки в летнее время занимаются заготовками впрок – собирают ягоды, грибы, ловят рыбу. Весь год охотятся на зверя и дичь в зависимости от сезонов, занимаются оленеводством и звероводством.

МСП Тяня (Олекминский улус).

Село Тяня находится в Тянском национальном наслеге Олекминского улуса Республики Саха (Якутия). Расположено на левом берегу р. Тяня, в 280 км от районного центра – г. Олекминска. По данным Паспорта социально-экономического развития сельского населения Тянского национального наслега, на 01.01.2010 г. [5] среднегодовая численность постоянного населения – 452 чел., соотношение мужчин и женщин практически равное. Дети дошкольного и школьного возраста составляют четверть всего населения, 17 % – пенсионеры. Численность трудоспособного населения – 272 чел., из них занята только половина. В селе имеются все социальные и культурные объекты. Численность населения практически не меняется, наблюдается небольшой рост по сравнению с 2002 г. По национальному составу преобладающее большинство населения – эвенки. Употребляемые языки – эвенкийский, якутский, русский. Обучение в школе ведется на эвенкийском и русском языках. Приобщение к языку и культуре своего народа происходит также и во внеурочное время. Эвенки Тяни издавна были охотниками-промысловиками, добывали пушного зверя и сдавали в фактории. Жители села и сегодня ведут традиционный уклад жизни, занимаются оленеводством, промысловой охотой. В летнее время, в основном женщины и дети, занимаются заготовками впрок, ловят рыбу.

МСП Кутана (Алданский улус).

Село Кутана национального наслега Анамы Алданского района Республики Саха (Якутия) расположено на правом берегу р. Кюндэки (левого притока р. Алдан), в 600 км по автозимнику от районного центра – г. Алдан. В селе проживают в основном местные жители – эвенки. Занимаются табунным коневодством, разведением крупного рогатого скота, промышленно охотой и рыбной ловлей.

По состоянию на 01.12.2010 г. [8], численность населения с. Кутана составляла 651 чел., из них эвенки – 539 чел., якуты – 102 и др. Употребляемые языки – якутский, русский. Обучение в школе ведется на якутском и русском языках. Эвенкийский язык преподается как факультатив. Приобщение к языку и культуре своего народа происходит во внеурочное время, во время занятий в дополнительных кружках по языку, декоративно-прикладному искусству, в самодеятельных коллективах.

МСП Кюпцы (Усть-Майский улус).

Село Кюпцы Кюпского национального наслега находится на территории Усть-Майского улуса Республики Саха (Якутия). Расположено на левом берегу р. Алдан, в 100 км от районного центра – п. Усть-Мая. По данным Паспорта социально-экономического развития населения Кюпского наслега, на 01.01.2010 г. [4] среднегодовая численность постоянно населения составляла 714 чел., соотношение мужчин и женщин прак-

тически равное. На детей дошкольного и школьного возраста приходится четверть всего населения, 20 % – пенсионеры. Трудоспособное население – 438 чел., из них заняты в домашнем хозяйстве 357 чел., всего занятых по наследу: 182 чел. – на предприятиях и в организациях, 70 чел. – в крестьянских и подсобных хозяйствах. Несмотря на наличие в селе всех социальных и культурных объектов, удобное месторасположение, обеспечивающее быструю и постоянную доступность районного центра, численность населения уменьшается, причины этого – естественный уход из жизни старшего поколения, миграционный отток, в основном молодежи.

История возникновения Кюпского наслега сохраняет предания об эвенкийском роде Кюп, который обитал в этих краях. Во время великого мора эвенки этого рода осели здесь, переняли образ жизни, язык и обычаи якутов, занялись скотоводством, но все так же продолжали охотиться. Считается, что усть-майские эвенки были безоленными, пешими охотниками. В XVII в. эвенков стали крестить и давать русские имена и фамилии.

В национальном составе села Кюпцы сегодня преобладают эвенки и якуты, русских незначительное количество. Употребляемые языки – якутский, русский. Эвенкийским языком население не владеет, лишь единицы знают отдельные слова. Обучение в школе ведется на якутском и русском языках, эвенкийский язык не преподается. Приобщение к языку и культуре своего народа происходит во внеурочное время – в дополнительных кружках по декоративно-прикладному искусству, в самодеятельных коллективах.

Эвенки, как и все жители села, имеют подсобные хозяйства – держат коров, выращивают различные овощи, занимаются скотоводством – разводят лошадей. В летнее время занимаются заготовками впрок – собирают ягоды, грибы, ловят рыбу. В течение года охотятся на зверя и дичь в зависимости от сезонов.

МСП Найба (Булунский улус).

Найба (якут. Ньаайба; также Хара-Улах) – село, центр и единственный населённый пункт сельского поселения – Хара-Улахский национальный наслег в Булуномском улусе Якутии. Расположен за Северным полярным кругом, на побережье Хара-Улахской бухты в море Лаптевых, в устье реки Ньяйба. Находится в 165 км к юго-востоку от посёлка Тикси – административного центра Булунского улуса. Коренными жителями Хара-Улахского наслега являются эвены тюгэсирского рода, основными занятиями у которых являются домашнее оленеводство, охота и рыболовство. С 2008 года официально наделён статусом «национальный».

По переписи 2010 года численность населения составляла 535 человек, из них 58 % населения составляли мужчины, и соответственно 42 % – женщины, дети в возрасте до 16 лет – 128 человек, пенсионеров –

88 человек. К 2016 году наблюдается спад численности населения. Большинство населения – это эвены, также в селе проживают эвенки и якуты. В основном все говорят на якутском языке. В школе изучают эвенкийский, якутский и русский языки. Ежегодно весной проводят малый слет оленеводов, в программе которого – гонки на оленях, национальные танцы и песни, прыжки через нарты. Есть 3 оленеводческих стада, где насчитывается менее 1000 голов [7].

В трех районах, где проживают эвенки, ведутся разработки месторождений и по сей день. В них наблюдается большой миграционный отток населения за пределы республики, обусловленный закрытием промышленных поселков. Как следствие, в старательских артелях наблюдается дефицит квалифицированных кадров, а артели вынуждены переходить на вахтовый метод работы и привозить людей из других регионов. Из-за нехватки рабочих мест в своих поселениях местные жители нанимаются на сезонные работы в артели. Это накладывает некий отпечаток не только на национальный состав и численность населения улуса, но и на его быт.

По данным проведенного ассоциативного эксперимента сделан сравнительно-сопоставительный анализ семантического и ассоциативного полей на основе 40 слов-стимулов, входящих в активную лексику эвенков изученных МСП. Получены следующие выводы:

1. Всего из 229 совпавших реакций, данных населением МСП, 186 даны парой «эвенки–якуты», 26 являются общими для всех трех этнических групп респондентов, 11 – парой «эвенки–русские» и 6 даны парой «якуты – русские». Таким образом, в образах своего языкового сознания эвенки и якуты имеют друг с другом больше общего, чем эвенки и русские или якуты и русские.

2. Преобладают реакции на русском языке. На высоких позициях находятся слова, отображающие реальный повседневный быт населения МСП эвенков и обозначающие предметы и реалии, сопровождающие слово-стимул (семантическая зона ЧТО).

3. Ядра АП у всех трех народов в целом схожи, а у 26 общих совпадений присутствуют понятия, которые входят в основные, служат для лучшего взаимопонимания народов, живущих в одном социуме.

4. Возрастная группа респондентов «55 и старше» – это группа, наиболее сохранившая язык, культуру, образ жизни: формирование их языкового сознания происходило в среде родного языка, они дали больше реакций на родном языке.

Основным языком обучения в школах республики является русский, в большинстве рассматриваемых поселений в быту используется разговорный якутский, реже – эвенкийский язык. При таком дву- и многоязычии механизм речепроизводства имеет свои особенности. У каждого носителя

языков, в зависимости от возраста, места проживания и опыта, формируется свой уровень речевого развития. Требуемые условия общения определяют то, что такой носитель языков будет использовать различные способы формулирования своей мысли, необходимые для адекватной речи. Получается, что дву- и многоязычная среда направляет сознание индивида на постоянную готовность в определенной языковой ситуации актуализировать механизм определенного языка.

При естественном билингвизме, когда владение вторым языком является жизненной необходимостью, также важно то, как языки усваиваются – параллельно или последовательно. От этого зависят не только формулирование мысли и коммуникативная точность в высказываниях, но и способы восприятия речи: первичность значения слова или его формы. Многоязычие может обогатить язык при условии, что индивид в совершенстве знает свой первый язык. Если же носитель языков не владеет хорошо ни одним из употребляемых им языков, то это обедняет его речь. Как известно, родной язык является достаточным для психического развития детей дошкольного возраста, и двуязычие не является психологической необходимостью. Метод «одно лицо – один язык» уменьшает явление смещения языков.

На выбор носителем языков слов для выражения своих мыслей влияют совмещенные образы культур, к которым он принадлежит. Так, носитель языков – это индивид, представитель этнической культуры, порождающий тексты и воспринимающий тексты с помощью своего этнического языка и других известных ему языков. Он также может построить свою речь из нескольких частей известных ему языков, подбирая для этого слова и выражения, которые (на его взгляд) наиболее четко отражают его мысли.

Таким образом, эвенки представляют сегодня четыре типа носителей эвенкийского языкового сознания: 1) билингвы, считающие свой родной язык первым языком, а русский – вторым; 2) эвенки, считающие русский язык своим первым языком ввиду незнания родного; 3) мультилингвы, считающие якутский язык – вторым; 4) эвенки, считающие якутский язык своим первым.

Носитель языка не может передать свои мысли посредством родного языка тогда, когда:

- 1) он недостаточно хорошо владеет им;
- 2) в языке нет эквивалентов (заимствование);
- 3) соприкасаясь с другой культурой, он перенимает ощущения и знания, которые свойственны этой другой культуре.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975.
2. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
3. Стручков К. Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы. Новосибирск: Наука, 2009. 120 с.

4. Паспорт социально-экономического развития населения Кюпского наслега на 01.01.2010 год. URL: <http://old.sakha.gov.ru/kup> (дата обращения: 30.01.2017).
5. Паспорт социально-экономического развития сельского населения Тянского национального наслега на 01.01.2010 год. URL: <http://old.sakha.gov.ru/tyanya> (дата обращения 30.01.2017).
6. Паспорт социально-экономического развития сельского поселения «Село Иенгра» на 01.01.2010 год. URL: <http://old.sakha.gov.ru/iengra> (дата обращения: 30.01.2017).
7. Хара-Улахский национальный наслег. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хара-Улахский_национальный_наслег (дата обращения: 30.01.2017).
8. Численность населения поселения Кутана РС (Я). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 30.01.2017).
9. Численность эвенков Республики Саха (Якутия). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвенки> (дата обращения: 20.03.2018).

© Захарова Н. Е., Алексеева Д. В., Никитина А. Д., 2018

УДК 81.272

Г. А. Тюндешев

РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье обсуждаются вопросы реализации Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» на уровне ее субъектов в виде национальных автономий разного типа. В качестве одного из действенных механизмов защиты языковых, культурных и иных национальных прав коренных народов предлагается введение верхней палаты для их представительства в законодательных органах тех субъектов РФ, где коренное население составляет менее 20 %.

Ключевые слова: Закон о языках народов РФ, миноритарные языки, Конституция РФ, коренные народы.

Язык – средство воспитания, развития человека, форма распространения знаний, формирования сознания, в том числе и правосознания. Поэтому возможности использования языка так же разнообразны и безграничны, как жизненные потребности общества. «Самые высшие достижения человеческого мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства остаются неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах» [4, с. 18]. К тому же с помощью языка передаются из поколения в поколение культурные и интеллектуальные богатства. Другими словами, язык – это жизнь, жизнь разных народов нашей планеты. И, как справедливо отмечают ученые: «... языковое разнообразие имеет такую же ценность для человеческой цивилизации, как биологическое разнообразие для природы. Миноритарные языки и культуры имеют свой, альтернативный взгляд на мир, свое мировоззрение, свою картину мира, что способно обогатить общечеловеческую культуру» [2, с. 3]. С юридической точки зрения, языковое разнообразие закреплено в ст. 26 Конституции РФ, в которой

провозглашается право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Эта конституционная норма обязана реализоваться совокупностью нормативно-правовых актов, таких как Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», гарантирующий всем её народам, независимо от численности, равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка. Каждому гражданину гарантируется свободный выбор языка общения, воспитания, обучения, творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, религии и места проживания. «Гражданам России предоставлено право обращаться в государственные органы страны на родном языке народов России, которым они владеют. Аналогичное право касается участия в судопроизводстве» [1, с. 186].

Отражение такого правового подхода на уровне национальных образований России наблюдается в основных законах субъектов Российской Федерации, в частности, в ст. 69 Конституции Республики Хакасия: государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки. В реальной правовой действительности фактические языковые отношения не соответствуют юридическим, что переводит нормы выше упомянутых нормативно-правовых актов в фиктивные. Это связано с субъективными и объективными причинами, в первую очередь с нетерпимостью значительной части государственных служащих разного уровня к языковому разнообразию. Выражение такой нетерпимости проявилось в прокурорских проверках 2017 года в ряде национальных республик Российской Федерации под благозвучным предлогом выяснения добровольности изучения родного языка в проверяемой национальной республике. Тогда почему бы не проверить – добровольно ли школьники изучают такие дисциплины, как физика, химия, алгебра или та же физкультура. Наша страна многонациональная, и каждый родной язык коренного народа Российской Федерации уникален, является культурным фундаментом государства. Возможна и другая причина, которая связана с тем, что «реализация российского языкового законодательства проходит на фоне глубоких социально экономических и политических преобразований, влияющих на языковую ситуацию в регионах, на языковую компетенцию и ориентацию носителей миноритарных языков, на языковую политику государства в целом» [3, с. 4].

Есть и другие причины несоответствия реального положения дел в вопросах языковой политики правовым нормам. Но самое главное – чтобы государство последовательно проводило политику, направленную на сохранение и развитие языков коренных народов Российской Федерации. Для этого необходимо, на наш взгляд, введение трех типов школ в национально-государственных и национально-территориальных образованиях Российской Федерации: 1) школы, где учебные дисциплины должны

полностью преподаваться на национальном языке того или иного народа, а русский язык – изучаться как иностранный; 2) школы, где одна половина учебных дисциплин должна предлагаться на национальном языке коренного народа, другая же – на русском языке; 3) школы, где все учебные дисциплины преподаются на русском языке, а национальный язык того или иного коренного народа изучается как иностранный.

Кроме того, для отстаивания языковых, культурных и иных национальных прав коренных народов необходимо создание верхней палаты в субъектах Федерации, где коренное население составляет менее 20 %. В Хакасии есть Верховный Совет, в котором недостает второй палаты, ее гипотетически можно назвать – Улуг Чӧп, где могли бы состоять по два представителя от городов республики и по два сенатора от районов, кроме того, по два представителя от этнических групп хакасов: качинцев, койбальцев, кызыльцев, сагайцев и шорцев. Бикамерализм необходим во всех субъектах, где проживают малочисленные коренные народы, а также в тех республиках РФ, где русские составляют менее 20 %. Вторая палата обязательно должна быть также, например, в Пермском крае для коми-пермяков, в Камчатском крае для коряков, в Красноярском крае для долган, ненцев и эвенков, в Иркутской области для бурят, в Забайкальском крае для агинских бурят.

Библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997.
2. Боргоякова Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития: учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2001.
3. Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
4. Савитский В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / под. ред. А. Я. Сухарева. М.: Наука, 1987. С. 18.

© Тюндешев Г. А., 2018

УДК 81'373.21

И. А. Дамбуев

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА*

В статье анализируются примеры нормализации топонимов Республики Тыва. Выявляются случаи нарушения правил практической транскрипции при передаче тувинских топонимов на русский язык. Отмечается, что при нормализации большое значение имеет

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 18-012-00170)

установление национальных форм названий, их семантики и структуры. Даются рекомендации по нормализации топонимов, имеющих орфографические и лексические варианты.

Ключевые слова: нормализация, топонимия, варьирование, практическая транскрипция.

Наблюдения над изменениями в официальной топонимии Республики Тыва на протяжении последних пяти лет на материале Государственного каталога географических названий позволяют выявить основные проблемы при нормализации тувинских топонимов как одного из факторов сохранения и развития тувинской топонимии. Эти изменения затрагивают написание топонимов в русском языке, а также статус топонимов (согласованный/несогласованный).

В обновленном реестре топонимов Республики Тыва от 20.12.2017 [6] следующие топонимы, бывшие несогласованными в связи с расхождением формы написания, стали согласованными: *Ажик*, *Азик*, *Айлыг-Ары-Холь*, *Алды-Ажар-Ой*, *Алды-Кызыл-Хак*, *Алды-Хульчук*, *Алды-Чан*, *Алды-Каржай*, *Анатык-Оруг*, *Арыг-Узу*, *Бажи-Хем*, *Бай-Ой*, *Даштыг-Хем*. Рассмотрим данные результаты нормализации с позиции действующих правил передачи тувинских топонимов на русский язык. При определении русских вариантов названий использовались доступные в Интернете топографические карты Генштаба ВС СССР и ФГУП «ГОСГИС-ЦЕНТР» разных масштабов и годов издания, а также Закон Республики Тыва от 24 декабря 2010 года № 268 ВХ-1 «О статусе муниципальных образований Республики Тыва» (с изменениями на 30.12.2016) [3]. Поскольку при нормализации топонимов, а на русском языке важное значение имеет установление национальных форм топонимов: «выявление национальных форм и смыслового значения названий позволит с большей достоверностью проверить и установить их русскую транскрипцию» [7, с. 5], нами активно использовался Топонимический словарь Тувы [5] и список основных географических названий Тувинской АССР в Тувинско-русском словаре [8, с. 636–646].

Ажик – левый приток реки *Уюк*. На картах зафиксированы формы *Ажик* и *Ажык*. В [3] употребляется форма *Ажик*. Топоним образован от тув. *ажык* ‘поляна, открытое место в лесу’. Как отмечает Б. К. Ондар, «в топонимии Тувы названия с *ажык* имеют значения ‘открытый; таежная поляна; летники с пастбищами’» [5, с. 10]. В среднем и нижнем течении рек по берегам имеются поляны и летники. Согласно Инструкции по русской передаче географических названий Тувинской АССР, изданной в 1975 г., букву *ы* после шипящих *ж*, *ч*, *ш* рекомендуется передавать через букву *ы*, а не *и*, как это делалось ранее согласно Инструкции по передаче на картах географических названий Тувинской АССР, изданной в 1964 г. [1, с. 2]. Такая передача ближе к национальной форме топонима, поскольку отражает фонетические особенности тувинского языка, а имен-

но, небную гармонию гласных. В связи с тем, что принципы практической транскрипции при передаче топонимов с тувинского языка на русский язык претерпевали изменения в прошлом, в настоящее время мы отмечаем закрепившиеся как на картах, так и в официальных документах формы: *Ажик*, *Ажик-Тайга*, *Ажик-Холь* и *Ажык*, *Биче-Ажык*, *Улуг-Ажык* и т. д. Рекомендуемая форма – *Ажык*.

Азык – левый приток реки *Унгеиш*. На картах зафиксирована форма *Азыг*. На правом берегу ручья расположено урочище *Азыг*. В верховьях ручья находится гора *Азыг*, по которой ручей и получил свое название. Тув. *азыг* ‘клык’. Рекомендуемая форма – *Азыг*.

Айлыг-Ары-Холь – озеро в *Тоджинской* котловине. На картах зафиксирована форма *Айлыг-Арыг-Холь*. В [5] дается следующее объяснение названию: «*айлыг* ‘с сараной’, *ары* ‘северный склон горы’, *хөл* ‘озеро’ – озеро на северном (теновом) склоне горы, изобилующем сараной» [5, с. 38]. Озеро действительно находится в горах, причем южные горы, а это хребет *Кадыр-Эги-Тайга*, несколько выше северных, что может служить оправданием предложенному объяснению названия. Однако, учитывая тот факт, что на картах Генштаба и Госгисцентра употребляется форма *Айлыг-Арыг-Холь*, можно данное название осмыслить как ‘лесное озеро, изобилующее сараной’, где тув. *арыг* ‘пойменный лес; лесной’, что также подтверждается ландшафтом местности. Варианты *Айлыг-Ары-Холь* и *Айлыг-Арыг-Холь* различаются одной буквой, что может быть вызвано опечаткой при редактировании карт. Для выбора адекватной формы необходимо выявление бытующего у местного населения названия этого озера, расположенного в отдаленной местности одного из наименее населенных кожуунов.

Алды-Ажар-Ой – левый приток реки *Азас*. На картах представлены варианты *Алды-Ажар-Ой* и *Алды-Ажар-Ой*. Название от тув. *алды* ‘нижний’ и гидронима *Ажар-Ой*, в котором тув. *ажар* ‘переваливать, переходить, переезжать’ и *ой* ‘низина, лощина’. Нормализация названия, в результате которой кодифицирована форма, совпадающая с тув. *алды* ‘соболь; соболиный’ или числительным ‘шесть’, искажает смысл названия и нарушает действующие правила передачи тувинских географических названий на русский язык, согласно которым в русской передаче должна отражаться долгота тувинских гласных путем удвоения соответствующих букв во избежание ложной омонимии со словами с краткими гласными [1, с. 5]. То, что в названии употребляется именно прил. *алды* ‘нижний’, подтверждается наличием выше по течению *Азаса* притока *Устю-Ажар-Ой*, т. е. *Верхний Ажар-Ой*. Рекомендуемая форма – *Алды-Ажар-Ой*.

Алды-Кызыл-Хак – правый приток реки *Кызыл-Хая*. На картах представлены варианты *Алты-Кызыл-Гак* и *Алды-Кызыл-Хак*. В названии опре-

деленно выделяется тув. *алдыы* ‘нижний’, т.к. левый приток этой реки называется *Устю-Кызыл-Хак*, т. е. *Верхний Кызыл-Хак*. Вариант *алты* противоречит фонетическим закономерностям тувинского языка, т.к. звонкий согласный [л] должен сочетаться со звонким [д]. Слова *гак* в тувинском языке нет, вообще слова с начальным [г] в тувинском языке являются заимствованными. Компоненты *Кызыл-Хак* от тув. *кызыл* ‘красный’ и *хаак* ‘мелкий тальник’. Таким образом, учитывая правило отражения долготы гласных, рекомендуемым вариантом будет *Алдыы-Кызыл-Хаак*.

Алды-Хульчук – левый приток реки *Малая Сейба*. На картах зафиксированы формы *Алтыги-Хулчук*, *Альды-Хульчук*, *Алды-Хульчук*. Название – от тув. *алдыы* ‘нижний’, так как, во-первых, он является самым нижним притоком, во-вторых, выше по течению *Малой Сейбы* расположен левый приток *Орта-Хульчук*, т. е. *Средний Хульчук*, где *ортаа* ‘средний’. Компонент *алтыги*, вероятно, от тув. *алдыгы* ‘шестой’, можно считать ошибочным в связи с омонимией *алдыы* ‘нижний’ и *алды* ‘шесть’. Формы *Хулчук* и *Хульчук* представляют собой, вероятно, тув. *хол* ‘сухое русло’ и уменьшительный аффикс *-чук*. Проблему употребления/неупотребления мягкого знака при передаче на русский язык гидронима *Холчук* можно решить, учитывая рекомендации [1]. Согласно этим рекомендациям, в русской передаче *ль* употребляется перед согласными и в конце слова после гласных переднего ряда (*е/э, и, о, ү*): тув. *Хөлчүк* → рус. *Хольчук*. Поскольку в слове *хол* ‘сухое русло’ звук [о] заднего ряда, при передаче топонима на русский язык употреблять *ь* не следует. Таким образом, при русской передаче *ь* формально разграничит совершенно разные топоосновы *хөл* ‘озеро’ и *хол* ‘сухое русло’. Рекомендуемый вариант – *Алдыы-Холчук*.

Алды-Чан – левый приток реки *Хантыг-Хем*. На картах выявляем варианты *Алды-Чан* и *Алдыы-Чан*. Название от тув. *алдыы* ‘нижний’ и гидронима *Чан*. Выше по течению *Хантыг-Хема* расположен приток *Устю-Чан*, т. е. *Верхний Чан*. Рекомендуемая форма – *Алдыы-Чан*.

Алдыы-Каржсай – левый приток реки *Малый Енисей (Каа-Хем)*. На картах встречаются формы *Алды-Каржсай* и *Алдыы-Каржсай*. Название от тув. *алдыы* ‘нижний’ и гидронима *Каржсай*. Выше по течению в *Малый Енисей* впадает *Устю-Каржсай*, т. е. *Верхний Каржсай*. Нормализованная форма соответствует рекомендуемой.

Анатык-Оруг – река, пропадает в болоте в правобережье реки *Оруку-Шина*. На картах встречаются варианты *Анатык-Оруг* и *Анай-Ооруг*. Последняя форма может быть связана с тув. *анай* ‘козленок (обычно до года)’ и *ооруг* ‘таежное пастбище’. Компонент *анатык* мы объяснить не можем. Однако, учитывая то, что по соседству протекает река *Улуг-Ооруг*, где тув. *улуг* ‘большой; старший; взрослый’, а также системные связи в региональной топонимии, семантика топонима *Анатык-*

Оруг/Анай-Ооруг может быть связана со значениями ‘малый’, ‘младший’, ‘молодой’ и т. д. В связи с этим отметим, что *анай* ‘козленок (обычно до года)’ в известной степени передает эти значения, но более подходящим словом для этого может служить тув. *аныяк* ‘молодой’, которое могло исказиться в русской передаче до формы *анатык*. Как отмечает Б. К. Ондар, «*аныяк* – ‘молодой’ в составе топонимов имеет значение ‘малый’» [5, с. 52]. На более старых Генштабовских картах река имеет название *Анатык-Оруг*. Также называется и находящаяся в верхнем течении реки гора *Анатык-Оруг*. На современных картах Госгисцентра и река, и гора называются *Анай-Ооруг*. В [6], изданном Росреестром, указаны гора *Анай-Ооруг* и реки *Анай-Ооруг* и *Анатык-Оруг*. При этом обе реки имеют одинаковые координаты. Велика вероятность того, что разные варианты названия одной и той же реки были восприняты как названия двух разных рек, т. е. была допущена ошибка. Таким образом, в данном случае необходимо провести дополнительные исследования для уточнения соотношенности названий с географическими объектами.

Арыг-Узю – река, впадает в *Саяно-Шушенское* водохранилище. На картах выявляем форму *Арыг-Узю*. Б.К. Ондар объясняет название от тув. *арыг* ‘пойменный лес’ и *узук* (*үзүү*) ‘разрыв, перерыв; разорванный, порванный’, река протекает по долине, «в которой значительные площади леса перемежаются с полянами» [5, с. 58]. В компоненте *үзүү*, согласно правилам практической транскрипции, конечное долгое *үү* необходимо передавать через *ю*: *Арыг-Узю*, как и название одноименного села, расположенного на этой реке.

Бажы-Хем – левый приток реки *Стерлиг*. На картах выявляем варианты *Бажы-Хем* и *Бажы-Хем*. Тув. название *Бажы-Хем*, где *баш* ‘вершина’ и *хем* ‘река’, т. е. ‘река, стекающая с вершины горы’, что соответствует действительности. Рекомендуемая форма – *Бажы-Хем*.

Бай-Ой – левый приток реки *Салдам*. На картах находим варианты *Баяй* и *Бай-Ой*. Тув. Название *Бай-Ой*, где *бай* ‘богатый, обильный чем-л.’ и *ой* ‘низина, лощина’. Нормализованная форма соответствует рекомендуемой.

Даитыг-Хем – река, левая составляющая реки *Кызыл-Хая*. На картах Генштаба обозначен вариант *Тышитыгим*, который является явной адаптацией тув. названия *Даитыг-Хем*, где *даитыг* ‘каменистый’ и *хем* ‘река’. Нормализованная форма соответствует рекомендуемой.

Следующие топонимы остаются в настоящее время в статусе несогласованных, т. е. нуждающихся в уточнении формы написания: *Алдын-Булак*, *Кундустуг*, *Оо-Шынаа*, *Ужеп*, *Холь-Оожу*, *Хольчук*, *Чазылар*.

Алдын-Булак – село в *Барун-Хемчикском* кожууне. На картах Генштаба встречаем варианты *Аксы-Барлык*, *Алдын-Булак* (*Аксы-Барлык*), а на картах Госгисцентра – *Алдын-Булак* (*Аксы-Барлык*), *Аксы-Барлык* (*Ал-*

дын-Булак). В [3] употребляется название села *Аксы-Барлык*, которое является, соответственно, центром *Аксы-Барлыкского* сумона. Тув. *Алдын-Булак* от *алдын* ‘золото; золотой’ и *булак* ‘ручей (в степи), родник’. Тув. *Аксы-Барлык* от *аас (аксы)* ‘устье (реки)’ и гидронима *Барлык*. Село расположено у устья реки *Барлык*. Очевидно, что в данном случае речь идет о лексическом варьировании, при котором наблюдается конкуренция употребляемых в речи вариантов. При условии употребления и известности обоих вариантов, считаем рациональным нормализовать оба варианта – *Аксы-Барлык (Алдын-Булак)*.

Кундустуг – село в *Каа-Хемском* кожууне. На картах выявляем варианты *Кундустуг (Фёдоровка)* и *Кундустуг*. В [3] в статьях № 5 и № 8 употребляется название села *Кундус-Туг*, а в приложении № 57 – *Кундустуг*. Здесь также наблюдается явление лексического варьирования. Как отмечает Б. К. Ондар, «русское название поселка – *Фёдоровка* (по фамилии первопоселенца); *кундус* ‘выдра’ + *-туг* – афф. отн. прил.; название поселка – по реке, по берегам которой водится выдра» [5, с. 125]. Дефисное написание *Кундус-Туг* ошибочно с лингвистической точки зрения. При передаче на русский язык через дефис пишутся составные топонимы, состоящие из двух и более слов. Данный же топоним является однословным. При условии употребления и известности обоих вариантов считаем рациональным нормализовать оба варианта – *Кундустуг (Фёдоровка)*.

Оо-Шынаа – село в *Тес-Хемском* кожууне. На картах встречаем варианты *О-Шынаа, Оо-Шынаа, О-Шынаа*. В [3] дается форма *О-Шынаа*. Название от тув. *шынаа* ‘речная долина; низина’ и компонента *оо*, который периодически встречается в тувинской топонимии. Если согласно Инструкции по передаче на картах географических названий Тувинской АССР 1964 г. издания *ы* после шипящих передавалось через *и*, то в Инструкции по русской передаче географических названий Тувинской АССР 1975 г. издания *ы* после шипящих рекомендуется передавать через *ы*, максимально приближая русскую транскрипцию к тувинской орфографии. По мнению Б. И. Татаринцева, компонент *оо* связывается с тюркским географическим термином *оба~ова~ува* со значениями ‘пропасть’, ‘глубокое место, размытое водой; долина, ложбина’, ‘низменность’, ‘омут’, ‘водоворот’ [5, с. 147]. В списке основных географических названий Тувы, находящемся в [8], находим следующие топонимы с данным компонентом: *Улуг-Оо, Оо-Хем*. Учитывая рекомендацию отражать в русской передаче долготу гласных, рекомендуемый вариант – *Оо-Шынаа*.

Ужеп – арбан в *Каа-Хемском* кожууне. На картах встречаются варианты *Ужеп* и *Усть-Ужеп*. Арбан назван по реке *Ужеп*. Находится у впадения *Ужепы* в *Малый Енисей (Каа-Хем)*, откуда и тув. название *Ужеп*

Аксы, где тув. *аас (аксы)* ‘устье (реки)’. В [3] дается форма *Усть-Ужеп*. В [1] не дается никаких рекомендаций по вопросу перевода или транскрипции компонента *аксы*. Как отмечается в [4]: «В отдельных районах национальной территории с преобладающим населением другой национальности названия передаются с языка этой преобладающей национальности по правилам соответствующих частных инструкций» [4, с. 13]. В населенном пункте на протяжении нескольких поколений проживают русские старoverы. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля русского населения в *Каа-Хемском* кожууне была наибольшей среди всех кожуунов республики и составляла 38,57 %, а в селе *Сарыг-Сеп* – 59,47 % [2]. Рекомендуемая форма – *Усть-Ужеп*.

Холь-Оожу – село в *Тес-Хемском* кожууне. На картах встречаются варианты *Холь-Ожу*, *Холь-Оожу*, *Холь-Ежу*. В Реестре зарегистрированных в АГКГН географических названий Республики Тыва на 13.02.2017 была форма *Хол-Оожу*. Как отмечает Б. К. Ондар, название происходит от «тув. *хөл* ‘озеро; озерный’, *өөш* ‘пролив; исток’. Название *Хөл-Өөжү* осмысливается как ‘река, берущая начало с озера» [5, с. 212]. Действительно, она берет свое начало в озере Кара-Холь. Согласно правилам практической транскрипции, рекомендуемая форма – *Холь-Оожу*.

Хольчук – село в *Чеди-Хольском* кожууне. Варианты на картах: *Хольчук* и *Холчук*. В [3] дается форма *Холчук*. Данное название, исходя из географических реалий местности, скорее всего, происходит от тув. *хол* ‘сухое русло’, а не *хөл* ‘озеро’. Если это так, то рекомендуемой формой будет *Холчук*.

Чазылар – село в *Тоджинском* кожууне. Варианты на картах: *Чазылар*, *Чазылары*, *Чазылар (Хамсара)*. В [3] дается форма *Чазылары*. Как отмечает Б. К. Ондар, «в основе слова тодж. диал. слово *чазы* ‘степь, поле, широкая ровная местность’ + *-лар* – афф. мн. числа» [5, с. 218]. Таким образом, рекомендуемая форма – *Чазылар*.

В результате анализа нормализованных в последние годы, а также нуждающихся в нормализации топонимов Республики Тыва были выявлены случаи нарушения разработанных еще во второй половине XX века правил практической транскрипции для передачи тувинских топонимов на русский язык. Рассмотренные случаи свидетельствуют о том, что трудности возникают при передаче долготы тувинских гласных, а также *ы* после шипящих. Очевидно, что успешная нормализация тувинских топонимов в русском языке предполагает установление адекватных тувинских форм и правильное соотнесение названий с обозначаемыми ими географическими объектами. При этом большое значение имеет выявление языковой принадлежности названий, установление их этимологии и структуры. В результате совершенствования практической транскрипции и переиздания инструкций с разными рекомендациями мы наблюдаем в

настоящее время варьирование способов передачи одних и тех же явлений в топонимах. Даже официальные нормативные документы не всегда последовательны в передаче топонимов.

Лексическое варьирование не обошло стороной и тувинскую топонимию. При нормализации лексических вариантов большое значение имеет исследование языковой ситуации и контекста употребления данных вариантов. Не стоит забывать о том, что у одного географического объекта может быть несколько официально признанных названий. Подобная практика находит все большее распространение в странах с разноязычным населением в связи с признанием топонимии как составной части нематериального культурного наследия.

Библиографический список

1. Инструкция по русской передаче географических названий Тувинской АССР. М.: ГУГК, 1975. 28 с.
2. Население по национальности и полу по Республике Тыва. Кызыл: Тывастат, 2005. 13 с.
3. О статусе муниципальных образований Республики Тыва (с изменениями на 30.12.2016): Закон Республики Тыва от 24 декабря 2010 года №268 ВХ-I. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701363> (дата обращения: 07.03.2018).
4. Общая инструкция по передаче географических названий на картах / сост. С.А. Тюрин. М.: Геодиздат, 1955. 32 с.
5. Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. 256 с.
6. Реестр наименований географических объектов на территории Республики Тыва по состоянию на 20.12.2017. URL: <http://rosreestr.ru/upload/Doc/19-upr/Республика Тыва.rar> (дата обращения: 07.03.2018).
7. Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. М.: Издательство «Наука», 1985. 54 с.
8. Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / ред. Э.Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

© Дамбуев И. А., 2018

УДК 81'272

Т. Н. Сагалакова

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

В статье на основе анализа законодательной базы Ямало-Ненецкого автономного округа характеризуется и оценивается современное региональное законодательство, связанное с сохранением и развитием миноритарных языков региона.

Ключевые слова. Ямало-Ненецкий автономный округ, языковое законодательство, миноритарные языки, родные языки, коренные народы.

В Ямало-Ненецком автономном округе (далее ЯНАО) доля представителей коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) составляет 7,4 % от всего населения. Согласно Всероссийской переписи насе-

ления 2010 года, около половины основных представителей КМНС округа указали, что владеют родным языком.

Законодательная база Ямало-Ненецкого автономного округа создает благоприятные условия для развития коммуникативных возможностей миноритарных языков коренных малочисленных народов. основополагающим документом ЯНАО является Устав, в котором прописаны положения, касающиеся языковых прав граждан. Кроме этого, в регионе действуют следующие Законы, регламентирующие языковые права:

- «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа»;
- «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» (Статья 4);
- «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (Статья 11);
- «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе»;
- «О культуре в Ямало-Ненецком автономном округе»;
- «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов» (Статья 7, п. 4);
- «О видах деятельности некоммерческих организаций для признания их социально ориентированными в Ямало-Ненецком автономном округе» (Статья 2, п. 3).

Существующее региональное законодательство, связанное с сохранением и развитием миноритарных языков народов ЯНАО имеет «осторожные», рекомендательные формулировки, что ограничивает их полноценное функционирование.

По инициативе Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации 24 марта 2017 года в г. Салехарде состоялся очередной VIII съезд в рамках Форума коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В результате одним из итоговых документов съезда признана Народная Программа «Коренные малочисленные народы – 2021. Земля. Традиции. Будущее». В Программе в п. 4 «Образование и родные языки» прописаны механизмы реализации права всех народов России на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Как справедливо отметил на съезде руководитель Федерального агентства по делам национальностей И. Баринов, в субъектах РФ ситуация с КМНС разная. В регионах, где этому уделяется должное внимание и есть возможность финансирования, положение малочисленных народов, в том числе и их родных языков, представляется более оптимистичным.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ

В статье рассматриваются особенности медийного образа Республики Хакасия, репрезентированного в федеральном информационном дискурсе. Материалом исследования послужили публикации, представленные на Интернет-сайтах ведущих информационных агентств России. Проведенный анализ позволил установить наличие большого количества негативных черт в медиаобразе Республики Хакасия при гораздо меньшем объеме позитивных характеристик.

Ключевые слова: средства массовой информации, Республика Хакасия, медиаобраз, информационная картина мира.

Медиаобраз определяется исследователями как «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта / явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и / или формирует знания и представления адресата» [1, с. 136]. Цель настоящей статьи – анализ репрезентации медиаобраза Республики Хакасия в федеральных средствах массовой информации, являющийся продолжением проведенных ранее исследований регионального медиaproстранства [2]. Исследование выполнено на материале публикаций информационных агентств «Интерфакс» [3], «РИА Новости» [4] и «Известия.Ru» [5], размещенных в Интернете в период с марта 2017 года по март 2018 года. На сайтах упомянутых изданий нами было обнаружено 263 публикации, в названиях и текстах которых содержится слово «Хакасия». Все эти публикации мы условно разделили на несколько тематических групп: экономика, политика, общество, культура и спорт:

	Интерфакс	РИА Новости	Известия.Ru	Всего
Экономика	39	21	11	71
Политика	19	13	7	39
Общество	54	31	23	108
Культура и спорт	11	23	11	45
Всего	123	88	52	263

Как видно из таблицы, распределение статей и заметок с упоминанием о Хакасии по тематике в анализируемых источниках оказалось неравномерным: наибольшее число публикаций в них приходится на рубрики «Общество» и «Экономика», наименьшее – на разделы «Политика» и «Культура и спорт».

В разделе «Экономика» наибольшее количество публикаций посвящено неблагоприятным аспектам экономической ситуации, в которой находится Республика Хакасия. Так, авторы статей активно освещают проблемы госдолга Хакасии, объем которого превышает собственные доходы, рассказывают о периодических колебаниях в численности официально безработных (их количество то растёт, то сокращается), сообщают о наличии задолженности по заработной плате, что находит отражение в следующих заголовках информационных сообщений (примеры с сайта информационного агентства «РИА Новости»):

- Хакасия просит 28,2 млрд рублей из-за «катастрофической ситуации» в регионе.
- Эксперт назвал главную причину финансового кризиса в Хакасии.
- В Хакасии рабочие стройки начали голодовку из-за невыплаты зарплаты.
- Конкурсный управляющий в Хакасии безуспешно попытался спасти компанию за счет лотерейных билетов.

В публикациях, отнесенных нами к разделу «Общество», представлена информация о значимых событиях из общественной жизни республики. Внимание журналистов особенно привлекли такие темы как изъятие из многолетней семьи семерых приемных детей и их последующее возвращение, неблагоприятные погодные явления (аномальные холода, штормовые предупреждения) и их влияние на жизнь региона, а также разного рода криминальные и околокриминальные происшествия. Типичные примеры заголовков публикаций из этой рубрики выглядят следующим образом (источник – сайт «Интерфакс»):

- Детский омбудсмен не увидела оснований для изъятия семи детей из семьи в Хакасии.
- В Хакасии осуждены восемь участников бунта в колонии.
- В Хакасии возбудили дело после отравления воспитанников детского сада.
- Жителей Хакасии будут штрафовать за сбор незрелой черники и кедровых орехов.

Статьи и заметки из раздела «Политика» освещают значимые в политической жизни региона события. Так, информационным поводом для множества публикаций, отнесенных нами к этой группе, стали резонансные высказывания Главы Республики Хакасия В. М. Зимины, которые прозвучали в ходе ноябрьской «прямой линии» его с жителями региона. Активно освещались журналистами также уголовные дела против чиновников, обвиненных в коррупции, и отставка республиканского правительства, произошедшая в апреле 2017 года. Интересно отметить, что ряд публикаций из раздела «Политика», в текстах которых упоминается Хакасия, посвящен теме отдыха в Сибири Президента России В. В. Путина.

В качестве примеров заголовков новостных сообщений, в которых представлена информация о политической жизни Республики Хакасия, можно привести следующие (источник – сайт «Известия.Ru»):

- Глава Хакасии отправил правительство республики в отставку.
- Новое уголовное дело возбуждено в отношении экс-чиновника Хакасии.
- Глава Хакасии предложил жителям региона варить тушенку и собирать ягоды.
- Песков рассказал о погоне Путина за щукой во время отдыха в Сибири.

Наконец, в разделе «Культура и спорт» читателям предлагается информация о различных культурных и спортивных событиях, происходящих в Республике Хакасия. На страницах анализируемых изданий освещаются такие темы как открытие республиканского музейно-культурного комплекса – крупнейшего культурного центра за Уралом, участие спортсменов из Хакасии в соревнованиях всероссийского и международного уровней, развитие регионального этнотуризма, участие Хакасии в общероссийских культурных и патриотических акциях (таких как, например, «Бессмертный полк»). Ниже приведены примеры заголовков информационных сообщений из данного раздела (источник – сайт «РИА Новости»):

- Шойгу поддержал идею о создании в Хакасии филиала парка «Патриот».
- Туристы едут на горнолыжные курорты Сибири, не пугаясь морозов.
- В Хакасии представили книгу о предках Путина.
- В заповеднике «Хакасский» открылся «Поселок предков».

Следует отметить, что только в последнем информационном блоке доминируют позитивные информационные поводы, определяющие и тональность подачи материала. Что же касается остальных трёх разделов, то весьма значительную их часть составляют публикации, посвященные экономическим проблемам, коррупции, криминальным происшествиям, коммунальным авариям, неблагоприятным погодным условиям и т. п. Специалисты в области медиалингвистики отмечают, что именно такие сообщения характеризуются наибольшим медиаиндексом, то есть вызывают наибольший резонанс: «Категория негативных новостей существенно воздействует на массового адресата и «эффективнее» конструирует медиаобраз, нежели нейтральные или позитивные сообщения» [1, с. 138]. Кроме того, именно сообщения негативного характера вызывают наибольший читательский отклик, собирая множество комментариев. Всё это обуславливает наличие большого количества негативных черт в медиаобразе Республики Хакасия при гораздо меньшем объеме позитивных характеристик.

Библиографический список

1. Мальшева Е. Г., Гриднев Н. А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 134–144

2. Боргоякова Т. Г., Каксин А. Д., Чугунекова А. Н. Репрезентация российской, региональной и этнической идентичности // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. 2016. № 18. С. 19–22
3. Международная информационная группа «Интерфакс». URL:<http://www.interfax.ru/>
4. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/>
5. Известия .Ru – ежедневная газета. URL: <https://iz.ru/>

© Гусейнова А. В., Забусова Н. Е., 2018

УДК 811.512.153

Н. Ч. Субракова

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ГАЗЕТЕ «ХАБАР»

В статье рассмотрены особенности освещения проблемы сохранения и развития хакасского языка в Республике Хакасия в материалах республиканской газеты «Хабар». На сегодняшний день газета «Хабар» является единственным печатным средством массовой информации, целевой аудиторией которого является хакасскаяязычное население. В связи с этим для данного издания проблема сохранения хакасского языка имеет особый интерес.

Ключевые слова: Хакасия, национальная политика, коренной этнос, газета «Хабар», хакасский язык.

Основными принципами концепции государственной национальной политики в Российской Федерации являются равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям; запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации и т. д. Исходя из этого одной из основных задач (неотложных задач) в духовной сфере является обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России, использования русского языка как общегосударственного [1].

В связи с этим справедливо утверждение Евгения Кузьмина, заместителя председателя Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», президента Межрегионального центра библиотечного сотрудничества: «Важно понимать, что государственное и административно-территориальное устройство страны может стимулировать сохранение национальной идентичности миноритарных народов и их национальных языков, а может способствовать ассимиляции этих народов и дальнейшей маргинализации их языков. Россия – это сложно устроенная федерация. Федеративное государство сдерживает процессы отмирания языков и даже может способствовать их развитию» [2].

Проблема сохранения и развития языков коренных народов актуальна для многих национальных республик Российской Федерации. Об этом свидетельствуют результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, где были отражены данные о владении языками (кроме русского) населением отдельных национальностей [4; 5] При сравнении результатов переписей по данному показателю мы видим, что численность лиц, владеющих национальными языками, заметно сократилась.

Владение национальными языками

№	Языки	Численность лиц, владеющих данным языком по результатам ВПН 2002 г.	Численность лиц, владеющих данным языком по результатам ВПН 2010 г.	Прирост (убыль) с 2002 по 2010 гг., %	Прирост (убыль) с 2002 по 2010 гг., чел.
1	Татарский	5 347 706	4 280 718	-19,95	-1 066 988
2	Башкирский	1379 727	1 152 404	- 16,48	-227 323
3	Чувашский	1 325 382	1 042 989	-21, 31	- 282 393
4	Якутский	456 288	450 140	-1,35	- 6 148
5	Тувинский	242 754	253 673	+ 4,5	10 919
6	Бурятский	368 807	218 557	-40,74	- 150 250
7	Коми	217 316	156 099	-28, 17	- 61 217
8	Алтайский	65 534	55 720	-14, 98	- 9 814
9	Хакасский	52 217	42 604	- 18, 41	- 9 613

В данной таблице из девяти отобранных языков коренных этносов прирост лиц, владеющих языком, характерен только по одному языку – тувинскому. По остальным языкам мы наблюдаем убыль численности лиц, владеющих данными языками, в числе которых и хакасский язык. Отметим, что это малая часть языков, владение которыми мы решили показать. Россия – многонациональная страна. По данным переписи 2010 года, население России представлено 245 этносами, из которых 100 этносов являются коренными этносами нашей страны. Языковая картина, полученная по переписям населения, не может удовлетворять ни Организацию Объединенных Наций, ни руководство страны, ни элиту коренных этносов. Данные, полученные по итогам переписей, не остались без внимания государства и способствовали усовершенствованию национальной и экономической политики не только самих национальных республик, но и в целом страны. В частности, государственные органы власти Хакасии приняли ряд решений, в том числе законодательных, которые способствуют сохранению языков коренных этносов республики и мест их компактного проживания.

В Хакасии укрепление позиций хакасского языка началось с постсоветского периода, когда национальные территории заинтересовались суверенитетом. Власти и общественность Хакасии, в то время ещё автономной области в составе Красноярского края, вышли с обращением о

преобразовании области в республику. 3 июля 1991 года автономная область была преобразована в республику и получила название Хакасская ССР. На первой сессии Верховного Совета Хакасии было принято решение именовать её Республикой Хакасия в составе РФ. Хакасский народ долго ждал этого события. Национальная газета как общественно-политическое издание принимала активное участие в формировании общественного мнения о необходимости создания республики. В тот период главным редактором издания, уже переименованного из «Ленин чолы» в «Хакас чирі», был Гавриил Гаврилович Котожеков. Уже республиканские власти, принимая Конституцию Республики Хакасия, постановили вторым государственным языком считать хакасский язык. Это стало первым решением, укрепляющим позиции родного языка коренного населения. В последующие годы республиканские власти разрабатывали государственные и целевые программы по сохранению и развитию языков народов Хакасии.

Необходимо отметить и вклад общественных объединений, организаций, образовательных и культурных учреждений, в том числе Автономного учреждения Республики Хакасия «Редакция газеты «Хабар», заинтересованных в сохранении хакасского языка. Все меры, предпринимаемые по решению данной проблемы различными структурами власти и общества, становятся объектами материалов республиканской газеты «Хабар» – единственного издания на хакасском языке. Сокращение числа коренного этноса, владеющего родным языком, напрямую отражается и на деятельности печатного издания. Тираж газеты с большими усилиями удерживается в пределах 2 000 экземпляров. Основными читателями газеты являются жители хакасских сёл, небольшой процент приходится на городских жителей. По возрастной категории большая часть читателей – люди старшего поколения.

Газета «Хабар» является информационным полем для реализации государственной национальной политики в Республике Хакасия. Печатное издание выступает в качестве площадки обмена мнениями, акцентирования внимания на вопросах, требующих определенного вмешательства со стороны исполнительных, законодательных органов власти и общественных организаций. О методах решения проблемы сохранения и развития хакасского языка пишут не только журналисты, но и современная хакасская интеллигенция, читатели с активной жизненной позицией. Постоянными авторами статей являются старший научный сотрудник ХаКНИИ-ЯЛИ, председатель терминологической комиссии Ирина Чебочакова, заведующая кафедрой хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова Инга Кызласова, преподаватель кафедры хакасской филологии Лариса Чебодаева, писатели, поэты и другие представители коренного этноса.

Изучив материалы газеты по вопросам сохранения и развития хакасского языка за 2017 год, мы выделили несколько направлений освещения:

информационные заметки, которые значительно повышают статус языка, интерес к нему; отчёты о различных мероприятиях, направленных на сохранение и развитие родного языка коренного этноса (конференции, круглые столы, форумы, конкурсы, олимпиады, заседания комиссий); очерки о людях, в чьей жизни хакасский язык сыграл значительную роль в определении будущей профессии, в личной жизни; аналитические статьи, где авторы высказывают свою точку зрения по проблеме в целом, а также по отдельным вопросам сохранения и развития хакасского языка.

Основная рубрика для статей данной темы – «Тіл сурии / Вопрос языка». В заголовках статей данной тематики частотны словосочетания «пос тілі / свой язык», «хакас тілі / хакасский язык», «тӱреен тіл / родной язык». В отчётных статьях о мероприятиях, направленных на сохранение и развитие хакасского языка, авторы статей акцентируют внимание на уровне владения участниками хакасским языком («Тіл пілгені чахсы польсча / Знание языка помогает», Сергей Майнагашев), на необходимости ведения национальных культурных мероприятий на двух государственных языках республики («Фестиваль. Пеер айланза, кӱн осхастар, аар айланза, ай осхастар / Фестиваль. Сюда повернутся, солнцу подобны, туда повернутся, луне подобны», Оксана Сунчугашева), на необходимости использования хакасского языка в семье («Ӱгредерге ниик, тогысты кӱннің апарарға хай-хай сидік / Легко учить, гораздо труднее – работать каждый день», Наталья Субракова; «Прай ниме сӱбіредең пасталча / Всё начинается от семьи», Илья Топоев).

Считаем важным отметить следующий факт: и журналисты, и читатели понимают, что у хакасов выросло целое поколение людей, которые не владеют родным языком и не могут обучить ему своих детей. Для предотвращения этого необходимо прививать культурные ценности молодежи. Настоящими «алыпами» в сохранении хакасского языка являются доктор филологических наук, профессор кафедры хакасского языка Венедикт Григорьевич Карпов, кандидат филологических наук Лариса Ильинична Чебодаева («Хакас чонның орыс матыры / Русский герой хакасов», «Итчеткен киректері пос чонынаң пик палгалыс парған / Её заслуги тесно связаны с родным народом», Инга Кызласова).

Огромная ответственность за прививание любви к родному языку возложена на учителей хакасского языка, которые зачастую не просто учителя своего предмета, а люди, которые болеют за свой народ, культуру, язык и творчество. Они также становятся заслуженными героями материалов газеты «Хабар». В их числе – учитель хакасского языка и литературы Куйбышевской СОШ Клавдия Сергеевна Чебодаева («Хакас тілінің көгчизи / Певница хакасского языка», Татьяна Тютюбеева).

«Героями» материалов выступают и молодые люди, владеющие языком, озабоченные проблемой сохранения хакасского языка, например,

студент кафедры хакасского языка ХГУ им. Н.Ф. Катанова Сергей Кичев, который считает, что «язык будет жить до тех пор, пока на нём говорит народ». Студент поступил в вуз, чтобы получить квалификацию «Учитель хакасского языка и литературы» и обучать родному языку остальных («Төрөөн тилденер чииттерниң сағыстары / Взгляды молодёжи о родном языке», Инга Кызласова, заведующая кафедрой хакасского языка). И это не все герои материалов газеты «Хабар», которые способствуют укреплению позиций хакасского языка, его функционированию.

Интересны материалы о людях, представителях других национальностей, которые интересуются хакасским языком, изучают его и пользуются им. Сергей Витальевич Немков, русский по национальности, не имеющий отношения к хакасскому языку, но считающий, что, проживая в Республике Хакасия, необходимо владеть языком местного населения, слушает хакасское радио, смотрит хакасские передачи и читает газету «Хабар» («Орындагы чонның тилин пилерге кирек / Необходимо знать язык местного населения»), беседовала Татьяна Тютюбеева).

Большинство авторов анализируемой газеты считает, что сохранение языка начинается с семьи, в которой из поколения в поколение прививаются национальные ценности, любовь к своему народу, культуре, обычаям, языку и малой родине. Сказанное подтверждают специалисты, обучающие детей с малых лет: воспитатели детских садов («Палачахтарның хакастапчатханы ачыныстыг истилче / Хакасская речь в устах малышей звучит очень мило», Наталья Тюкпеева). Воспитатель абаканского детского сада «Кристаллик» Светлана Ахпашева на протяжении 25 лет обучает дошкольников хакасскому языку, при этом не для всех детей хакасский язык является родным. В «Кристаллике» три группы, в которых дети с большим желанием изучают хакасский язык. По словам воспитателя, большинство детей, посещающих группу с изучением хакасского языка, впервые слышат хакасскую речь только в стенах дошкольного учреждения. Администрация города Абакана совместно с Министерством образования и науки Республики Хакасия ответственно подошли к задаче по созданию возможностей для обучения хакасскому языку детей. При открытии нового городского детского сада в нём обязательно создаются одна-две группы с изучением хакасского языка («Ағбанда наа олған сады олғаннарны удурлапча / В Абакане новый детский сад встречает детей», Оксана Сунчугашева).

Усовершенствованная национальная политика Хакасии также нацелена на популяризацию хакасского языка и увеличение числа обучающихся ему хакасских детей в общеобразовательных учреждениях республики. Результаты реализации мер по сохранению и развитию хакасского языка по данному направлению отражены в докладах Министерства образования и науки, Министерства национальной и территориальной политики

республики. По отчётным материалам мы можем отметить и увеличение числа конкурсов, направленных на сохранение и развитие хакасского языка, повышение интереса к языку со стороны подрастающего поколения: школьников, студентов, работающей молодёжи и молодых семей.

Редакция газеты «Хабар» регулярно освещает заседания рабочей комиссии по сохранению и развитию хакасского языка, культуры и этнотуризма. Журналисты выдают полную информацию по вопросам повестки заседаний, а также рекомендации по их решению. В последующем данные вопросы рассматриваются в других материалах, чаще всего являющиеся результатом выполнения рекомендаций рабочей группы по сохранению и развитию хакасского языка, культуры и этнотуризма. Одним из таких решений является принятие Закона Республики Хакасия «Об установлении Дня хакасского языка». Дата (4 сентября) примечательна тем, что в 1924 году в этот день была созвана комиссия по разработке хакасской письменности. На эту дату ссылалось Министерство национальной и территориальной политики Хакасия, которое непосредственно готовило проект данного закона [6].

К знаменательной дате в газете «Хабар» был запущен опрос. Респонденты отвечали на следующие вопросы: каким должен быть День хакасского языка, как его нужно отмечать? В опросе принимали участие не только носители языка, но и представители других наций. Ознакомившись с мнением респондентов, можно выделить важные, на наш взгляд, утверждения. Каждый респондент отметил значимость Дня хакасского языка для сохранения и развития родного языка хакасов, а также высказал пожелание, чтобы хакасская речь звучала в этот день повсеместно в торговых центрах, аптеках, в общественном транспорте, а учреждения культуры представили бы концерты, спектакли. Мероприятия должны быть адресованы детям и молодёжи с целью повышения интереса к хакасскому языку. Своё мнение выразила и старший научный сотрудник ХакНИИЯЛИ, председатель терминологической комиссии Ирина Чебокакова: «Многие опрашиваемые сделали акцент на необходимости проведения мероприятий для подрастающего поколения. Правильно, но, по моему мнению, День хакасского языка, как праздник, не должен стать только школьным праздником, его значение гораздо возрастёт, если он будет отмечаться и руководителями, и общественными деятелями. Возможно, тогда люди, не владеющие языком, в том числе и представители других народов, поразятся богатству хакасского языка и заинтересуются его изучением».

Таким образом, анализ материалов республиканской газеты «Хабар» позволил выявить комплексное освещение проблемы сохранения и развития хакасского языка в Республике Хакасия. Материалы корреспондентов способствуют популяризации хакасского языка и повышению значимости родного языка.

Библиографический список:

1. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/cp/909/2051> (дата обращения: 07.03.2018 г.).
2. Кузьмин Евгений. Многоязычие в России // Вестник Комиссии России по делам ЮНЕСКО.2017. № 31, стр. 104. URL: <http://www.unesco.ru/media/2017/06/311702.pdf> (дата обращения: 06.03.2018 г.).
3. Материалы газеты «Хабар». 2017 год. № 1 (21116)–149 (21264). URL: <http://khakaschiry.ru/>.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4 // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 06.03.2018 г.).
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4 // Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.03.2018 г.).
6. Об установлении дня хакасского языка: Закон Республики Хакасия от 13 июня 2017 г. №38-ЗРХ: принят Верховным Советом Республики Хакасия 31 мая 2017 года. URL: <https://r-19.ru/documents/2017/44063/> (дата обращения: 09.03.2010 г.).

© Субракова Н. Ч., 2018

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

УДК 811.512.1'342

И. Я. Селютина

СИНГАРМОНИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

Исследование сингармонических моделей южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности показало, что наиболее сложная система функционирует в тувинском языке, в хакасском реализуется модель с наименьшей фонологической сложностью; остальные сингармонические системы занимают промежуточное положение между тувинским и хакасским языками на шкале синтагматической сложности.

Ключевые слова: южносибирские тюркские языки, фонетика, фонология, сингармонизм, лингвистическая сложность

Проблема языковой сложности, актуализировавшаяся в начале XXI в. (см работы Дж. Мак-Уортера (McWhorter 2001), Ваутера Кюстерса (Kusters 2003), Эстена Даля (Dahl 2004), Райана Шостеда (Shosted 2006), Элисон Рэй и Джорджа Грейса (Wray, Grace 2007), Гэри Лупяна и Рика Дейла (Lupyan, Dale 2010), Джеффри Сэмпсона (Sampson 2009), Питера Традгила (Trudgill 2011), Бердичевского (2012)), разрабатывается в данной статье на материале фонико-фонологических систем тюркских языков южносибирского региона. Цель исследования – выявление абсолютной объективной сложности сингармонических систем (СС) в тюркских идиомах в их современном синхронном состоянии.

При определении сложности сингармонических систем мы руководствовались принципом, предложенным Мак-Уортером [8]: данная область некоторой грамматики сложнее этой же области другой грамматики в той степени, в которой она содержит больше выражаемых поверхностно различий и / или правил. Кроме того, оценивая уровень объективной (абсолютной) языковой сложности, мы опирались на список параметров, предложенный Дж. Николз [9]: По её мнению, системная сложность определяется: 1) количеством элементов в каждой подсистеме; 2) количеством парадигматических вариантов (степеней свободы) для каждого элемента.

Сингармонизм как явление морфонологического характера является одной из базовых типологических характеристик урало-алтайских языков

агглютинативного типа. Основная составляющая сингармонизма – закон гармонии гласных (ГГ), регламентирующий последовательность вокальных компонентов в слове в соответствии с алгоритмами реализации сингармонических моделей (СМ) данного языка. «Совокупность всех СМ того или иного языка, а также существующие между ними взаимоотношения составляют сингармоническую систему (СС) данного языка» [7, с. 28].

Гармония гласных как базовая составляющая сингармонизма в тюркских языках – это правило, определяющее последовательность гласных в слове при помощи ограниченного набора сингармонических моделей, имеющихся в данном языке. Выбор той или иной модели зависит от качества гласного начального слога в слове. В большинстве сингармонических тюркских языков реализуется палатальная и лабиальная гармония гласных – дистантная прогрессивная ассимиляция по ряду и огублению; в тувинском, кроме того, отменяется ГГ по фарингализации.

Сингармоническая система алтайского литературного языка представлена четырьмя СМ – двумя трехзначными и двумя однозначными. Трёхзначные СМ: только после твердоядных гласных [термины *твердоядные* и *мягкорядные* гласные используются вслед за В. М. Наделяевым: 5, с. 127–128; 6, с. 19–21] – неогубленных широкого *А* или узкого *Ы*, а также огубленного узкого *У* начального слога в неначальном слоге могут употребляться твердоядные неогубленные – широкий *а* или узкий *ы*: *баиштар* ‘голова (мн. ч.)’ – *бажы* ‘голова=его’, *кыштар* ‘девушки (мн. ч.)’ – *кызы* ‘девушка=его’, *куштар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *кужы* ‘птица=его’; кроме того, только после мягкорядных гласных – неогубленных широкого *Э* или узкого *И*, а также огубленного узкого *Ў* начального слога в аффиксальном слоге могут употребляться мягкорядные неогубленные – широкий *э* или узкий *и*: *эттер* ‘мясо (мн. ч.)’ – *эди* ‘мясо=его’, *истер* ‘следы’ – *изи* ‘след=его’, *күндер* ‘солнца (мн. ч.)’ – *күни* ‘солнце=его’. Однозначные СМ: только после твердоядного огубленного широкого гласного *О* начального слога в неначальном слоге могут употребляться твердоядные – огубленный широкий *о* или неогубленный узкий *ы*: *колдор* ‘руки (мн. ч.)’ – *колы* ‘рука=его’; только после мягкорядного огубленного широкого гласного *Ө* начального слога в неначальном слоге могут употребляться мягкорядные – огубленный широкий *ө* или неогубленный узкий *и*: *көлдөр* ‘озёра’ – *көли* ‘озеро=его’. Лишь в *двух* из восьми сингармонических цепочек (СЦ) с огубленными гласными начального слога – *О-о* и *Ө-ө* – соблюдается губная гармония гласных, что свидетельствует о значительном её отклонении в нормированном алтайском языке от гипотетической идеальной модели.

Однако носители территориальных говоров диалекта алтай-кижи реализуют иной алгоритм губной гармонии (*кужу* ‘птица=его’, *күңү* ‘солн-

це=его’), отражающий более древнюю и более полную сингармоническую систему, состоящую из шести СМ – двух двузначных и четырех однозначных; при этом в четырех из восьми сингармонических цепочек – *О-о*, *У-у*, *Ö-ö*, *Ў-ў* – лабиальный признак сохраняет сингармоническую релевантность.

Сингармоническая система языка теленгитов близка к СС, функционирующей в алтайских диалектах: она включает шесть сингармонических моделей – две двузначные (после *А* и *Ы* первого слога употребляются *а* и *ы*, после *Э* и *И* – *э-ä* и *и*) и четыре однозначные (после *О* могут быть *о-ä* и *у*, после *У* – *а* и *у*, после *Ö* – *ö-ä* и *ў*, после *Ў* – *э-ä* и *ў*); но ассимиляция гласных по огублению реализуется в шести СЦ из восьми потенциально возможных: *баиштар* ‘голова (мн. ч.)’ – *баишы* ‘голова=его’, *кыштар* ‘девушки (мн. ч.)’ – *кысы* ‘девушка=его’, *колдор* ~ *колдär* ‘руки (мн. ч.)’ – *колу* ‘рука=его’, *куштар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *кушу* ‘птица=его’, *эттер* ~ *эттär* ‘мясо (мн. ч.)’ – *эди* ‘мясо=его’, *истер* ~ *истär* ‘следы’ – *иси* ‘след=его’, *көлдөр* ~ *көлдär* ‘озёра’ – *көлу* ‘озеро=его’, *күндер* ~ *күндär* ‘солнца (мн. ч.)’ – *күнү* ‘солнце=его’. При этом губная гармония в СС теленгитов более лояльна по отношению к узким огубленным гласным в аффиксальных морфемах: если в алтайском литературном языке после широкого корневого гласного *о* или *ö* огубленный гласный аффикса может быть только широким, в языке теленгитов нет запрета на использование в аффиксах узких лабиализованных вокальных единиц.

Специфику теленгитской СС составляет факультативное использование в аффиксе множественного числа широкого гласного *ä*: после неогубленного широкого *Э* основы звук *ä* употребляется наряду с гласным *э*; после огубленных широких *О* и *Ö* основы звук *ä* употребляется наряду с гласными *о* и *ö*; после огубленного узкого *Ў* звук *ä* употребляется наряду с *э*. Появление гласного *ä* как в твердорядных словоформах (*колдор* ~ *колдär*), так и в мягкорядных (*эттер* ~ *эттär*), как после неогубленных гласных основы (*истер* ~ *истär*), так и после огубленных (*күндер* ~ *күндär*) свидетельствует о формировании в языке третьего – нейтрально-сингармонического ряда, а также о тенденции к нивелировке губной гармонии гласных [1, с. 241–247].

Все три рассмотренные сингармонические системы – алтайского литературного языка, алтайских территориальных говоров и языка теленгитов – определяются как полные, реализующие не только нёбную, но и (частично) губную ГГ.

Сингармоническая система хакасского литературного языка отражается двумя четырехзначными моделями, свидетельствующими о полном разрушении губной гармонии гласных (относительно гипотетической идеальной модели): после корневых гласных *А*, *Ы*, *О*, *У* следуют аффиксальные *а*, *ы*; после *Э*, *И*, *Ö*, *Ў* в аффиксах употребляются гласные *э* и *и*:

настар ‘головы (мн. ч.)’ – *пазы* ‘голова=его’, *хыстар* ‘девушки (мн. ч.)’ – *хызы* ‘девушка=его’, *холлар* ‘руки (мн. ч.)’ – *холы* ‘рука=его’, *хустар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *хузы* ‘птица=его’, *кемнер* ‘кто (мн. ч.)’ – *кемні* ‘кого (вин. п.)’, *истер* ‘следы’ – *ізі* ‘след=его’, *кӧллер* ‘озёра’ – *кӧлі* ‘озеро=его’, *кӱннер* ‘солнца (мн. ч.)’ – *кӱні* ‘солнце=его’.

СС хакасского литературного языка определяется как стяженная, сохраняющая в качестве сингармонически релевантного лишь палатальный признак. Аналогичные СС отмечаются в казахском, каракалпакском, ногайском и некоторых других тюркских языках.

Но, как и в алтайском языке, диалекты хакасского языка сохраняют элементы губной гармонии – в двух сингармонических цепочках (*У-у*, *Ї-ӱ*) реализуется последовательно лабиальная гармония: *хузу* ‘птица=его’, *кӱнӱ* ‘солнце=его’, что характеризует диалектную сингармоническую систему как переходную от полной к стяженной.

Шорская и тувинская СС включают по четыре двузначные модели: после корневых *А* и *Ы* в аффиксах употребляются гласные *а*, *ы*; после *О* и *У* – гласные *а* и *у*; после *Э* и *И* следуют *э* и *и*; после *Ӧ* и *ӱ* – *э* и *ӱ*: тув. *баштар*, шор. *паштар* ‘головы (мн. ч.)’ – тув. *башы*, шор. *пашы* ‘голова=его’; *кыстар* ‘девушки (мн. ч.)’ – *кызы* ‘девушка=его’; тув. *холдар*, шор. *коллар* ‘руки (мн. ч.)’ – тув. *холу*, шор. *колу* ‘рука=его’; *куштар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *кужу* ‘птица=его’; тув. *эъттер*, шор. *эттер* ‘мясо (мн. ч.)’ – тув. *эъди*, шор. *эди* ‘мясо=его’; *истер* ‘следы’ – *изи* ‘след=его’; тув. *хӧлдер*, шор. *кӧллер* ‘озёра’ – тув. *хӧлу*, шор. *кӧлӱ* ‘озеро=его’; тув. *хӱннер*, шор. *кӱннер* ‘солнца (мн. ч.)’ – тув. *хуну*, шор. *кӱнӱ* ‘солнце=его’. При этом в четырех из восьми сингармонических цепочек с начальным огубленным гласным осуществляется дистантная ассимиляция по огублению: *О*, *У* – *у*, *Ӧ*, *ӱ* – *ӱ*, то есть в шорском и тувинском языках в большей степени, чем в алтайском и хакасском, соблюдается губная гармония.

Сингармоническая подсистема тувинского языка включает, кроме палатального и лабиального сингармонизма в нефарингализованных словоформах, четыре аналогичные двузначные модели фарингализованного сингармонизма: после корневых фарингализованных *А̣* и *Ы̣* в аффиксах употребляются фарингализованные гласные *а̣*, *ы̣*; после *О̣* и *У̣* – гласные *а̣* и *у̣*; после *Э̣* и *И̣* следуют *э̣* и *и̣*; после *Ӧ̣* и *ӱ̣* – *э̣* и *ӱ̣*.

Сопоставление полученных результатов с данными по киргизскому языку, оказавшему значительное влияние на формирование южно-сибирских тюркских языков, свидетельствует о том, что киргизская сингармоническая система организована пятью сингармоническими моделями – тремя двузначными (после начальных *А* и *Ы* следуют аффиксальные *а*, *ы*; после *Э*, *И* – *э*, *и*; после корневых *Ӧ* и *ӱ* употребляются *ӧ*, *ӱ*) и двумя однозначными (после гласного *О* начального слога следуют *о* или *у*; по-

сле У – гласные а или у): *баитар* ‘головы (мн. ч.)’ – *баишы* ‘голова=его’, *кыздар* ‘девушки (мн. ч.)’ – *кызы* ‘девушка=его’, *колдор* ‘руки (мн. ч.)’ – *колу* ‘рука=его’, *куитар* ‘птицы (мн. ч.)’ – *кушу* ‘птица=его’, *эттер* ‘мясо (мн. ч.)’ – *эти* ‘мясо=его’, *издер* ‘следы’ – *изи* ‘след=его’, *көлдөр* ‘озёра’ – *көлү* ‘озеро=его’, *күндөр* ‘солнца (мн. ч.)’ – *күнү* ‘солнце=его’.

Как видно из приведенных данных, киргизскому вокализму свойственно наиболее последовательное проведение губной гармонии гласных – не лабиализуются лишь аффиксы с широкой огласовкой, следующие за слогом с узким огубленным У (*куитар*), то есть из восьми сингармонических цепочек семь подчиняются законам губной гармонии гласных.

Таким образом, анализ лингвистического материала на современном синхронном срезе развития тюркских языков Южной Сибири свидетельствует о разрушении губной гармонии гласных, определяющей специфику сингармонических систем. Говоря о разрушении ГГ, мы имеем в виду гипотетическую идеализированную модель, в соответствии с которой после огубленных гласных должны следовать только огубленные гласные. В действительности же ни в одном из известных тюркских языков – как современных, так и древних, такая модель не зафиксирована. Поэтому точнее было бы говорить о специфике проявления губной гармонии в каждом из языков.

Выявленные алгоритмы реализации гармонии гласных позволяют определить сингармонические системы в рассматриваемых языках как переходные от полных, включающих подсистемы и небной, и губной гармонии, к стяженным, в которых признак огубленности гласных сингармонически нерелевантен, вследствие чего система определяется лишь двумя четырехзначными моделями – твердорядного и мягкорядного вокализма.

В целом по сибирскому региону губная гармония гласных более устойчива в микросистеме узкого вокализма. Исключение составляют: алтайский литературный язык, в котором во 2-м – аффиксальном – слоге возможен лишь широкий гласный (две СЦ); алтайские диалекты, в которых широкие и узкие гласные имеют в указанной позиции равные возможности употребления (по 2 СЦ); хакасский литературный язык, в котором губная гармония не реализуется. В остальных анализируемых здесь языках количество сингармонических цепочек с узким огубленным гласным во 2-м слоге выше, чем число СЦ с широким огубленным вокальным компонентом.

Типологическая близость алтайской, теленгитской и киргизской сингармонических систем заключается в использовании широких огубленных гласных *o* и *ö* во 2-м слог, следующем за корнем; в хакасском, шорском и тувинском языках в этой позиции огубленный гласный может

быть только узким. Наиболее полная СС реализуется в киргизском и теленгитском языках.

Законы сингармонизма, детерминирующие звуковой облик словоформы, в каждом из южносибирских тюркских идиомов преломляются в речи в соответствии с сингармоническими моделями, составляющими сингармоническую систему языка или диалекта. Несмотря на то, что палатальная гармония довольно последовательно соблюдается в тюркских языках Сибири, «многие сингармонические языки обнаруживают отклонения от идеальной схемы сингармонизма, что проявляется в наличии нейтральных гласных (часто *e, i*), способных встречаться как в передне-рядных, так и в задне-рядных словах» [2, с. 445].

Ещё в середине прошлого века тюркологи констатировали наличие нейтрального сингармонического ряда в хакасском языке: «Мягкий гласный *и* <...> остается как бы нейтральным <...> и может входить в состав как «твердого», так и «мягкого» слова» [3, с. 128].

В. Г. Карпов отмечает: «... все аффиксы, за исключением аффиксов с вторичным [и], имеют фонетические варианты с гласными заднего и переднего рядов», аффиксы же со вторичным гласным [й] присоединяются к любым основам, независимо от состава гласных в их звуковых оболочках [4, с. 23].

Вторичные долгие [й], обозначаемые на письме одной буквой *и*, появляются в хакасском языке при аффиксации в результате выпадения полугласного [й] в интервокальной позиции в тех случаях, когда основа оканчивается на гласный, а наращиваемый аффикс начинается с гласного, например, при образовании формы будущего времени: *сана + ар > сана + й + ар > сана-й-ыр > санир* ‘будет считать’; *төле + ер > төле + й + ир > төлир* ‘будет платить’.

Вторичные долгие [й], обозначаемые на письме удвоенной буквой *ии*, формируются также в результате выпадения гуттуральных согласных [ɣ], [ɣ] и [ɳ] в позиции между двумя узкими гласными (*ы, i, у, ү*), например: *хузурух* ‘хвост’ – *хузуриим* < *хузуругым* ‘хвост=мой’; *тулун* ‘коса’ – *тулииц* < *тулуңың* ‘коса=твоя’; *кiчiг* ‘маленький’ – *кiчиим* < *кiчiгiм* ‘маленький=мой’ [4, с. 21–24].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в хакасском языке, где закон палатальной гармонии гласных «... действует последовательно, без всяких исключений» [4, с. 23], появление в слове вторичного долгого [й] в результате выпадения среднеязычного, а также гуттурального согласного ведет к слову сингармонических алгоритмов формирования звукового облика словоформ.

Таким образом, исследование сингармонических систем южносибирских тюркских языков по параметрам объективной сложности показало, что наиболее сложная СС функционирует в тувинском языке, хакасский

язык реализует СС с наименьшей фонологической сложностью; сингармонические системы остальных рассматриваемых языков занимают промежуточное положение между тувинским и хакасским на шкале объективной синтагматической сложности. Тувинская сингармоническая система структурирована максимальным для южносибирских тюркских языков количеством коррелятивных признаков: палатальный, лабиальный, фарингальный. Хакасский литературный язык – единственный среди рассматриваемых в данном исследовании – использует СС стяженного типа: в системе сингармоническую релевантность сохраняет лишь палатальный признак. Сингармонические системы остальных языков и диалектов – переходные от полных к стяженным с различной степенью выраженности утраты лабиального признака. Выявленные закономерности свидетельствуют о положительной корреляции уровня сложности фонологических и морфонологических систем и степени устойчивости языков.

Библиографический список

1. Бидинова А. К. Категория принадлежности в кош-агачском и улаганском говорах теленгитского диалекта алтайского языка // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 241–247.
2. Виноградов В. А. Сингармонизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 445.
3. Исаков Ф. Г. Гармония гласных в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 122–159.
4. Карпов В. Г. Сопоставительная фонетика хакасского и русского языков: учебное пособие. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова, 2001. 68 с.
5. Надеяев В. М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник ЛГУ. 1957. № 8. С. 123–131.
6. Надеяев В. М. Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 3–50.
7. Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1965.
8. McWhorter J. The world's simplest grammars are creole grammars // Linguistic Typology. 2001. Vol. 5, iss. 2–3. P. 213–310.
9. Nichols J. Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // Language Complexity as an Evolving Variable. Oxford, 2009. P. 110–125.

Список сокращений

ГГ – гармония гласных, СМ – сингармоническая модель, СС – сингармоническая система, СЦ – сингармоническая цепочка; вин. п. – винительный падеж, мн. ч. – множественное число, тув. – тувинский, шор. – шорский.

© Селютина И. Я., 2018

**МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ТУВИНСКИХ
АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
С ПЕРВЫМ ДЕЕПРИЧАСТНЫМ КОМПОНЕНТОМ:
АСИММЕТРИЧНЫЕ И СИММЕТРИЧНЫЕ СТРУКТУРЫ**

В статье изложены результаты исследования тувинских аналитических конструкций (АК), которые образуются бивербальным сочетанием первого компонента в форме деепричастия со вторым компонентом, выраженным вспомогательным глаголом.

Ключевые слова: тувинский язык, аналитические конструкции, бивербальные конструкции, деепричастие.

В процессе выявления и составления инвентаря вспомогательных глаголов и при исследовании их дистрибутивных свойств выделены группы глаголов, которые формируют грамматикализованные АК и глаголы, обслуживающие структуры с семантикой образа действия.

В лингвистике конструкции с грамматической семантикой и конструкции с семантикой образа действия именуются как асимметричные и симметричные. Асимметричные АК передают грамматическое значение и образуются при помощи ограниченного круга вспомогательных глаголов. Симметричные АК имеют более свободную сочетаемость и пополняют лексический фонд языка.

Каждому из вспомогательных глаголов тувинского языка, как правило, свойственны свои специфические оттенки значения, модифицирующие семантику смыслового глагола. Возможные сочетания смыслового и вспомогательного глаголов ограничены: не все смысловые глаголы могут комбинироваться с любым вспомогательным, которым свойственна избирательная сочетаемость. Наиболее нейтральным, проявляющим широкую сочетаемость возможность, обнаруживает глагол *тур* = 'стоять'.

Аналитические глагольные формы являются ведущим и продуктивным средством выражения модификации действия. Симметричные (лексические) и асимметричные (грамматические) конструкции формируют разные синтаксические структуры.

Среди аналитических глагольных образований в современном тувинском языке имеется также специфическая группа аналитических глаголов, построенных по модели $N+V^{AUX}$, представляющая собой достаточно сложную теоретическую проблему, разработка которой на тувинском материале еще не проводилась.

Основное лексическое значение аналитических глаголов заключено в первом именном компоненте (N). Второй компонент аналитического глагола – вспомогательный глагол (V^{AUX}), придавая именной основе значе-

ние глагольности, вводит ее в парадигму глагольного словоизменения. Следовательно, функция вспомогательного глагола в аналитических глаголах аналогична глаголообразующей морфеме. В результате грамматикализации элементы аналитического глагола обозначают единое лексическое значение, свойственное слову.

В докладе обсуждаются результаты исследования АК, первый компонент которых имеет форму деепричастия на =п, а второй принимает релевантные грамматические показатели и выражает семантику результата.

© Шамина Л. А., 2018

УДК 811.512.122

Р. А. Досжан

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОДНОКОРЕННОГО СЛОВА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В этой статье рассматриваются определения производных слов, распространяющиеся из одного основного однокоренного слова древнетюркского происхождения. Определяя ряд слов, распространенных из древних корней, можно определить высокую степень их словообразовательных способностей. К тому же такие исследования, несомненно, позволяют открыть этимологию корней и выявить основные однокоренные слова.

Ключевые слова: словообразование, однокоренные слова, древнетюркский язык.

Словообразование – один из способов пополнения обновления словарного состава языка. Словообразование дает возможность имеющимися в языке средствами выражать новые понятия. Этим обуславливаются преемственность и непрерывность развития лексики и ее устойчивость. Словообразование вовлекает лексику и грамматику в единый поток языкового творчества [1, с. 52].

Определение однокоренных слов, распространяющихся из одного основного однокоренного слова, не создает большие трудности с позиции современного языкознания. Например, в казахской грамматике из основного однокоренного слова *жел* создаются 105 словообразований: *желбегей, желбегейлі, желбегейлен* и т. д., а из глагола *біл* – 33 производных корня: *біл, білім, білімді* и т. д. [2, с. 262]. Все эти однокоренные производные слова, происходящие из слов *жел* или *біл*, находятся в составе одной словообразовательной ячейки. Слова, входящие в состав одной словообразовательной ячейки, распространяются из однокоренного основного слова, общего ко всем производным корням. Если рассматривать с исторической позиции ряд однокоренных производных слов, исходящих из словообразовательной ячейки, то имеется возможность дальнейшего расширения этого ряда. Определяя ряд слов, образованных из древ-

них корней, можно определить высокую степень их словообразовательных способностей. К тому же такие исследования несомненно позволяют открыть этимологию корней и определить основные однокоренные слова. При сравнительно-сопоставительном исследовании ряда слов, исходящих из одной ячейки, с аналогами из других тюркских языков можно определить формирование отдельной словообразовательной ячейки из корней, сформированных в результате языковых изменений.

После формирования отдельных тюркских национальностей их языки развивались своим путем и ныне имеют свои, особые характеристики. Учитывая направление исторического формирования комплекса звуковых соответствий, являющихся основой формирования языковой системы современных тюркских языков, при внимательном рассмотрении характера развития языков в период после формирования отдельных национальностей можно увидеть сохранение общего давнего лексического фонда. Степень и направления развития таких общих черт несомненно привлекают ученых-лингвистов. Конечно, дальнейшее звуковое изменение слов приводит к ошибкам при определении их давних корней, поскольку изменение слов происходит разными путями и на разных уровнях. При определении словообразовательной ячейки современных слов по корням нелегко разделить производные слова, исходящие из корней древнетюркских слов, поскольку ввиду развития звуковых изменений они достигли уровня создания отдельной словообразовательной цепочки. Состав словообразовательной ячейки состоит из основных однокоренных и коренных производных слов. Производные слова образуются из равноуровневых суффиксов и поэтому они относятся к разным классам слов. Из одной словообразовательной ячейки выделяется только один основной корень, и все производные слова, исходящие из этого корня, подаются в собранном виде. Известно, что формирование этих слов из одной словообразовательной ячейки происходило не сразу, а с исторической позиции делится на эпохи и периоды. Все-таки при рассмотрении словообразовательной способности этих исторических слов по возможности должен быть определен ряд производных корней с охватом всех характеристик изменений. Например, в казахском языке есть такие однокоренные слова: *дөң*, *дөңес* и т. п. В «Казахской грамматике» в словообразовательной ячейке в корне слова *дөң* лежат производные **имена существительные**: *дөңбек* «толстый чурбан», *дөңгелек* «1) колесо; 2) мат. окружность; 3) круглый», *дөңгелекше* – *уменьш.* от *дөңгелек*, *дөңес* «возвышенность, холм, бугорок» совместно с коренными глаголами *дөңбектен-*, *дөңбекиш-* «1) ворочаться, беспокоиться», *дөңбекшіт* – *понуд.* от *дөңбекшү*, *дөңгелеу* «1) катиться (о колесе); 2) вращаться, вертеться», *дөңгелекте-* «1) сделать что-л. круглое; 2) закруглять, округлять»; *дөңгелектел-*, *дөңгелектету* – *понуд.* от *дөңгелектеу*, *дөңгелен* –

возвр. от дөңгелеу, дөңгелент – понуд. от дөңгелен-; дөңгелеңкіре-, дөңгелес – взаимн. от дөңгеле-; дөңгелет- – понуд. от дөңгеле-; дөңден-, дөңестеу- «1) делать что-либо бугристым; 2) делать что-либо выпуклым», дөңестел – возвр. от дөңестеу-, дөңестену – страд. от дөңестеу- «1) становится бугристым; 2) становится выпуклым», дөңестендир – понуд. от дөңестеу-, дөңкию «кататься, вращаться, круглый» и т. д., дөңки – понуд. от дөңкию-, дөңкит – понуд. от дөңки-; **производные имена:** дөңгіл- «бугорок», дөңгей «возвышенность, возвышенное место»; **имена прилагательные:** дөңес «бугорок», дөңдей «как холм», дөңді «холмистый, бугристый (о местности)», дөңкиіңкі «слегка выпуклый». С исторической позиции слова дөң, дөңес изменялись следующим образом. Словообразовательная способность слова дөң ограничивается такими словами, как выше приведенные и т. д. [2, с. 262]. Есть вероятность происхождения слова дөң от слова древнетюркского языка төрү (тәпү), которое означает «темя, макушка, голова и вершина». Например, есть такое выражение төрүлә – «бить по голове» [3, с. 580]. В древности это слово означало бить по голове (төбесінен ұру, басынан ұру). Еще сохранились значения слова төбе «верхняя часть головы, верхушка чего-нибудь: вершина горы, крыша дома, шапка над головой» (таудың төбесі, үйдің төбесі, бөркі төбесінде). В узбекском языке слово төбе приводится как тепа, слово төмпешік – тепача, дўнг, а глагол төпеле – тепала, что в корне означает то же самое. Все эти слова произошли из одного корня.

Аналогично дөң (на узбекском языке дунг) означает төбешік, дунглик – төбешік, төмпешік, қырқа «возвышенность, холм, бугорок».

В узбекском языке слово дундиқ означает домаланган, торсизган, томтайган «округленный, выпуклый». А также слова, произносимые с буквой д, в узбекском языке произносятся с буквой т.

В словах домбығу и томпаю корни слов схожи. Второе значение слова домбығу (слегка обморазиваться) связано со словами ісіп кету, томпаю (опухать, вспухать). Эти глаголы дом – том для звуков, разделяющих д и т. На сегодняшний день эти глаголы имеют два значения. Слово томпай означает: вспухать, быть выпуклым, выпячиваться. Имя прилагательное томпақ означает дөңес (бугорок). Второй смысл этих слов связан с увеличением, наполнением и т. д. Например, домбығу, томпаю, томпақ. В словаре приведен смысл синонимичных слов төмпешік, төмпек, төмпеш, төбе (в узб. я.: тепалик, тепа): «слегка выпуклая поверхность из песка, почвы и т. д.» [4, с. 533]. Если казахские слова томпақ (в узбекском языке: думбоқ) и дөңес являются синонимами, тогда слова домбығу и томпаю тоже являются синонимами. При рассмотрении синонимов этих слов также можно выделить два синонимичных ряда:

1. Дуңкию, дөңкию, діңкию, теңкию.
2. Дүрдию, томпаю, дүмпю, көнтию [4, с. 189–190].

Если продолжать исследование корней этих слов, можно увидеть их глубокие словообразовательные способности. Слово *топы* – «тубетейка с прямыми сторонами и конусным верхом» [5, с. 812], может применяться при обозначении не только головного убора, но и выше указанных смыслов, так как внешние формы слов часто бывают обманчивыми. Есть и такие слова у которых внешние формы со временем могут стать очень похожими. При раскрытии этимологии этих слов главную роль играют давние корневые основы, которые подчиняются закономерностям соответствия исторических звуков и схожести смыслов. В приведенных нами примерах есть сходство смыслов (со значением «вспухать, быть выпуклым») и увеличения, наполнения) и похожие корни как *туп* ~ *топ* ~ *том* ~ *дөң* ~ *доң* ~ *дом* и т. д.

Казахские слова *домалану*, *домалақ*, *доңгалақ*, *дөңес*, *дөңгелек*, *дөңгелен*, *дөңкес*, *дөңки* «кататься, вращаться, круглый» и т. д. образованы из одного корня. В узбекском языке слово *туп* (в каз. я.: *дон*) означает и мяч и пушку, но в корне происходит от слова *дон*, а в древнетюркском языке *топ* «шар, мяч» (МК III 24) [3, с. 575]. В средние века применялось слово *топық* «шар, мяч», а *тобық* (в узб.: *тўпик*) в древнетюркском словаре означают ‘*лодыжку*’ [3, с. 569]. В других тюркских языках тоже имеются однокоренные слова, подходящие по смыслу. Например, в хакасском языке: *топ* «1. Шар. 2. Шарообразный, выпуклый»; имеется такое выражение: *тогыс наада ай топ польбысча*, что означает в переводе «на девятый день новолуния луна становится выпуклой» [4, с. 640]. Также встречаются такие однокоренные слова, как *тогылах* – «круг, комок, клубок, шар, округлость» [6, с. 636], *топтайган* «выпуклый, выступающий»; *топтайган тигейлер* «выступающие на поверхности земли холмы (небольшие; выпуклые)», *сырайы топ-тогылах* «[у него] лицо кругленькое»; *топ-тогылах мерчик* «кругленький мячик» [6, с. 651].

Смыслы слов *тобық*, *тупик* и *толарсыг* связаны с глаголами *дүмпию*, *дөңкию* и *томпаю*. Рассматривая словообразовательную способность однокоренных слов, происходящих из трех тюркских языков, можно утверждать о сохранении соответствующей одинаковой закономерности в звуковом развитии каждого слова. Из корней *дон*, *топ*:

төпү (в др.тюрк.)→*төбе* «холм, сопка»;

топ (в др.тюрк.)→ *дон(мяч)* → *дөң* «возвышенность, холм, бугорок»;
→*төбе* → *топы* «тубетейка»;

топ → *тобық* «лодыжка» → *толарсақ* «1) предплосна (у животных); косточка на задних ногах скота, соединяющаяся с альчиком; 2) щиколотка»;

топ → *томпаю* «вспухать, вздуться» → *томпақ* «выпуклый, надутый»
→ *теңкию* «1) раздуться, пухнуть; 2) лежать на поверхности чего-л.»;

доп → *домала* «катиться; скатываться» → *домалақ* «круглый, шарообразный» → *доңгалақ* «1) колесо; 2) мат. окружность; 3) круглый» → *доңгеле* «1) катиться (о колесе); 2) вращаться, вертеться» → *доңгелек* «(1) колесо; 2) мат. окружность; 3) круглый») → *тоңірек* «окрестность; круг, окружность», *дамбығу* «слегка обмораживаться, слегка обмерзать».

доң → *доңес* → *доңкес* «выпуклый» → *доңкию* «выступать (выделять) громоздкой округлостью» → *дөмпю* (то же, что *доңкию*);

тобе → *төмпе* «кочки на болотах, лугах» → *төмпек* «кочка на сухом поле; небольшой бугор, бугорок» → *төмпеш* «1) колотушка; 2) то же, что *төмпе*» → *төмпешік* «бугорок, кочка»;

төбе → *төбеле* «бить, ударять (особенно по голове)» → *төпе* «беспорядочно бить, колотить; хлестать» → *төпеле-* «*многократ. от төпеу-* «бить беспрестанно и беспорядочно») → *төмпеште-* «1) колотить; 2) делать бугорок (из земли, глины)»;

топы → *топпы* «тюбетейка» → *төбетей* → *тақия* «тюбетейка» → *телпек* «шапочка» → *тымақ* «малахай».

Рассматривая словосочетание, входящее в состав одного корня, мы не ставим целью рассмотрение этих производных слов со всех сторон. Известно, что все эти слова распространялись из одного корня, однако, показывая схожие по значению корни, определить – каков настоящий корень, трудно. Данные свыше однокоренные слова *түн-топ-том-доң-доңдом* не менялись и также не появлялись в одно время.

В родстве тюркских языков мы еще раз убеждаемся, сравнивая их с письменными памятниками средних веков. Определяя объем языков словарным фондом тех памятников, мы не всегда обращаем внимание на сравнительную близость или дальность изучаемых языков. Несмотря на большой промежуток времени, после разделения тюрков на разные национальности находятся и такие слова, которые до сих пор остаются по всем параметрам абсолютно одинаковыми для многих тюркских языков. Это явление показывает жизнеспособность корневых слов. Например, *тітіриге* – *тітіре* – *тітіреу* – *титираш* – означает «трястись», а *тумтарақай булмоқ* – *тымтырақай қашу* – *тимтирақай қочиш* – означает «убегать восвояси» [6, с. 634, 641].

В узбекском языке эти слова звучат по разному: *тыну-тинмоқ*, *тынығу-дам олмоқ*, *дем-дам*, *дем алыс- дам олиш*, *тыныс-тиниш*, *тыныштинч*, *тынышсыз-тиниб тинчимас*, *тыныштану-тинчланмоқ*, *тұншығу*, *деміғу-диміқмоқ* и т. д. *Тин* – в корне слов *тыныс*, *тынық*, *тынбау* «тихий, безветренный». А корень слова *тун*, во-первых, означает *тыныш*, *тыныштық* «покой, спокойствие», во-вторых *тыну*, *тынышталу* «затихать, успокаиваться». В средневековье использовали такие однокоренные слова, как *типсиқ тұншық* «задыхаться, с трудом переводить дыхание». В значении слов *тынық*, *тыныс*, *тыныш* «покой, спокойствие, покойно»

выпадает звук *t*. Историческое слово *tup* в корне дает разные значения. Например, *тыныш*, *тыныштық*, *тыну*, *тынышталу* «спокойствие, спокойно, успокоится». Также слово *tipciq* соответствует слову *tup*.

Близость тюркских языков определяется не только родством однокоренных слов, но и словосочетаниями, похожими друг на друга. Например, *тинка* – *дiңке* «сила, энергия, мощь» – *тинкаси қуримоқ* – *дiңкесi құрыған* – *дiңкесi қатты* – *дiңкесiне тидi* – *дiңкесiн тауысты*, *дiңкелеу* «выбиваться из сил; выматываться». В настоящее время тюркское слово *тинка* в некоторых местах заменяется персидским словом *һал* (*ал*, *әлі кетті*). В связи с внедрением арабских и персидских слов некоторые тюркские слова вышли из употребления, но некоторые до сих пор применяются параллельно с заимствованными словами:

тун → тұншық → тұншығу → демiгу → демiкпе

тин → тыныс → тыныста → дыбыс → дыбыста

тын → тыну → тыншы → тынық → тынбау

тың → тыңшы

инч-тынч → тыныш → тыныштық → тынышсыздану

дем → демал → демалыс → демде (езде) →

дым → дың → дiңке →

С исторической позиции такие слова как *дың*, *дыбыс*, *дыңыл*, *дымақ*, *дымды*, *дымқос*, *дымқылда*, *дымық*, *тыныс*, *тынық*, *тынбау*, *тыну*, *тынышталу* и многие другие имеют похожие корневые основы и производные корни. При изучении их развития можно опираться и на закономерности звучания. Здесь сперва определяется звуковое изменение корня, способствующего созданию производных корневых слов, а после – словообразовательная ячейка слов, распространенных из тех же основ. Например, корни *тын* и *дем* создают отдельные словообразовательные ячейки. Все-таки наличие древнего письменного наследия всегда помогает нахождению решения многих современных актуальных языковых проблем, а взаимосвязи между тюркскими языками должны быть еще более глубже изученными.

Библиографический список

1. Грамматика хакасского языка / под ред. проф. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 418 с.
2. Казахская грамматика. Фонетика, словообразование, морфология, синтаксис. Астана: Астана полиграфия, 2002. 784 с.
3. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Шербак. Ленинград: Изд. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 676 с.
4. Бизаков С. Словарь синонимов. Алматы: Арыс, 2007. 640 с.
5. Толковый словарь казахского языка / под общ. ред. Т. Жанузакова. Алматы: Дайк-пресс. 2008. 968 с.
6. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

© Досжан Р. А., 2018

ХАКАССКИЙ ГЛАГОЛ ХАЙХА- «УДИВЛЯТЬСЯ» И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ семантики хакасского глагола хайха- «удивляться» и его семантических параллелей в тюркских языках Южной Сибири, в результате чего выявляются его дифференциальные особенности. Данный глагол имеет монгольское происхождение и сохранил свое исконное значение удивления в рассматриваемых языках, однако в семантике алтайского глагола кайка- и тувинского глагола кайга- преобладает визуальный признак выражаемого процесса. В сочетании с определенными конкретизаторами эти глаголы выражают разные степени удивления, что подтверждается их словарными данными.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский, монгольский, глагол, семантика, удивление.

Эмоцию удивления нельзя назвать положительной или отрицательной, поскольку она относится к той немногочисленной категории эмоций, которая уточняется в зависимости от семантики каузатора. Понятно, что «представляя собой одну из фундаментальных эмоций, удивление выступает в качестве родовой характеристики homo sapiens, поскольку оно предвзрывает человеческое познание и стимулирует его развитие. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоция удивления, при всей своей универсальности, проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики» [2, с. 1]. Однако, эмоцию удивления психологи относят к категории сложных, т.к. в ней замешан также психо-физиологический аспект, «...удивление недолговечно, но еще более важную роль играет то обстоятельство, что в миг удивления наш разум как будто становится пустым, все мыслительные процессы словно приостанавливаются. Именно поэтому реакция удивления не получает достаточного осмысления. Переживание удивления немного напоминает ощущение от легкого удара электрического тока: ваши мышцы мгновенно сокращаются, и вы чувствуете легкое покалывание от проходящего по вашим нервам разряда, которое заставляет вас вздрогнуть. Испытывая удивление, мы не знаем, как реагировать на стимул; его внезапность порождает у нас чувство неопределенности» [3, с. 326]. Сложность понятия удивления проявляется также в языковом отражении, в описании семантической структуры глаголов, выражающих данный процесс. Л. И. Фомина, описывая английские лексемы, отмечает: «В слу-

чае *amazement* он испытывает замешательство, недоумение и растерянность, а переживание самого интенсивного из всего ряда состояния *astonishment* сопровождается, как правило, кратковременным прекращением работы сознания и характерными двигательными реакциями» [11, с. 264]. Основные различительные признаки семантики глаголов удивления – это «кратковременность», «неожиданность», «странность», «растерянность», «непонятность».

В хакасском языке глаголов со значением удивления, по нашим подсчетам, всего четыре: **хайха-**, **танна-**, **чапсы-**, которые в ХРС представлены единообразно и не отражают частных сем: удивляться, изумляться, поражаться [12: с. 591, 786, 939]. Четвертый глагол **үрүк-** многозначен, его основное значение «бояться, страшиться». Как глагол удивления он употребляется при описании каких-либо ситуаций и событий, например: – *Ук, айна, – үрүкче Николай, – изир парзам, андаг мал пол парчам ноо* (Хо, 36) – У, черт, – удивляется Николай, – оказывается, когда пьянею, я становлюсь таким скотом. *Мин үрүк паргам, синиң абахай, чарых сырайыңзар көрбізін* (А, 152) – Я поразился, посмотрев на твое красивое, светлое лицо.

Все названные глаголы в хакасском языке образуют синонимический ряд по общему значению «находиться в состоянии замешательства при неожиданной и непонятной ситуации».

В настоящей статье мы делаем попытку с применением сравнительно-сопоставительного метода описать и выявить общие и различительные признаки в семантической структуре доминантного глагола со значением удивления в хакасском языке **хайха-** и его аналогов в других тюркских языках Южной Сибири и в монгольском языке. Данный глагол бытует во всех тюркских языках Южной Сибири и сохранил свое основное значение, см. например: «...алт. **кайка-** «дивиться, удивляться», хак. **хайха-** «дивиться, удивляться, поражаться; изумляться кому-л., чему-л.; восторгаться кем-л., чем-л.», шор. **кайга-** «удивляться», тув. **кайга-** «удивляться, изумляться, восторгаться», монг. **γайига-** «удивляться, изумляться, дивиться, восторгаться» [13, с. 52]. Ср.: каз. **кайка-** «удивляться, смотреть с удивлением; алт., хак., диал. шор. и др. **кайка** ~ **кайга** – то же (РСл., II, 5-7), алт. **кайка-** «дивиться, удивляться»; як. **кайгаа-** «хвалить, восславлять, восхвалять». Указанные основы – монгольского происхождения (Рассадин. МБЗ, 30, 35, 46, 88). См. в частности: Поппе. Мук.: **γайқа-** удивляться; монг., бурятск. **гайха-** – то же. Ср. также: **гайхал**» [7, с.73]. В хакасском языке без ущерба для семантики и, следовательно, сочетаемостных способностей бытует два фонетических варианта этого глагола – **хайха-** и **хаха-**. Однако второй вариант является диалектным и чаще используется в разговорной речи и художественном тексте.

Монгольское происхождение данного глагола не вызывает сомнений у лингвистов [4; 7 и др.]. В частности, В. И. Рассадин лексему **хайхал** «чудо» (производную от глагола **хайха**— авт.) включает в группу монгольских заимствований хакасского языка [Рассадин 1980, с. 36]. Рассматриваемые варианты глагола **хайха**- частотны во всех названных языках, и, следовательно, имеют широкие возможности сочетаемости. Только в шорском языке доминирующая роль в обозначении понятия удивления принадлежит древнетюркскому глаголу **танна-**, а глагол **кайка**- употребляется реже.

В монгольском языке глагол **гайхах**- также является наиболее частотным, о чем свидетельствует и его словарное толкование: «1.1) удивляться, изумляться, приходиться в изумление; дивиться, повергнуть в изумление; любоваться; **авъяасыг нь гайхах** дивиться чьему-л. таланту; **ажилсагийг нь гайхах** удивляться трудолюбием кого-л; **гоохой намайг гайхаад, гоохойг би гайхаад** шог. Грех пополам (волк удивился глядя на меня, и я тоже удивился глядя на него); [...]; **гайхах хэрэггүй** хэлц. Нечего (нечему) удивляться, нет основания для удивления; б) и не чудо (не удивительно) что...; не особенно; что за диво; вовсе не удивительно, совсем не мудрено; что же тут удивительного; **үүнд гайхах явдалгүй** не в обиду будь сказано; нечему удивляться; **юугий нь гайхах вэ?** какое тут диво?; **чухамдаа гэхэд энд гайхаад байх юм алга** в сущности, здесь нет ничего удивительного; **гайхаад байх юмгүй, хэн ч мэднэ** ну что тут диковинного: каждый Ёто знает; **гайхаж балайрах** ослепляться; ослепление; **гайхаж балайран үйлдэх** действовать в ослеплении; **гайхаж мөрөө хавчих** плечами пожимать; **гайхалгүй яах вэ!** как же тут не удивляться?!; **хэнээс чгайхалгүйгээр** невзирая на лица, не считаясь ни с кем; **гайхан үзэх** рассматривать новинку, диковинку; любоваться; **хэрээ хэрэнийхээ харыг гайхна** зүйр., ёж. два ворона удивляются черноте друг друга; ~Иван кивает на Петра; **тэвчээрийг чинь гайхнам** дивлюсь твоему терпению; **тэрүүнд ер гайхсангүй** Ёто его, в сущности, не удивляло [...]

 [1, с. 506–507].

Как известно, в зависимости от степени влияния каузатора (причины) субъект может приходиться в разные степени удивления: изумление, поражение. Если в качестве причины описываются предмет, явление, событийные имена, по своим качествам превосходящие общепринятую норму, то контексты с подобными актантами могут вызывать удивление субъекта, что можно проследить на примере хакасского языка: *Пастагы харны көр салып, пархачагым хайхады* (Хч, 1996, 162, 8) – Увидев первый снег, удивился [мой] внучок. *Кичиг пала хайхидыр ба за иче хойнының чылиина* (Кч, 4) – Разве маленький ребенок удивляется теплоте маминых объятий? Своеобразие семантики позиции причины удивления при глаголе **хайха**- заключается в том, что, чаще всего, все номинации, заполняющие ее, имеют положительную характеристику.

Тувинский глагол **кайга-** в значении «удивляться»: *Ооң хеви менден-даа соок кижги болгай, шыдамыын кайгаан мен* (С. Сарыг – оол) – Его одежда хуже моей ведь, удивляюсь, какой он терпеливый*. *Тараалы барба көдүрүп турда чон кайгаан* (К. Кудажы) – Народ удивился тому, как она поднимает кожаный выючный мешок с пшеном [8, с. 40].

Если семантическую роль причины выполняют ситуативные описания с оттенком неожиданности, то в таких конструкциях глагол **хайха-** реализуется в ЛСВ «поражаться». Часто в данном ЛСВ глагол **хайха-**, принимая аффикс деепричастной формы **-п**, сочетается с вспомогательным глаголом **пар-** «идти», что дает его семантике признак неожиданности и внезапности. *Галя, хызычаанзар көрбизин, позы даа хайхап парган: анзы хойнындагы пистолетти сыгарып, немецер улап салып турган* (Чх, 194) – Галя, посмотрев на дочку, и сама поразилась: та, выгавив пистолет из-за пазухи, стояла, направив его на немца. *Аны көрп, иб ээзи позы даа хайхап парган: чаачы, арачылагчыбыс, огыр итче* (Чх, 143) – Увидев это, хозяин дома и сам поразился: солдат, наш защитник, ворует. Форма **-п пар-** обозначает «переход из одного состояния в другое» [14, с. 75]. Часто сложный глагол **хайхап пар-** строит конструкции с прямой речью: – *О, Хан худай! Иди алынма, палам! – хайхап парган Паях, оолгының адын пирерге хынмин* – О, боже! Не глупи, дитя [мое], удивился Паях, не желая отдавать коня сыну.

Монгольский вариант значения «поражаться» развивается в более узком направлении «ахать от удивления»: «...**барилга байгууламжийн сүр жавхланг ихэд гайхах** поразиться величием и красотой сооружения; **хачирхан гайхах** всплеснуть руками; **гайхахад хүргэх** повергнуть в изумление; **гайхахад хүрэх** прийти в изумление; **гайхаад баршгүй** а) до головокружения, умопомрачения; б) сногшибательный, поразительный; **гайхаад баршгүй сонин** сногшибательная новость; **үнэндээ гайхаж байна** поражён до глубины души; **гайхаж дуу алдах / гайхан шагшрах** ахать от удивления; поражаться; [...]» [1, с. 506–507]. Глагол **гайхах-** также может выражать высшую степень удивления – изумления в сочетании с другими соответствующими конкретизаторами: **айх гайхах** испытывать чувство удивления и трепета; **айх гайхах зэрэгцэх** страшно изумиться, поразиться; быть поражённым величием кого-чего-л.; **гайхахын ихээр гайхах** чрезвычайно, крайне удивляться, изумляться, поражаться [...]; **ихэд гайхах** удивляться сильно, искренне; поражаться; **би их гайхаж байна** я очень удивляюсь [1, с. 506]. В сойотско-бурятско-русском словаре данный глагол представлен как: **кайһа**=[**кайһаар**] гл. **гайхаха** / удивляться, изумляться [4, с. 56].

Визуальное восприятие человеком окружающего мира сопровождается интерпретацией и осмыслением увиденного, а также эмоциями. В тувинском языке семантика глагола **кайга-** содержит взаимодействие со-

*Автор благодарит Н. Ч. Серээдар за перевод на русский язык тувинских примеров из словарной статьи глагола **кайга-**.

зерцания и удивления. В Толковом словаре тувинского языка значение «смотреть пристально, в упор» глагола **кайгаар** [ъ] 1. [...] указывается как первичный: *Бодумнуң аьдым улуг бора аът, деснес-даа, чаажы мырай амыр, кижжи чеде бээрге, кайгап алган турар* (С. Сарыг – оол) – Мой конь, большой серый конь, не всакивает (не вырывается), очень смиренный, когда человек подходит, стоит и смотрит. *Мени кайгап, ийи караан дээрбектели берген олурба* (В. Көк-оол) – Сидишь, смотришь на меня большими (круглыми) глазами Не сиди, сделал глаза круглыми, не смотри на меня. Или же: Не сиди так: смотришь на меня, сделал глаза большими [8, с. 40]. В Этимологическом словаре Б. И. Татаринцева это значение также указывается как основное: «... **кайга-** [аъ] смотреть пристально, в упор. [7, с.73]. Однако тувинско-русский словарь показывает значение «удивляться» как первичное: **кайгаар /кайга-*/** 1) удивляться; *ында кижжи кайгаар чүве чок* ничего удивительного в этом нет; 2) смотреть пристально (в упор); *кезе кайгаар* смотреть в упор (пристально) [9, с. 156]. Признаки зрительного восприятия и любви содержатся в семантике алтайского глагола **кайка-** «смотреть на кого-л. с уважением, удивлением, любоваться», которого А. Т. Тыбыкова относит в семантическую категорию глаголов со значением любви [10, с. 139].

В хакасском языке для передачи визуального удивления глагол **хайха-/ хаха-** формирует конструкции, где главным словом зависимой части является глагол **көр-** «смотреть». Обычно в таких контекстах глагол **көр-** «смотреть, видеть» принимает форму деепричастия на **-п.:** *Аң пазы ала парыс аңнарны хайындыр парир, үзе-чара тартхлап, тастап ла тур. Аны көрп, хайхап тур Табанах Матыр* (Хп, 72) – Царь зверей лев расправляется со зверями, кидает их, разрывая на куски. Смотря на это, удивляется Табанах Матыр. *Пора тай хайдар-хайдар ас парыбысхан. Чон, аны көрп, пазох хайхап тур. «Тиктең не полбас», – тисчелер* (Хп, 57) – Серая кобыла убежала далеко. Народ, увидев это, удивляется. Говорят: «Не зря все это». *Апсах, мының чахсы атчатханын көрп, хайхапча: – Ирдең ир полтырзың, мин чиит туста ідөк атчаң полгам* (Хп, 109) – Старик, увидев, как он хорошо стреляет, удивляется: – Ну, ты, оказывается, молодец, когда я был молодой, стрелял так же метко. *Галя, хызычаанзар көрбізип, позы даа хахап парган: анзы, хойнындагы пистолетті сыгарып, немецсер улап салып турган* (Чх, 194) – Галя, оглянувшись на [свою] дочь и сама удивилась: та, вытащив пистолет из-за пазухи, направила его на немца. *Пабамзар көрп, хайхаам: хайди ол ізіге пыспинча* (Км, 32) – Увидев отца, я удивился: как он не потеет. *Апсах, мының чахсы атчатханын көрп, хайхапча: «Ир полтырзың! Мин чиит туста ідөк атчаң полгам!»* (Хп, 109) – Старик изумляется, видя, как тот хорошо стреляет: «Ты мужчина, оказывается! Я так же стрелял, когда был молодым!». Глагол **хайха-** реализуется в ЛСВ «изумляться», и выражает высокую степень удивления от положительных качеств людей, явлений, предметов. Реже глаголы **хайха-** / **хаха-** «удивляться» и **көр-** «смотреть» могут чередовать свои позиции: *Олганнар*

чапчан паза чалтанмас оолахсар хахан көргөннер (Птн, 87) – Дети с удивлением смотрели на ловкого и храброго мальчика.

В монгольском языке аналогичная ситуация: значение зрительного восприятия реализуется при сочетании глагола **гайхах-** с глаголом **харах-** «смотреть, видеть»: **гайхаж харах** а) смотреть с удивлением на кого-что-л.; дивиться; б) рассматривать новинку, диковинку; любоваться; **мэл гайхаж, цэл хөхрөх хэлц.** а) смотреть большими глазами, сделать круглые (большие) глаза, поднять брови, раскрыть глаза (рот); разинуть рот от удивления, застыть от удивления, разводить руками, диву даваться; сводить с ума; язык присох (прилип) к гортани; сидеть (стоять) как пень; б) не верить своим глазам, разевать рот; в) быть без ума от кого-чего-л., быть без души от кого-чего-л., г) быть на перепутье (распутье); завести в тупик; сбиваться с толку; д) остолбенеть; **мэл гайхаж цэл хөхөрцгөөв** все стояли, разинув рот; **гайхан зог тусах** остановиться от удивления; **гайхсанаа мэдэгдэхгүй байх** не показывать своего удивления; 3) восхищаться, восторгаться, приходиться в восторг, восхищение от кого-чего-л., быть в восторге, восхищении от кого-чего-л., **гайхан шагших** а) расхваливать, восхвалять, превозносить, отзываться с похвалой о ком-чем-л.; б) восхищаться, восторгаться, приходиться в восторг, восхищение от кого-чего-л., прославлять; **бахдан гайхах** любоваться, засматриваться, заглядываться; глядеть не наглядеться; 4) обмирать от восторга, ахать от восхищения; **гайхан сонирхох** залюбоваться [1, с. 506–507].

Часто хакасский глагол **хайха-** и его семантические параллели в других языках употребляются в каузативной форме: показатель понудительного залога **-т-** в семантику глагола добавляет признак интенсивности. *Че иң тың апсахты анзы хайхатхан, хайди палазының палазы ылгааны, поэзының орайлатханына ачырганганы* (Ап 188) – Но больше всего старика поразило то, как его внук плакал, огорчался тому, что он опоздал. *Сіліг харахтары, иптiг чатчатхан сазы, ник пүдiзі хайхатхан Аринаны* (Чт, 4) – Арину поразили [его] красивые глаза, аккуратно зачесанные волосы, крепкое телосложение. *Иң артых мині хайдаг көлөнiснең, хайдаг көйiснең көгнiң толганы хайхатхан* (Д, 27) – Больше всего меня поразило, с какой любовью и с каким задором исполнялась эта песня.

Тувинский глагол **кайгадыр-** /**кайгат-***/ *понуд. от кайга-** (см. **кайгаар-**) 1) восхищать, удивлять; 2) быть предметом наблюдения (внимания) [9, с. 156]. *Амытанга кайгаткан ыраажы-ла болгай мен* (С. Сарыг-оол) – Я ведь певец, который удивил народ. *Бүзүрөнчиг дыңзыг үн башкыны кайгадыпкан* (К. Чамыян) – Учителя удивил уверенный громкий голос [8, с. 40].

Таким образом, глагол **хайха-** «удивляться» в хакасском и других тюркских языках Южной Сибири является доминантным глаголом в сфере обозначения процесса удивления, исключением является шорский глагол **кайга-** «удивляться». Ввиду того, что данный глагол может управ-

лять объектной позицией как с положительной, так и отрицательной семантикой, он относится к особой категории эмоциональных концептов. Среди грамматических и обширных синтагматических возможностей данного глагола отмечаем его сочетаемость в хакасском, монгольском с глаголом **кёр-** «смотреть», в монгольском с глаголом **харах-** «смотреть, видеть», а в тувинском и алтайском языках глаголы **кайга-** и **кайка-** в своей семантике содержат дифференциальный признак «удивление при визуальном восприятии». В сочетании с определенными конкретизаторами эти глаголы могут выражать разные степени удивления, что подтверждается их словарными данными.

Библиографический список

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба; отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA. 2001. 2007 с.
2. Дорощева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций: пер. с англ. СПб: Изд-во «Питер», 1999. 464 с.
4. Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ. Издательство: ОАО: «Республиканская типография». 2003. 180 с.
5. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / отв. ред. И. Д. Бураев. М.: Наука. 1980. 117 с.
6. Русско-алтайский словарь. В 2 т. Том II (П–Я) / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 800 с.
7. Татаринцев В. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2004. 440 с. (Т. III: К, Л)
8. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. (Т. II: К–С)
9. Тувинско-русский словарь. 2008. 465 с. URL <https://www.twirpx.com/file/1535748/>
10. Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 228 с.
11. Фомина Л. И. Семантическое поле удивления и его структура // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы. В 2 т. Т. 2. / Казан. гос. ун-т.; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского госун-та. 2006. С. 263–265.
12. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳтiк / О. П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М. И. Боргоязов, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, М. Д. Чертыкова и др. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
13. Шагдурова О. Ю. Семантика монгольских глаголов в тюркских языках Южной Сибири // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: мат-лы Межд. научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого (16–19 мая 2012 г., Абакан). Том 2. Абакан. С. 51–56.
14. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (verbasentiendi) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 294–461.

© Чертыкова М. Д., 2018

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА *пар-* В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье рассматривается глагол *пар-* 'идти' во вспомогательной функции. В шорском языке его базовым аспектуальным значением является завершенность (комплетив). Но он также синкретично выражает перфект и результативность. Со статуальными глаголами показывает, что состояние становится характеристикой субъекта процесса, с акциональными – *пар-* акцентирует внимание на грамматическом значении перфекта и результативности.

Ключевые слова: шорский язык, аспектуальность, статуальные глаголы, акциональные глаголы, завершенность (комплетив), перфект, результативность.

Самостоятельный глагол *пар-*, обозначающий движение: 'идти, ехать, направляться (направиться) куда-л.', часто используется в шорском языке во вспомогательной функции, передавая модальные и аспектуальные значения. Его базовое аспектуальное значение: выражать завершенность, или комплетив. При этом *пар-* присоединяется к основному глаголу в форме деепричастия на *-n*, образуя бивербальную конструкцию $T_v = -n + пар-$. Семантика конструкции неоднозначна: она также включает значения перфекта и результативности (различия между ними см. в [2, с. 5–41]).

Совмещенные значения завершенности, результативности и перфекта *пар-* передает, если стоит в одном из прошедших времен. Перфект часто подчеркивается обстоятельством времени *қачаноқ* 'уже': *Ағаш честеги қачаноқ ныш-парды*. 'Малина уже поспела'.

Перфектное длительное значение образуется, если *пар-* стоит в форме настоящего или будущего времени. В этом случае возможны обстоятельства *ам да* 'до сих пор', *ол темнең аара* 'с тех пор' и другие: *Ам да чүрегим ачып парча*. 'И до сих пор мое сердце волнуется'.

В образовании бивербальной конструкции участвуют как акциональные, так и статуальные глаголы, с которыми вспомогательный глагол *пар-* ведет себя по-разному.

1. Глаголы состояния, или статуальные [1, с. 60–62], не располагают признаками активности и целенаправленности, глагол *пар-*, сочетаясь с ними, указывает на устойчивость нового состояния. Он необходим, чтобы показать, что достигнутое состояние становится характеристикой субъекта, который теряет свойство активности, принимая статус носителя состояния. Само состояние можно расценивать как перфектное, т. е. полученное в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Кемеровской области (проект № 18-412-420001).

результате предшествующего действия. Таким образом, в шорском языке конструкция $T_v = -n + \text{par-}$ с глаголами состояния передает завершенность, перфект состояния и результативность. И если основные глаголы не принимают залоговых аффиксов, то она образует одноактантные предложения. Приведем примеры с разными типами статуальных глаголов.

А. Глаголы, описывающие физические и душевные состояния живых существ, а также проявления этих состояний, видимые или слышимые. В шорском языке состояние живых существ часто передается не прямо (Человек волнуется), а посредством реагирования на раздражитель важных биологических органов организма людей или животных: сердца, печени, глаз, крови и т. д.: *Кровь высохла; Сердце обрадовалось* и т. п. В эту же группу включаем также глаголы *пайла-* ‘богатеть’; *түре-* ‘беднеть, нищать’, *чоқсыра-* ‘беднеть, нищать’, описывающие состояние человека в результате социальных причин.

Үгеңиң қанны қур-парды ‘Кровь Филина высохла (т. е. Филин разочаровался)’.

Б. Глаголы, описывающие состояние предметов, как природных, так и искусственных, сделанных человеком: *От серип парды* ‘Печка истопилась (протопилась)’; *От үш парды* ‘Огонь погас’.

В. Глаголы, описывающие изменения окружающей среды, пространства, локуса, начало или прекращение изменений в состоянии: *Түн эледе узар парды* ‘Ночь немного удлинилась’; *Астаң-астаң пораан тыбын парды* ‘Понемногу буран утих’.

Г. Глаголы экзистенциального значения, как с положительным значением *пол-* ‘быть, существовать’, *пажал-* ‘начинаться, начаться’, так и с отрицательным значением: *тоқта-* ‘останавливаться, заканчиваться, завершаться, прекращаться’, *эрт-* ‘проходить, миновать’, *чит-* ‘падать, теряться исчезать’, *түген-* ‘кончаться’, *өл-* ‘умирать, умереть’: *Қайде қарашқы пол парды!* ‘Какая темнота наступила! (Как темно стало!)’; *Изиг чай эрт парды* ‘Знойное лето миновало’.

2. Сочетаясь с акциональными глаголами, *par-* в конструкции $T_v = -n + \text{par-}$ выражает не только значение завершения, но результативность, а также дополнительные значения, которые в некоторых случаях выходят на первый план. Акциональные глаголы сохраняют свою валентность, поэтому предложения с ними могут содержать разное количество актантов.

2.1. Значение завершенности и результата наиболее отчетливо выделяется, если основную позицию занимают глаголы, обозначающие физические действия: *пүт-* ‘строить’, *қыр-* ‘скоблить, скрести’, *қыр-* ‘уничтожать, истреблять’: *Паштаңқы пятилетқада көп наа совхозтар, наа қолхозтар пүт парды* ‘В первую пятилетку много новых совхозов, новых колхозов было построено’.

2.2. С глаголами движения и перемещения *par-* выражает разнообразные оттенки значений, которые еще требуют пристального изучения.

В рамках нашего исследования парадигматических изменений простых предложений были выделены следующие значения.

Во-первых, анализируемая конструкция передает значение комплетива и результативности, например: *Кўн тўшке чет-парды*. 'День заката достиг'.

Значение перфекта (иногда перфектное длительное) подчеркивается обстоятельствами времени, либо другим действием, которое описано в предложении, начинающемся со слова *анаң* 'потом, после этого, затем': *Ол азак алыштыра алтап парды, анаң қоолчаққажына, таи ұстўнде одуруп, остебисти* 'Он, ноги мешая, шагал, потом к берегу ручья [придя], на камень сев, охнул'.

Во-вторых, кроме этих значений, *пар-* обозначает вектор движения, который всегда направлен от говорящего: *Қуштар учуқ пардылар* 'Птицы улетели'. (Ср.: *Қуштар учуқ келдилер* 'Птицы прилетели').

2.3. Вспомогательный элемент *пар-*, выражая комплетив, может употребляться и с другими акциональными глаголами. Однако таких примеров немного, приведем их все:

1) с глаголами речевого действия и производства звуков: *қыр-* 'звать, кричать', *сура-* 'просить, спрашивать', *ығыра-* 'скрипеть': *Ол минута эжик ығырап парды* 'В ту минуту дверь скрипнула';

2) с глаголами донативного действия: *ал-* 'брать': *Тревога пыргыжы тартылған соонда пеш минут артпееди ол палаткелер алып парды* 'После того, как звук тревоги прозвучал, пять минут не прошло, они палатки собрали';

3) с глаголами положения в пространстве: *Қозанақ оре атыбысты, қар ұстўнге ұш-парды* 'Заяц подскочил и на снег упал'.

Итак, основное аспектуальное значение вспомогательного глагола *пар-* 'идти' – это завершенность, или комплетив. Если основные глаголы выражают состояние, то *пар-* показывает, что оно становится характеристикой субъекта процесса. При этом субъект перестает быть активным, поэтому переходит в статус носителя состояния. С акциональными глаголами *пар-* обозначает не столько завершенность действия, сколько актуализирует грамматическое синкретичное значение перфекта и результативности.

Библиографический список:

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. доктора филол. наук Г. А. Золотовой. М., 2004. 544 с.
2. Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект) / отв. ред. В. П. Неделков. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд-ие, 1983. 263 с.

© Телякова В. М., 2018

МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЛЯЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье рассматриваются модели элементарных простых предложений со значением реляционных отношений. Модели реляционных отношений охватывают 4 модели. Данные модели структурно друг от друга отличаются. Их объединяет пропозиция «принадлежность кого-то, чего-то к чему-то, обладание чем-то».

Ключевые слова: модель, элементарное простое предложение, структурная схема, план выражения, план содержания, пропозиция.

Существуют разные подходы к определению минимума предложения и, соответственно, – к определению структурной схемы предложения: 1) структурная схема – это предикативный минимум предложения; 2) структурная схема – это номинативный минимум предложения. Понимание структурной схемы предложения как предикативного минимума воплощено в «Грамматике – 70» [5, с. 541–543]. Все виды русских предложений описаны здесь в виде списка структурных схем. Структурные схемы делятся на два класса: двусоставные и односоставные. Внутри этих классов выделяются подклассы по форме выражения компонентов схемы. Структурные схемы в этой концепции записываются в виде символических формул, в которых определенными символами обозначены компоненты схем по морфологическим признакам (часть речи, ее форма). Разные исследователи по-разному представляют и по-разному описывают эту сущность. Этому посвящено немало работ [8, с. 14–15; 1, с. 17; 2, с. 55; 3, с. 63 и др.]. Так, Т. П. Ломтев представлял языковые сущности, «образцы», в виде искусственных фраз, в которых устранялось все лишнее и оставались только структурно необходимые компоненты. Например: «Иван бьет Петра», «Иван дает Петру книгу», «Иван режет мясо ножом» [8, с. 10; 9, с. 123].

Настоящая работа пользуется положениями и терминологией Новосибирской синтаксической школы, основанной М. И. Черемисиной, подход которой в основных чертах перекликается с изложенными выше. По М. И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступна прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [10, с. 3; 11, с. 14, с. 58]. Подобный подход к описанию структурно-

семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [14, с. 47]. План выражения ЭПП представляется в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, соответствующая смыслу предложения как знака языка [12, с. 47; 15, с. 35; 16, с. 3–4].

Систему моделей (и конструкций) релятивной семантики составляют несколько моделей: $\{N_{Nom}^{Rel} N_{Gen} N_{Nom}^{Rel} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N_{Dat} N_{Nom} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N = \text{лыг} (cop)\}$, $\{N_{Nom} N = \text{ныы} (cop)\}$. Одна из них – модели, структурно и семантически близкие к уже рассмотренным основным моделям – $\{N_{Nom} [N_{Nom} (cop)]\}$ /кто-что (есть) кто-что} и $\{N_{Nom} [A (cop)]\}$ /кто-что (есть) какой}. Однако, в отличие от рассмотренных уже базовых моделей, здесь присутствует третий именной компонент, который является **именем отношения**, связывающего первый и второй компоненты. В эту группу входит и модель обладания, также требующая специального отграничения от модели качественной характеристики.

Данная модель $\{N_{Nom}^{Rel} N_{Gen} N_{Nom}^{Rel} (cop)\}$ описывает отношения между двумя объектами. Обязательный состав именных компонентов в этой модели включает три именных компонента. Два из них называют предметных участников отношения, третье является именем того отношения, которое их связывает. Эти предложения описывают родственные, социальные (дружеские) и другие отношения:

Аваң кадай ядыы кижы төлү ышкажыл (Донгак, СЧ, 51).

Ава=н=Ø кадай=Ø ядыы

Мама=POSS/2Sg=NOM женщина=NOM бедный

кижи=Ø төл=γ=Ø ышкажыл

человек=NOM дитя=POSS/3Sg=NOM MODPTCL

Твоя мама дочка (дитя) бедного человека.

В роли предикатов термины отношения лексически неполнозначны, у них открывается валентность: чей дядя, брат, друг, сосед и т. п. Сказуемое передается вторым компонентом изафетной конструкции; первый компонент выступает в качестве актанта "определителя" в родительном падеже.

Модель отношения между людьми

$\{N_{Nom} N_{Dat} N_{Nom} (cop)\}$ **кто – кому – кто**

Модель со структурной схемой $\{N_{NOM} N_{DAT} N_{NOM} (cop)\}$, где форма N_{DAT} – обязательный компонент. Формально эта модель отличается от рассмотренной выше падежной формой второго актанта: здесь используется не родительный, а дательный падеж. Значения приведенных выше примеров в тувинском языке передаются и синонимическими конструкциями, состоящими из субъекта отношения, выраженного именем в основном падеже, объекта отношения, выраженного именем в дательном

падеже, предиката отношения в основном падеже. Но, в основном, данная модель выражает дружеские отношения.

Данная модель гораздо менее употребительна и ее позиции замещаются словами ограниченного набора, такими как *эи* ‘друг’, *ээ* ‘хозяин’, *аьт* ‘конь’ и др. Она довольно четко противостоит рассмотренной выше модели и по оттенкам смысла, и по способу функционирования. В русском языке она чаще употребляется в негативном варианте: *Я тебе не сестра, не друг, не товарищ, не муж*. В наших материалах представлено сравнительно немного примеров из художественных текстов. Среди них есть отрицательные. Например:

Ирбижейлер Херелдерге төрел-даа эвес (Кудажы, ЧЧ, 1т, 20).
Ирбижей=лер=Ø Херел=дер=ге төрел=Ø-даа эвес
Ирбижей=PL=NOMХерел=PL=DAT родственник=NOMPTCL не
Ирбиже и Херелам не родственники.

Рассматриваемая модель в основном используется для выражения дружеских отношений. Например:

(Ол) кеди шаанда биске эки ээ-дир (Тыва улустун тоолдары, 39).
(Ол=Ø) кеди шаан=да бис=ке эки ээ=Ø-дир
Он будущий время=LOC мы=DATхороший хозяин=NOM=PTCL
Он в будущем нам будет хорошим хозяином.

Данная модель для выражения отношений по браку используется в будущем времени, а для настоящего времени они будут искусственными. А в карачаево-балкарском языке можно так говорить: *Мен санга эрме* – Я для тебя муж [7, с. 93].

Например:

Угба=м кайгал эр=ге кадай болур (Кудажы.УХ).
Угба=м=Ø кайгал эр=ге кадай=Ø бол=ур
Сестра=POSS/1Sg=NOM лихой парень=DAT жена=NOM быть=PF
Моя сестра лихому парню будет женой.

В нашей картотеке оказалось много примеров, где данная модель используется в будущем времени с помощью связки *бол=*. Например:

(Ол) иезинге эи болур чүве.
(Ол=Ø) ие=зи=н= ге эш=Ø бол=ур чүве
Она=NOM мать=POSS/3Sg=DAT
друг=NOMAUX=быть=PF=3SgMODPTCL
Она будет мне другом.

Эта модель выражает характер отношений между людьми, – неродственных, дружеских или враждебных. И в ее семантику входит сильный экспрессивно-оценочный компонент смысла. Эта модель гораздо менее употребительна.

Модель {N_{Nom} N=лыг (cop)}

Моделями обладания мы называем такие модели предложений, кото-
рые, в отличие от уже рассмотренных, выражают отношения принадлеж-
ности объекта владельцу; как объект, так и обладатель, термины услов-
ные: они могут быть личными, одушевленными, неодушевленными,
предметными или абстрактными. Представим этим модели списком:

{N_{Nom} N=лыг (cop)}.

{N_{Nom} N=ныы (cop)}.

Отношения обладания, принадлежности чего-то кому-то (реже чему-
то) в тувинском языке выражаются разнообразными способами, с помо-
щью ряда моделей. В эту группу входят, во-первых, модель с предикати-
вом в форме имени обладания с аффиксом =лыг/=тыг {N_{Nom} N=лыг
(cop)}; во-вторых, модели, производные от изафетной конструкции, со
структурной схемой {(N₂) N_{Nom} бар (cop)}; в третьих, модель со значени-
ем принадлежности объекта {N_{Nom}N =ныы (cop)}.

Структурная особенность всех этих моделей состоит в отсутствии в
них позиции локализатора N_{Loc}. В модели {N_{Nom} N=лыг (cop)} аффикс
=лыг (алт. лы/лу) присоединяется к имени предмета или признака, кото-
рым обладает N_{Nom}; N_{Nom} здесь – обладатель, посессор, но не объект и не
"вмещающее пространство". Форма N=лыг передает значение, более
близкое к тому, которое по-русски передается глаголом «иметь» (в при-
частной форме – имеющий). В тувинском языке глагол *иметь* отсутст-
вует, и его отсутствие компенсируется формой на =лыг: Грамматически
=лыг означает именно обладание или постоянное владение названным
предметом. Рассмотрим теперь эти модели несколько подробнее. Объек-
ты обладания могут быть очень разнообразны. Это могут быть очень раз-
ные материальные предметы.

Этой же моделью могут выражаться различные отношения между
людьми – родственные, дружеские и иные – но они предстают именно
как отношения "обладания" родственниками, друзьями, противниками и
др. Например:

Ам Коңгураа тускай өглүг-баштыг (Кенин-Лопсан, 222).

Ам Коңгураа=Ø тускай өг=лүг-баш=тыг

Сейчас Коңгураа=NOMотдельный семья=POSSV

Сейчас у Коңгуры отдельная семья (она имеет семью).

Чизелдей үш кыс=тыг (Тирчин, К, 37).

Чизелдей=Ø үш кыс=тыг

Чизелдей=NOM три дочка=POSSV

У Чизелдей три дочки.

Модель, выражающая принадлежность

объекта субъекту {N_{Nom}N=ныы (cop)}

Рассмотрим модель элементарного простого предложени
{N_{Nom}N=ныы (cop)}, описывающую пропозицию 'принадлежность лица,

объекта к кому-нибудь или к чему-нибудь'. В описываемой группе конструкций субъект выражается существительным в именительном (по другой терминологии — в неопределенном) падеже – N_{Nom}, а предикат выражается именами существительными и притяжательными местоимениями – N-ны. Модель принадлежности элементарных простых предложений описывает принадлежность объекта субъекту, имя которого принимает аффикс =ны//=ни.

В тюркских языках существует специфическая форма местоимений, при помощи которой передается значение притяжательных местоимений других языков. Она образуется от личных местоимений, стоящих в родительном падеже, путем прибавления к ним дополнительно словообразовательного аффикса -кы / -ки, употребляемого обычно для образования производных прилагательных. Такую специфическую форму личных местоимений следует называть притяжательной формой личных местоимений. Притяжательная форма личных местоимений отличается от формы родительного падежа этих местоимений не только по своей морфологической структуре, но и по своему значению и употреблению. Она употребляется в речи самостоятельно, заменяя собой определяемые ею существительные, тогда как местоимение, стоящее в родительном падеже и не имеющее дополнительного аффикса -кы, -ки, употребляется всегда вместе со своим определяемым. В тех случаях, когда необходимо передать притяжательную связь не в атрибутивной, а в предикативной форме, обычно употребляется данная категория местоимений. Например: «эта книга моя» по-татарски может быть передано в виде *бу китап минеке*, «эта тетрадь твоя» – по-башкирски *был дэфтэр хинеке*, «эта лошадь его» – по-азербайджански *бу ат онунки*, «этот колхоз наш» – по-киргизски *бу колхоз биздики*, «эта книга ваша» – по-тувински *бо ном силерни*, «эта корова их» – по-хакасски *пу инек оларни*. В башкирском, казахском, ногайском и во многих других тюркских языках данная форма местоимений образуется так же, как и в татарском, но в каждом – соответственно фонетике этого языка; в тувинском, шорском и некоторых других языках она образуется как в хакасском языке [6, с. 126; 4, с. 155; 7, с. 92].

Из материалов других тюркских языков видно, что данный аффикс тюркский, а из тюркских языков Сибири – как в тувинском: *ол ном силерни*, в хакасском языке данный аффикс выглядит так же: *пу инек оларни* [4, с. 155]. Эта форма большей частью употребляется как сказуемое. При таком употреблении она передает так называемую абстрактную принадлежность, без указания предмета обладания.

В тюркологической литературе происхождение аффикса =ны//=ни объясняется слиянием двух самостоятельных формантов: аффикса притяжательного падежа =ның// =ниңс и словообразовательного аффикса =кы//=ки, употребляемого при образовании относительных прилагатель-

ных от основ, обозначающих время и пространство. В тувинском языке аффикс =ныы имеет три двойные пары звуковых вариантов: =ныы//=нии, =нуу//=нүү; =дыы//=дии, =дуу//=дүү; =тыы//=тии, =туу//=түү. В «Грамматике тувинского языка» данный аффикс называют притяжательной формой существительного. В «Грамматике тувинского языка» употребление существительного с аффиксом =ныы//=нии в качестве предиката объясняется так: когда смысловое значение второго компонента изафетного сочетания известно из контекста, вместо полного изафетного сочетания употребляется только его первый компонент, который принимает особую форму [6, с. 126].

Модель {N_{Nom}N=ныы (cop)} в тувинском языке представлена широко. Но выражение разных отношений у данной модели уже, чем у модели {N_{Nom} N=лыг (cop)}. Модель {N_{Nom}N=ныы (cop)} можно назвать моделью принадлежности; она выражает принадлежность объекта субъекту, имя которого принимает аффикс =ныы//=нии. В данной модели в качестве субъекта в основном употребляются неодушевленные имена существительные. Когда употребляются одушевленные имена существительные, то очень редко могут выражаться родственные отношения между людьми: отчуждение родственных отношений или пренебрежение говорящего к тому, кто говорит, иногда – как отношения «обладания» противниками.

Таким образом, семантика этой модели – утверждение о том, что объект, названный актантом-подлежащим N_{Nom}, принадлежит лицу (объекту) N=ныы. А в качестве субъекта выступают конкретные имена существительные. Модель {N_{Nom}N=ныы (cop)} в тувинском языке представлена широко. Но наш материал показал, что не все информанты используют предложения по этой модели. Выражение разных отношений у данной модели уже, чем у модели {N_{Nom} N=лыг (cop)}. Модель {N_{Nom}N=ныы (cop)} можно назвать моделью принадлежности; она выражает принадлежность объекта субъекту, имя которого принимает аффикс =ныы//=нии. В данной модели в качестве субъекта в основном употребляются неодушевленные имена существительные. В процессе жизни между людьми складываются различные отношения: отношения родства, дружбы, вражды, подчиненности и т. д. Для выражения подобных отношений в языке используются предложения с принадлежностными предикатами. Такие предложения мы делим на несколько подгрупп: а) предложения, обозначающие родственные отношения; б) предложения, обозначающие социальные (отношения) в) предложения, обозначающие принадлежность объекта субъекту и др.

Библиографический список

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
2. Белошапкина В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59.
3. Белошапкина В. А. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1979. № 5. С. 63–68.

4. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 541–651.
6. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
7. Кетенчиев М. Б. Структурно-семантическая организация простого предложения в кара-чаево-балкарском языке. М., 2010.
8. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.
9. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. С.122–289.
10. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.
11. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1995а. С. 3–21.
12. Черемисина М. И. Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1995б. № 4. С. 63–68.
13. Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997а. № 4. С. 56–61.
14. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.
15. Черемисина М. И. Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7)Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998а. Вып. 4. С. 35–60.
16. Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. 1998в. Вып. 4. С. 3–30.

© Серээдар Н. Ч., 2018

УДК 811:81-25

Ф. Э. Абдуллаева, Го Лихун

ФОНОВОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КИТАЙСКОМ, РУССКОМ, АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена изучению семантического пространства терминов родства в разноструктурных языках – русском, китайском, азербайджанском и телеутском. В работе подробно анализируются концепт «мать» как один из основных компонентов терминов родства, а также связанные с данным концептом пословицы, являющиеся отражением национальных особенностей восприятия мира разных народов.

Ключевые слова: термины родства, концепт, семантика, телеутский язык, пословицы.

Родственные отношения существуют с тех пор как зародилось и сформировалось человеческое общество. Термины родства для каждого этноса – один из самых генетически, исторически и культурно значимых пластов лексики и, как известно, подразделяются на три основные категории: отношения людей по кровному родству (*напа, мама, дед, бабушка*); отношения в результате брачного союза, иначе термины свойства

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

(свекровь, тесть, теща, зять) и близкие (духовные) неродственные связи (жених, невеста, мачеха, пасынок).

Работа представляет собой фрагмент серии исследований семантического пространства терминов родства в русском, китайском, азербайджанском и телеутском языках. В качестве *материала исследования* концепт «мать» выступает, с одной стороны, как входящий в группу терминов основного кровного родства и являющийся одним из наиболее значимых первообразных концептов культуры любого народа, но с другой стороны, данный концепт в зависимости от новых реалий приобретает добавочное смысловое наполнение. Наряду с этим, в работе анализируются пословицы с компонентом «мать» в вышеперечисленных языках.

В современной лингвистике *актуальность* исследования семантики концепта «мать» и пословиц с компонентом «мать» подтверждается достаточно большим количеством научных работ. Актуальным является также то, что сравнительно-сопоставительные исследования концепта «мать» и пословиц с компонентом «мать» осуществляются на таких разноструктурных языках, как русский, китайский, азербайджанский и телеутский. *Целью* данной работы является выявление универсальных и национально-специфических признаков семантики пословиц с компонентом «мать» в системно-структурном аспекте на материале рассматриваемых языков.

Для реализации поставленной цели решаются следующие *задачи*: 1) осуществить ретроспективный анализ проблем, связанных с темой исследования; 2) отобрать фактологический материал путем целенаправленной выборки из различных лексикографических источников указанных языков; 3) провести сравнительно-сопоставительный анализ семантики концепта «мать» и пословиц с компонентом «мать» данных языков; 4) осуществить классификацию пословиц исследуемых языков по их смысловому содержанию, выявив универсальные и национально-специфичные пословицы.

Проведенный семантический анализ 248 русских, 242 китайских и 252 азербайджанских и 39 телеутских пословиц [1] с компонентом «мать» позволил выделить следующую логико-тематическую классификацию: 1) качества характера; 2) статус, социальное положение матери; 3) отношение матери к детям; 4) отношение детей и других членов семьи к матери; 5) методы и особенности воспитания детей; 6) последствия правильного / неправильного воспитания; 7) оппозиция «мать – отец»; 8) оппозиция «мать – мачеха»; 9) оппозиция «мать – дети»; 10) оппозиция «мать – другие родственники»; 11) семейные традиции, жизненный уклад. Наряду с этим, в трех языках выявлены пословицы, в которых отсутствует компонент «мать» (*Плохо ветвям без ствола*). В русском языке количество пословиц о важности матери для ребенка значительно превышает количество пословиц о важности отца (*Нет такого дружка, как*

родная матушка). В китайском и азербайджанском языках, напротив, важность отца и матери для ребенка почти одинакова (父恩比山高, 母恩比还深 fù ēn bǐ shāngāo, mǔ ēn bǐ hái shēn – *Ата олмайан – ата, ана олмайан – ана qədrini bilməz – Милость отца выше горы, милость матери глубже моря*) [3, с. 114]. В русском и азербайджанском языках мать связана с религией (*Материнским словом Бог правит; Göydə Allahdır, yerdə analar*), тогда как в китайском языке – с властью правителей (为民父母 wèi mǐn fùmǔ – *Почтенный начальник служит народу как родители (мать) заботятся о детях*) [2, с. 186]. К специфичным можно отнести китайские пословицы, поскольку их семантика содержит реальный сюжет, какие-либо культурные, исторические события, факты и так далее (画荻和丸 huà dì hé wán – *Камыш вместо кисти для письма, образно – в значении «материнская наука»; по притче о матери Оуян Сю, которая учила его, чертя камышом знаки на земле*) [4, с. 237].

В настоящее время в работе осуществляются попытки представить наиболее полную классификацию пословиц с компонентом «мать» в русском, китайском, азербайджанском и телеутском языках.

Библиографический список

1. Араева Л. А., Булгакова О. А. и др. Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КемГУ, 2016. 237 с.
2. Bəydili C., Abbashlı İ. Atalar sözü. Bakı: Öndər nəşriyyat, 2009. 264 s. 235
3. Əlizadə Z. Ə. Azərbaycan atalar sözlərin həyatı. Bakı: Yazıçı, 1985. 245 s.
4. 吴邦成. 中华成语典故通 / 吴邦成主编. 合肥: 黄山书社, 2002. 491 页.

© Абдуллаева Ф. Э., Лихун Го, 2018

УДК 81

С. И. Ли

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

Исследование посвящено выявлению особенностей словообразовательной категоризации в разноструктурных языках. Веками функционирующие языковые формы направляют создание нового производного слова в пределы уже сложившихся категорий (фреймов). Производные слова, создаваясь серийно, сохраняются в долговременной памяти, проявляя особенности механизма работы головного мозга человека по аналогии.

Ключевые слова: словообразовательная категоризация, производное слово, телеутский, русский, китайский.

По словам В. Гумбольдта, словообразование представляет собой «самую глубокую и самую загадочную сферу языка». Производные слова

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

своей словообразовательной структурой отражают те явления и объекты окружающего человека мира, которые имеют значимость и требуют номинации. Производная лексика позволяет «увидеть, как была воспринята определенная реалья в мире «как он есть» – через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т. д.) они были осмыслены и затем поименованы» [2, с. 5]. Анализируя производную лексику, можно понять, какие механизмы работают в ментальной деятельности человека в процессе категоризации действительности. Словообразовательный уровень языковой структуры отличается своей динамичностью. Одним из показателей подвижности словообразовательной системы является внедрение в ее состав строевых единиц языка различного рода.

Словообразовательная система любого языка включает в себя как ядерные, т. е. определяющие данную языковую систему элементы, так и элементы, находящиеся на периферии. Появление подобных переходных компонентов помогает избежать дискретности языковой системы и делает возможным постоянное ее развитие и пополнение новыми элементами. На уровне словообразования это проявляется в том, что «пропозиционально организованные компактные тематические объединения стремятся к оформлению специализированным формальным средством» [1, с. 83]. Например, «ягодный» суффикс – ИК(А), «мясной» ИН(А) в русском языке, суффиксоиды 莓 [méi] и 肉 [ròu] в китайском языке, «мясной» суффикс – эди и суффиксоид урусы (болезнь) в телеутском языке и др.

Производная лексика пропозиционально структурирована. Под пропозициональными структурами мы понимаем глубинные структуры мыслительной деятельности, лежащие в основе построения любого суждения и представляющие различные варианты субъектно-объектных взаимоотношений. Пропозиция же является ословленным суждением с обобщенной семантикой на уровне лексико-словообразовательного значения.

В процессе номинации используется определенный образ предмета или явления, вызванный чувствами, внешнее уподобление другому известному предмету (ассоциация). Иными словами, носители языка используют коллективно бессознательный исторический опыт и знания об окружающей реальности, связывая их посредством подсознательной и сознательной реалии и применяя полученные данные на основе определенных признаков к лексеме.

Библиографический список:

1. Араева Л. А., Адамовская В. А. Языковая картина мира китайцев: на материале фрейма «семейство бобовых» // Языки в диалоге культур. К 70-летию профессора М. Дж. Тагаева. Бишкек, 2017. Изд. «Кыргызско-Российский Славянский университет». Бишкек, 2017. С. 82–85.
2. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 66. № 2. С. 3–13.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ НЕРЕАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц, выражающих нереальные явления в хакасском языке, в сопоставлении с русским языком. Анализ материала показал, что через лексические значения компонентов фразеологических единиц можно определить момент времени, который никогда не наступит. Таким фразеологизмам в основном присуща отрицательная коннотация.

Ключевые слова: фразеологизмы, время, нереальные явления, компоненты-зоонимы, хакасский и русский языки.

Время, как и пространство, относится к числу фундаментальных категорий, которые известны в философии, физике, психологии, культурологии, фольклористике, лингвистике и других науках. В лингвистике под временем понимают «грамматическое время», которое выражается личными и неличными формами глагола, в предложении выступает сказуемым. Известно, что «в каждом языке, наряду с лексемами, в той или иной мере обозначающими время, существуют и функционируют единицы вторичной номинации с временным значением – фразеологические единицы (ФЕ)» [3, с. 95].

Фразеологические единицы – это абсолютно национальное явление, источником возникновения которого является сам народ, его речь. Национально-культурная специфика фразеологизмов проявляется как в совокупности значений всех компонентов ФЕ, так и в значении отдельных компонентов, в свободных словосочетаниях, которые, как правило, образно переосмысливаются [3]. Подтверждением этому служат фразеологизмы с временным значением, в которых заключена ситуация, которая никогда не может иметь место в реальной действительности.

Материалом для нашего анализа послужили фразеологические единицы хакасского и русского языков, представленные в [1, 2, 5].

Итак, в хакасском языке нами выявлены две ФЕ, через значения которых «время мыслится как момент, который никогда не наступит по определенным причинам» [4, с. 126]: *харагай нүри түссе* ‘в неопределённом будущем, никогда. Букв. когда хвоя сосны опадёт’ и *сузлар тискер агыбысса* ‘в неопределённом будущем, никогда. Букв. когда реки потекут в обратном направлении’.

Например: *Харам кизидегі алымны, харагай нүри түссе, аларзың* (Мудр. сл.) ‘У скупого долг получишь, когда хвоя сосны опадет’ (1, с. 99).

Приведем пример (обращение парня к девушке) из пьесы известного хакасского драматурга М. Е. Кильчичакова «Хулгалар» (Всходы):

Адайах: Магаа парарзың ма, Хызирке? Парбас ползаң, позытпасын.

*Хызирке: **Харагай нүри тўс парза.***

Адайах: Ол хачан тўзер, нўн тўзер бе?

*Хызирке: Хачан **суғлар тискер ағыбысса.***

Адайах: Хачан олар нандыра ағарлар?

*Хызирке: Хачан **харагай нүри тўс парза** (М. Кильч., 7)*

‘Адайах: Выйдешь за меня замуж, Хызирке? Если не выйдешь, не отпущу.

Хызирке: Выйду, когда хвоя сосны опадёт.

Адайах: А когда она опадёт, сегодня опадёт?

Хызирке: Когда реки потекут в обратном направлении.

Адайах: А когда они в обратном направлении потекут?

Хызирке: Когда хвоя сосны опадет’ [Перевод наш].

Анализируемые фразеологизмы строятся по определенной схеме, компоненты их имеют строго закреплённое место. Так, структурная схема ФЕ *харагай нүри тўссе* выглядит следующим образом: «сущ. + сущ. в притяж. ф. + глагол в условном наклонении». Невозможность наступления определенного отрезка времени в данном фразеологизме заключается в том, что хвоя сосны не опадает.

Фразеологизм *суғлар тискер ағыбысса* строится по структурной схеме «сущ. + наречие + глагол в условном наклонении», где временное значение, как и в предыдущем примере, реализуется через все компоненты и указывает на то, что данный момент времени никогда не наступит, потому что реки в силу природных явлений никогда в обратном направлении течь не будут.

В русском языке ФЕ, указывающих на время, которое никогда не наступит по какой-либо причине, встречается больше, чем в хакасском языке: *когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда петух яйцо снесет, когда курица запоет по-петушиному, когда свиньи будут с поля шагом идти* [5] и др.

Кроме этого, данные фразеологизмы отличаются от хакасских и по структуре: «когда + зооним + глагол». Весь смысл фразеологизма (т. е. невозможность наступления определенного момента времени) в русском языке заключается в сочетании «зооним + глагол». Известно, что *рак* никогда не свистнет, *петух* никогда яйцо не снесет, *курица* никогда по-петушиному не запоет и т. п.

Следует отметить, что в хакасском языке фразеологизмов с компонентом-зоонимом достаточно много, но в них не заключается временное значение, а дается определенная оценка характера человека: *адай чўрек* ‘злой, жестокий человек. Букв. собачье сердце’; *нўр чарымы* ‘негодяй, подлец. Букв. волка половина’, *таңах кўрiстiг* ‘недальновидный. Букв. с куриным взглядом’, *тўлгў хылых* ‘хитрый, лстыивый. Букв. лисий характер’ и др.

Таким образом, на основе собранного языкового материала можно установить:

1) наличие национально-культурной специфики фразеологических единиц, в которых представлена ситуация, которая не может иметь место в реальной действительности;

2) в хакасском языке момент времени, который никогда не наступит, реализуется через все компоненты фразеологических единиц;

3) в русском языке – сочетанием «зооним + глагол»;

4) в обоих языках этим фразеологическим единицам присуща отрицательная коннотация.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Изд. 2-е, стереотип. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. 144 с.
2. Боргоякова Т. Г. Хакасская фразеология. Абакан, 2014. 156 с.
3. Ермакова Е. Н., Гречина А. А. Фразеологические единицы со значением «никогда» как отражение национальной специфики (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки и искусствознание». 2015. № 4. С. 95–99.
4. Милованова А. И. Отражение пространства и времени во фразеологизмах, выражающих значение через нереальные явления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 125–128.
5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

© Чугунеева А. Н., 2018

УДК 811.512.153+ 811.512.156

К. В. Кичеева

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ «СУТКИ И ЧАСТИ СУТОК» В ХАКАССКОМ И ТУВИНСКОМ ЯЗЫКАХ

*В данной статье рассмотрены лексические представления концепта «Сутки и части суток» в языковой картине мира хакасов и тувинцев. На основании их сопоставительного анализа, а также обращения к общетюркским корням прослеживается развитие представлений, связанных с понятиями *сутки, день, сегодня, вчера, завтра, послезавтра, утро, полдень, вечер, ночь*.*

Ключевые слова: *время, сутки, части суток, языковая картина мира, хакасский язык, тувинский язык.*

В последнее время внимание лингвистов привлекает проблема лексической темпоральности. Лексические единицы определения времени анализировались в тувинском языкознании в работах Ш. Ю. Кужугет [4; 5], Л. С. Кара-оол [3], М. В. Ондар [6], в хакасском языке – А. Н. Чугунеевой [13; 14; 15]. Поэтому нам представляется актуальным

в сопоставительном плане рассмотреть темпоральные реалии «сутки и части суток» в хакасском и тувинском языках.

Единый мир у разных народов воспринимается и кодируется в языке по-разному. Языковое отражение представлений о мире, называемое языковой картиной мира, определяется через сопоставление разных языков.

Мы исследуем концепт, связанный с репрезентацией суточных временных отрезков в родственных языках – хакасском и тувинском.

Время – понятие абстрактное, многомерное. Человек с помощью сознания может перенести прошлые события в *здесь* и *сейчас*, может планировать или предчувствовать будущее, во сне или другом бессознательном состоянии – оказаться в нереальном времени и пространстве.

Понятие «время» субъективное. У каждого свое ощущение времени: у одних оно бежит, у других мчится, у кого-то тянется, у кого-то ползет.

Время изменчиво: ход времени может меняться даже в рамках небольшого срока жизни одного человека.

Люди объективировали время, создав календари и часы. Так время было разделено на отрезки. Единицей измерения в календаре является год, состоящий из четырех сезонов (зимы, весны, осени, лета) и двенадцати месяцев. Месяц состоит из недель, недели – из дней.

Были созданы и лунные календари, связанные с лунными циклами: от новолуния до полнолуния, с разделением промежутков между ними на четверти.

Единицей измерения в часах являются сутки. В сутках – двадцать четыре часа. Выделяют части суток: утро – начало дня; полдень – середина дня, время высшего стояния солнца над горизонтом, соответствующее обычно 12 часам; вечер – время перехода к ночи; полночь – середина ночи, соответствующая 24 часам; ночь – часть суток от захода до восхода солнца.

Научное исчисление времени в разных культурах может восприниматься и соответственно выражаться в языке по-разному. Каждый язык отражает свою языковую картину мира.

Хакасы и тувинцы – тюркские народы, проживающие в соседних пограничных территориях Саяно-Алтайского нагорья, с общими корнями и одинаковым укладом жизни. Они живут в идентичных климатических условиях и в одном часовом поясе. Имеется ли разница в обозначении концепта «сутки и части суток» у двух родственных культур?

Цель исследования заключается в установлении эквивалентных значений концепта «сутки и части суток» в хакасской и тувинской языковой картине мира.

Материалом исследования послужили примеры из национальной художественной литературы, фольклорных произведений и разговорной речи.

Темпоральная единица «СУТКИ»: в тувинском языке *хонук* и хакасском языке *хоных* восходят от общетюркской основы *қон-* «останавливаться на ночлег» [17, с. 54]: тув. *Тозан хонукта доозазын чип шыдавайн* [10, с. 62] «За девяносто суток съесть всего не смогли»; хак. *Андар чол пір хоныхтыг полар* (разг.) «Дорога туда занимает одни сутки».

Название дня связывается с понятием солнца *хун* (тув. язык), *күн* (хак. язык). В пратюркском языке *гүн* «день; солнце» [8, с. 100–102].

От основы *күн* также в хакасском и тувинском языках при помощи указательного местоимения «этот» (хак. *пу*, тув. *бо*) и образованы термины «СЕГОДНЯ»: тув. *бөгүн* (*бөхүн*), хак. *пүүн* (*пу күн*).

Понятие «ВЧЕРА» в тувинском языке образовано путем стяжения основ *дүн* «ночь» и *хүн* «день» (тув. *дүүн*): *Бөгүнгү хой мыяанга чедир өрттедиңер, хуюктаңар – деп-тир* [10, с. 108] «Жгите-палите овечий помет, начиная с сухого до свежего (сегодняшнего), – сказал».

В хакасском языке «ВЧЕРА» определяется словом *кичее*, это перешедшее с древнего тюркского языка *кеçä* «ночь; поздний вечер» [2, с. 291]. В хакасском языке произошло переосмысление слова *кичее* к значению «пройденная ночь», то есть «вчера», например: *Пүүн хыгырчабыс кичее хап тазын тогынганыбысты: улуг кизилерге икiler, піс осхастарга паза ипчилерге пір чарымар күн тургыс пиртирлер* [11, с. 12] «Сегодня читаем как вчера работали, таская мешки: старшим – по два, таким как мы и женщинам – по полтора дня поставили [оказывается]».

«ЗАВТРА» связано с понятием рассвета: в тувинском языке *даарта* от *даң* «рассвет» и *арта* «через» (букв. *через рассвет*): – *Бирги мөөрей силерниң болду, ам даарта, даштын херимде ийи барс бар* [10, с. 152] «Первое состязание за вами, а завтра... есть снаружи в загоне два барса»; *Даартазында даш бажы сарыг шокар, даң бажы шара-хере турда* [10, с. 86] «Назавтра, когда забрезжил рассвет – вершины камней стали светло-пестрыми».

В хакасском языке бытует слово *таңда* «на рассвете»: *Пүүн идер тогысты таңдага халдырбаңаң* (посл.) «Не оставляй на завтра то, что можешь сделать сегодня»; *Чиисті таңда тимнеп настирга* (разг.) «Готовить еду начинать на рассвете».

«ПОСЛЕЗАВТРА» в тувинском языке не имеет специального термина, отмечается словами *соңгузу хүн* «последующий день»: *...ыглап олуларывысты соңгузу хүн чиир чуве* [10, с. 244] «... кто из нас плачет, того съест послезавтра».

В хакасском языке для обозначения «ПОСЛЕЗАВТРА» есть слово *таңдүрүк*, например: *Аалзар таңдүрүк парам* (разг.) «В деревню послезавтра поеду».

«УТРО» образовалось от слов «рано, раньше»: в тувинском *эрте* «раньше» – *эртен* «утро»: *эртен кайгаан боттары кезжээгед ээр, кезжээ*

кайгаан боттары эртенге дээр кайгап [10, с. 56] «смотрели с утра до вечера и с вечера до утра».

В хакасском *ирте* «рано» – *иртен* «утро, утром»: *Иртенінде ипчизи апсагын иртенёк усхурыбысты* [12, с.44] «Жена [своего] мужа рано утром разбудила».

От основы *күн* также образованы понятия «ДНЕМ» и «ПОЛДЕНЬ, ОБЕД»:

1) тув. *хүндүс* «днем»: *Хүндүс чемнеп чоруурда, хунан инекдег кара даш-биле аксын дуглап каан* [10, с. 226] «Пошел днем кормиться, а вход закрыл камнем огромным – с корову-трехлетку»;

2) хак. *күндүс* «полдень, обед; днем», *күнөрте* «днем, букв.середина дня»: *Күнөрте таныс-таныс нимес настыхтар тол парганнар* [11, с. 32] «В полдень совсем незнакомые начальники пополнились».

В тувинском языке данно слово *дүш* «полдень» пришло из пратюркского *дүлсө* значением полуденного времени [9, с. 78]: *үш хонганының дал дүш турда* [4, с. 184] «На третий день, в самый полдень»; *Даарта дал дүш турда* [10, с. 264] «На следующий день в самый полдень».

В хакасском языке данный корень отсутствует.

«ВЕЧЕР» в тувинском языке звучит как *кежээ* от древнетюркского *кесэ* «ночь; поздний вечер» [2, с. 291]: *Кежээ тырттынган боду эртенге дээр тырттынып* [10, с. 156] «И вечером оттягивал – до самого утра оттягивал».

В хакасском языке *кичее*, как говорилось, обозначает «вчера». Вечернее время суток у хакасов *иир* соответствует пратюркскому корню *ііі* [2, с. 211], в котором произошло выпадение *ң* между гласными. У тувинцев *енир* получило значение «прошлый, недавно».

«НОЧЬ» в тувинском языке отмечается тюркизмом *дүн*: *Бир черге дүн таваржы берип-тир* [10, с. 202] «Ночь застала в какой-то земле»; *Дүнн үдүн-даа дивейн, хуггүхүн-даа дивейн күзеттеп туруп берген чүвең иргин* [10, с. 110] «Ночь за ночь не считая, день за день не считая, стали стеречь».

В хакасском языке слово *түн* малоупотребительно. Основным словом является *хараа*, образовавшееся, возможно, от древнетюркского *qaraǰu* «темнота, тьма, мрак» [2, с. 424] путем последовательного выпадения *ң* и *э* между гласными. Отсюда – образовавшаяся долгота в слове *хараа*. Сочетание двух слов со значением «ночь» *түн* и *хараа* придает выражению усилительный оттенок *түн хараа* «темная, глубокая ночь»:

<i>Айның хараазы полып,</i>	<i>Наступила ночь луны,</i>
<i>Алтон чылтыс санал парыбысхан,</i>	<i>Шестьдесят звезд протянуто.</i>
<i>Түннің хараазы полып,</i>	<i>Настала ночь ночей,</i>
<i>Читон чылтыс сых парыбысхан</i>	<i>Семьдесят звезд проглянуло.</i>

[1, с. 69]

<i>Арыг күннің харагы көленіп,</i>	<i>Чистое солнце, спрятавшись,</i>
<i>Хараагы түнге түс парыбысхан</i>	<i>В глубокую ночь ушло. [1, с. 69]</i>

Таким образом, в хакасском и тувинском языках совпали следующие слова и понятия: *хонух / хонук* «сутки», *күн / хүн* «день», *пүүн / бүүн* «сегодня», *иртен / эртен* «утро». Совпали по форме, но разошлись по содержанию следующие слова: хак. *киче* «вчера» – тув. *кежээ* «вечер», хак. *күндүс* «полдень» – тув. *хүндүс* «днем», хак. *шир* «вечер» – тув. *енир* «прошлый, недавно».

Библиографический список

1. Айдолай. Алыптыг ныхам. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2016. 196 с.
2. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
3. Кара-оол Л. С. Понятие «час» по-тувински // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. 1. С. 99–103.
4. Кужугет Ш. Ю. Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудажы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.
5. Кужугет Ш. Ю. Суточный цикл времени в тувинской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 139–144.
6. Ондар М. В. Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1(67). Ч. 2. С. 157–163.
7. Русско-тувинский словарь: 22000 слов / под ред. А. А. Пальмбаха; Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 708 с.
8. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'В', 'Г' и 'Д' / АН СССР. Ин-т языкознания; ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. 395 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
10. Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. 460 с.
11. Туран М. Чургасчолларынча: сборник рассказов на хакасском языке. Абакан: Хакас. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1984. 152 с.
12. Хакасские народные сказки / сост. В. И. Доможаков. Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1986. 144 с.
13. Чугунецова А. Н. Лексические средства выражения категории времени в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 168–171.
14. Чугунецова, А. Н. Темпоральные наречия в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(66). Ч. 3. С. 185–188.
15. Чугунецова А. Н. Парные наречия как средство выражения времени в хакасском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Абакан, Республика Хакасия, 19–20 мая 2016 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. С. 249–252.
16. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'К', 'Қ'. Выпуск первый / Российская академия наук. Ин-т языкознания; ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
17. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'К' / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Индрик, 2000. 264 с.

© Кичеева К. В., 2018

СОМАТИЗМЫ В ТЕЛЕУТСКОМ ЯЗЫКЕ*

Доклад посвящён изучению многозначности существительных тематической группы (ТГ) «части тела человека или животного» в языке малочисленного коренного народа Севера – телеутов, проживающих на территории Кемеровской области. Специфика способов развития многозначности определяется через реализацию пропозициональных структур, характерных для языковой картины мира телеутов.

Ключевые слова: полисемия, пропозициональная структура, категоризация, прототипическая категория, языковая картина мира.

Воплощая национальный характер, отражая национальные идеалы, язык каждого народа представляет их в символах своей культуры. Мирозрение народа и его миропонимание, определяемые культурными традициями, отражаются в формировании и наполнении фреймовых структур, характерных для данного языка и отражающих языковую картину мира данного народа. Фреймы рождаются в процессе восприятия мира, создаются в актах познания и отражают то, как носители языка видят и понимают мир, как категоризируют его в своём сознании.

Соматизмы представляют собой компактную, лексически ограниченную группу, однако, будучи названиями органов, осуществляющих жизнедеятельность организмов, они исключительно важны для человека, что детерминирует их высокий деривационный потенциал в развитии многозначности, поэтому с течением времени многие из них стали иметь не одно, а несколько значений, которые служат для наименования разных предметов и явлений действительности.

Существительные данной ТГ проявляют большую активность в развитии многозначности. Самое большое количество значений в телеутском языке отмечено у существительных: паш (голова), тизе (колени), куйрук (хвост), арка (плечо), кол (рука), јус (лицо), айка (лапа), ич (живот), таман (стопа), айка (нога), салага (палец), кёкси (спина), кулак (ухо).

Кемеровская дериватологическая школа предлагает исследовать деривационный потенциал тематических групп с позиций пропозиционального подхода, который проявляет способ мышления и организации человеческого сознания и обуславливает многослойное представление о деривационных процессах, лежащих в основе развития семантических структур полисемантов.

Изучение фреймовой структуры многозначных лексем даёт нам возможность увидеть, каким образом в сознании говорящих организуются

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

значения многозначных слов и как в концептосферах языковых единиц репрезентируются знания человека об окружающем мире и его отношение к этому миру, связанное с национальными, культурными, духовными традициями народа.

Человек познаёт мир через себя, не случайно поэтому в телеутском языке существительные ТГ «части тела человека и животного» обладают значительно разветвлёнными семантическими структурами, несмотря на то, что сама эта тематическая группа весьма компактна и лексически ограничена. Переносные значения существительных данной ТГ опираются на представления носителей языка о возможностях функционирования организма в окружающем мире и отражают ассоциативные, метафорические связи мира природы и мира человека и его организма, причём второе – более частотно для описываемой подсистемы.

© Булгакова О. А., Тарасова М. Н., 2018

УДК 811.512.153

Р. П. Абдина

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлена попытка классификации этнокультурной лексики хакасского языка, которая рассматривается как лексика, характеризующая специфику материальной и духовной культуры хакасов. В хакасском языке ее можно разделить на две большие группы: лексику материальной культуры и лексику духовной культуры, которые в свою очередь классифицируются по группам слов в соответствии с обозначаемыми реалиями.

Ключевые слова: хакасский язык, традиционная культура, этнокультурная лексика.

Проблема взаимосвязи, соотношения языка и культуры является одной из центральных в современной лингвистике. Основные положения взаимодействия языка и культуры можно представить в следующем: материальная и духовная культура воплощаются в языке; всякая культура национальна и находит выражение в языке посредством особого видения мира этноса; «языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением его культуры; культура и язык являются формами сознания, отражающими мировоззрение этноса» [5]. В связи с этим, «лексика любого языка делится на слова, обозначающие общечеловеческие понятия, и слова с национальными этнокультурными значениями. К словам с общечеловеческими значениями относятся: во-первых, служебные части речи, числительные, местоимения и некоторые разряды наречий; во-вторых, имена и глаголы, обозначающие общечеловеческие, практически вневременные и внепространственные поня-

тия, например, «молод», «стар», «хорош», «плох», «дитя», «мужчина», «вода», «небо», «высоко», «спать», «ходить» и т. п.» [2]. К этой группе относятся слова, имеющие наименования, как и сами реалии, практически во всех языках. К этнокультурной лексике можно отнести: названия природных явлений, характерные для той области, где живут носители определенного языка; лексику материальной культуры; лексику духовной культуры. Обозначая природные явления, эта лексика содержит информацию о восприятии человеком окружающей среды, о системе его представлений об окружающем природном мире. Называя элементы материальной и духовной культуры, сообщает об образе жизни, обычаях этноса. Становится очевидным, что в проблематику этнокультурной лексики входит вопрос о соотношении языка и культуры конкретного этноса, а также перевода этой лексики на другой язык. Национально-культурное своеобразие этой лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие «пробелы», «белые пятна на семантической карте языка», некоторые исследователи называют *лакунами* и выделяют два вида: лексические лакуны и этнографические лакуны [3]. К первой группе относятся слова/понятия, не имеющие своего однословного наименования в переводящем языке, причем сам предмет или явление существует в обеих культурах; во вторую группу входят слова, отражающие реалии, явления, которые присущи конкретному народу и нехарактерны для переводящего языка [4]. Например, лакунами первой группы в русском языке будут такие хакасские слова, как *тайы* – дядя со стороны матери, *паар* – верхняя сторона полы шубы. Во вторую группу относятся такие слова, как *прат* – вышивка, аппликация на спинке хакасской верхней женской одежды, *тулуң* – две косы, заплетаемые девушке при замужестве, *позо* – нагрудное женское украшение.

Этнокультурную лексику материальной культуры исследователи классифицируют по следующим группам: названия жилищ и других построек; названия предметов быта и приспособлений для ведения домашнего хозяйства; лексика, характеризующая основные виды деятельности человека: терминология коневодства, терминология животноводства, терминология охоты и рыболовства. К лексике, связанной с духовной культурой, относят: термины родства и родственных отношений; лексику, связанную с верованиями, обрядами и обычаями; лексику народной медицины; термины фольклора и мифологическую лексику; названия народной музыки и танцев; термины народной метрологии [1, 2]. Этнокультурную лексику хакасского языка также можно классифицировать по подобным группам. Так, к каждой перечисленной группе этнокультурной лексики из словарного состава хакасского языка можно привести определенные примеры [6].

Примеры классификации этнокультурной лексики хакасского языка

Этнокультурная лексика материальной культуры	
Группы (обозначаемые реалии)	Примеры
Одежда и украшения	<i>Адым</i> – нашивка к подолу национального платья; <i>пого</i> – женское нагрудное украшение; <i>хачы</i> – кайма из шелка, парчи, пришиваемая к национальной женской шубе выше меховой оторочки; и т. д.
Жилища и другие постройки	<i>Кис иб</i> – войлочная юрта, <i>хазаа</i> – скотный двор
Предметы быта и приспособления для ведения домашнего хозяйства	<i>Ике</i> – подстилка из холста, на которую стелется слоем шерсть для катания кошмы; <i>ханахай</i> – дуга колыбели; <i>харлыг</i> – ремень с бляшками на люльке; <i>хахтых</i> – длинная палка с рогоутушкой для подвешивания котелка на костре; <i>чүзүг</i> – футляр для топора; <i>хоначы</i> – уголек, который во время горения древесины оказывается в вертикальном положении.
Основные виды хозяйствования и промыслов.	<i>Тарлан</i> – пестрый, в темную крапинку, в мелких пятнах рогатый скот; <i>тураңхай</i> – лошадь, часто останавливающаяся от утомления; <i>туур</i> – самка крупного рогатого скота, достигшая половой зрелости; <i>улбаң</i> – место в озере, где со дна бьет ключевая вода и куда зимой устремляются косяки рыб; <i>хайдол инек</i> – корова, дающая молоко без теленка; <i>халбырах</i> – легкие, не подбитые шкуркой, лыжи для хождения по весеннему насту; <i>хозах</i> – связывание двух телят за ошейник и хвост, как способ усмирения непослушного теленка в паре со смирным собратом; <i>сыырсах</i> – вложенные в тетиву лука парные стрелы; <i>хосто</i> – разновидность наконечника стрелы, имеющая особое устройство, которое при полете создавало шум; и т. д.
Пища	<i>Хахпах</i> – творожная масса от айрана, остающаяся после перегонки айрана по краям перегонного аппарата; <i>хоймах</i> – приправа к супу из кислых молочных продуктов; и т. д.
Этнокультурная лексика духовной культуры	
Верования, обряды и обычаи	<i>Туллирга</i> – совершать траурный обряд, при котором женщине расплетали косы, и она с распущенными волосами сидела у гроба мужа, оплакивая его; <i>тутпах</i> – шаманские задатки, передаваемые по наследству, <i>тутпахтыг төрөл</i> – род с шаманскими качествами; <i>хазыналирга</i> – не называть по имени (обычай у хакасов: не называть старших родичей мужа или жены по имени, их называли пабазы (отец того-то); <i>нандыт</i> – приданое невесты; и т. д.
Родственные отношения	<i>Тай</i> – родство по материнской линии; <i>ачы</i> – двоюродный брат по отцу; <i>тайы</i> – дядя по матери; <i>килин</i> – невестка; <i>ача</i> – старший брат; и т. д.
Фольклор и мифология	<i>Хайджеы</i> – исполнитель героических эпосов горловым пением под аккомпанемент чатхана; <i>тахпах</i> – лирическая состязательная песня, обращенная к кому-нибудь или к чему-нибудь; и т. д.
Народная метрология	<i>Алтам</i> – шаг, как единица измерения; <i>мухур</i> – пядь (мера длины, равная между концами растянутых большого и указательного пальцев); <i>чаас</i> – снег, выпавший зимой крупными хлопьями; кратковременный обильный снегопад; и т. д.

Очевидно, что соотношение этнокультурной лексики по определенным тематическим группам неравномерно, и в языке, прежде всего, преобладают лексические единицы, обозначающие реалии, наиболее распространенные в обиходе носителей языка, кроме того, количество этнокультурных лексических единиц в определенном языке напрямую зависит от количества предметов и явлений, не находящихся аналогии в культуре носителей другого языка. Поэтому между разными этническими группами, проживающими в одинаковых климатических условиях, уровень взаимопонимания будет выше, по сравнению с теми, кто проживает в различных климатических условиях, так как в культурах первых больше общих элементов: они занимаются похожими промыслами, ремеслами и т. д. Например, в русском и хакасском языках для обозначения разновидностей ветров есть слова: *пурга, вьюга, метель*; хак.: *чил* – ветер, *пургун* – метель *пораан* – вьюга, а в английском это выражается словами *snowstorm, Blizzard* – метель. Обусловлено это тем, что каждое общество обслуживается теми предметами и явлениями действительности, а следовательно, и лексическими единицами, которые необходимы этому обществу в конкретных условиях, на данный период времени.

Анализ определенных групп этнокультурной лексики позволяет сделать выводы об определенных отраслях жизнедеятельности народа, его особенностях хозяйства и быта. Так, например, при анализе группы «Лексика, характеризующая основные виды деятельности» можно сделать вывод о том, что хакасы занимались скотоводством, коневодством, овцеводством, охотой, рыболовством и многими другими промыслами. Как следствие в хакасском языке сложилась терминология обработки шкур, шерсти, меха: *илөр* – приспособление для разглаживания швов кожаных изделий, *хыйган* – кожемялка, *хыйгыс* – крюк для обработки овчины, *чалбирга* – чертить на коже ножницами при крое обуви, *чапылирга* – брызгать сывороткой на уложенную шерсть при валянии войлока и т. д. Например, в хакасском языке существует более десяти терминов, обозначающих различные сорта и виды кожи, что не является простым перечислением фактов, а имеет непосредственное отношение к быту народа: *кõң/кõм* – юфтевая высококачественная кожа; *талбах* – телячья или коровья кожа низкого качества; *теер* – кожа; *тим* – высококачественная кожа из шкур телят, хром; *туун* – дубленая кожа; *хаас* – вырезанная полосой кожа, ремень; *хырна* – баранья, козья кожа, выделанная как замша; *чарыг* – сыромятная кожа крупного рогатого скота; *хурусха* – выделанная шкурка ягнёнка грубошёрстной породы овец; *хуус* – обработанная шкура, с которой снята шерсть; *силч,ең* – шкурка, плохо поддающаяся обработке, *сир* – сыромятная затвердевшая кожа крупного рогатого скота.

Таким образом, этнокультурная лексика является способом воплощения и хранения специфических особенностей жизни, культуры этноса, а

также средством передачи этих особенностей для других народов. Анализ и классификация этнокультурной лексики по определенным тематическим группам позволяет выявить знания об особенностях быта и культуры этноса, а также данные для установления культурных, исторических и лингвистических взаимоотношений между различными этносами, проживающими как на отдаленных, так и соседних географических территориях.

Библиографический список

1. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., Наука, 1981. 94 с.
2. Баучиева З. Б. Этнокультурная лексика тюркского происхождения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Карачаевск, 2005. 160 с.
3. Быкова Г. В. Лакуарность в лексической системе русского языка. Благовещенск, 1998. 218 с.
4. Глазачева Н. Л. Еще раз о типологии межъязыковых лакун // Сборник научных трудов. Благовещенск, 2003. С. 28–32.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: «Академия», 2001. 208 с.
6. Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск «Наука», 2006. 1114 с.

© Абдина Р. П., 2018

УДК 811.512

И. Н. Боргоякова

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В хакасском языке фразеологическими антонимами признаются фразеологические единицы, обладающие противоположным значением, с полярным определением одной и той же сущности. Фразеологические антонимы, не имеющие в своем составе ни одного общего компонента, определяются нами как разноструктурные. Хакасские разноструктурные фразеологические антонимы мы подразделяем на две подгруппы: 1) разноструктурные антонимы, полностью различающиеся по своему лексическому составу; 2) разноструктурные антонимы, частично совпадающие по своему лексическому составу.

Ключевые слова: хакасский язык, фразеологизмы, антонимические отношения, семантика.

Цель статьи – выявление и описание фразеологических антонимов в хакасском языке. Как известно, фразеологизм является фрагментом культурного знания, когнитивная «память» которого хранит культурные традиции народного менталитета, что определяет функционирование воспроизведения фразеологии как константы времени видения мира. «В основе образования фразеологизмов лежит семантическое опрощение, то есть ограничение значения слов, ставших компонентами фразеологизма. Во фразеологизме образующие его слова получают единое фразеологиче-

ское значение: бить баклуши – бездельничать, с глазу на глаз – наедине, точить лясы – пустословить, сломя голову – стремительно и т. д. Очевидно, что значение фразеологизма не делится на части, соответствующие элементам его внешней формы, как и не вытекает оно из сложения значений отдельных слов» [3, с. 56].

Как известно, в лингвистике принято различать три вида словарной антонимии: лексическую, фразеологическую и лексико-фразеологическую [1, с. 75]. М. И. Сидоренко классифицирует фразеологические антонимы в зависимости от их семантических свойств, т. е. характера противоположностей [6], а Е. Н. Миллер – по характеру взаимосвязей денотативных и коннотативных семем, возможности групповой смысловой связи, их способности противопоставляться в узком контексте, по лексико-семантическому составу фразеологических единиц [4].

Фразеологические антонимические пары отличаются наличием в своей семантической структуре признаков противоположности, например, русск.: *спустя рукава = засучив рукава; с тяжелым сердцем – с легким сердцем; гладить по шерсти (шерстке) кого-л. = гладить против шерсти (шерстки) кого-л.* и т. д. К основным условиям антонимических отношений подобных фразеологических единиц относятся такие критерии, как принадлежность к одному семантико-грамматическому классу, обязательное наличие взаимоисключающих сем в их значении, формальное выражение смысловозначительных знаков и др.

Вопросам фразеологии в хакасском языке посвящены работы Т. Г. Боргояковой [1, 2], М. Д. Чертыковой [7, 8, 9]. Однако исследований, посвященных специальному изучению парадигматических отношений фразеологических антонимов в хакасском языке пока нет, хотя это распространенное явление в языке. Но они достаточно хорошо исследованы и обоснованы на материале русского языка. Выявляя критерии антонимичности фразеологических единиц, мы будем опираться на современные исследования по антонимии фразеологических единиц русской фразеологической школы.

Фразеологические антонимы, не имеющие в своем составе ни одного общего компонента, определяются нами как разноструктурные. В разноструктурных фразеологических антонимах можно выделить две подгруппы: 1) разноструктурные антонимы, совершенно различающиеся своим лексическим составом, типа: *миизі чоx* «глупый; букв. без мозгов» – *улуг пас* «умный; букв. большая голова»; 2) разноструктурные антонимы, частично совпадающие по своему лексическому составу, напр., *ах сагын-«иметь чистые помыслы» – хара сагын- «иметь злой умысел»; ибiре чоохтан- «говорить вокруг да около» – кoнi чоохтан- «говорить прямо»; кoд тус- «падать (о настроении)» – кoд кoдiрiл- «подниматься»; аба чүрeктiг «смелый; букв.с сердцем медведя» – хозан чүрeктiг «трусливый; с сердцем зайца»; нымзах чүрeктiг «добрый; букв. с мягким сердцем» – хатыг чүрeктiг «злой, жестокий, букв. с твердым сердцем»; соох*

körіstіg «с холодным взглядом» – *чылыг körіstіg* «с теплым взглядом» и др. Как видим, в состав антонимической парадигмы фразеологических единиц входят объединения фразеологизмов с противоположными значениями. Основу их семантического соотношения составляют дифференциальные и общий интегральный признаки.

При классификации фразеологических антонимов хакасского языка в зависимости от выражаемого типа противоположности явлений и событий мы, вслед за Л.А. Новиковым, разделим на три группы: а) контрарные; б) комплементарные и в) векторные [5].

Контрарные антонимы выражают качественную противоположность: *aac тутнас* «болтун (болтушка)» – *aac-тіл чох* «молчун», *чүрек öрін* «сердце радуется» – *чүрек түс пар-* «расстроиться, огорчиться». Противоположность значения подобных фразеологических антонимов носит градуальный характер, между такими антонимами возможен промежуточный член. В хакасском языке к этой группе относятся фразеологические единицы, как правило, именного и глагольного типов.

На взаимном предельном дополнении противопоставляемых членов строятся **комплементарные** отношения фразеологических антонимов: *чол пир-* «давать дорогу» – *чол туйухта-* «закрыть дорогу», *көөн көдир-* «поднять настроение» – *көөн түзір-* «испортить настроение» и др. Как видим, значение члена одной пары отрицает значение другого члена пары, здесь невозможен третий член фразеологического ряда. В русском языке «комплементарные антонимы свойственны в основном адъективным и глагольным фразеологическим единицам» [6, с. 346], а в тюркских языках – в основном глагольным.

Векторные фразеологические антонимы выражают противоположную направленность действий, признаков и свойств: *сөс пир-* «дать слово, обещание» – *сөс ал-* «1) взять слово, обещание; на каком-л. общественном мероприятии получить возможность выступить с речью (докладом)» и др.

В хакасском языке к фразеологическим антонимам относятся фразеологические единицы, обладающие противоположным значением, с полярным определением одной и той же сущности: *ах сагыстыг* «доброжелательный; букв. с белой мыслью» – *хара сагыстыг* «злонамеренный; букв. с черной мыслью»; *істі тар* «раздражительный; букв. внутренность тесная» – *істі аллыг* «сдержанный, терпеливый; букв. внутренность просторная» и т. д. Эти фразеологизмы вступают в антонимические отношения в результате крайней противоположности своей семантики. Интересно отметить, что в каждую антонимическую пару входят компоненты, которые являются антонимами и в свободном употреблении: *ах* «белый» – *хара* «черный»; *тар* «тесно» – *аллыг* «просторно». Соотношение фразеологизмов как антонимов – это всегда соотношение отдельных единиц, а равно и соотношение форм употребления таких антонимов – это соотношение форм употребления разных фразеологизмов.

В синтагматическом плане характерным для фразеологических антонимов является их совместное употребление в пределах одного и того же контекста, что позволяет сделать противопоставление более ярким и контрастным: *Эрінчек кізінің ирні хуруг , эрінмес кізінің ирні чаглыг – Ленивый человек голоден, трудолюбивый – сыт. Ана ол көпті көрбеен, көйеені чалгабаан табаннар. А тіллері хайдаг ачыг! Кем ачыгны оортаан – ол іди тілін пос сал чөрбес – Вот они – ничего не видевшие, горя не встречавшие люди. А языки [у них] какие острые! Кто горе пережил, то не будет попусту болтать* [1, с. 76].

В хакасском языке фразеологические антонимы характеризуются также одинаковой сферой лексической сочетаемости: *Мин дее айабасын, оолгымны ла азахха тургыс пир – И я не пожалею, только ты сына моего вылечи. – Айок, тізең, соох сугнаң имнеен, улам аны азахтан түзірген – Айок же лечила его холодной водой и совсем ухудшила его состояние. В данных предложениях глагольные фразеологические единицы *азахха тургызарга* и *азахтан түзіргерге* сочетаются с существительными в дательном и исходном падежах. Или: *Ах сагыстыг кізі поэның сын адын хачан даа чазырбас – Честный человек никогда не станет скрывать свое настоящее имя. Ыр бе, ас па тус иртті, чирі үчүн, чоны үчүн турган алып, харах сагыстыг үзүттерні азын алды – Много ли, мало ли времени прошло, и богатырь, защищавший свою землю, свой народ, одолел коварных духов. Антонимичные адъективные фразеологические единицы *ах сагыстыг* и *хара сагыстыг* сочетаются с существительными в именительном или винительном падеже* [1, с. 77].*

Таким образом, изучение антонимичных отношений в кругу фразеологических единиц позволяет уточнить представление об устойчивости структуры фразеологических единиц, способствует лучшему усвоению их значений, помогает обстоятельнее охарактеризовать их с точки зрения лексической сочетаемости и стилистических возможностей. К тому же «...во фразеологических единицах любого языка заключаются богатый народный опыт, мудрость и специфика национального видения мира, что является важным элементом любой традиционной культуры. Участвуя в описании многих сфер жизнедеятельности человека, фразеологизмы подтверждают универсальность национального менталитета, а также национально-культурную специфику» [10, с. 195].

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Антонимия в хакасской фразеологии // Лексикология и словообразование хакасского языка: сборник статей / ХакНИИЯЛИ. отв. ред. Д. Ф. Патачакова. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва. 1987. С. 75–81.
2. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
3. Гируцкий А. А. Введение в языковедение. М.: «Тетрасистемс». 2003. 288 с.
4. Миллер Е. Н. Межчастеречная антонимия // Филологические науки. 1981. № 7. С. 64–68.
5. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 2001. 237 с.

6. Сидоренко М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: учебное пособие по спецкурсу. Л., 1982.
7. Чертыкова М. Д. Фразеосочетания по типу *кõңни* + глагол с семантикой эмоции в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013а. № 2 (39). С. 230–233.
8. Чертыкова М. Д. Семантическое пространство «*сагыс*+глагол» в составе лексико-семантической группы глаголов мышления в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013б. № 3 (40). – С. 241–243.
9. Чертыкова М. Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки: Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). 2014. № 3 (33). Ч. II. С. 195–200.

© Боргоякова И. Н., 2018

УДК 811.512.153

А. В. Карачакова

НАЗВАНИЯ ГРИБОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются названия грибов в хакасском языке. Определены общетюркские названия грибов, составлены основные компоненты миконимов, их структуры, мотивировочные признаки номинации. Выявлено, что в среде хакасской фитонимической лексики преобладают сложные наименования, состоящие из двух или более лексических компонентов. В типологии признаков обычно выделяют собственные признаки, к которым относятся цвет, внешний вид и манера роста гриба, консистенция и тактильность, темпоратив и др.

Ключевые слова: миконимы, съедобные и ядовитые грибы, цветовой признак, способы произрастания, место произрастания.

Для общего названия грибов в хакасском языке используется слово *миске*. Данное слово встречается также в шорском и алтайском языках в варианте – *мешке*. Оно является немотивированным, что говорит о его древнем происхождении. В других тюркских языках чаще всего слово *гриб* мотивированно или заимствовано из других языков, что является свидетельством их позднего происхождения. Так, например, в татарском языке используется заимствованное слово из финно-угорских языков (*гәмбә, паңгыгәмбә*), в тувинском – из монгольского языка (*мөөгү*). Во многих тюркских языках встречаются описательные названия: *göbäläk* – азерб. (букв. пупочек), *саңырау құлақ* – каз. (букв. глухое ухо), *козу карын* – кырг. (букв. бараний живот), *qo'ziqorin* – узб. (букв. бараний живот), *аскыр-чаваа* – тув. прост. (букв. годовалый жеребец), *mantar* – тур. (возможно, от значения «пробка»), *тэллэй* – якут. (возможно, от слова *тэл* «резать, разрезать»).

У хакасов съедобными считались только грузди – *хазың мискезі* (букв. березовый гриб). Их готовили на сметане [1, с. 22]. Название *хазың мискезі* получили и грузди, и белянки, и подберезовики. Съедобный гриб называется *чичең миске*, ядовитые грибы – *оохчаң мискелер*, ядовитый гриб – *оолыг миске*. Позже научились собирать и использовать в пищу

другие съедобные грибы. Их солят (*тузаан миске*), жарят (*хаарган миске*), отваривают (*пызырган миске*), замораживают (*тоортхан миске*), сушат (*хурутхан миске*).

Нами по лексической теме «Собирательство» собрано 209 карточек, из них названий грибов (миконимов) – 26 (12,4 %). Шляпку у грибов называют *миске пазы* «голова гриба», ножку – *миске азагы* «нога гриба» или *миске сабы* «стебель гриба».

Названия грибов в хакасском языке возникли относительно недавно и получают чаще всего свою номинацию по цветовому признаку. Так, грибы с белой шляпкой называются *ах миске* «белый гриб», *сүт миске* «белянка (букв. молочный гриб)». Если шляпка красная или оранжевая, то они называются *сарыг миске* «рыжик (букв. желтый гриб)», *хызыл миске* «рыжик (букв. красный гриб)», *түлгү мискезі* «лисички (букв. лисий гриб)». Маслята с коричневой шляпкой получили название *күрең миске* (букв. коричневый гриб). Как видим, названия по цветовому признаку могут маркироваться в терминах косвенной номинации: белый цвет – через молоко (*сүт*), рыжий – через лису (*түлгү*).

Другим распространенным мотивирующим признаком является «место произрастания»: *тирек мискезі* «груздь» (букв. тополиный гриб), *хазың мискезі* «груздь / белянка / подберезовик» (букв. березовый гриб), *тыт мискезі* «волнушка» (букв. лиственничный гриб), *харагай мискезі* «рыжик» (букв. сосновый гриб), *ос мискезі* «подосиновик» (букв. осино-вый гриб), *тизек мискезі* «шампиньоны» (букв. навозный гриб), *төкпес мискезі* «опята» (букв. пеньковый гриб).

Единичными признаками являются:

- способ использования в качестве пищи для животных: *адай мискезі* «сморок» (букв. собачий гриб); *сеек оды* «мухомор» (букв. трава мухи);
- внешний вид и манера роста: *салаа миске* «опята» (букв. гриб-палец); *позыг миске* «волнушка» (букв. гриб-гвоздь);
- консистенция/тактильность: *іріңчі миске* «маслята» (букв. сопливый гриб);
- темпоратив: *наңмыр мискезі* «дождевой гриб» (букв. дождевой гриб);
- ассоциативность: *чаг миске* «груздь» (букв. гриб-сало).

Мотивационно-номинативными признаками для ядовитых грибов послужили:

- внешний вид и манера роста: *чут миске* «поганка» (букв. истощенный гриб);
- функционально-оценочный характер: *өдірчең миске* «мухомор» (букв. убивающий гриб).

Многие названия грибов в хакасском языке имеют по несколько вариантов. Так, например, грузди получили названия как по месту произрастания: *тирек мискезі* «груздь» (букв. тополиный гриб), *хазың мискезі* «груздь» (букв. березовый гриб), так и по ассоциации с салом (по цвету, внешнему виду, тактильности): *чаг миске* «груздь» (букв. гриб-сало). Так

как изначально хакасы использовали в пищу только грузди, то и определяют его как *сын миске*, то есть «настоящий гриб».

Вариативными могут являться признаки:

- внешний вид и манера роста и место произрастания: опята – *салаа миске* (букв. гриб-палец) / *төкпес мискезі* (букв. пенный гриб); волнушка – *позыг миске* (букв. гриб-гвоздь); *тыт мискезі* (букв. листовичный гриб);
- цвет и место произрастания: белянка – *сұт миске* (букв. молочный гриб) / *хазың мискезі* (букв. березовый гриб); рыжик – *сарыг миске* (букв. желтый гриб), *хызыл миске* (букв. красный гриб), *харагай мискезі* (букв. сосновый гриб)
- цвет и консистенция/тактильность: маслята – *күрең миске* (букв. коричневый гриб) / *іріңчі миске* (букв. сопливый гриб).

Названия грибов в хакасском языке представлены в следующей таблице [2]:

Названия грибов на русском языке	Названия грибов в хакасском языке		
Грузди	<i>тирек мискезі</i>	<i>сын миске</i>	<i>чаг миске, хазың мискезі</i>
Сморчок	<i>адай мискезі</i>	<i>пурлана</i>	<i>тоолах миске</i>
Рыжик	<i>харагай мискезі</i>	<i>сарыг миске</i>	<i>хызыл миске</i>
Опята	<i>салаа миске</i>	<i>төкпес мискезі</i>	
Волнушка	<i>позыг миске</i>	<i>тыт мискезі</i>	
Белянка / волнушка белая	<i>сұт миске</i>	<i>хазың мискезі</i>	
Маслята	<i>күрең миске</i>	<i>іріңчі миске</i>	
Подберезовик	<i>хазың мискезі</i>		
Подосиновик	<i>ос мискезі</i>		
Лисички	<i>түлгү мискезі</i>		
Белый гриб / боровик	<i>ах миске</i>		
Шампиньоны	<i>тизек мискезі</i>		
Дождевой гриб / дождевик	<i>наңмыр мискезі</i>		
Поганка / поганки	<i>чут мискезі</i>		
Мухомор	<i>өдирчең миске</i>	<i>сеек оды</i>	

Таким образом, слово *миске* является продуктом древней номинации, а частные названия грибов, представляющие собой именные словосочетания, возникли в более поздний период и образуют второй этап в развитии миконимической терминологической системы.

Библиографический список

1. Бутанаев В. Я. Природная среда обитания тюрков Саяно-Алтая: опыт историко-этнографического исследования лексического фонда // Баку, 2013. 133 с.
2. Хакасско-русский словарь = Хакас орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

© Карачакова А. В., 2018

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ

УДК 811.512.142

М. Б. Кетенчиев

КОМПАРАТИВ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена национальной языковой картине мира. В ней показаны функционально-семантические возможности компаратива в репрезентации мировидения карачаево-балкарского этноса. Анализу подвергнуты сравнительные конструкции, являющиеся обязательным элементом релевантных для рассматриваемой проблемы жанров устного народного творчества, к которым относятся нартский эпос, паремии, приметы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, компаратив, языковая картина мира, репрезентация, устное народное творчество.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках в целом, компаратив традиционно рассматривается в сфере морфологии, в частности, при изучении степеней сравнения имени прилагательного и наречия [3, с. 144–149]. Данный феномен не обходит вниманием и синтаксисты, обращаясь к проблемам, связанным с выявлением и описанием формально-семантических моделей именного предложения [4]. В такого рода исследованиях структурно-семантическому анализу подвергаются синтаксические единицы, в которых сравнение предметов ведется по различным основаниям: весу, размеру, возрасту, уму, темпераменту и т. д. [5, с. 96–99]. В последние годы наметилась тенденция к расширению границ исследования компаративных языковых единиц. Так, С. М. Хуболовым предпринята попытка провести семантическую таксономию двух-, трех- и поликомпонентных фразеологических единиц, содержащих в своем составе маркеры сравнения [11]. М. А. Ахматовой же исследуются вопросы, связанные с вербализацией сравнения в таком древнем жанре карачаево-балкарского фольклора, как нартский эпос [2]. Лингвостилистические характеристики сравнения sporadически представлены и в работах, нацеленных на анализ особенностей языка и стиля некоторых балкарских авторов, например, основоположника балкарской поэзии К. Мечиева [6]. Тем не менее, парадигма компаратива в карачаево-балкарском языке изучена еще недостаточно, чем и обуславливается интерес в данной статье к этому вопросу.

Современная парадигма лингвистики предполагает междисциплинарный подход к анализу компаратива. Причем релевантным представляется его

лингвокультурный аспект. В этой связи на основе анализа целого ряда караево-балкарских пословиц и поговорок А. К. Аппоев приходит к правомерному выводу о том, что «при лингвокультурном анализе главную роль играет содержание сопоставляемых единиц языка, обусловленное спецификой культуры и другими экстралингвистическими факторами» [1, с. 5]. На сегодняшний день взаимосвязь сравнения с мышлением и культурой ни у кого не вызывает сомнений, поскольку для них важны проблемы различения и отождествления. Иначе говоря, его посредством «носитель языка познает мир и закрепляет познанное в устойчивых выражениях, к которым относятся, наряду с другими языковыми единицами, также пословицы и поговорки» [7, с. 132]. Это позволяет говорить о том, что пословичный фонд, в том числе и компаративные паремические высказывания, способствует вербализации определенного сегмента так называемой паремиологической картины мира, в которой актуализируются следующие релевантные для этноса концептуальные понятия с их различными характеристиками:

1. **Родина:** *Баиша жерде солтан болгъандан эсе, туугъан жерингде олтан бол* [8, с. 124] «Чем быть султаном на чужбине, стань стелькой на Родине»; *Тойгъан жерден туугъан жер ахишы* [8, с. 125] «Родина лучше места, где ты насытился».

2. **Интеллект:** *Акъыл – баиша, окъуу – баиша* [8, с. 6] «Ум – одно, знания – другое»; *Акъыллыдан тели зауукъ: кеси айтыр да, кеси кюлюр* [8, с. 7] «Дурак счастливее умного: сам скажет, сам и смеется»; *Акъыл билимден кюлюдю* [8, с. 8] «Ум сильнее знаний».

3. **Смелость/трусость:** *Батыр киши – тау киби, къоркъакъ киши – къырау киби* [8, с. 15] «Смельчак на гору похож, а трус – на иней»; *Билекден жюрек кюлю* [8, с. 15] «Сердце (дух) крепче силы»; *Къоркъакъ ёзден кълудан аман* [8, с. 18] «Трусливый уздень хуже холопа».

4. **Хорошее/плохое:** *Биреуню жюреги тенгиз киби, биреуню уа – тонгуз киби* [8, с. 30] «У одного сердце словно море, у другого – словно свинья»; *Иги деп айтдыргъан атха минген кибики, аман деп айтдыргъан жерге кирген кибики* [8, с. 31] «Прославиться – что на коня сесть, осрамиться – что в могилу влезть».

5. **Труд:** *Ишлеп алгъанынг – тюк (киби), тилеп алгъанынг – жюк (киби)* [8, с. 41] «Приобретенное трудом – (словно) волос, приобретенное просьбой – (словно) груз»; *Къыйналмай тапхан ашдан къыйналып тапхан таи игиди* [8, с. 43] «Нажитый трудом камень лучше пищи, которая найдена без труда».

6. **Богатство/бедность:** *Бай-байлыкъгъа табынган мажюсюден жюз аман* [8, с. 51] «Поклоняющийся богатству в сто раз хуже язычника»; *Биреуню илячининден кесинги кълузгъунунг игиди* [8, с. 52] «Своя ворона лучше чужого сокола»; *Къурудан кълуйрукъ ахишы* [8, с. 57] «Курдюк лучше, чем ничего».

7. Слово: *Жаины жаншагы – кызыны акьсагы (кибик)* [8, с. 64] «Парень-болгун – что хромая девушка»; *Сэюнсю ийиси чыкьгандан эсе, башынгы мыйысы чыкьсын* [8, с. 68] «Пусть мозги твои вытекут, чем будут пахнуть слова твои» и т. п.

Особо следует остановиться на собственно компаративных поговорках, которые в сознании карачаевцев и балкарцев выступают как *лакьырда/накьырда* «шутка, острота, насмешка; юмор, прибаутка, забава» или *чам сёзле* «слова-шутки». В зависимости от функциональных возможностей их условно можно подразделить на три типа:

1. Прибаутки, отражающие мировидение этноса в целом: *Акьсакь ит сау итден саугьа излегенлей* [9, с. 473] «Словно хромая собака, которая ждет от здоровой собаки подарок»; *Аты ёлген нал излегенлей* [9, с. 473] «Словно тот, кто ищет подкову для мертвой лошади».

2. Прибаутки, отражающие мировидение частей этноса (карачаевцев или балкарцев): *Тели Жанибек Чегемге баргьанлай* [9, с. 483] «Словно дурной Жанибек, в Чегем ходивший»; *Малкьарлы тубаннга чынгагьанлай* [9, с. 485] «Словно балкарец, в туман сиганувший».

3. Прибаутки, отражающие мировидение жителей отдельно взятого ущелья или населенного пункта: *Кокуй кьабырлагьа жюрюгенлей* [9, с. 490] «Ходить словно Кокуй на кладбище»; *Махайны кьадырынлай* [9, с. 491] «Словно мул Махая» и т. п.

Как видно из рассмотренного выше фактологического материала, паремии, отражая языковое сознание этноса, являются еще и «средством хранения и передачи многовекового опыта и мудрости народа» [13, с. 340]. Причем для них присуща не только констатирующая, но и дидактическая функция, что детерминируется прагматикой пословиц и поговорок. Важным следует признать и то, что наивная картина мира этноса во многом зиждется на перцепциях человека, поскольку он воспринимает окружающую действительность посредством своих органов чувств. Именно этим в первую очередь обуславливаются ценностные компаративные представления социума о сути бытия.

Сравнение и сравнительные конструкции обладают значительным функционально-семантическим потенциалом и в эпических текстах, отражая при этом мировосприятие этноса уже на ранних стадиях его развития. Сравнение при этом носит гиперболический характер, что предопределяется спецификой этого жанра: *Чачы болмай, башы доммакьча кьызарып, уллудугьу тогьуз геммешни бирге кьошханча болуп, борбайларыны, бутларыны, кьолларыны уллудугьу чеги болмагьанча алай* [10, с. 96] «Не имея волос, голова раскраснелась как бронза, величина его – будто добавили вместе девять буйволов, размеры бедер, рук будто не имеют границ». Данная компаративная характеристика дается такому персонажу эпоса, как эмеген. В карачаево-балкарском нартском эпосе наличествуют

и другие сравнения, ориентированные на репрезентацию положительных героев: *Сатанайны кёзлери уа – инжилей* [10, с. 71] «Зубы Сатанай словно жемчужины»; *Нарт жортууул жел ургъанлай барады* [10, с. 86] «Как ветер мчится нартровский поход»; *Аны жюрююшо – жулдуз учханлай, // Аны мюююшо – ай жабышханлай, // Аны кёзлери – танг жулдузунлай* [10, с. 143] «Его движение похоже на полет звезды, // Его рог похож на приклеенный месяц, // Его глаза похожи на утреннюю звезду» и др. Как видим, эталонами сравнения в них выступает предметный мир окружающей человека действительности. В них налицо – результат ассоциативного мышления этноса. Поскольку язык в целом антропоцентричен, субъектом и объектом его следует признать человека, портрет которого вырисовывается во многом благодаря сравнению с другим лицом, окружающими его реалиями.

В рассматриваемом аспекте небезынтересны и карачаево-балкарские приметы. В них в большей степени представлено уподобление предметов, действий и т. д. В плане восприятия и отображения наблюдаемого приметы-микротексты можно подразделить на два типа. Во-первых, уподобление интерпретируется как эксплицитно выраженное суеверие. Причем в одном случае имеет место лишь его констатация, в другом – толкование следствия приметы: *Сабий атасына не анасына бек ушаса – ырысды* [9, с. 411] «Если ребенок сильно похож на отца или мать – это плохая примета»; *Къой кютген заманда, тиши къой, итча, артына чёгюн макъырса, бир палах боллукъду* [9, с. 423] «Если во время пастьбы овца заблеет, присев как собака, то будет большое несчастье». Во-вторых, налицо имплицитность репрезентации суеверия. Вместе с тем дается руководство к действию без объяснения причин: *Тауукъ, юйге айланьт, хоразча къычырса, аны кесип къояргъа керекди* [9, с. 412] «Если курица, повернувшись в сторону дома, закричит как петух, то ее надо зарезать».

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что степень участия компаратива в «описании национального мировоззрения достаточно высока» [12, с. 90]. Он является облигаторным элементом различных жанров устного народного творчества, в которых закодированы архетипические представления социума о самом себе, о мире, в котором он живет. Именно в фольклоре представлена ядерная составляющая карачаево-балкарской языковой картины мира.

Библиографический список

1. Аппоев А. К. Вербализация жизненного опыта социума в поговорках // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13 (268). С. 5–7.
2. Ахматова М. А. Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28. С. 20–23.
3. Грамматика карачаево-балкарского языка / под ред. Н. А. Басакаова. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
4. Кетенчиев М. Б. Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1992. 141 с.

5. Кетенчиев М. Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2000. 145 с.
 6. Кетенчиев М. Б. Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. II. № 3. С. 101–103.
 7. Кетенчиев М. Б. Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. №2 (18). С. 132–136.
 8. Къарачай-малкъар нарт сёзле / сост. Х. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 192 с.
 9. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
 10. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.
 11. Хуболов С. М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 1 (63). С. 290–294.
 12. Чертыкова М. Д. Семантическая структура многозначных ментальных глаголов в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 10. 2014. С. 90–94.
 13. Чугунекова А. Н. Концепт чир ('земля') в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. 2017. Т. 64. № 3. С. 338–342.
- © Кетенчиев М. Б., 2018

УДК 81-26.347.78.034

П. П. Дашинимаева

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВНЕШНЕРЕЧЕВОЙ И МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЕЙ СЕМИОЗИСА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАТУС ПЕРЕВОДЧИКА-«ПЕРЕСЕЛЕНЦА»

В тезисах дается традиционное и новое понимание переводческой стратегии одомашнивания и обыностранивания. Современный взгляд обосновывается данными нейрофизиологии, разграничивающими внешнеречевой и внутреннеконцептуальный уровни семиозиса, что позволяет постулировать применение первой стратегии на вербальном, второй – на когнитивном уровне речемышления.

Ключевые слова: *перевод, стратегия, семиозис, разграничение, внешний, внутренний.*

Идея о том, что языки-культуры живут на разных берегах, в связи с чем переводчик всегда вынужден временно переселяться либо на один берег, либо на другой, стала классикой жанра (И. Ф. Гете, Ф. Шлейермахер, Х. Ортега-и-Гассет). Если немного демегафоризировать идею, это значит, что переводчик переселяет автора к читателям «так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника» или, наоборот, «читатели перевода переселяются к этому чужеземцу и применяются к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям» [1, с. 238]. Иначе говоря, переводчик убеждает читателей в том, что «везде так же, как у нас» или в том, что «у них всё по-другому». В теории эти полярные стратегии

(принципы, методы) перевода принято называть «одомашниванием» (domesticating) – адаптацией исходной культуры целевой и «обыностраниванием» (foreignizing), которое в определенной степени соотносится с «очуждением» / «остранением» (хотя последние больше связаны с литературным приемом описания чего-нибудь странным, непривычным способом с целью вывести читателя «из автоматизма восприятия»).

Мы же хотим обосновать другую идею, доказывающую, что классика упрощает процесс переселения и что она противоречит современному пониманию естественного семиозиса, обусловленному нейрофизиологией речи и мышления. Функциональное картирование коры мозга человека, с одной стороны, многочисленные современные исследования нормы и патологии речи, с другой, подтверждают, что внешнеречевой (моторный) и мыслительный уровни семиозиса разграничиваются не только как сущности, но и как автономные операциональные этапы. На обыденном уровне данная физиологическая изолированность подтверждается достаточно просто: человек учит слова-ярлыки без понимания и осознания соответствующей семантики подобно тому, как буряты-буддисты читают мантры на тибетском языке, вкладывая в непонятные слова свою собственную значимость, или политик говорит одно, думая другое и т. д.

Разграничение внешнего (вербального) и внутреннего (концептуально-семантического) уровня семиозиса заставляет нас выделить в межкультурном общении через переводческое посредничество внешнюю и внутреннюю корреляцию. Первый уровень означает соблюдение законов нормы и узуса целевого языка – языка получателя оригинала, второй уровень корреляции требует от переводчика попытки прогнозирования и приближения к декодированию мыслительно-познавательной деятельности отправителя. Вне сомнения, вторая проблема понимания аксиомы «они думают иначе» и ее решение являются сложной задачей со множеством неизвестных, тем не менее, как пишет автор психотипической теории Ю. А. Сорокин, квалификационным требованием к переводчику является умение понять внутренний мир автора: «соотношение проговариваемого и недоговариваемого в переводном тексте является показателем успешности освоения чужой когни- и когниосферы» [2, с. 83].

Таким образом, если внешнеречевая и внутренне-концептуальная части аутентичны (подлинны) на своем уровне, то в рамках постулируемого нами когнитивно-психологического подхода к описанию речемышления традиционное понимание стратегии перевода «одомашнивание»/«обыностранивание» в формате «или» меняется на «и»:

– на фонетическом, просодическом, грамматическом и лексико-стилистическом уровнях применяется переводчиком стратегия *доместикации* таким образом, что текст на целевом языке звучит на уровне носителя переводимого языка-культуры;

- на уровне прогнозирования концептуально-семантических смыслов и значимости применяется стратегия *форенизации* таким образом, что переводчик внедряет в релевантные формы и структуры языка-2 не свои собственные – чуждые автору исходного текста – знания и убеждения, а релятивизированные авторские донесения и переживания.

В таком случае можно постулировать два разных вида аутентичности – внешнюю и внутреннюю, которые находятся в отношениях асимметрии в противовес речемыслительной симметричности двух уровней в монокультурной коммуникации. Данная асимметрия логична, поскольку сообщение отправляется получателю, пребывающему на другом берегу, не самим автором, а посредником, не на общем метаязыке, а на чуждом.

Вышесказанное можно подытожить в виде следующей таблицы [3, с. 204]:

Семиозис versus/аутентичность versus: стратегия перевода

Исходные естественно-научные постулаты		Соответствующее теоретическое положение в переводоведении	
Мышление и речь нейрофизиологически автономны	Мышление предшествует речемоторному этапу	Разграничиваются в переводческом процессе	внутренний уровень аутентичности; применение стратегии обыностранивания (foreignizing)
	Внешняя речь следует за мыслительным процессом		внешний уровень аутентичности; применение стратегии одомашнивания под нормы и узус целевого языка (domesticating)

Библиографический список

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
2. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
3. Дашинимаева П. П. Теория перевода. Психолингвистический подход. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2017. 360 с.

© Дашинимаева П. П., 2018

УДК 811.512.14

А. Т. Додуева

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА В ПАРАДИГМЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается когнитивность и переход семантических исследований на новый уровень анализа с опорой на когнитивность, что позволяет по-новому решать проблему лексического значения слова. Словарный состав языка систематизируется с опорой

на глобальные концепты в составе лексико-семантической группы, лежащие в основе языковой картины мира.

Ключевые слова: глагол, лексико-семантическая группа, парадигматика, синтагма-тика, значение.

Понимание человеком самого себя и окружающего мира, построение в мозге особой картины мира являются проявлением когниции. Когниция наглядно отражает сущность разумного человека, его взаимодействие с внешним миром, познание мира и обозначает познавательный процесс или же совокупность психических процессов. Способность человека говорить, оценивать окружающий мир относится к его когнитивным способностям. Когнитивный аспект слова можно раскрыть лишь в процессе речевой деятельности, т. е. в данном случае слово берется не изолированно, а в контексте.

Проблемы представления знаний в языке на современном этапе развития лингвистики являются чрезвычайно актуальными и рассматриваются в новом аспекте с опорой на когнитивность. В основе когнитивной науки лежит исследование общих принципов, управляющих мыслительными процессами. В настоящее время когнитивная наука является междисциплинарной. Она связана с оперативным мышлением, процессами познания мира и объединяет разные науки для интерпретации определенных аспектов человеческого сознания. Одним из главнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в понятийной классификации поступающей к нему информации, является концептуализация.

Когнитивный подход может быть применен к анализу разных лингвистических явлений как грамматического, так и лексического плана. С опорой на когнитивный аспект анализируются части речи, отдельные классы слов, словообразовательные процессы, функционально-семантические категории [5; 4; 10].

Описание глагола с когнитивной точки зрения как части речи отражает вполне определенный пласт человеческого опыта, дает возможность установить его ментальное содержание во внутреннем лексиконе человека и объяснить, какое именно представление о мире фиксируется глаголом, к наречению каких сущностей он приспособлен, какие структуры знания стоят за ним и как вербализуется информация. Глагол способен свернуть информацию и о времени, и о пространстве (среде), называя чаще всего определенные виды движения, но включая в обозначение то представление о субъекте действия, то представление о его объекте или инструменте и т. д.

Глагол как часть речи в карачаево-балкарском языке имеет сложнейшую семантическую конструкцию. Процессы, действия не могут восприниматься изолированно от предметов. «Действительно, когда тебе гово-

рят, например, *къыркъ* «режь», то тут же мысленно представляешь тот предмет, чем можно резать (*кайсы* «ножницы», *бысак* «нож»), и немедленно возникает второй вопрос: а где их можно найти?» [12, с. 17].

Глаголы по своим когнитивным характеристикам ориентируются на отражение процедурального значения и способа бытия объектов во времени и пространстве. Это и делает категорию глагола базирующейся не столько на одном-единственном концепте, сколько совмещающей самые сложные для человеческой мысли концепты времени и пространства с их достаточно условным, но антропоцентрически ориентированным членением [4, с. 289–290].

В свете когнитивности лексическое значение рассматривается как отражение определенных пластов знаний и опыта, зафиксированных в языке и тесно связанных с деятельностью человека. Лексическое значение – это весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе включающий потенциальные и ассоциативные признаки. Переход семантических исследований на новый уровень анализа с опорой на когнитивность позволяет систематизировать словарный состав языка с учетом концепции знаний и способов их представления в семантике слов. Понятийные категории представляют результат человеческого опыта, они всегда присутствуют в сознании и могут быть использованы при описании различных языков [11].

Ядро предикатной лексики составляют глаголы. С их семантическими классами связаны и основные типы признаков значений, а также важнейшие типы предложений. Лингвистические единицы не могут существовать вне парадигматических и синтагматических отношений. Эти два типа отношений представляют собой основу языковой системы в целом и организуют единицы всех ее уровней, в том числе и лексико-семантического, «создавая их глубинный внутренний изоморфизм» [8, с. 12]. Устанавливая механизм межсистемных взаимодействий, лингвисты отмечают связанность лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) лексики через отдельные лексико-семантические варианты полисемантического слова, входящие в разные парадигмы, через одноименные элементарные семантические признаки отдельных единиц разных групп, через диффузные зоны их крайне периферийных участков. На периферийных участках ЛСГ происходит дифференциация единиц, осуществляемая на основе соответствующих абстрактных семантических категорий. Системные связи между лексическими единицами во всей полноте можно выявить только в результате объединения парадигматического и синтагматического уровней исследования лексики. Лексико-семантические парадигмы слов представляют собой собственно языковые единицы, итог исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения в рамках одной ЛСГ, в то же время

оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Взаимодействие языковой системы и среды направлено на реализацию функции языковых средств, поскольку отдельная изолированная система не может обеспечить реализации функций коммуникации. Лексико-семантическая система языка не может быть раскрыта без обращения к природе составляющих ее единиц и существующих между ними отношений, а также связи с другими аспектами системно-целостного подхода. Следует рассмотреть семантическую классификацию глагольной лексики. Одной из основных единиц описания лексики в науке о языке признается ЛСГ, понятие о которой появилось в языкознании в связи с признанием системного характера языка, его парадигматического отношения. Чтобы войти в ту или иную ЛСГ, слова должны быть связаны между собой определенными смысловыми элементами, объединены по общности значения: ЛСГ «объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема)» [8, с. 74].

Лексико-семантическая классификация глагольной лексики и выявление наиболее полного набора по каждой ЛСГ позволит более квалифицированно уточнять значения слов в толковом словаре карачаево-балкарского языка. ЛСГ как смысловые объединения слов функционируют не изолированно друг от друга. Между ними существуют различного типа системные связи. Так, они вступают в синонимические и антонимические отношения.

Наиболее объективным критерием распределения глаголов по семантическим группам является метод компонентного анализа, при котором исследователь исходит из представления о дискретном характере семантической стороны слова. Другими словами, он основывается на понимании содержательной стороны слова – семемы – в виде иерархически организованного набора элементарных компонентов содержания – сем. Последние связаны иерархическими отношениями, поэтому из них выделяются доминанты и зависимые семы. Доминанты, их ещё называют идентифицирующими, ядерными семами, лежат в основе тождества анализируемой группы слов и служат для определения границ ЛСГ, подлежащей исследованию; зависимые (дифференцирующие) семы необходимы при установлении оппозитивных отношений между членами группы. Дифференцирующие семы также могут выступать в роли идентифицирующих, но уже не в рамках всей группы, а только при отождествлении отдельных ее элементов. Наличие в каждой единице ЛСГ идентифицирующей семы делает эти единицы парадигматически соотнесенными друг с другом и определяет однотипность их синтагматических свойств. Таким образом, «лексико-семантические группы выделяются в рамках грамматических

классов слов, с которыми они связаны как подклассы, объединяющие слова с общими категориально-лексическими семами» [6, с. 5].

Объем и состав ЛСГ обусловлен конкретно-языковой реальностью и постоянно изменяется в соответствии с требованиями коммуникативной пригодности языка. ЛСГ имеют подвижный характер границ и в силу подвижности семантической структуры самих элементов группы, их способности к постоянному изменению и развитию, что, с другой стороны, обуславливает и пересекаемость различных ЛСГ [1; 7]. Лексико-семантическая парадигма имеет полевой характер структуры, что находит проявление во всепроникающей связанности всех ее подгрупп и отдельных элементов определенными взаимоотношениями. Семантический потенциал компонентов ЛСГ имеет экстралингвистическую обусловленность: системные связи воссоздают связи самих лексически обозначенных явлений и степень их социальной освоенности. Человек стремится обозначить в языке вновь познаваемые стороны наблюдаемых явлений и устанавливаемые им новые связи между реалиями внеязыкового мира. При отражении этих моментов и проявляются в ЛСГ периферийные участки, элементы которых имеют дополнительную маркировку, не обусловленную семантическими потенциями элементов непосредственно предшествующей ступени иерархии. Такие позиции в ЛСГ занимают, например, глаголы *тёртгюлле*- «идти галопом», *жорт*-«рысить», *жоргъала*- «идти иноходью (о коне)» и др., маркированные семами, отражающими дополнительную характеристику бега с точки зрения способа его осуществления и субъекта-носителя этого процессуального признака. В строении лексико-семантических парадигм роль играет и социально-осознанное отношение говорящих к тем или иным сторонам обозначаемой в единицах языка реалии. При этом в парадигме появляются единицы надсистемного характера, имеющие лишь коннотативную маркировку, надстраивающиеся над соответствующими элементами группы и занимающие вместе с ними одну и ту же ячейку системы. Таким образом, глагольные ЛСГ обладают сложной полевой структурой с отчетливыми ядерными и периферийными зонами. Идентификация единиц в рамках ЛСГ осуществляется на основе ядерных сем, входящих в состав всех ее конститuentов. Единицы, значения которых исчерпываются набором ядерных сем, образуют ядро ЛСГ, например, глагол *бар*- «идти, двигаться» в составе группы глаголов независимого движения, глагол *тур*- в значении «находиться где-л.» в составе ЛСГ глаголов со значением пространственной локализации, глагол *айт*- «говорить, сказать» в составе глаголов со значением речи и т. п. Ядерный элемент ЛСГ не всегда получает словарную репрезентацию и в этом случае оказывается представленным лишь на лексико-семантическом уровне системы.

В ЛСГ возможно существование разных периферийных зон, различающихся в соответствии с характером семантической структуры составляющих их единиц. Некую околядерную зону ближней периферии образуют единицы, имеющие по отношению к ядру лишь дополнительную семантическую или коннотативную маркировку. Это, например, глаголы *узай-* «удаляться», *тебуре-* «направляться» и мн. др. – по отношению к ядерным глаголам *бар-* «идти» и *кымылда-* «двигаться» (в их семантике не происходит конкретизации категориальных, ядерных семантических признаков группы поступательного движения – признаков *среда* и *способ передвижения*); *сюел-* «возвышаться», *сирел-* «громоздиться» и др. – по отношению к глаголу пространственной локализации *тур-* «находиться».

При объединении слов в одну ЛСГ они должны отвечать следующим условиям: 1) быть связанными между собой по определенным смысловым элементам (семам); 2) относиться к одному классу (части речи) и образовывать определенный парадигматический ряд; 3) входить во взаимосвязь с другими словами группы, сохраняя свою самостоятельность, отдельность; 4) дополнять друг друга в смысловом отношении, составляя непрерывный смысловой ряд; 5) благодаря взаимодействию дифференциальных сем, должны распадаться внутри группы на наименьшие семантические группки; 6) могут входить в одну ЛСГ взаимодействующие между собой антонимы и синонимы [9]. Лексико-семантические связи и отношения единиц по различным абстрактным семантическим категориям, а также коннотативным маркерам «объективно имеют в языке многомерный, стереометрический характер, и это обстоятельство должно быть адекватно отражено в способах метаязыкового представления лексико-семантической системы и отдельных ее подсистем [3, с. 53].

Глагол, как семантически самая содержательная и сложная часть речи, является структурным центром предложения и в значительной степени предопределяет его структуру, типы связи и т. д. Глагол объединяет в себе свойства номинативных слов (обозначает действия, состояния, положения) и (в формах лица и времени) свойства дейктических слов, местоимений. Семная структура глагола сложна, многокомпонентна, имеет высокую степень иерархизованности, некоторые аспекты его значения синтаксически обусловлены: глагол включает в свою семантическую структуру не только парадигматические, но и синтагматические (синтаксические) семантические компоненты.

Связь семантики глагола связана с его сочетаемостью, что отражается уже в самом общем его определении как класса слов со значением процессуального признака: признак предполагает наличие некоей субстанции – носителя признака. Синтаксическая обусловленность семантики глагольного слова связана с тем, что в нем получили обобщенно-типизированную репрезентацию отношения между реалиями объектив-

ного мира. При этом глагол включает в свою семантику и обобщенно-языковые представления о самих этих реалиях в виде функционально различающихся синтагматических сем, таких, как субъектность, объектность, директивность, пространственность, адресность и т. п. Функциональная и количественная характеристика присутствующих в глаголе синтагматических сем определяется как его валентность и обуславливает обязательную и факультативную сочетаемость глагола.

Синтаксичностью семантики глагола обусловлено то обстоятельство, что он выступает в роли конструктивного ядра предложения. Семантические валентности «вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу» [1, с. 120]. «Природа глагола определяет, что собой будет представлять остальная часть предложения: в частности, какие существительные будут глагол сопровождать, какое отношение к нему будут иметь эти существительные и как эти существительные будут определяться в семантическом отношении» [13, с. 115]. Синтаксические особенности семантики глагола также могут выполнять классифицирующую функцию. Синтагматический принцип классификации глагольной лексики основывается «на учете количества и качества глагольных валентностей» [2, с. 40].

Современным общенаучным подходом к явлениям и процессам природы и социальной жизни, представляющим собой частный случай диалектико-материалистического метода познания и практического освоения действительности, является системность. Системно-целостный подход к явлениям языка в последнее время превратился в научную концепцию и оказался чрезвычайно плодотворным. В силу своей соотнесенности с постоянно меняющейся, динамичной внеязыковой действительностью и коммуникативной предназначенностью лексико-семантическая система языка представляет собой область открытую, без признаков жесткой системности, внутренне диалектичную, динамичную, находящуюся в состоянии подвижного равновесия.

Таким образом, лексико-семантическая система языка носит иерархизованный характер и представляет собой сложную «систему систем». Основу этой системы составляют парадигматические и синтагматические отношения, организующие единицы всех ее уровней и подсистем. Учет указанных типов отношений кладется в основу разнообразных систем лексического состава языка и выделения в нем различных классов единиц (парадигматических, синтагматических, комплексных и т. п.). В языковой репрезентации реалий действительности большую роль играет глагольная лексика.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: учебное пособие для слушателей факультета повышения квалификации. М.: Высшая школа. 1981. 184 с.
3. Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1992. 172 с.

4. Кильдибекова Т. А., Миргаязова Э. М. Функции языка и функционально-семантические категории // Теория поля в современном языкознании: тезисы докладов научно-теоретического семинара. Уфа, 1991. С. 78–82.
5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 330 с.
6. Кузнецова Э. В. О принципах и методах выделения объекта семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1975а. С. 5–12.
7. Кузнецова Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопросы языкознания. 1975б. № 5. С. 78–86.
8. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 151 с.
9. Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификации): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1983. 56 с.
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 415 с.
11. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87–107.
12. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Уфа, 2002. 212 с.
13. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

© Додуева А. Т., 2018

УДК 811.512.19

Н. В. Мельник, Е. Е. Язева

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ТЕЛЕУТОВ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В докладе представлена попытка реконструкции языковой картины мира телеутов на материале дефиниций (определений лексического значения слова) рядовых носителей языка.

Ключевые слова: телеутский язык, языковая картина мира, дефиниция.

Дефиниция представляет собой определение чего-либо неизвестного через известное, понятное носителю языка. Выбор стратегий и тактик дефинирования обусловлен качеством языковой способности личности, а сама языковая личность телеута (билингва) сформирована под влиянием факторов разного порядка – национальных, коллективных и индивидуально-личностных.

Языковая картина мира телеутов формировалась в особых условиях: некогда кочевой народ начал вести оседлый образ жизни. Миссионеры, пришедшие к телеутам с целью просвещения, повлияли на смену религиозных взглядов от шаманизма к православию. Близкое соседство с русскоязычным населением привело к билингвизму. Телеутский язык не достиг стадии литературного языка: народное творчество передавалось от поколения к поколению устно, постепенно забываясь. На сегодняшний день телеуты используют телеутский язык в бытовом общении «между своими», а русский язык – в общении с русскоязычными.

© Мельник Н. В., Язева Е. Е., 2018

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КАЗАХСТАНСКОЙ АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

В работе произведен анализ аудиовизуальной рекламы продукции казахстанских производителей молочной продукции. По мнению автора, в казахстанской рекламе представлены элементы, отражающие культуру, национальные традиции, обряды казахов и образ жизни казахстанского потребителя. Национальная специфика может отражаться в вербальных, визуальных и аудиальных элементах рекламных роликов, позволяя эмоционально увлечь аудиторию.

Ключевые слова: рекламный ролик, рекламное обращение, слоган, концепция рекламы.

Казахстанский рынок рекламной продукции характеризуется активным развитием спектра аудиовизуальной рекламы, к основным видам которой относятся: телевизионная реклама; кинореклама; аудиовизуальная реклама в Интернете и мобильная реклама, представленные в различных жанровых разновидностях; реклама со звуком на LED-экранах. Одной из причин выбора рекламодателями видов аудиовизуальной рекламы является комплексное воздействие на потребителя, позволяющее реализовать целевую установку – сообщить о рекламируемом продукте с целью его успешной реализации. Контакт с аудиторией осуществляется через зрительное и слуховое восприятие, что повышает успешность и эффективность рекламы, так как невербальные факторы (визуальный ряд рекламного ролика, мелодия, шумы, цветовое решение и т. д.) несут значительную эмоциональную и семантическую нагрузку: «...речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистического сопровождения» [1, с. 80–95]. В рамках аудиовизуальной рекламной коммуникации взаимодействие с аудиторией происходит при помощи различных средств: вербальных (слогана, ключевых слов, или слов-маркеров) и невербальных – визуальных и аудиальных. При этом визуальные иконические знаки, или иконические компоненты, неразрывно связаны с аудиальными и вербальными знаками [2, с. 29–38]. В ходе взаимодействия они, с одной стороны, формируют многозначность рекламного сообщения, а с другой – позволяют конкретизировать и (в случае успешной рекламной коммуникации) выстроить его согласно интенции и прагматической задаче рекламопроизводителя. Отбор и композиционное выстраивание аудиовизуальных средств в рекламе зависят от многих взаимосвязанных факторов: концепции рекламного ролика, предполагаемой целевой аудитории, но, прежде всего, прагматической установки адресанта: «Все компоненты рекламного дискурса, как вербальные, так и невербальные, ориентированы на то, чтобы сформировать положительное отношение адресата к предлагаемому товару или услуге, и поэтому составляющие

рекламного текста необходимо рассматривать с точки зрения эффективности воздействия на потребителя» [3, с. 66]. Именно в нем «вербализуется, визуализируется и символизируется информация о рекламируемом объекте, направленная на то, чтобы повлиять на мнение и поведение адресата» [4, с. 7]. Текст, изображение и цвет в рекламе используются в качестве символов, связанных с национально-этническими, социокультурными, историческими, религиозными, региональными и иными традициями, влияющими на восприятие рекламного сообщения [5].

В качестве материала исследования нами выбрана реклама молочной продукции в казахстанской аудиовизуальной рекламе. Всего было проанализировано более 60 рекламных роликов, транслировавшихся на региональном и национальном телевидении, а также роликов, представленных на сайтах и интернет-каналах казахстанских производителей молочных продуктов. Это рекламные ролики от производителей – представителей транснациональных компаний (Danone, lactel, ЛокоМоко и другие), национальных и региональных производителей (ФудМастер, Айналайын, Моё, Адал). Большинство региональных производителей не представлены в сегменте телевизионной коммерческой рекламы, видеоролики отсутствуют на сайтах компаний и на видеоканалах в Интернете.

Современное информационно-рекламное пространство характеризуется унификацией, с одной стороны, и стремлением отразить культурное своеобразие – с другой. В телевизионной коммерческой рекламе молочной продукции могут присутствовать национальные элементы, связанные с обычаями, традициями и бытом казахов.

Молочная продукция (кумыс, шубат, курт, различные виды творога, айран, молоко, сливочное масло и другое) – основа казахского дастархана. Особое отношение к молочной продукции отражают обряды и обычаи, связанные с молоком. Во время пожара перед огнем выливали молоко, чтобы предотвратить распространение бедствия. Молоком встречали свадебный караван. Белый цвет молока связан у казахов с положительными духовными качествами, что реализуется в ряде фразеологизмов: ак жүрек, ак көйлек, ак көңіл и т. д. [6].

Согласно результатам исследования Mnenie.kz, проведенного среди 515 казахстанцев, самые любимые марки молока: «Айналайын» (15 %), «Мое» (12 %), «ДЕП» (10 %), «Одари» (9 %), «Домик в деревне» (8 %) и «Лактель» (7 %). Выбор этих брендов респонденты объяснили правильным соотношением трех главных критериев: вкуса (50 %), качества (36 %) и цены (28 %). Если же на прилавках магазина не окажется любимой марки, то с большей вероятностью будет куплено молоко «Айналайын» (20 %), «Мое» (15 %) или «Домик в деревне» (13 %) [7].

В ходе исследования выявлено, что рекламные ролики компаний, представляющих международные компании – Danone, lactel, ЛокоМоко,

чаще всего сюжетно дублируют рекламу бренда. В рекламном ролике меняются ключевые позиции рекламы на героев азиатской внешности, что актуализирует внимание к рекламе национального большинства страны, а также позволяет воспринимать информацию как внутреннюю, не вызывая отторжения аудитории. Ряд рекламных роликов представляет оригинальный контент.

В рекламе молока различных брендов представлены разные концепции, при этом концепция одного и того же бренда, представленная в нескольких рекламных роликах, повторяется и развивается. К примеру, в роликах казахстанского производителя «Моё» повторяются не только персонажи, но и рекламное сообщение, меняется только визуальная составляющая рекламы, в связи с чем сообщение приобретает новые смыслы и оттенки. В тексте рекламного сообщения отсутствуют субъект, предмет рекламы. Картинка позволяет текст интерпретировать по-разному: *Это то, что делает меня/нас счастливым/счастливой/счастливыми, делает особенными самые обычные мгновения нашей жизни и остается в памяти навсегда. Важные – для тебя, необходимые – для меня, бесценные – для нас. Это – Моё (музыкальная заставка – молоко Моё).*

Изображение активизирует зрительное восприятие, привлекает внимание, актуализируя текст рекламного обращения. В каждом сюжете присутствует видеокамера, а сам ролик представлен как любительская съемка членов семьи в разных ситуациях: на даче, на катке, за завтраком, на встрече с подругами. Везде в кадре оказывается пакет молока как элемент ежедневного семейного общения.

Вербальное сообщение, воздействуя на подсознание, формирует у аудитории позитивный настрой. Это подтверждает выбор лексических единиц: *счастливый, особенный, важный, необходимый, бесценный*. Повышает значимость вербального ряда антитеза: *особенный – обычный, мгновения – навсегда*. Неспешный темп речи и паузы перед местоимениями делают текст ритмичным и производят интонационный рисунок речи, позволяя создать иллюзию интимного общения, расставить акценты и подчеркнуть важность сообщения для каждого зрителя: *Важные – для тебя, необходимые – для меня, бесценные – для нас. Это – Моё.*

Выбор указательных местоимений ближнего и дальнего указания *это* и *то* в анафорическом употреблении способствует размыванию объекта рекламирования, рекламируемый продукт напрямую не называется, только в конечном слогане звучит: *молоко «Моё»*. Заставка фирменными цветами, изображением и текстом усиливает звучание слогана. Реклама молока осуществляется косвенными способами. В целом, ролик построен по принципу социальной, некоммерческой рекламы. Рекламное сообщение

характеризуется многозначностью. Можно выявить 2 плана актуализации значения:

1. Ценность самых обычных мгновений семейной жизни, которые делают меня/нас счастливым/счастливой/счастливыми, и возможность оставить их в памяти навсегда – это *мое* для каждого из нас (текст коррелирует с ценностью молока в традиционном казахском обществе и вызывает отклик большей части аудитории);

2. Молоко «Моё» делает меня/нас счастливым/счастливой, делает особенными самые обычные мгновения нашей жизни (актуализации этого значения способствует видеоряд).

По сравнению с изображением (видеорядом), звуковой ряд оказывает на зрителя менее значительное воздействие, изображение в ролике преобладает над текстом и звуком в целом, однако повтор отдельных элементов, в частности слогана, отражающего сущность, концепцию рекламы, повышает ценность текста рекламного сообщения. В рекламных роликах молока *Моё* повторяется все рекламное сообщение, оно становится визитной карточкой бренда, вызывает у аудитории положительные эмоции и формирует отношение к рекламируемому продукту. Учитывая традиционное отношение к молочным продуктам, такая стратегия может быть успешной.

Концепция бренда «Айналайын» также построена на обыгрывании названия продукта. Изначально слоган молока «Айналайын» характеризовался так: «*Вся жизнь с «Айналайын»*. *Айналайын* (букв.: ‘кружусь вокруг тебя’) в казахском языке означает обращение к любимому человеку, чаще всего к ребенку. В данном случае актуализируется смысл: вся жизнь – рядом с любимыми, родными, детьми и внуками. С другой стороны, молоко сопровождает человека всю жизнь, тогда слоган рекламы можно интерпретировать буквально. В 12-летний юбилей бренда (у казахов, согласно представлению о *мушелеу* – 12-летнем цикле, летоисчисление ведется по 12 лет) вышел рекламный ролик, где отражен 12-летний период, переданный через взросление девочки. Представлены жизненные события героини рекламы: разрезание пут (обряд *тусау кесу* – один из главных обрядов в жизни ребенка, от того, как преодолеет ребенок данный обряд, зависела вся жизнь человека), игра и учеба, и как итог – день рождения, задувание свечей. В данной рекламе главную функцию выполняет видеоряд, в котором отражены традиции казахской семьи и периоды жизни ребенка. Изображение формирует у аудитории позитивное отношение к героине рекламы, ассоциативно транслируемое на рекламируемый бренд. Звуковой ряд ролика, представленный музыкальным сопровождением и слоганом – «*Айналайын – 12 лет вместе*», оказывает на зрителя значительное воздействие, совмещая изображение с прагматической задачей рекламопроизводителя и отражая концепцию рекламного

ролика. При сравнении слоганов («*Вся жизнь с «Айналайын»*», «*Айналайын – 12 лет вместе»*») видно, что концепция рекламы за длительный период не изменилась. Характеризуя вербальный компонент рекламы бренда, можно отметить следующее: использованы простые предложения (4 слова, одно из которых – название бренда), слова в слоганах убедительны и незамысловаты; в концепции рекламы отсутствует система аргументации, а содержание слогана сложно оспорить; в слогане используется языковая игра (*айналайын* – ласковое обращение к ребенку и название бренда).

В ходе анализа рекламного материала было выявлено, что в рекламных роликах используются различные стратегии рекламирования:

- путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение);
- через эмоциональную сферу (вызов чувственной реакции);
- через воздействие на подсознание с вызовом необходимых ассоциаций (суггестия).

В целом, в рекламе подчеркивается полезность молока и молочных продуктов, их необходимость для полноценного развития человека с раннего детства. В большинстве роликов представлена семья (дети, молодежь, люди среднего и старшего возраста). В проанализированных роликах с людьми представлены герои казахской национальности (азиатской внешности). Часто в рекламе дается интернациональная аудитория (семья, дети, взрослые, просто прохожие), что характеризует национальное разнообразие народа Казахстана и обеспечивает лояльность целевой аудитории. Значительная часть исследованного материала построена по принципу рекламы мировых производителей молочной продукции.

Отсылка к Казахстану, его традициям и обычаям дается на вербальном, аудиальном и визуальном уровнях. На аудиальном уровне национальные вкрапления присутствуют в выборе музыки, в голосовых характеристиках закадрового текста, шумовых эффектах. На визуальном уровне: рисунок Казахстана (реклама сметаны ФудМастер/Президент), использование казахстанской государственной символики (реклама кефира ФудМастер), изображение обычаев и традиций (реклама Айналайын), элементы, отражающие культуру казахов и образ жизни казахстанского потребителя, а также национальная принадлежность рекламных персонажей. На вербальном уровне следует отметить использование национально-окрашенной лексики (*айналайын*, *адал*) – слов, часто входящих в концептосферу казахского народа, прямое указание на страну, например: «*В Казахстане нет границы дружбы, в Казахстане нет границы вкуса*»; «*Польза клинически доказана в Казахстане*».

Библиографический список

1. Бозбаева А. Г. Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. Алматы, 2008. С. 80–95.

2. Пядышева Т. Г. Вербальные составляющие в структуре рекламного текста // Вестник ТГУ. 2016. № 1. С. 29–38.
3. Калашова А. А. Вербальные компоненты рекламного текста как прагматически обусловленные элементы императивного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 65–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-markery-ideologii-zdorovogo-potrebleniya-v-reklame-produktov-pitaniya> (дата обращения: 28.02.2018).
4. Сейдуллаева Г. А. Лингвистическая типология текстов пресс-рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 27 с.
5. Ягодкина М. В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 29 с.
6. Айтмагамбетова М. Б. Геополитическая ситуация Казахстана как фактор трансформации русской цветовой картины мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-situatsiya-kazahstana-kak-faktor-transformatsii-russkoy-tsvetovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 28.02.2018).
7. Рейтинг молочных брендов: результаты народного голосования. URL: <http://www.mnenie.kz/post/view/380/reiting-molochnyh-brendov-rezyltaty-narodnogo-golosovaniya/> (дата обращения: 26.02.2018).

© Айтмагамбетова М. Б., 2018

УДК 811.512.156

Ч. С. Цыбенова

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА)

В статье поднимаются вопросы трансформации системы этнокультурных ценностей, которые служат показателем изменения общества. На основе анализа материалов ассоциативного эксперимента выявлено, что лексика, отражающая традиционный уклад жизни тувинцев, теряет свою функциональную востребованность. Актуализацию несвойственных ассоциативных образов автор рассматривает как изменения и в языковой ментальности.

Ключевые слова: ценности, трансформация ценностей, языковая ментальность, тувинцы, тувинский язык.

В настоящее время в связи с индустриализацией, с изменением социокультурных факторов во многих этнических обществах наблюдается трансформация традиционных ценностей, происходит их переоценка, формируются новые этнокультурные установки. Подобные процессы несомненным образом влияют на языковую ориентацию и языковую лояльность этноса, постепенно приводят к изменениям в его языковой ментальности, языковом сознании, речевом поведении.

Все эти вопросы актуальны и для современного тувинского общества. Тува издревле являлась частью кочевой цивилизации. Как известно, традиционными ценностями в тувинском кочевом обществе выступали, в

первую очередь, семья, крепкие и близкие родственные отношения, связь с соплеменниками. Сегодня исследования этносоциологов подтверждают, что семья, в том числе забота о детях, и родственные отношения как базовые ценности у тувинцев пока еще сохраняются.

Вместе с тем кардинальные перемены в жизненном укладе тувинцев, в частности переход основной части населения на оседлость в советский период, усиливающееся влияние глобализации и урбанизационных процессов в наши дни способствуют постепенной трансформации системы исконных ценностей. Специалистами отмечаются такие противоречивые стороны: тувинская культура, во многом оставаясь коллективистской, в то же время стремится оторваться от традиций. У молодежи наблюдается низкая значимость собственной культуры, нежелание следовать традициям и нормам своего народа. В ценностном мировоззрении наметилась переориентация на западные жизненные ориентиры: направленность на учебу и получение высшего образования, материальное благосостояние и карьерный рост.

Трансформацию ценностных предпочтений этноса актуально проследживать и исследовать также на языковом материале. В данной статье на основе ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках комплексного социопсихолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва, дается анализ ассоциативных полей на следующие стимулы: *конь, отара, юрта*. На этапе обработки полученные реакции были распределены методом психолингвистического портретирования (по А. А. Залевской). Концептуально-семантический анализ ядерных и периферийных реакций выявил, что данные слова-стимулы, связанные со скотоводством, отражающие кочевой образ жизни тувинцев, современными носителями тувинского языка актуализируются несколько иначе.

Например, стимул *отара / сүрүг* вызвал некоторые затруднения среди респондентов, многие из которых не знали или забыли его лексическое значение. Мы полагаем, что слабая степень концептуализации ассоциативного образа обусловлена не только языковой и культурной компетенцией индивида. Следует полагать, что это также индикатор изменения языковой ментальности. Подобная дефункционализация лексических единиц (согласно П. П. Дашинимасовой) в языковой ментальности, языковом сознании респондентов дает весьма наглядную картину ценностных предпочтений этноса в данный период развития.

© Цыбенова Ч. С., 2018

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Данная статья посвящена изучению ментальности карачаево-балкарцев с использованием паремиологического фонда данного языка, так как именно язык отражает характер народа. В статье перечисляются особенности карачаево-балкарской ментальности, которые закрепляются языковыми данными. Немаловажную роль в формировании определенного характера людей играет географическое пространство.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, карачаево-балкарский язык, национальный характер, паремии.

Мудрость народная, накопленная годами, его мировосприятие, мировоззрение очень ярко отражаются в языке, которому свойственна самобытность, обусловленная жизнью этноса. Как отмечает В. А. Маслова, язык – «единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [6, с. 113]. Как пишет Г. Д. Гачев, «... каждая национальная целостность: народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [3, с. 10]. Термин «ментальность» как составляющая менталитета определяется учеными неоднозначно. В философии под ментальностью обычно понимается единство сознательного и бессознательного [5, с. 85]. В лингвокультурологии под ментальностью понимается «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [6, с. 49]. С точки зрения когнитивной лингвистики она проявляется, прежде всего, в характере народа, его действиях, поведении. На формирование менталитета влияют различные экономические, социальные, политические, природные условия и изменения [8, с. 60]. З. Д. Попова и И. А. Стернин менталитет определяют, как «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей» [8, с. 57–58].

В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности карачаево-балкарского менталитета с использованием паремий, функционирующих в данном языке, в которых аккумулируется жизненный опыт социума и получает отражение мировосприятие народа. В карачаево-балкарском языке паремии, как и фразеологизмы, «подтверждают универсальность национального менталитета, а также национально-культурную специфику» [9, с. 195].

Карачаево-балкарцы – народ свободолюбивый и гордый. Чувство гордости и чувство свободы, как две вершины Эльбруса, у подножья которого они живут, находятся на самой вершине иерархической шкалы ментальности. Гордость и свободолюбие – чувство «вольных, а не рабов. Вертикальных, а не лежачих» [3, с. 246]. Они одни из сильнейших чувств народа, которые не смогли сломить никакие жизненные перипетии (депортация, голод, холод): *Азатны кёлю – эркин* (посл.) «Душа свободного широка». *Азатлыкъгъа багъа бичме* (посл.) «Не определяй цену свободу». Но надо заметить, что нередко в народе гордость переходит в гордыню.

Географическое пространство накладывает свой отпечаток на ментальность любого этноса. Проживание в горной местности способствует укреплению в человеке самостоятельности и в то же время замкнутости, вырабатывает в нем твердый характер, трудолюбие и заботливое отношение: *Жерине кёре жилияны* (посл.) «Змея узнается по земле (среде обитания)». Как пишет Г. Д. Гачев, «Первое, очевидное, что определяет лицо народа, – это ПРИРОДА, среди которой он вырастает и совершает свою историю» [3, с. 28]. Несмотря на это, карачаево-балкарцы – чувственные натуры, хотя внешне это у них не проявляется, «ибо они забронированы ритуалами, воспитанностью своей родовой, системой общения, выработанной веками, за которой легко прятать свою суть. До нее трудно добраться» [3, с. 248].

Карачаево-балкарский менталитет не приемлет такую черту характера как хитрость (правда, в этом отношении особо выделяют жителей Чегемского ущелья: *фитначы чегемилле* «хитрые чегемцы»), она не свойственна данному этносу и воспринимается им как нечто негативное, в отличие от тех народов, у которых эта черта – прирожденная: *Хыйлачыны эки юлюшю башына* (посл.) «Все козни хитреца на его же голову достаются». *Хыйлачыгъа жукъ сорсанг, не алдап къояр, не тынгылап къояр* (посл.) «Если у хитрого что-нибудь спросишь – или обманет, или промолчит». *Хыйлачыны кёлю – къара, сёзю – учхара* (посл.) «У хитреца душа – черная, речь – ненадежная». Карачаево-балкарцы четко разграничивают хитрость и «дипломатичность». Если же говорить о дипломатичности, то она проявлялась как по отношению к друзьям, так и к врагам: *Хыйла деген акъылны ауанасыды* (посл.) «Хитрость – тень ума».

Доверчивость – черта характера, присущая карачаево-балкарцам, которая и есть вся его суть; они доверяют всем и всегда, так как изначальное доверие есть чувство кочевников. «Древнее кочевое прошлое наложило глубокий отпечаток на всю их культуру – и духовную, и материальную, образ мышления, который не изменяется быстро, вдруг, вслед за сменой ландшафта. Здесь и лежат истоки беспечности балкарцев, их невысокой практичности. Их практичность – не врожденная, а приобретен-

ная вековой жизнью в горах» [4, с. 146]. *Ышанган башины суу элтир* «букв. Доверчивую голову вода унесет».

Открытость также является характерной чертой карачаево-балкарца. Все что он делает, творит, даже думает, не будет завуалировано. Он открыт миру, вселенной, в нем нет хитрости и т. д.: *Таулу суйген – туура сёз* (посл.) «Открытая речь – то, что любит горец». *Таулу ышара билсе да, жашыра билмез* (посл.) «Горец сумеет улыбнуться, но не сумеет скрыть». *Жаулук этсенг, ачыкь эт* (посл.) «Если враждуешь, враждуй открыто».

Проявление уважения как к старшему, так и к младшему по возрасту является показателем не только мудрости народа, но и высокого уровня культуры общества. В народе было принято еду первым давать старшему, а воду выпить младшему. В карачаево-балкарском нартском эпосе один из главных героев – Дебет, женит своих сыновей, начиная с младшего: *Алауган, жашиланы таматалары: «– Угъай, къатын бла суусан алгъа кичиге», – деген сёз барды* [7, с. 162] «– Нет, говорят, что первым напитокся и жениться дадут младшему».

В народе не принято выносить свои проблемы на всеобщее обсуждение; такое действие резко осуждается. Но наиболее важные вопросы, которые касались народа, принято было решать на совете, или как его называли *тёре* (народное собрание как институт юридической власти, можно сказать, существует с древнейших времен), а также *ныгыши*: *Бу ит кючюкню териси ючюн ныгышиха неге барасыз? «Доммай тери ныгышиха чыкъса, чабырлыкь чыкъмаз», – деп бизни сёзюбюз барды (деди Сатанай)* [7, с. 153] «Из-за какой-то шкуры как вы пойдете на ныгыш (ее делить)? «Если шкуру зубра вынести на общий совет (ныгыш), из нее не выйдет даже кожа на чабыры» (сказала Сатанай).

Позором считалось и считается в народе безделье: *Эринчек эки чёгер* (посл.) «букв. Бездельник два раза присядет». *Эринчек саудан ёлор* (посл.) «Бездельник здоровеньким помрет». *Сибилчи кюн сайын ныгышыны аллы бла ёте бара: – Эй, аман бокъла, бардан жокъла! – деп айтып оза эди* [7, с. 162] «Сибилчи каждый день, проходя мимо ныгыша, говорил: «– Эй, вы, лентяи, что вы есть, что вас нет». Это означало крайне отрицательную оценку, типа «ни живой, ни мертвый».

Карачаево-балкарцы – народ гостеприимный. Обычай гостеприимства является важнейшей составной частью народной мудрости, который раскрывает менталитет народа, его моральные и духовные качества. Согласно обычаю гостеприимства, хозяин дома несет ответственность за благополучие своего гостя. Одновременно с воспеванием радушного гостеприимства карачаево-балкарцы осуждали неуважительное отношение к гостю. *Къонагъы жокъну – шоху жокъ* (посл.) «У кого нет гостя, у того нет друга». *Къонакъ келсе, берекет келир* (посл.) «Когда придет гость, придет и изобилие». *Къонакъбай къалай болса, къонакъ да алай болур*

(посл.) «Каков будет хозяин, таков будет гость». *Къонакълыкьда болмагъан, къонакъ ала да билмез* (посл.) «Кто не был в гостях, тот не сумеет принять гостя». *Къонакъгъа ашынгы берме да, къашынгы бер* (посл.) «Гостя не угощай, а радушно встреть». В данных паремиях «концептуализированы все признаки концепта «гостеприимство»: отношение к гостю, поведение гостя, хозяев, концептуализация желанных /нежеланных, званых /незваных гостей, жадных хозяев и др. Карачаево-балкарские паремии эксплицируют идею о том, что гостеприимство – хорошая традиция» (1, с. 108).

Согласно мировосприятию карачаево-балкарцев, мужество, смелость являются свидетельством высокого морального духа человека, они должны быть присущи любому мужчине. В каком-то плане мужество и смелость, как таковые, воспринимаются только совершенные в одиночку, без поддержки других, так как индивидуализм сидит глубоко в душе народа. *Адамлада кишилик къалмаса, адамлыкь да къалмаз* (посл.) «Если в людях не останется мужества, не останется и человечности». *Батыр бир ёлор, Къоркъакь минг ёлор* (посл.) «Смелый умрет один раз, трус – два раза». Менталитет карачаево-балкарцев не приемлет такое качество человека, как страх. *Азбыз деп да кёп душмандан къоркъмагъыз, Кёпбюз деп, уллу кёллю болмагъыз* «Не бойтесь врага, если даже вас мало. Не обольщайтесь и тем, что вас много». Мужество и страх – понятия противоположные, они не могут сосуществовать вместе, но с другой стороны – чем глупое мужество лучше «трезвого» страха, ведь без страха нет смелости: *Къоркъмагъан батырлыкь этмез* (посл.) «Тот, кто не испытывает чувства страха, не совершит мужественного поступка».

«В народе критично относятся к тому, чтобы смешивались с другими народами, об этом будут помнить несколько поколений, и своим не будут признавать довольно долгое время» [2, с. 40]. Таково душевное устройство этноса. Например, в карачаево-балкарском нартском эпосе нарты считали себя народом с чистой кровью, поскольку были сотворены Тейри по его образу и подобию, поэтому смешивание с другими племенами не приветствовалось.

Чувство справедливости глубоко сидит в сознании карачаево-балкарца. На проявление несправедливости он реагирует болезненно, не может с этим смириться, так как несправедливость изначально есть зло. Карачаево-балкарцы все правильное, справедливое соотносят с понятием *тюз* «прямой; прямо» – *тюз айтады* «правильно (справедливо) говорит», а все, что неправильно, несправедливо – *терс*: *Тюзлюк деген – жарыкь жол, терслик деген – къарангы къол* (посл.) «Справедливость – светлый путь, несправедливость – темный овраг». *Тюзлюк адамлыкьны башыды* (посл.) «Справедливость – вершина человечности». *Тюзлюк ёмюрде да*

тас болмаз (посл.) «Справедливость никогда не потеряется». *Тюзлюкню тутхан тюзелир* (посл.) «Тот, кто за справедливость – образумится».

Один из основных столпов менталитета карачаево-балкарцев – терпение и сдержанность, т. е. это умение владеть собой, своими чувствами, умение преодолевать свою необузданность. Это черта народа, способного мудро и справедливо поступать: *Иш кыйыи болса да тѣз* (посл.) «Терпи, если работа даже трудная». *Тѣзген темир бюгер* (посл.) «Кто терпит, тот железо согнет». *Тѣзген тѣш ашар* (посл.) «Кто терпит, тот грудинку съест». *Тѣзмеклик – адам, женгиллик – шайтан* (посл.) «Терпение – человек, спесь – шайтан». *Сабыр тюбю – сары алтын* (посл.) «Сдержанность – золото». *Сабыр жетер муратха, сабырсыз кялыр уятха* (посл.) «Сдержанный добьется цели, несдержанный – опозорится» и др. Но у терпения и сдержанности есть граница, черта, за которой они оцениваются как слабость, ничтожество, трусость. *Бир тѣзген а – сабырды, эки тѣзген – кьоркякды, юч тѣзген а – топуракды* (посл.) «Один раз стерпел – сдержанный, два раза стерпел – трус, три раза стерпел – песок (т. е. никто)».

Спесь, которая подразумевает необдуманность действий, решений и т. д., есть черта, противоположная вышеназванным характеристикам, которая осуждается народом и репрезентируется лексемами *ашыгъыулукъ, женгиллик: Ашыкъгъан суу тенгизге жетмез* (посл.) «Быстрая река до моря не дойдет». *Ашыгъыи ииде татыу жокъ* (посл.) «В необдуманном действии нет изюминки». *Женгиллик уятха кьояр* (посл.) «Горячность – опозорит». *Женгиллик – тели кибик* (посл.) «Горячий, как дурак». *Женгиллик – теликни бир шарты* (посл.) «Горячность – одна из черт дураости».

Таким образом, как свидетельствует представленный выше фактологический материал, источником для выявления менталитета этноса являются история и культура народа, отраженные, в первую очередь, в устном народном творчестве этноса. Основными характеристиками карачаево-балкарской ментальности являются терпение, сдержанность, гордость, мужество, справедливость, гостеприимство.

Библиографический список

1. Ахматова М. А. Аспекты реализации концепта «гостеприимство» в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2015. С. 107–111.
2. Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Семантическое пространство концепта «кьян/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). – С. 38–41.
3. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
4. Джуртубаев М. Ч. Душа Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1997. 232 с.
5. Зайнуллин М. В., Зайнуллина Л. М. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 204 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 208 с.

7. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314 с.
9. Чертыкова М. Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–2 (33). С. 195–200.

© Ахматова М. А., 2018

УДК 398.33

Э. С. Денисова, Д. С. Герасименко

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПОГОДА» И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОЙ И ТЕЛЕУТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИМЕТ)*

Данная работа посвящена сопоставительному анализу метеорологических примет русского и телеутского языков. Обращение к данному вопросу обусловлено тем, что в большинстве научных трудов, посвященных телеутскому фольклору, примета не подвергается специальному рассмотрению. Однако собранный в ходе экспедиций материал позволяет сделать выводы о представленности в языке телеутов этого малого фольклорного жанра.

Ключевые слова: метеоним, метеорологические приметы, фразеологическая картина мира, русский язык, телеутский язык

Любая культура характеризуется ценностями, традициями, нормами, обрядами, устоями, ритуалами, верованиями, которые отражаются в языках, как родственных, так и неродственных. Культурная обусловленность языка приводит к существованию так называемых универсалий на всех его уровнях, т. е. свойств, присущих всем языкам или большинству из них. Особый интерес для исследования представляют лексические универсалии: пословицы, поговорки, загадки, фразеологизмы, которые с древнейших времён передавались из поколения в поколение. Анализ подобного рода материала позволяет реконструировать традиционную картину мира жителей определенной территории. Учёные относят данные единицы к элементам духовной культуры этноса.

Примету также можно отнести к одной из важнейших языковых универсалий. Традиционно под приметой в научной литературе понимают малый фольклорный жанр, раскрывающий соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями. Жанр народных примет распадается на три кластера: 1) природные приметы, которые, как правило, имеют научное обоснование, связанное с

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

законами природы (*воробьи в пыли купаются – к дождю*); 2) бытовые приметы, которые, в отличие от природных примет, характеризуются необоснованностью в естественно-научном смысле (*потерял обручальное кольцо – брак недолог*); 3) календарные приметы, которые закреплены за каким-то определенным временем и не действуют в другие дни (*если на Новый год небо звездное – к урожаю*).

На наш взгляд, особую ценность для изучения представляет последний вид примет, поскольку именно он наиболее ярко демонстрирует антропоцентризм языковой картины мира: погода как важное природное явление оказывает влияние на разнообразные аспекты жизнедеятельности человека, что отражается в языке, в частности, в его фразеологии (при широком подходе). Стоит отметить, что некоторые приметы могут относиться к разным группам, но при этом содержать концепт «погода» (как, например, календарные и бытовые).

В практической части работы нами было разработано и проведено экспериментальное исследование, цель которого – установить общее и различное в русской и телеутской фразеологических картинах мира. В качестве метеорологических примет мы рассматривали такие устойчивые речевые единицы, в структуре которых функционируют особые единицы – метеонимы (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический», и лат. «номен» – имя, название, наименование), обозначающие явления природы, а также характеризующие небесные светила (*солнце, луна, звезда, вода, дождь, камень, песок, земля, облако, дым, огонь, пепел, туман, небо, ветер, снег, лёд, река, озеро, море, соль* и др.). Мы предположили, что степень известности примет для носителей языка не должна быть связана с уровнем их языковой подготовки, так как данные выражения употребляются с самого детства и на протяжении всей жизни человека.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведён лингвистический эксперимент, состоящий из двух этапов. На первом этапе использовался метод опроса по схеме $S \rightarrow R$, где в качестве стимула (S) предлагалась календарная / метеорологическая примета русского языка, а в качестве реакции информанта (R) выступал аналог приметы в телеутском языке.

Второй этап эксперимента проходил следующим образом: из научной литературы, посвященной телеутскому фольклору, было отобрано 11 метеорологических примет. Носителям телеутского языка было предложено ответить на следующие вопросы: знакомы ли Вам перечисленные ниже приметы? Может быть, Вы слышали их от родителей, старших родственников, сталкивались на собственном опыте с ними?

Результаты эксперимента позволяют прийти к следующим выводам:

- во-первых, тематическая группа «погода» по-разному реализуется в сравниваемых языках, отличаются её содержательные и формальные характеристики, образное наполнение;

- во-вторых, приметы с компонентом-метеонимом, как и метеорологическая лексика, гораздо шире представлены в телеутском языке, что связано с вниманием представителей данного языка к своему внутреннему миру, влиянием их перцептивного опыта и языковых знаний на метеонимические обозначения окружающей действительности;
- в-третьих, несмотря на ряд обнаруженных различий в сравниваемых языках, метеонимические приметы не только номинируют природные явления и дают им оценку, но и описывают важные аспекты жизнедеятельности человека

© Денисова Э. С., Герасименко Д. С., 2018

УДК 398.21

К. И. Султанбаева

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ХАКАСОВ В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ Н. Ф. КАТАНОВА

В статье представлена авторская идея об изучении фольклорного наследия хакасов, записанного в свое время Н. Ф. Катановым, с точки зрения концепта «языковая картина мира», предложены направления исследовательского подхода.

Ключевые слова: *языковая картина мира, фольклорное наследие, хакасская сказка, самобытность народного творчества.*

Целью данной работы является обоснование необходимости исследования фольклорного наследия хакасов, сохранившегося в записях Н. Ф. Катанова (1862–1922) и бытующего в современном хакасском языке, на основе лингвокультурологической концепции «Языковая картина мира». Глобализационные процессы современного мира ставят перед исследователями ряд теоретических и практических задач, включающих изучение историко-культурного опыта, коллективного творчества и осмысления всеобщих законов движения к будущему на основе анализа окружающей действительности. Современные ученые, начиная с В. Гумбольдта (1767–1835), пытаются раскрывать реальную действительность во всем ее разнообразии, взаимосвязи систем при помощи термина «картина мира». В. Гумбольдт разработал учение о языке как непрерывном творческом процессе и как «формирующем органе мысли».

Термин «картина мира» достаточно широко применяется в современной гуманитарной науке, родившись в недрах физики в конце XIX – начале XX вв. (В. Герц). Картина мира есть центральное понятие современной концепции человека, означает «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и позна-

вательной деятельности» [5, с. 21]. Картина мира выражает специфику человеческого бытия, его взаимоотношения с миром, условия его существования [1; 4; 5].

Поскольку язык человека – это универсальное явление, фундамент «воплощения», он активно влияет и формирует индивидуальный внутренний мир личности, т. е. создает языковую картину мира. Как отмечено исследователями (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова), языковая картина мира в лингвистике рассматривается в контексте мифологии, семиотики, фольклора и этнической культуры народа. Языковая картина мира у каждого народа имеет специфические особенности, обусловленные языковыми концептами и системами языка, помимо психофизиологических процессов человеческого организма. Понятие «языковая картина мира» отражает ментальные образы при помощи средств языка, соотносится с «картиной мира» как частное с общим и одновременно позволяет именовать реальные процессы и события.

В данной работе в качестве рабочего понятия примем определение Н. Н. Гончаровой: «языковая картина мира – ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» [2, с. 400]. Указывая на две ведущие функции языковой картины мира (интерпретативную и регулятивную), Н. Н. Гончарова отмечает, что «Каждый естественный этнический язык имеет особую картину мира, т. е. определенный способ восприятия и организации мира» [2, с. 402]. При этом существование индивидуальной языковой картины у отдельных этнических представителей не отрицается.

Рассмотрим, какую картину мира отражают фольклорные произведения хакасов в записях Н. Ф. Катанова, ограничившись допустимым объемом данной работы. «Первый ученый-хакас, тюрколог Н. Ф. Катанов ввел в научный обиход образцы всех жанров хакасского фольклора: кроме трех богатырских поэм, он записал 50 образцов различных видов сказок (волшебной, животного эпоса, бытовой – новеллистической), десятки мифов – быличек, преданий (кип-чоохов), как древних, так и более поздних, множество лирических песен – тахпахов, а также пословиц, поговорок, загадок, заклинаний» [7, с. 24].

Языковая картина мира в хакасских сказках отражает народные верования, традиции и обычаи, многие из которых ушли в небытие, сакрализацию природных объектов, а также художественно-эстетические взгляды на межличностные отношения людей. Чрезвычайный интерес представляют народные притчи, поговорки о нравственности, добре и зле, чести и мести, дружбе и предательстве, мысли о предназначении человека. В сказках зачин часто дается с описания жизни сирот(ы), который с помощью волшебства или хитрости ума становится успешным, богатым

или всемогущим. В сюжет сказок часто вплетены тапхахи, поговорки и пословицы, что придает нравственным сентенциям этническую окраску и эстетическое восприятие. В сказке об Ир Тохчыне (запись № 164) юноша сообщает о намерении жениться:

*«Хызыл киик көрiнзе,
Атарга хынадырбын.
Хыс кiзi көрiнзе,
Аларга хынадырбын»* [3, с. 22].

Искусство ведения диалога в сказках не зависит от социального статуса: сирота, у которого не было воспитателей, кроме сестры или коня, все-таки умеет достойно общаться. Использование метафор, аллегорий в хакасских сказках придает многозначность и одновременно непредсказуемость ситуации. Таков разворот сюжета в этой сказке, записанной Н. Ф. Катановым от Тархина Саражакова. В ней присутствует объяснение происхождения топонимики местности через эпизоды борьбы героя Хан Хылыса с волком. В народных сказках с переплетенными сюжетами однозначно положительного героя нет, в отличие от русской народной сказки. В сказке динамика движения, логическая развязка переданы при помощи повторения глагольных форм, а также значение коня богатыря подчеркнуто через его сверхскорость, смекалку и хитрость. Вообще в хакасских волшебных сказках главные герои имеют способности к перевоплощению, используют для этого не только волшебный посох или другой предмет, но и природные явления или животных. В языковой картине мира у хакасов преобладает восприятие человека как органичной части природы, космоса. Ярко передана вера в природные силы, в могущество стихии, управляемой духами-хозяевами гор, тайги, воды и огня. Поклонение природной стихии, стремление «договориться» с хозяевами природы во избежание собственной гибели или ради спасения близких присутствуют в языковой картине мира у предков современных хакасов, отчасти этим обусловлена приверженность к культовым обрядам на природе, сакрализация определенных мест.

Известные исследователи В. Е. Майногашева и М. А. Унгвицкая в своем монографическом труде указали, что хакасские сказки близки к героическим сказаниям (алыптыг нымах). В сказках часто употребляемы поэтические выражения, хотя они и покороче, и попроще. Зачин в волшебных сказках укорочен, нет величавости и гиперболизации. «Хакасская волшебная сказка менее, чем русская, оформлена так называемой «сказочной обрядностью»» [7, с. 199]. Так, в сказках «Алтын Арчол», «Алтын Хан и Ах Хан» действия героев довольно прямолинейны, нет ярких и пышных сравнений. Современному читателю многие слова в текстах покажутся неизвестными (архаизмы) или слишком прямолинейными, без предварительной подготовки школьника не проявят к таким

сказкам интереса. Однако следует помнить, что они – есть отражение народных представлений о жизни в иных исторических социокультурных условиях. Самобытность языковой картины мира предков хакасов проявилась и в наименованиях мифических существ: *таг ээзи, суг ээзи, тайга ээзи, Чильбиген, Хуу хат* и т. д. Многие из них вредят человеку, поэтому земному человеку (*күнниг кизи*) следовало жить по земным законам, т. е. народным обычаям.

В IX томе собранных в 1907 г. Н. Ф. Катановым фольклорных произведений «Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов», изданном В. В. Радловым, содержатся различные по жанру тексты. Их изучение с точки зрения картины мира этноса дополнило бы современные этнопсихологические и антропологические знания о внутреннем мире хакасского народа. В сказках разных видов отражены народные мечты о свободе, справедливости и счастье, которые ассоциируются с богатством, семейным достатком и благополучием. Идея борьбы с иноземными врагами проложена четкой линией в героических сказаниях, что также может стать предметом патриотического воспитания современной молодежи.

Очевидно, что антропоморфизм как мировоззрение присутствовал в картине мира у хакасов в прошлом. Это нашло отражение в сказочно-мифических сюжетах фольклора, сохранилось и в бытующих обрядах и традициях поклонения природным объектам. Н. Ф. Катанов, как исследователь, аккуратно произвел записи фольклорных произведений, тем самым сохранил для потомков и истории огромный лингвистический и этнокультурный материал, приобщаясь к которому, новые поколения познают собственную культуру в историко-культурном разрезе.

Итак, языковая картина мира хакасов как философское, психологическое, культурное и лингвистическое явление заслуживает специального исследовательского внимания лингвистов и культурологов по следующим направлениям:

- исторический фольклор – отражение генезиса этнического самосознания хакасов;
- хакасский язык и литература как живой источник познания окружающего мира;
- концепции языковой картины в научно-исследовательском наследии выдающихся ученых-тюркологов, востоковедов;
- сравнительно-сопоставительное изучение хакасского фольклора во взаимосвязи с русским фольклором в современности;
- этнопсихологические аспекты современной языковой картины личности в условиях билингвального (полилингвального) образовательного пространства.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 481 с.
 2. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. С. 396–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/azykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 07.03.2018).
 3. Катанов Н. Ф. Хакасский фольклор (из книги «Образцы народной литературы тюркских племен»). Т. IX. СПб., 1907). Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1963. 162 с.
 4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
 5. Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2–12.
 6. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
 7. Унгвицкая М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва. 1972. 309 с.
- © Султанбаева К. И., 2018

УДК 811:81-25

А. В. Проскурина

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ЕГО НОСИТЕЛЕЙ*

В фокусе внимания автора находится словообразование языка телеутов – одного из коренных малочисленных народов РФ. Путём описания пропозиционально-семантической организации производной субстантивной лексики, обозначающей человека, в рамках словообразовательных типов в телеутском языке обнаруживается своеобразие языковой картины мира его носителей.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный тип, семантика, пропозиция, языковая картина мира.

Разноструктурные языки, представляя собой систему хранения и передачи информации о человеке, об устройстве мира, отличаются друг от друга пропозиционально-семантической организацией. Внутренняя системность каждого языка, обусловленная его способностью отражать закономерности в осмыслении человеком окружающей действительности, прежде всего, проявляется на словообразовательном уровне, единицы которого показывают закономерности осмысления человеком фрагментов мира в их взаимосвязи.

Антропоцентрическая направленность словообразовательных ресурсов, будучи их универсальным свойством, обнаруживается при рассмот-

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

рении телеутского языка – одного из исчезающих языков РФ. На современном этапе функционирования этот язык как средство общения используется только в бытовой сфере. Большая часть лексического состава языка телеутов представлена производными единицами, образованными путем аффиксации. Аффиксальное словообразование демонстрирует формально-семантические связи между производящими и производными словами в границах словообразовательных типов, которые в совокупности с гнёздами однокоренных гнезд организуют деривационное пространство языка. «Типы – те языковые рамки, в пределах которых производятся и воспроизводятся слова» [1, с. 13], отражая закономерности словопроизводства как базового механизма когнитивной деятельности носителей языка и моделируя культурно значимые ракурсы видения артефактов, натурфактов и лиц.

Поэтому возникает необходимость в обнаружении и описании способов, с помощью которых словообразовательные типы в телеутском языке перерабатывают, хранят и транслируют ценностно отмеченную информацию. «Эта информация, организующая содержательный план производных единиц, имеет антропоцентрическую направленность» [3, с. 100]: включает знания об устройстве мира и поведении людей, их предпочтениях и ценностях.

Предметом настоящего исследования является пропозиционально-семантическая организация производной субстантивной лексики в рамках ядерных словообразовательных типов в телеутском языке. В рамках выбранных для анализа словообразовательных типов функционируют производные слова, обозначающие лица. Именно лица, наряду с артефактами и натурфактами, формируют культурно значимую сферу, которая словообразовательно маркируется.

В телеутском языке в один словообразовательный класс со значением лица входят субстантивы с аффиксами =чы, = чыл, =ик и др. Каждый из указанных аффиксов выступает «основным выразителем словообразовательной семантики» [2, с. 27]. Путём применения методов пропозиционального и сопоставительного анализа словообразовательной семантики производных единиц в границах рассматриваемых словообразовательных типов обнаруживается своеобразие внутреннего устройства каждого из них.

Результаты описания пропозиционально-семантического устройства словообразовательных типов демонстрируют их специализацию на отражении определенных участков картины мира телеутского народа.

Библиографический список

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 223 с.
2. Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 51 с.

3. Проскурина А. В. Система антропоцентрической организации словообразовательного типа // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 99–103.

© Проскурина А. В., 2018

УДК 801.001

Ю. С. Паули, А. П. Мальцева

ОБ ОПЫТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ НОРМ*

Коммуникативные нормы, установленные в культуре того или народа, указывают на специфичные для него правила взаимодействия, возможности вовлечения «чужого» в круг «своих». Речевые формулы выполняют функцию маркеров коммуникативной дистанции между собеседниками, по которым можно судить о культурной специфике речевого поведения носителей языка.

Ключевые слова: коммуникативные нормы, коммуникативная дистанция, речевой этикет.

В центре внимания исследователей, изучающих языки и культуру коренных народов, находятся состав лексикона языка народа, его концептосфера, а также его культурные обычаи, артефакты, фольклор. Менее заметной оказывается специфика в коммуникативном поведении носителей языка. При этом коммуникативные нормы, как «принятые в обществе правила речевого общения, определяющие типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях» [3, с. 76], также способны дать информацию о культурной специфике народа. При этом организация коммуникативного процесса зачастую не осознается его участниками, что указывает на более глубинные и более устойчивые компоненты народной культуры.

Одним из показателей особенностей организации общения является коммуникативная дистанция между собеседниками и ее динамика. Более очевидна физическая дистанция (фактическое расстояние между коммуникантами), она включает в себя 4 зоны:

1. Интимная дистанция (от прямого физического контакта до 20 см от тела партнера).

2. Личная дистанция (45 см – 1,2 м), позволяющая людям находиться друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

3. Социальная дистанция (1,2–3,5 м) – физический контакт невозможен, но возможен адресный голосовой контакт;

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

4. Публичная дистанция (более 3,5 м) – на публичных собраниях, в аудиториях, в суде и т. д.

Меньше исследована так называемая психологическая (О. А. Леонтович), или речевая дистанция (Л. Г. Ефанова). Это степень эмоциональной близости и взаимной заинтересованности в общении коммуникантов. Она устанавливает, насколько комфортно общаться собеседникам, и определяет степень близости коммуникантов в различных областях отношений: семейных, бытовых, деловых и т. д. [4, с. 203–243].

Л. Г. Ефанова пишет о речевой дистанции как «важной характеристике речевого взаимодействия, отражающей положение коммуникантов относительно друг друга в многомерном социальном пространстве» [2, с. 7]. В отличие от физической, речевая дистанция не подлежит точному измерению, но она является количественной, что позволяет определить степень близости отношений между собеседниками. Величина речевой дистанции выдерживается строже, нежели физическая, которая может быть изменена посредством воздействия внешних факторов. Коммуниканты определяют величину дистанции общения самостоятельно, интуитивно, полагаясь на социальные традиции и национально-культурную обусловленность [2]. Стало быть, речевая дистанция, ее динамика являются показателем коммуникативно-культурной специфики народа.

Функцию маркеров психологической дистанции между собеседниками выполняют формулы речевого этикета. Этикет как «совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению» [1, с. 6–7] сигнализирует о социально-психологических отношениях между собеседниками и тем самым указывает на коммуникативную дистанцию и ее динамику. Например, в русской этикетной культуре одним из явных сигналов о близости коммуникативной дистанции являются формулы обращения. Формула «Вы» и обращение по имени и отчеству будут говорить о дальней дистанции, а формула «Ты» и обращение только по имени, наоборот, свидетельствуют о минимальной коммуникативной дистанции. Переход с формулы «Вы» на «Ты» является показателем сокращения коммуникативной дистанции [5, с. 79–85].

Таким образом, использование стандартных этикетных формул и их смена в процессе общения позволяют описать динамику коммуникативной дистанции.

С целью описания этапов и способов сокращения коммуникативной дистанции в китайской лингвокультуре было проведено погруженное наблюдение над речевым поведением носителей этой культуры в формальном и неформальном форматах общения. В первом случае исследо-

вались стратегии сокращения коммуникативной дистанции в рабочем коллективе, во втором – в одной китайской семье.

Общая динамика коммуникативной дистанции осуществляется в 3 этапа. Первый этап направлен на установление и укрепление контакта. Основная коммуникативная установка этого периода – дистанция наиболее отдаленная, что выражено повышенной вежливостью, установкой на коммуникативную комфортность собеседника. На втором этапе наблюдается постепенное сокращение дистанции. Основная коммуникативная установка этого периода – демонстрация позитивного отношения к собеседнику, искренний интерес к нему. Третий период – включение собеседника в свой круг, его «освоение». Основная коммуникативная установка – взаимно комфортное общение с собеседником.

Показателями коммуникативной дистанции являются:

на 1 этапе – использование этикетных формул из языка, близкого собеседнику (в китайской семье и между коллегами – использование этикетных формул приветствия, обращения, прощания не китайского, а английского или русского языков), частое использование формул извинения при просьбе или отказе: «Anna, sorry, I need oneminute», «I am sorry, can I go out now, just 5 minutes earlier?»;

на 2 этапе – использование неформальных этикетных формул на английском языке (*Hi, morning*), а также этикетных формул приветствия, обращения, прощания на китайском языке, частое употребление комплиментов делового и личного характера, отсутствие извинений при просьбе или отказе «安娜帮帮我, 把桌子放回去» (Анна, помоги мне, нужно поставить стол на место);

на 3 этапе – использование адаптированного обращения, использование в обращении притяжательного местоимения *наша, моя* и увеличение доли личных комплиментов, замена формул приветствия, прощания, обращения констатацией факта, например, вместо приветствия «安娜你好吗» (Ана, у тебя все хорошо?); «安娜来了» (Анна пришла); «安娜快来来» (Анна, быстрее иди сюда) и т. д.

Спецификой китайской лингвокультуры является короткая продолжительность первого этапа, быстрый переход ко 2-му и 3-му этапу, сходство этапов и способов сокращения коммуникативной дистанции в формальном и неформальном общении.

Выделенные стратегии сокращения коммуникативной дистанции на примере этикетного поведения носителей китайского демонстрируют, как происходит сближение коммуникантов и включение собеседника в свой круг общения в этой лингвокультуре.

Этикет как средство выражения коммуникативной дистанции представляет собой совокупность правил, регламентирующих поведение коммуникантов, на основе которых применяются приемлемые этикетные

формулы. С их помощью коммуниканты демонстрируют своему собеседнику, какую дистанцию они устанавливают в общении с ним. Речевые формулы регулируют взаимодействие между участниками общения и задают параметры взаимодействия. В зависимости от установленных в культуре коммуникативных норм ее носители определяют границы общения с собеседником и со специфичной для данной культуры интенсивностью вводят «чужого» в круг «своих».

Таким образом, исследование динамики коммуникативной дистанции способствует межкультурной коммуникации, позволяет увидеть глубинные установки носителей этой культуры.

Библиографический список

1. Воронцовская О. С. Место этикета в системе культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Томск: ТГУ, 2005.
2. Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 6–11.
3. Захарова Е. П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 76–80.
4. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2002. 344 с.
5. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. М., Ленанд, 2015.

© Паули Ю. С., Мальцева А. П., 2018

УДК 81'23

К. А. Покоякова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СЕМЬИ В ХАКАССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В докладе представлены результаты исследования языкового сознания носителей хакасского и русского языков на примере стимульного слова «семья» на основе материалов, полученных в результате пилотажного свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в период с 2015 по 2017 гг. Выявлены и систематизированы универсальные и специфические особенности ассоциативного восприятия образа семьи в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, образ семьи, семантическая зона.

Сопоставительное исследование языкового сознания представителей разных этнических групп занимает центральное место в психолингвистических исследованиях. В отечественной психолингвистике языковое сознание (ЯС) рассматривается как совокупность образов сознания, овнешняемых языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочета-

ниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей [2, с. 3].

Психолингвистические исследования сравнительно-сопоставительного характера с привлечением хакасского и русского материала имеют высокую значимость, поскольку отмечается «заметное сокращение количества активных хакасско-русских билингвов», в языковом сознании которых обнаруживаются «заимствования из русского образа мира при лишь частичном сохранении отдельных фрагментов хакасского образа мира» [1, с. 51].

Цель нашей работы заключается в выявлении универсальных и национально-обусловленных особенностей восприятия образа семьи в ЯС носителей хакасского и русского языков по итогам свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). В эксперименте приняли участие 2 группы респондентов (400 человек) в возрасте от 16 до 75 лет: хакасы-билингвы, свободно владеющие родным языком («ХР») – 200 чел.; русские респонденты («РР») – 200 чел. Испытуемым было предложено написать первое слово, пришедшее на ум, на стимул *семья (сөбіре)*.

Для анализа семантических зон (СЗ) использовался семантический гештальт Ю. Н. Караулова. Результаты САЭ показали, что у группы ХР наиболее высокую наполняемость имеет СЗ «Персоналии» (48 %), а у группы РР – СЗ «Предмет» (59 %). СЗ «Признаки» у ХР находится на втором месте с показателем 37 %, далее следуют СЗ «Реалии» – 11 % и СЗ «Это» – 4 %. На втором месте у РР оказалась СЗ «Персоналии» (23 %), на третьем месте разместились СЗ «Признаки» (15 %) и, наконец, на последнем – СЗ «Это» (3 %).

В СЗ «Персоналии» ведущей реакцией на стимульное слово *семья* оказывается ассоциат *иче* ‘мама’ у ХР, а у РР – реакция *дети*. Примечательно, что в сознании хакасских респондентов ассоциация *мама* имеет более высокий удельный вес и социальную значимость. У РР подобной ассоциации не было обнаружено.

В СЗ «Признаки» ассоциации *ынаг* / *дружная* по частотности занимают первое место у двух групп респондентов. Среди доминант следует указать следующие положительные характеристики семьи: *счастливая* / *часкалыг*, *сплоченная*, *крепкая* и т. д. РР выделяют единичные реакции *неполная* и *бездетная*.

В СЗ «Предмет» для респондентов группы ХР важна *хыныс* ‘любовь’, для РР – *дом*. Чётко прослеживается тесная связь семьи с *любовью*, *счастьем*, *заботой*, *теплом*. Однако, в ЯС русских респондентов присутствует также и отрицательное восприятие семьи, связанное с *разводом* и *разладом* отношений между людьми, состоящими в браке.

Таким образом, проведенный анализ ассоциативного поля «семья» в языковом сознании хакасов и русских позволил выявить как совпадения,

так и отличия. Общность заключается в преимущественно позитивном восприятии образа семьи и единых представлениях о счастье, любви, защите. Существующие различия демонстрируют этнокультурную специфику языкового сознания этносов. Так, например, национально-специфические представления о семье, отражающие сохраняющиеся особенности менталитета и архетипов культуры, находят свое подтверждение в хакасском языковом сознании, в котором высокую ценность имеет целостность семьи и рода.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Человек и его социальное пространство в хакасском языковом сознании // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2017. Вып. 3 (17). С. 50–57.
2. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов, 1–3 июня 2000 г., Москва / гл. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. С. 3–4.

© Покоякова К. А., 2018

УДК 81.23

А. Д. Монге

ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМЕРИКАНСКИХ, РУССКИХ И ТУВИНСКИХ ПОДРОСТКОВ

Анализ ассоциативных полей, содержащих этнические автостереотипы американских, русских и тувинских подростков, выявил общее преобладание позитивного восприятия своих народов и отличия в приоритетах позитивных и негативных автостереотипов. Максимальная доля отрицательных реакций представлена в американских автостереотипах.

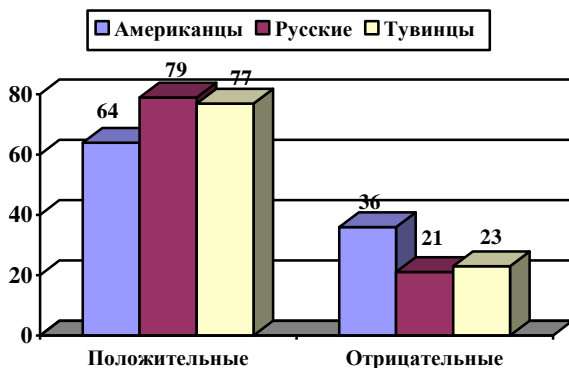
Ключевые слова: языковое сознание, автостереотип, этнический стереотип, ассоциативное поле.

Актуальность исследования языкового сознания (далее ЯС) связана с выявлением основ бесконфликтного межэтнического взаимодействия в глобальном поликультурном пространстве. Данный аспект относится к одному из центральных направлений в отечественной психолингвистике, включающему и аксиологические параметры исследования языкового сознания народов России [1, 2]. Одним из факторов, влияющих на успешность межкультурного диалога и межэтнических отношений, является система этностереотипов, которые приписываются этносу либо в результате фактического опыта взаимодействия с ним, либо на основе устойчивой трансляции стандартизованного представления как константной этносоциальной категории. Типологически этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы и гетеростереотипы. Первая группа

включает устойчивые образы членов этнической группы о самих себе, вторая – о других этносах.

Цель нашего исследования – выявление общности и специфики базовых автостереотипов американских, русских и тувинских подростков, представленных в их ЯС. Материалом исследования послужили ассоциативные поля, сформированные реакциями трех групп респондентов на слова-стимулы, номинирующие соответствующие этнонимы на родном языке опрашиваемых подростков. Американские и русские ассоциативные поля представлены в [3]. Тувинские ассоциаты получены нами в ходе прямого ассоциативного эксперимента, проведенного в Республике Тыва в 2017 году с участием 133 респондентов подросткового возраста.

Аксиологический аспект анализа трех ассоциативных полей (далее АП) позволил выявить общее преобладание позитивных этнических автостереотипов при более высокой доле негативной самооценки в американском АП (см рис.).

Соотношение позитивных и негативных этнических автостереотипов в языковом сознании американских, русских и тувинских подростков (%)

Наиболее высокая частотность позитивных автостереотипов представлена в русском АП (79 %). Среди них на первом месте такие реакции, как: *доброта, ум и гостеприимство*. Затем следуют такие реакции, как *хорошие, красивые, смелые*. Ведущая отрицательная ассоциация – *пьянство*. Затем следуют *лень и глупость*.

Американские подростки видят свой народ, прежде всего, *патриотичным*. Они также характеризуют его *счастливым, богатым и свободным*. Самая частотная негативная реакция *greedy* «жадность». Затем следуют ассоциаты *fat* «толстые», *mean* «злые», а также *lazy* «ленивые».

Наиболее частотные позитивные автостереотипы в тувинском АП: *хундулээчел* «гостеприимные», *дузааргак* «отзывчивые» и *ажылгыр* «трудо-

любивые». Самые частотные отрицательные ассоциаты – *чалгаа* «лень», *эртэм чок* «необразованность», *оожум* «медлительность».

Таким образом, при общности преимущественно позитивной оценки своей этнической группы выявлены отличия в приоритетах позитивных и негативных автостереотипов в языковом сознании американских, русских и тувинских подростков. Общей негативной характеристикой в автопортретах подростков трех групп респондентов стала реакция *лень, ленивый*.

Библиографический список

1. Боргоякова Т. Г. Этнические стереотипы жителей Хакасии: лингвокультурологический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т.5, вып. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. С. 5–11.
2. Боргоякова Т. Г. Человек и его социальное пространство в хакасском языковом сознании // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 50–57.
3. Федченко А. В. Языковое сознание русских и американских подростков. М.: Флинта: Наука, 2006. 174 с.

© Монге А. Д., 2018

УДК 811:81-25

У. В. Керексибесова

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИИ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «ХИТРЫЙ»*

В данной работе рассматривается концепт «хитрость» и его синонимы в русском, китайском и тюркских языках.

Ключевые слова: лингвокультура, этнолингвистика, лексема, синонимы.

Через концепт «хитрость», обозначающий черту характера человека в разных лингвокультурах, рассматривается, как реализуются фоновые знания в пословицах, поговорках и устойчивых выражениях, связанных с этим концептом. Культурные ценности того или иного народа представлены в его языке. Фоновые знания, которые заложены в концепте «хитрость», наиболее ярко выражают особенности культуры, ценностей и уклада жизни определенного народа.

Этнолингвистика может быть определена как дисциплина, изучающая воплощенные в живом национальном языке и проявляющиеся в языковых процессах элементы материальной и духовной культуры.

Система образов, которая заложена во внутренней форме слова, в фразеологизмах, пословицах и поговорках, является отражением специфики культурных традиций каждого народа.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253)

Люди, говорящие на разных языках, познают мир, категоризуя его. Но категоризация у каждого народа своя, особенная. Как это происходит – мы исследовали на основе синонимии в русском, китайском, тюркских языках.

Рассмотрев синонимы к слову «хитрый», мы выяснили, что каждый народ вкладывает в него свое, индивидуальное значение, основанное на привычках, обычаях и традициях своего народа. Об этом свидетельствуют внутренние смыслы синонимов к слову «хитрый». Кроме этого, мы выявили особенности семантики синонимов, рассмотрев устойчивые выражения, связанные с хитростью.

За одинаковыми значениями в разных языках стоят разные ассоциации, они отягощены национальными особенностями жизни народа. Также из-за различия уклада, образа жизни того или иного народа представления об одном и том же явлении разные.

© Керексибесова У. В., 2018

УДК 811. 512.153

Л. М. Топова

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕКА В БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ *AX/XAPA И WHITE/BLACK*

Доклад посвящен сопоставительному анализу семантической структуры членов ахроматической бинарной оппозиции «белый/черный» в английском и хакасском языках – white/black и ax/xapa – и их участию в создании образных устойчивых словосочетаний, характеризующих человека и его поведение. Выявлена общность ассоциативного доминирования доброго и светлого в образной семантике прилагательных white/ax в противовес преобладанию злого и темного в соответствующих значениях их антонимов black/xapa, а также роль последних в интенсификации семантики второго компонента устойчивых словосочетаний в обоих языках.

Ключевые слова: прилагательные white/black, прилагательные ax/xapa, ахроматическая антонимическая пара, оценочный компонент значения, устойчивые образные словосочетания.

Анализ культуры невозможен без исследования лексической семантики, в которой содержатся новые идеи понимания развития познавательной деятельности человека [5]. В ее основе находится и система противопоставлений или бинарных оппозиций, среди которых заметное место занимают антонимические пары качественных прилагательных. Оценка или выражение одобрения/неодобрения естественным образом входит в их семантическую структуру, как «одна из основных частей стилистической коннотации» [1, с. 305]. Стилистическая коннотация ярко проявляется в такой семантической универсалии как метафорическое противо-

поставление прилагательных *белый/черный* по этическим признакам добра и зла. Исследователи стилистической коннотации данной цветовой бинарной оппозиции в разных языках подчеркивают общность ассоциативного доминирования доброго и светлого в образной семантике прилагательного *белый* в противовес преобладанию злого и темного в соответствующем значении его антонима [2; 7; 8]. К важным перспективам ученые относят возможности изучения ахроматического фрагмента лингвоцветовой картины мира с привлечением материала других языков для проведения сопоставительных исследований [8].

В докладе предлагается сопоставительный анализ эмотивно-оценочного компонента семантики членов бинарной ахроматической оппозиции *white/black* и *ax/xapa* в английском и хакасском языках. Материалом исследования послужили лексикографические источники соответствующих языков. В обоих языках исследуемые антонимические прилагательные являются полисемантами, обладающими системой прямых и переносных значений. Ведущим значением членов оппозиции *белый/черный* является цветовая номинация с указанием на материальный объект соответствующего цвета. Например, в английском языке это *fresh snow or common salt* «свежий снег или обычная соль» или *the colour of this printing ink* «цвет этой типографской краски» [11]. В словарях хакасского языка предложено сравнение с *сүм* «молоко» и *пус* «лед» для *ax* [4; 9].

В составе устойчивых словосочетаний (set expressions) наиболее продуктивным оказалось прилагательное *black*, которое играет ведущую роль в негативной характеристике человека в сочетании с именами существительными. Например: **black guard** (букв. черный охранник) – *person who is quite without honour; scoundrel* «человек без чести; негодяй, мерзавец»; **black leg** (букв. черная нога) – *person who offers to work when the regular workers are on strike; act as black leg = betray (fellow workers)* «человек, предлагающий работать вместо бастующих рабочих; предающий (рабочих)» [5], [11]; **black sheep** (букв. черная овца) – *good-for-nothing person* «никчемный человек» [11]. В. Коллинз, автор известной книги английских идиом, объясняет возникновение негативного значения идиомы меньшей ценностью овец с черной шерстью по сравнению с белощерстными. Но в то же время высказывает предположение, что образное значение данной идиомы может быть связано с влиянием слова *black*, которое часто используется в значении «плохой с моральной точки зрения»: *black ingratitude* «черная неблагодарность» [10].

В английском языке прилагательное *black* также используется для интенсификации семантики существительных в составе устойчивых образных выражений, например: ~ despair; ~ tidings, ~ deeds, ~ moods [11].

В хакасском языке образное использование прилагательного *xapa* в составе фразеологических единиц базируется на его семантическом про-

тивопоставлении антонимическому прилагательному *ax* с превалированием негативного значения. Например, **хара сағыстығ** «коварный, злой», **хара сағыс** «злой умысел», **хара істіліг** (букв. с черной внутренностью) «злой», **хара айна** «черт, дьявол» [3]. Кроме того, в отличие от своего антонима *xapa* активно используется для усиления значения при совместном употреблении с другими прилагательными в составе образных выражений. Например, **хара пасхачыл** «очень странный», **хара соғын** «очень некрасивый, страшный», **хара чалғыс** «совершенно одинокий», **хара чалғыс пала** «единственный ребенок», **хара хычалығ** «притягательный» [3; 9]. Как видно из приведенных примеров, в отличие от английского *black* хакасское прилагательное *xapa* участвует, как правило, в усилении интенсивности значения прилагательных (по модели Adj+Adj).

Интересно отметить, что английское прилагательное *white* достаточно часто участвует в создании образных выражений с негативным значением, отражающих как эмоциональное состояние человека, так и его моральные качества. Например: **white livered cowardly** «трусливый, малодушный», **bleed white drain of wealth, strength, etc.** «обескровить, выкачать деньги, обобрать до нитки» [6], **show the white feather be cowardly**, **whited sepulcher person who appears to be righteous but is in fact wicked, hypocrite** «ханжа, лицемер» [11]. Хакасское прилагательное *ax* входит в структуру образных словосочетаний с преимущественно позитивной семантикой, существенным образом влияя на переносный смысл всей фразеологической единицы. Например, **ax сағыстығ** «честный, открытый, без задних мыслей», **ax сағынарға** «иметь чистые помыслы, намерения», **axха сыгарға** «оправдаться, доказать невиновность», **ax сёёк** «богатый, знатный род», **ax чарых** «земная жизнь», **чолын ax ползын** «пожелание счастливой (белой) дороги» [3; 9]. Устойчивых словосочетаний с компонентом *ax*, имеющих негативную семантику, значительно меньше. К их числу относятся следующие: **ax халарға** «остаться в стороне, не понести заслуженного наказания» (букв. белым остаться), **ax чарыхтаң азарға** «уйти из жизни, умереть» [3; 9].

Таким образом, коннотативные значения оппозитивных колоронимов *black/white* и *ax/xapa* активно участвуют в конструировании аксиологической концептуализации образа человека в английских и хакасских устойчивых образных выражениях. Доминирующим является их переносное значение, закрепившее ассоциативную связь светлого и доброго за прилагательными *white* и *ax* и темного и злого – за *black* и *xapa*. Исключение составляет прилагательное *white*, активно участвующее в создании фразеологических значений и негативного плана. В обоих языках семантическое развитие полисемантов *black* и *xapa* привело к закреплению за ними усилительного значения, придающего дополнительную экспрессивность соответствующим устойчивым словосочетаниям.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Боргоякова Т. Г. Хакасская фразеология. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2014. 156 с.
3. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. 144 с.
4. Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь. Петропавловск: «Полиграф», 2011. 940 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
6. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971. 912 с.
7. Ойроткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012. 354 с.
8. Талапина М. Б. Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных «белый/черный» и «white/black» в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 209 с.
9. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳстїк / ред. О. В. Субракова). Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
10. Collins V. N. A Book of English Idioms with Explanations, Longmans // В. Х. Коллинз. Книга английских идиом. Ленинград, 1960. 258 с.
11. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: Oxford University Press, 1978. 1055 p.

© Топоева Л. М., 2018

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР

УДК 398.33(=512.151)

Н. Р. Ойноткинова

ЛЕКСИКА ОБРЯДА ПОКЛОНЕНИЯ ЗЕМЛЕ У ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ*

В статье рассматривается терминология, связанная с обрядом жертвоприношения духам-хозяевам земли и священных гор (Жер такыганы) у алтайцев. Для анализа этимологии и семантики лексем привлекались различные словари по тюркским и монгольским языкам, а также полевые материалы автора. Рассмотренный календарно-обрядовый комплекс представляет собой многоплановое культурно-историческое явление, вобравшее элементы древних языческих верований и буддизма. Он имеет общие черты с календарной обрядностью монгольских народов, что подтверждается историко-этнографическими и лингвистическими фактами.

Ключевые слова: культурная лексика, обрядовая терминология, обряд жертвоприношения духам-хозяевам, тюрко-монгольская языковая общность.

Обрядовая терминология представляет широкий пласт культурной лексики, связанной с обрядностью, составной знаковой системой обряда как культурно-этнографического объекта. Под обрядовой терминологией понимается специальная терминология обрядов и верований, называющая семиотически (культурно) значимые реалии – ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т. п., обозначающая сами обряды или их части [22, с. 216]. Лексика алтайского языка, используемая в обрядовом комплексе, до сих пор не привлекала внимание исследователей-лингвистов. Этимология некоторых наименований рассматривалась в общетюркском масштабе, как правило, вне обрядового контекста бытования. Цель данной работы – представить результаты проведенного исследования по выявлению обрядовых терминов, относящихся к общему тюрко-монгольскому пласту лексики. К терминам могут относиться и лексемы, не имеющие в литературном языке терминологических значений. Рассмотрим их.

Алтай кӧдӱрер ‘возвышать, возносить Алтай’, *Алтай кӱндӱлеер* ‘угощать Алтай’ и *жер такыыр* ‘приносить жертву земле’ – современные синонимичные названия обряда жертвоприношения духам-хозяевам.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-04-00314а)

Жертвоприношение Земле (Алтаю) устраивается в течение всего года дважды: в конце мая, в пору распутившейся зеленой листвы (*Лажылы бӯрде*), после чего начинается подготовка к перекочевке на летние стоянки, отгон скота на летние пастбища, а также – в середине осени, в пору желтой листвы (*Сары бӯрде*), после окончания уборки урожая. Это время принесения благодарственных жертв силам Земли. Весна в народном сознании символизирует пробуждение природы, поэтому все ритуальные действия направлены на то, чтобы призвать светлые силы и попросить у них покровительства, счастья, плодородия и приумножения материальных благ. Собственно календарное значение праздника середины осени определялось осенним равноденствием, обозначавшим начало осенне-зимнего периода. Осенью же люди благодарят духов природы за все хорошее и прощаются с ними до следующей весны. Поздней осенью духи «ложатся» спать, и зимой им люди никаких подношений не делают.

Обряд жертвоприношения духам-хозяевам местностей и священных родовых гор восходит к архаичным традициям шаманизма и культуры гор. В древних китайских хрониках сообщается о поклонении земле у хуннов в последние века до нашей эры [19, с. 22; 120]. К культу йер-су (земли-воды) относится и поклонение горам, который считается древним родовым культом, предшествовавшим шаманизму, но затем вошедшим в шаманскую религиозную традицию. И. В. Стеблева отмечала, что этот культ существовал у киргизов, в наиболее отчетливой форме – у алтайцев [18, с. 215–216].

Жер такыыр ‘приносить жертву земле [Алтаю]’. Глагол *такты-* ‘приносить жертву’, ‘совершать жертвоприношение’, ‘совершать религиозный обряд’, в ДТС отсутствует; возможно, восходит к бурят-монгольскому *тахиха*: 1) *рел.* ‘приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд’; *дээжээр тахиха* ‘приносить в жертву первый кусок пищи, напитка’; *хонёор тахиха* ‘приносить в жертву отцу’; 2) *перен.* ‘холить, ублажать’ [23, с. 432].

Календарные обряды алтайцев в прошлом были связаны с традиционным хозяйственно-культурным типом, и это отразилось на времени их проведения. Изучив синтагматику и семантику обряда [*Алтай*] *жер такыыр* ‘приносить жертву земле [Алтаю]’ и календарного культового комплекса алтайцев, мы пришли к выводу, что в них наблюдается много общего с обрядовой системой *обоо* у монголов и бурят. Эквивалентом тюркского *йер-су* у монголов является *хан гадзар-усун* «хан земля-вода» – образ, фигурирующий в шаманских призываниях [8, с. 200]. Много общего наблюдается и в религиозной обрядовой терминологии алтайцев и бурят-монгольских народов.

Считается, что так называемая тюрко-монгольская языковая общность является результатом длительных взаимных контактов тюркских и мон-

гольских языков. В тюркских языках Южной Сибири существуют заимствования из монгольских языков, а в монгольских языках – заимствования из тюркских [23, с. 269]. Одним из основных критериев поздних монголизмов в тюркских языках считается «совпадение звуковой оболочки и семантики соответствующего тюркского слова с монгольским при условии отсутствия этого слова в древнетюркском языке, при широком бытовании в монгольских языках» [14, с. 26–27].

Проникновение буддизма в ламаистской форме к сибирским тюркам историки датируют не позднее XIII в., когда при монгольском хане Хубилае они входили в состав обширной империи, созданной Чингисханом [3, с. 229]. Исследователи [1, 5, 10] считают, что культ гор вошёл позднее в религиозную систему ламаизма и занял в ней особое место. Л. Л. Абаева утверждает, что культовая система *обо* после ламаизации и унификации стала ключевым элементом обрядности всех этнических групп бурят, принявших буддизм [1, с. 67]. У западных тувинцев в обряде *ова тагырах* вплоть до XIX в. участвовали шаманы. В конце XIX – начале XX в. эти обряды проводились уже преимущественно под руководством лам [3, с. 237].

В названии обряда *жер такыыр* ‘приносить жертву земле’ сохраняется понятие о земле, являвшейся частью, обожествляемого древними тюрками образа – *Жер-суу* ‘Земля-вода’. Об изменениях в пантеоне тюрков Саяно-Алтая Л. П. Потапов писал: «Божество Алтай заменило *Йерсу* (*Järsu*), входившее в пантеон древних тюрков, хотя почитание непосредственно *Йерсу* у алтае-саянских шаманистов местами сохранялось» [12, с. 145]. Некоторые алтайцы утверждали, что жители Усть-Канского и Онгудайского районов поклонялись богу *Ярсу* – духу-хозяину всего Алтая. С появлением бурханистов его стали называть не *Ярсу*, а *јаан каан Алтай*; вместо названия *Таика*, где жил *Ярсу*, использовали другое название – *Ак сүмәр*» [12, с. 146]. Шаманские обряды жертвоприношения устраивались в честь духов земли и воды (*жер-суу*) вплоть до 40-х гг XX в. Как вспоминает пожилая теленгитка, перед началом Великой Отечественной войны, когда ей было шесть лет, она видела, как в селе Язулу Улаганского района проводился обряд *Жер такыган* (‘жертвоприношение Земле’). В то время люди еще делали *тайылга*, как в пору широкого бытования шаманизма: шкуру жертвенного барана вешали на длинную деревянную жердь, а мясо варили для жертвенного блюда [1].

Тайылга – ‘жертва, приспособление для шкуры жертвенного животного’ (в туба, чалк., алт., телеут., теленг.) < монг. *taγiɣa*, монг. *taγi-* ‘приносить в жертву’ [14, с. 18] или монг. *тайха-* ‘приносить в жертву, совершать обряд жертвоприношения’ [23, с. 424]; алт. *тай-* ‘приносить в жертву’; шор., хак. *тайыг*, аффикс *-ыг* характерен для тюркских языков.

Г. Н. Потанин о кровавых жертвоприношениях – *тайылга* – у алтайцев в конце XIX в. писал: «Опишу здесь только тайлга, который мы ви-

дели 13-го мая на правом берегу Катуня. На пути от Ангудая до Кошага-ча мы видели их несколько, но этот таилга был больше всех других. Он состоял из двух отдельных построек; на каждой были вывешены по две шкуры, одна лошадиная, другая овечья» [11, с. 78–79].

Јукели – ‘длинная жердь, на которую вывешивают шкуру после жертвоприношения’ [2, с. 60]; ср. у бурят. *зухэли* ‘шкура жертвенного животного с головой и ногами, воздетая на длинном шесте’ [23, с. 286].

Тагыл – ‘каменный алтарь для разведения костра и сжигания жертвенных подношений’; < монг. *тахил* рел., уст. 1) ‘жертва, жертвоприношение’, ‘обряд жертвоприношения’; *тахил табиха* ‘приносить в жертву, приносить в дары’ [23, с. 432]. При заимствовании данного понятия произошёл метонимический перенос и сдвиг лексического значения монголизма *тахил*, вследствие чего это слово у алтайцев стало обозначать не жертвенные подношения, а каменные алтари, сооруженные для коллективных молений, и символизирующие место-пристанище духа-хозяина местности или духов-хозяев определенной территории.

Обоо – ‘куча; груда жертвенных камней в честь духа горы’; < монг. *обуца* ‘куча камней в честь духа горы, перевала’. Этим термином алтайцы называют каменные насыпи у дорог, на горных перевалах, где останавливаются путники и кормят духов местностей и просят удачного пути. *Обоо* символизирует священное местопребывание духа-хозяина конкретного места или духов-хозяев определенной территории. Каменные алтари под названием *обо/ова* были особенно широко распространены в Туве, Монголии и Бурятии, на Алтае, в Киргизии, Тибете. Они были известны уже древним тюркам. Такой вывод позволила сделать расшифрованная С. Е. Маловым руническая надпись, найденная в Таласе, в Киргизии, где упоминается *она* в указанном смысле [3, с. 235].

Э. В. Севортян склонялся к мнению, что слово *обо* имеет монгольское происхождение: ср. с монг. *обуца-а(n)* / *обоо* ~ *обу* / *обоо* ‘груда’, ‘куча’, ‘масса’, ‘груда/куча камней’; *обо* – ‘специальная груда из грубых камней в функции межевого знака, вехи или монумента, где производятся религиозные церемонии в честь духа местности’ [15, с. 399]. Хотя нельзя не учесть лексему *обуз* ‘возвышенность, бугор’ [7, с. 362] и свидетельствующую о наличии этого слова в древнетюркских памятниках.

У алтайцев количество жертвенников в разных местах неодинаковое. Разница в количестве *обоо* наблюдается и у бурят. «В степных просторах Бурятии чаще всего они состоят из 12 невысоких конических каменных насыпей, образующих круг, в центре которого возвышается более высокая насыпь с укрепленным в ее центре высоким деревянным шестом, завершающимся изображением птицы. Эти насыпи символизируют самые высокие горы региона и их духов-хозяев, покровителей всей Бурятии, а центральная, самая большая, олицетворяет мифическую гору Сумбэр.

Здесь же существуют и *обоо* в виде *субурган'а* (каменной ступы), появившиеся в традиционной культуре бурят под влиянием ламаизма» [10, с. 131].

Желе – ‘волосная веревка, натянутая между двумя березами, куда развешивают жертвенные ленточки в парном (чётном) количестве’; < монг. *jele* «протянутая веревка для привязи телят, жеребят (во время доения)» [14, с. 47]. В ЭСТЯ *Желе* тур. диал., кирг., *жәлә* аз.; *деле* алт., *челе* тув., *селе* як.; *жәлле* ккал.; *жәллә* уз. диал.; *желі* каз.; *жҗили* уйг. диал. и др.: 1) веревка, натянутая на два колышка и служащая для привязывания жеребят, телят [16, с. 21–22]. М. Рэсэнен видит в *желе* монг. заимствование (поскольку с монгольским совпадает одна из тюрк. форм и основное значение, представленное в группе 1: монг. *zele* / *зэл* ‘веревка, лежащая на земле, для привязывания пасущегося крупного рогатого скота’; ‘место, где привязывают крупный рогатый скот’; ‘вьющееся растение’, ‘усик’, ‘стебель’ / ‘ствол вьющихся растений’ Less 1045; ср. также *zel^p* ‘длинная веревка; веревка для телят (которая лежит растянутая на земле)’ [želi] [16, с. 22].

Јалама – ‘ритуальная жертвенная лента’ (белого, синего, зелёного, жёлтого цветов); в парном количестве их привязывают к веткам берёзы, лиственницы в знак почитания духов-хозяев тайги, гор, целебного источника – *аржана* и др.; это также лента на шаманском бубне и колотушке; < йалав, йалаға, йалама возможно от глагола йала- ‘привязывать, прикреплять, приделывать’ [16, с. 99–100]; калм. *zala*, монг. *zalaga* ‘кисть, пук волос или ниток’ [16, с. 100]. В тюркских языках Сибири чаще употребляется лексема *јалама*, чем *кыйра*, происхождение которой связано со словом *јал* ‘грива’ (лошади), поскольку в старину вместо ткани кочевники привязывали пучок волос, оторванный с гривы или хвоста лошади. Привязывание *дъалама* может сопровождаться произнесением благопожелания-*алкыш* верховным божествам Алтая и духам-хозяевам священных гор, рек и озер.

Тееју – ‘свежая, никем не испробованная пища, предназначенная духам’ (*аш-курсактн теејизи*); < монг. *дээжэ* ‘лучшая часть, лучший кусок, лучшее в пище, сливки, пенка’ [23, с. 236]. Для кормления духов приносят самую лучшую, свежую пищу (*аш-курсактын теејизин*). Если это молоко, то оно должно быть свежее, утреннего надоя. Ритуальную пищу готовили накануне моления. Обычно приносят тот набор продуктов, которыми питались предки: вареное мясо белого барана или овцы (*койдын эди*), *талкан* ‘толокно из ячменя’, *теерттек* ‘лепешки’, *сүт* ‘молоко’, *пыштак* ‘сыр’, *сарју* ‘топленое масло’. Считается, что духам-хозяевам и божествам угодна именно такая пища. Характер ритуальных жертвенных подношений указывает на преобладание молочных продуктов. Такое изобилие молочных продуктов в обряде жертвоприношения связано

с символикой белой веры, бурханизма, являющейся, по сути, алтайской версией буддизма.

Тенши – ‘деревянное блюдо, чаша для варенного жертвенного мяса и молочных продуктов’ < монг. *tebši* [14, с. 19], ср. бурят. *тэбшэ*. В это блюдо складывают частички из всех принесенных людьми продуктов, которые сжигаются на кострах, разведенных на больших *тагылах*.

Сан – ‘треножник для воскурений во время жертвоприношений’; слово присутствует во всех диалектах алтайского языка; < монг. *саг* ‘воскурение фимиама’. В. П. Дьяконова отмечает, что «сан (в переводе с тувинского – «фимиам», с монгольского и тибетского – «воскурение фимиама», «благовонный дым» ... Плоский камень ставили на три камня, поверх камня бросали уголь из костра, на уголь сыпали можжевельник, последний при тлении давал ароматный дым. Кроме можжевельника в уголь бросали различные виды продуктов» [4, с. 61].

В ДТС *саг* ‘птичий помет’ (МК III 357) [7, с. 485]. По данным полевого исследования, сложное слово **сан салар** обозначает ‘складывать навоз для жертвенного алтаря и разжигания жертвенного огня’: «*Ол санды ууласан, јаан өтөклө. Өтөк кой-малдан бүтјат. Ол кой-мал ончо немениг куруйы, ырысы. Пастыра күндүгө койыс адалјат. Јыргалга да, өлүмге де. Ол койдын өтөгинен экелип, ол санга салјат...*» [2]. ‘Если будешь складывать алтарь, то из большого навоза. Этот навоз получается из помета овец, скота. Овцы – благополучие всех, счастье. В разных случаях овец закалывают. На праздники, на похороны. Из овечьего навоза складывают [алтарь]’.

Барылга – ‘жертва (в религиозном обряде)’; присутствует во всех диалектах, кроме теленгитского; < монг. *bariγa* ‘подарок, дар ламам за богослужение’ < монг. *bari-* ‘вручать’; ‘держатъ’ [14, с. 28]. В качестве жертвы божеству также преподносится баранья голова. Баран, как вожак овечьего стада, предводитель овец, почитается как символ почета, достатка, богатства [2, с. 2]. Слово *парылга/барылга* присутствует в тувинском и монгольском языках: *барылга* ‘жертва, дар’ (шаману за камлание) [20, с. 169]; *бариса* ~ *бариха* ‘принести что-нибудь в дар ламам или сангхе’ (буддийской общине) [24, с. 119].

Балгын – ‘вырезанная из белого сыра или слепленная из толокна (*талкан*) фигурка животного, подносимая в качестве жертвы’; в теленгит. диал.; тув., монг. *балин*; алт.-кижи *шатра*. Традиция вырезать символические фигурки для *обоо* была распространена у тувинцев, бурят и монголов. На севере Тывы, у тувинцев-тоджинцев «в *обоо* клали вырезанные из дерева или бересты фигурки без подставок. Такая жертва должна была способствовать размножению изображаемых животных» [3, с. 235]. У монголов существует традиция приносить в качестве жертвоприношения духам *балины* – фигуры, изготовленные из теста [9, с. 117]. Поднося

к жертвеннику такие знаковые фигурки, люди загадывают пожелания о достатке и богатстве, обычно это делается для увеличения поголовья домашнего скота, что служит мерилом богатства у скотоводов.

Чачылга – ‘жертвенное кропление; брызги’; < монг. *сᠢсᠢᠯᠠ*, монг. *сайа-* ‘брызгать, кропить’ [14, с. 23]; шор. *шачыг* с тюркским формантом -ыг. Молоком, бараньим бульоном и редко молочной водкой совершают кропление. Для этого, как правило, используют деревянные пиалы и ложки, специально предназначенные для обрядовых действий.

Куруй – возглас, произносимый в обряде призывания удачи и счастья. Произносимое с восклицанием слово «Оп Куруй! (Куруй!)» встречается в обрядовых текстах не только алтайцев, но и других тюрко-монгольских народов Сибири: тувинцев – «Журай!», бурят – «А, хурай!», якутов – «Урай!». В «Этимологическом словаре тувинского языка» его семантика толкуется как «обращение к божественным силам ... призывание благ, милостей, счастья» [21, с. 308]. Например, у бурят «Ай – я Хуруй!» произносят время обряда возвращения выскочившей или убежавшей от испуга души, а сам обряд называется «хурылха» (от слова «хурай» – «хурай») [6, с. 40].

В шаманских текстах, записанных А. В. Анохиным в начале XX в., слово *куруй* встречается в значении ‘благо’ [2, с. 76], поэтому глагол *куруйла* = переводится как ‘освящать, одухотворять, делать благим’. В современных обрядах проводят освящение пищи (*аиш-курсак куруйлаганы*). Все участники обряда, встав в круг, по ходу солнца передают из рук в руки сумки и пакеты с пищей, произнося «Куруй!». Эту освященную пищу люди уносят с собой домой.

Чöök – ‘наклоняться, погружаться’; < древнетюрк. *čök* = ‘опускаться, становиться на колени’ [8, с. 154]; ср.: сөгдх, бур. нугэдэхэ х.-монг. сөгдөх ‘класть земной поклон; вставать на колени’ [13, с. 54]. Семантика этого восклицания, характерного для концовок сказок, сказаний и обрядовых заклинаний, толкуется по-разному. В обрядовых текстах алтайцев, как и бурят, данное слово употребляется в значении «склонись!», «принимай жертву!» [6, с. 194].

Таким образом, мы выявили семантику лексики культовой обрядности алтайцев, приводя общие параллели из других южносибирских тюркских и монгольских народов. Наличие общих элементов в календарной обрядности этих народов подтверждается историко-этнографическими и лингвистическими фактами. Рассмотренный нами культовый обряд *Жер (Алтай) такыганы* представляет собой многоплановое культурно-историческое явление, вобравшее элементы древних языческих, шаманских культов и буддизма.

Список источников

1. Полевые материалы автора. Зап. в 2008 г. в с. Улаган Республики Алтай от Т. В. Кеденовой, 1937 г.р., из рода Кёбёк.
2. Полевые материалы автора. Зап. 21.09.2015 г. в с. Кош-Агач Республики Алтай от М. А. Турлуновой, 1932 г. рожд., из рода Тодош.

Библиографический список

1. Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: «Ак Чечек», 1994. Репринтное издание. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Предисл. С. Е. Малова. Л., 1924.
3. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
4. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как фольклорно-этнографический источник. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975.
5. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: «Наука», Глав. ред. восточ. лит-ры, 1977.
6. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма: С древнейших времен по XVIII в. Новосибирск: Наука, 1980.
7. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь (ДТС). Л.: Наука, 1979.
8. Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей // Тюркологический сборник, 1977. М.: Глав. ред-ция восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1981. С. 183–202.
9. Неклюдов С. Ю. «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре [Сб. статей] / отв. ред. С. Ю. Неклюдов; ред.-сост.: Е. Н. Дувакин, Ю. Н. Наумова. М.: РГГУ, 2013. (Серия «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика»).
10. Павлинская Л. Р. Обоо в культуре Восточных Саян: жизнь традиции во времена перемен // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 130–134.
11. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. IV. СПб., 1883.
12. Погапов Л. П. Алтайский шаманизм. М.: Наука, 1991.
13. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.
14. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 2: Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста, 2008.
15. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974.
16. Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. М., 1989.
17. СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.
18. Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 213–226.
19. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1973. Вып. 2.
20. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. II. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 2000.
21. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 2004. Т. III.
22. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Индрик, 1989. С. 215–229.
23. Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь / под ред. Ц. Б. Цыдамдамбаевой. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951.
24. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. II. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008.

© Ойноткинова Н. Р., 2018

ИСТОРИЯ ХАКАССКОЙ БАСНИ

В статье впервые анализируются особенности хакасских басен, дается обзор становления данного жанра в хакасской литературе. Особенности хакасских басен рассмотрены на примере творчества М. Е. Кильчичакова, с учетом оригинальности и широты обобщений в корреляции с простым, образным слогом и глубоким пониманием народного фольклора.

Ключевые слова: басня, жанр, хакасская литература, сатира, композиция, сравнение.

Хакасская литература вновь обрела письменность только в 1925 году на основе русского алфавита. В связи с этим появилась первая газета на хакасском языке «Хызыл аал» (1927), учебники, хрестоматии, стали выходить первые художественные произведения начинающих писателей, научные статьи молодых ученых, очерки журналистов.

Первая басня на хакасском языке «Тасхачах» («Сова») была написана поэтом, прозаиком, историком, языковедом, переводчиком, редактором, просветителем Василием Андреевичем Кобяковым в 1937 году.

ТАСХАЧАХ «Сова» (Подстрочный перевод В. Карамашевой) [3, с. 29].

Тасхачах хысхы хараада соохха тоопча.

Тал аҕастынъ пазында тарбайыбысхан одырча.

Тумзиин ол идер-тудар чир таппин,

Тухрай киліп ханат алтына сухса даа,

Чылыбинча.

Соохха тооп сыдап полбаанда,

Чоохтанып, чобалып ол пастады:

«Адыр, таньда тань чарызох,

Аҕастынъ арбахтиин таллап тапсамох,

Манъат арах чылыг уя

Чазап албаанда чарабас

Мындаг иреені көріп, піди чуртап полбас,

Саасхан уязына кіріп солынарчыхсынъ,

Саасханнар, сайразып, чыыл килзе-

Сова зимней ночью мерзнет.

На вершине тальника, нахохлившись, сидит.

Не знает из-за холода куда свой клюв спрятать.

Засунув клюв под крыло,

Она никак не согреется.

И от того, что замерзла,

Говорит, жалуясь на жизнь:

Завтра как наступит рассвет,

Найду ветки, прутья для гнезда,

Без хорошего и теплого гнезда,

Не построив его, нельзя.

Так мучиться, так жить нельзя,

Можно, конечно, согреться в гнезде сороки,

Но сороки, увидев, соберутся вместе,

Могут избить.

Тфу!.. Нельзя так больше жить,

Жить-дрожать больше нет сил.

лер,
Оларға сохтырчазынь.
Татай... Халах, чуу!.. Чох, полар
амды,
Халтырап сыдап полбас.
Таньдох хайди даа уя чазирға).
Кӧгер киліп, тань чараанда,
Кӧстел киліп, кӱн сыхханда,
Улуғ харахтығ тасхачах чылып
парган.
Уя чазырын пазох ундуп салған.
Тасхачах осхас ундаачы кизілер
Табыларчых пістінъ дее арабыста,
нанчылар.

Завтра же обязательно надо гнездо
свить.
С рассветом повеселела сова,
Пришла в себя, когда взошло
солнце,
Большеглазая сова согрелась.
И забыла, что надо вить гнездо.
Забычивых людей, похожих на
Сову
Можно найти среди нас, друзья.

В басне автор показывает безалаберных, думающих только о сегодняшнем дне людях, для которых завтра – «хоть потоп». Баснописец сравнивает подобных людей с птицей, которая, по народным преданиям, не строит себе гнездо и поэтому каждую ночь дрожит от холода и, проклиная все на свете, говорит сама себе: «Без хорошего и теплого гнезда нельзя, / Так мучиться, так жить нельзя», но назавтра, когда наступает день и прогревает солнышко, она забывает о том, что «надо вить гнездо». Для раскрытия типичных черт этого образа В. А. Кобяков применяет приемы, характерные для этого жанра: юмор, гротеск, сарказм.

Народный юмор, сарказм получили в басне не только образную поэтическую обработку, но и глубокое общественное звучание. Во время становления и развития хакасской советской литературы (20–30-е годы) эта басня В. Кобякова была актуальной, а в дальнейшем этот жанр стал развиваться только в послевоенные годы.

Надо отметить, что басня как жанр в 20–30-е годы не развивалась, осталась без внимания национальных писателей. Как известно, в 30-е годы почти вся хакасская интеллигенция была уничтожена, и поэтому перед хакасскими писателями в 40-е годы стояла задача – создание национальной литературы, которая должна была показать героизм советского народа в борьбе с фашизмом, затем – восстановление народного хозяйства, освоение целинных земель Казахстана и Сибири. Национальная литература в эти годы отличается тематическим и жанровым многообразием, поскольку пришло в литературу новое, образованное поколение писателей, воспитанных на русской классической и русской советской литературе.

В 40–90-е годы хакасская поэзия, как наиболее динамичная литературная форма, была способна на самый быстрый эмоциональный отклик, отражающий человеческое самосознание, дающий оценку происходящим

событиям, поэтому активно продолжают развиваться жанры интимной, гражданской и философской лирики, рубаи, а также интенсивно развивается басня.

Первыми, кто начал писать басни и сатирические стихи, были И. Котюшев «Тасха» («Сова»), «Улуғ күске паза пик хахпан» («Большая мышь и капкан»); И. Капчигашев «Аба паза түлгү» («Медведь и лиса»), «Ала саасхан» («Сорока»), «Күске паза хоосха» («Мышь и кошка»), «Тағ үстүнде Сарып» («На вершине горы кустарник»); С. Сакчаков «Хастар» («Гуси»), «Чиркен хус» («Модница птица»); М. Кильчичаков «Істі чохтар» («Завистники»), «Адай үрізі» («Собачий лай»), «Өскічек» («Козленок»), «Түгдүр хуча» («Кудрявый баран»); И. Сагалаков «Арых атнаң сотраң саасхан» («Тощий конь и болтливая сорока»), «Адай паза хара паар» («Собака и хомяк»), «Махтанчых харға» («Хвастливая ворона»), «Азах паза ботинка» («Нога и ботинок»); А. Самрин «Ікі паға» («Две лягушки»); Н. Доможаков «Пуганаң сосха» («Бык и свинья»), «Хузычах, Тасха, Сүлен» («Птичка, Сова, Цапля»), «Слоннаң хуну» («Слон и росомаха»), «Хооранаң хорты» («Хариус и налим»), «Таңахтаң сортаң» («Курица и шука»); Н. Кученов «Сарысха» («Стрекоза»); Р. Тюкпеев «Хазың паза тирек» («Береза и тополь»), «Ікі хоосхачах» («Две кошечки»); Ф. Бурнаков «Сарысха» («Стрекоза»), «Хоосхачах» («Кошечка»), «Сыр чыланнаңар» («О гремучей змее»); И. Костяков «Ылачын паза көк» («Соловей и кукушка»), «Өскі паза Мойнах» («Коза и собака Мойнах»); В. Барашков «Адай паза сосха» («Собака и свинья»), «Суртлаа паға» («Болтливая лягушка»), а позже в 90-е годы – С. Карачаков «Ала парыс паза сосхалар» («Барс и свиньи»); И. Топоев «Пүөрлер паза адай» («Волки и собака»), «Күр петугас. («Заносчивый петушок»), «Пасхачыл голубок» («Странный голубок»), «Мирчең пуға» («Упрямый бычок»), «Чиркеен сосха» («Модница свинья»), «Тас» (Камень) и др. Названные баснописцы открыли дверь в реализм советской действительности, показали мировидение соплеменников, предопределяя своим творчеством родовые черты этого жанра – темы, идеи, типичные характеры.

Всем известно, что басня тесно связана с устным народным творчеством, мотивы и сюжеты её напоминают сказки, легенды, сюда же можно отнести пословицы и поговорки, при помощи которых выделяются национальный колорит, мировоззрение, мудрость того или иного народа. Басня – это произведение народной фантазии, состоящее из первобытных мифов, преданий о животных и птицах. Между тем необходимо отметить, что, несмотря на общность традиционных сюжетов, образов, каждый баснописец по-своему создает по уже заданной схеме свое оригинальное произведение, поскольку каждый век, каждое десятилетие в эту классическую схему подставляет современное и злободневное содержание, новое авторское видение и нелицеприятные оценки.

Основная задача этого жанра – высмеивать недостатки и человеческие пороки, которые на протяжении многих веков не изменились и, по сути, остались как основные свойства характеров – глупость, алчность, зависть, хвастливость, лень. Героями басни, чаще всего, являются животные, птицы, а в хакасских баснях это – болтливая сорока, собака, хомяк, хвастливая ворона, сова, стрекоза, лягушка, мышь, медведь, свинья, змея, но за их поведением и поступками всегда стоят люди, их социальный статус и нравственные взаимоотношения. Басня доносила правду путем аллегии, гиперболы, гротеска, «эзоповского языка» – то есть такими художественными средствами, которые помогают понять, идеи, заложенные автором в том или ином произведении. «Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время – действительно ложный род, – писал Белинский. – Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии» [2, с. 576].

Необходимо отметить, что в самом начале своего становления хакасская басня использует традиции русской басни, особенно творчество гениального баснописца И. А. Крылова. Как известно, его творчеству свойственны такие черты, как многообразие тем, осложненное идейным богатством мысли, совершенство изображения образов, раскрытие душевных переживаний героя, гражданская активность. Эти свойства баснописца помогают современным писателям осознать в наши дни своё историческое предназначение, а «могучая фигура Крылова олицетворяет многовековую мудрость народного опыта, которая резала правду-матку в глаза сильным мира сего» [1, с. 575].

Одним из известных хакасских баснописцев в послевоенные годы является всеми любимый народный поэт, драматург Михаил Еремеевич Кильчичаков. На глазах современников рождалось новое явление в хакасской литературе – басня, а М. Кильчичаков стоял у истоков зарождения этого жанра. И как в драматургии, так и в баснях он искоренял зло и выступал против несправедливости в жизни. Его басня была нацелена и направлена, прежде всего, против паразитических настроений. И опираясь на традиции, заложенные русскими баснописцами XVIII–XIX вв., М. Кильчичаков придавал своему творчеству социальную активность, определенную общественную направленность. В таких баснях, как «Істі чоxtар» («Завистники»), «Адай үрізі» («Собачий лай»), «Өскічек» («Козленок»), «Түгдүр хуча» («Кудрявый баран») писатель выразительностью интонаций свободой устной речи, самой манерой повествования уже предвещает те выводы, которые не теряют реальности в нашей действительности. В результате чего почти все его басни становятся дидактическими памфлетами, имевшими огромный для современников резонанс, актуальность и злободневность. Необходимо отметить, что особую ценность творчества баснописца в изображении жизни хакасского народа. Здесь Кильчичаков является авторитетом для всех писателей. Внимательно вчитываясь в его произведения,

нельзя не удивляться тем ёмким и точным мазкам кисти, которыми художник вводит нас в самую суть событий современности, как показывает он всю подноготную нашей жизни, как пристально заставляет нас всматриваться в образы изображаемых героев.

Кудрявый маленький барашек
Был слабым и пугливым.
Весь день сидел в углу,
Жевал жвачку

А тут появился старый, немощный дядя, который захотел власти и денег. Не имея ни возможностей, ни сил приобрести эти блага, он был хитер и пронырлив, а посоветовал наивному и глупому племяннику:

– Бодай, нападай на все новое,
Тебе только верю, твоей силе верю.
Услышав такие слова, кудрявый барашек
Поверил своим силам, которых у него не было.
Гордо подняв свою кудрявую голову,
Стал он шествовать внутри сарая,
Закатив кверху глаза, никого не признавал,
А в голове вертелась у него она мысль:
Ни с кем не считаться,
Досыта нажраться,
Вдребезги рушить все подряд
В сарае и в степи.

Видя все это, другие животные стали шептаться:

– Он бодал все, что встречалось на его пути.
В кудрявой голове ничего не осталось.
Мораль сей басни такова:
В жизни можно встретить таких баранов,
Они – против всего нового, прогрессивного,
Умных советов не слушают,
Лбы крепкие, а ума нет.
(Построчный перевод В. Карамашевой).

Не передавая далее содержания этой удивительной басни, приведем еще несколько строк, где умудренный жизненным опытом старый баран поучает своего племянника:

Твои молодые рожки
И мои умные мозги –
Все мы можем сотворить вместе,
Нам откроется целый мир. [4. с. 15]
(Построчный перевод В. Карамашевой).

Но эта хитрость, показанная М. Е. Кильчицаковым, – от лукавого мира, от общества, отрицательные черты которого обнажает сатирик. Его обобщения и выводы, его методы, отбор деталей, его гипербола, схема типа – все это подчиняется законам объективной логики. Мораль его ба-

сен раздвигает горизонты видения читателя, показывая не только безысходность, но и выход из любого положения.

Баснописец вошел в литературу со своим особым представлением о мироустройстве, со своим багажом и жизненным опытом. Его басня появилась на народной речевой основе, на основе народных представлений, так как хакасские писатели-баснописцы были воспитаны и возвращены устным народным творчеством. М. Кильчичаков был не только собирателем фольклора, но и его певцом, сказителем, хайджи. Оригинальность мышления, широта обобщений – все это является характерной чертой творчества М. Кильчичакова, определившего в дальнейшем развитие реализма в хакасской литературе. Язык басен М. Кильчичакова – это простой, разговорный, очень понятный простым людям слог, несколько отличающийся от книжного.

Нет такой гиперболы, которая не была бы подсказана самой жизнью, самой действительностью. Герои хакасских басен – сельские жители, механизаторы, доярки – то есть крестьяне, они вошли в литературу со своим практичным складом ума и особым взглядом на окружающий мир. Как писал В. Г. Белинский: «Басня, как сатира, была и всегда будет прекрасным родом поэзии, пока будут являться на этом поприсе люди с талантом и умом» [2. с. 576].

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1955. С. 575.
2. Кобяков В. А. Айдо. Стихтар, повесть, рассказтар, очерк. Абакан: Хак. книжн. изд., 1959. 160 с.
3. Кильчичаков М. Е. Түгдүр хуча // Ах тасхыл. 1985. № 12. С.15.

© Карамашева В. А., 2018

УДК 82-0

Г. В. Косточаков

ЛИРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЛЮБВИ К ПРИРОДЕ И ШОРИИ В ШОРСКОЙ ЛИРИКЕ 90-х гг. XX ВЕКА*

В статье рассматривается шорская лирика 90-х гг. прошлого века как музыкально-семантическая трансляция любви к природе и Шории, создающая разные образы любви посредством эмоционально насыщенных слов и оборотов, тропов, причем эти образы суггестивны и символичны. Предмет любви понимается как предмет высшей ценности, источник любви, он изменчив, поэтому любовь «обрастает» сопутствующими ей чувствами – радостью, восторгом, грустью, печалью и др.

Ключевые слова: шорская лирика, трансляция любви, предмет высшей ценности, лирический тон, природа и Шория.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Кемеровской области (проект № 18-412-420001).

В начале 90-х годов XX века в истории шорского народа (есть такой народ на Саяно-Алтае, точнее, на юге Кемеровской области) произошло маленькое чудо: после пятидесятилетнего забвения народа, его языка и культуры (с 1939 по 1989 гг.) за несколько лет национального возрождения вдруг появилась на свет современная художественная литература на шорском языке. Как это произошло – одному Богу-Кудаю известно, но за короткое время на литературном горизонте возник ряд хороших поэтов и прозаиков. Появилась целая плеяда авторов, некоторые из которых стали почти профессиональными писателями и членами Союза писателей России. При этом следует отметить ту особенность, что некоторые писатели по требованию времени были двуязычными, то есть свободно творили как по-шорски, так и по-русски. Справедливости ради следует сказать, что писательская генетика в шорском народе никогда не прерывалась, до начала девятидесятых годов достойно творили три шорских писателя: прозаики Федор Чиспияков и Софрон Тотыш, а также поэт Степан Торбоков. Но из них только одному Федору Чиспиякову посчастливилось немного публиковаться на шорском языке (стихотворения и повесть «Шолбан»). Однако и он после 1939 года потерял всякую надежду на публикацию на родном языке. А остальные два писателя (Софрон Тотыш и Степан Торбоков) вообще никогда не имели счастья увидеть свои произведения на родном языке. После 1939 года все три шорских писателя вынуждены были публиковаться только на русском языке, хотя привычно думали по-шорски. Пришлось перестраиваться. Но все равно они всегда нуждались в русскоязычных литературных помощниках, которые обрабатывали их прозаические тексты (поздние повести Федора Чиспиякова и все произведения Софрона Тотыша), а по подстрочникам, сделанным самим поэтом Степаном Торбоковым, русские поэты осуществляли свои «переводы с шорского».

Новым шорским авторам (90-х годов) невиданно повезло сразу увидеть свои произведения напечатанными на родном языке! И они могли обходиться без литературных помощников по русскому языку, так как многие хорошо знали русский. А некоторые даже лучше знали русский, чем шорский. Правда, были и такие, что вовсе не знали родного языка. Это были люди, родившиеся в конце 50-х – начале 60-х гг. К ним добавились их старшие братья и сестры, родившиеся в 40-е гг. Назову новую шорскоязычную литературу, лирическую ее часть, по именам: поэты Николай Бельчегешев (Койа Бельчек), Любовь Арбачакова, Таяна Тудегешева, Геннадий Косточаков, Любовь Чульжанова, а также Алевтина Майтакова, Антонина Апонькина, Валентина Тотышева, Валентина Рыжкина и Александр Кусургашев. Из них первые пять поэтов являются членами Союза писателей России (с 1997, 1999 гг.). Общих публикаций две: книга для чтения на шорском языке – «Ўлгер» (Кемерово, 1995. 174 с.)

[6] и сборник произведений шорской литературы на шорском и русском языках – «Чедыген» (Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 227 с.) [7]. Для полноты картины следует назвать имена и прозаиков, пишущих на двух языках: Вениамин Борискин и Виктор Байлагашев. Первый из них является членом Союза писателей России (с 1999 г). Писал рассказы на шорском и Андрей Ильич Чудояков (1928–1994), ученый-фольклорист, основатель кафедры шорского языка и литературы, просуществовавшей с 1989 по 2010 гг., духовный отец шорского возрождения.

Рассмотрим лирические произведения на шорском языке, основываясь на взглядах М. М. Бахтина [2] на лирику. Есть один (но не единственный) общий предмет переживания для новой лирики (имеется в виду шорская лирика 90-х гг.) – это природа (тайга), которая понималась как высшая ценность, предмет необыкновенной красоты и доброты, источник высоких чувств, любви. Переживающие субъекты (лирические герои) спонтанно поддерживали традицию, созданную в 50–60-е гг. Степаном Торбоковым в шорской лирике (правда, на русском языке), согласно которой природа (тайга) и Шория представляли собой одно и то же, являлись абсолютными синонимами, а город, индустрия не входили в это лирическое пространство.

В шорском языке данный предмет переживания обозначен следующими словами: либо в целом – «туған черим» (родина, место, где я родился), «туған өскен черим» (родина, место, где я родился и рос), «Шор элим», «Шориям» «Шор чери» (Шория), «пистиң чер» (наша земля), либо – части родины, метонимически равные целому: «Прас энечек» (Мрассу мать-река), «көк пүкчек» (зеленый луг), «чуладак» (речушка), «казынаш» (березонька), «шаныш» (калина), «Орбуң аалымай» (село мое Сыркаш), «суғлар, тағлар, ағаштар» (реки, горы, лес), «қырлар, сыннар» (хребты, цепи гор), и т. п. К предмету переживания – к природе (тайге) или Шории – у переживающего субъекта особое отношение – он считает ее (природу, тайгу, Шорию) своей высшей ценностью! Это означает, что переживающий субъект всякий раз, когда смотрит на природу – тайгу, Шорию, он испытывает восторг, радость, эмоциональный всплеск, трепет и т. п. Шорцы – лесной народ, и лес (тайга) для них – источник радости и сил. Шорцы – древний народ, он дожилась до ощущения себя неотъемлемой частью земли. По отношению к вышеназванному предмету переживания, прежде всего, формируется одический тон переживания, то есть поэты пытаются по-своему передать чувство любви к предмету переживания. Одический тон – музыкально-ритмический образ любви к предмету; содержание одического тона – создание словесного чувства любви к предмету – своего рода лирический аналог объяснения в любви к предмету. Объясняться в любви структурно можно по-разному: или эмоционально насыщенно говорить о достоинствах предмета, восхищенно перечисляя

отдельные его стороны и черты (воспевать предмет, восхвалять предмет, петь гимн предмету); либо тоже эмоционально насыщенно сказать, чем в целом и в частности является предмет для говорящего. Это все можно отнести к объяснению в любви в косвенной форме.

Шория – это природа (традиция еще С. С. Торбокова). И сама природа, и в ней каждый предмет не только живые, но и являющиеся предметами любви. Вот пример трансляции своей любви (своего варианта любви) к природе и Шории у Таяны Тудегешевой: О Тағлығ Шор, \ үргүнүжим, \ қосқалыжым, \ О Горная Шория, радость моя, тревога моя \ Мең сағыжым сенде – \ чарық темде да, \ шедик чадығда \ Моя душа с тобой и в светлое время, и в тяжелое \ Пүтчам – \ пурунғу ырызың, \ пирда өлбен, – \ Я верю, что твое древнее счастье не умерло \ Ам да ол чажын чатча \ шым-шырық \ ортазында. \ И сейчас оно живет в твоей тишине \ Чүрегим ачыпча, \ уққамда \ кбгинни \ қомнаныштығ, \ Когда я слышу твое грустное пение, сердце мое болит \ Ол да полза, \ сен абырба \ чүрегимге кирчан, \ И все равно ты в сердце мое входилшь счастьем-покоем \ Суғлар, тағлар, ағаштар... \ маға сенде эштиғ \ Реки, горы, лес..мне уютно у тебя \ Олоқ Кудайдың чери ошсың, \ иштимни \ ныннатчан! \ Ты подобна Божьей земле (раю), душу мою делаешь легкой \ Қырлар, сыннар, \ қайғал ош, \ шым турчалар, \ Хребты, цепи гор, подобно диву, стоят тихо \ Чыш иштинде, көр,- \ қайнашча аннары. \ В тайге активно живут звери \ Мөзік тағ төзінде \ сыыннар\пырғылапчалар, – \ Под высокой горой маралы трубят \ Тағ ээзиниң \ мағат чайалғаннары. \ Прекрасные творения духа-хозяина гор \ Қырда – қарлар, \ ағарып, чылтрапчалар, \ На хребте снега сияют белым \ Көк тегри ээлишча саға, \ чылтыстар көрчалар, \ Синее небо кланяется тебе, звезды смотрят \ Көп чок \ пораспа чабынып, \ турчаң, \ Ты стоишь, немного накрытый темной мглой \ Таң чарчыған чанға, \ ноо-ноо сананып, \ сен көрчаң. \ Ты стоишь, о чем-то думая, смотришь на восход \ О, Тағлығ Шор, \ эмези ош, – \ чайзаң турчазың, \ О Горная Шория, ты как женщина нарядная стоишь \ Эбре турчаң тағлар – \ кең тунмаларың, \ А горы вокруг – твои красивые младшие родственники \ Қоос черлердиң \ сен чакшызы, \ ай чарық ошсың, \ Ты красивейшая земля на свете, ты яркий лунный свет \ Чукқа, абырлан \ парчалар сең чылларың. \ Тихо, счастливо проходят твои годы \ Миндиғ қайран черди \ табарым ма паза?! \ Найду ли я землю лучше, чем ты \ Мен аны сананып \ чатчам – \ аарда, \ ырыста. \ Я думаю об этом в горе и в счастье \ Кудай Черлердиң чакшызы, \ эзе, шынап пар полза, \ Если действительно есть на свете лучшая Божья Земля (рай) \ Ол-мында ла, – \ Шор черимниң ортазында! \ то она здесь – это шорская земля [5, с. 134–136].

Все стихотворение наполнено эмоционально насыщенными словами: 1) үргүнүжим (моя радость); 2) қосқалыжым (моя тревога); 3) мең

сагыжым сеенме \ – чарык темде да, \ шедик чадыгда (моя душа с тобой и в светлое время, и в трудное время); 4) пурунгу ырызын... \ ам даа ол чажын чатча \ шым-шырык ортазында (твое древнее счастье и сейчас скрывается в твоей тишине); 5) чўрегим ачыпча, \ уккамда кўгинни қомнаштығ (у меня душа болит, когда я слышу твои мелодии печальные); 6) сен абырба чўрегимге кирчаң (тыходишь в мое сердце покоем); 7) маға сенде эштиғ (мне у тебя уютно); 8) олоқ Қудайдың чери ошсын, \ иштимни ныңнатчаң (ты подобна Божьей земле – раю – душе моей легко с тобой); 9) қырлар, сыннар, \ қайғал ош, шым турчалар (горы и хребты как диво тихи); 10) мўзік тағ тўзінде \ сыыннар пырғылапчалар \ тағ ээзиниң чайалғаннары (под высокими горами трубят маралы – творения духа гор); 11) қырда қарлар, \ ағарып, чылтрапчалар (высоко в горах снега блестят белым); 12) кўк тегри ээлишча \ саға, чылтыстар кўрчалар (синее небо поклоняется тебе, звезды (на тебя) смотрят); 13) кўп чок пораспа чабынып турчаң, таң чарчыған чанға, ноо-ноо сананып, сен кўрчаң (ты немного прикрыта сумраком и, о чем-то думая, смотришь на рассвет); 14) эмээзи ош, – \ чайзан турчазың (ты стоишь нарядная, как женщина); 15) эбре турчаң тағлар \ – кен туңмаларың (горы вокруг тебя – твои красивые младшие родственники); 16) қоос черлердиң сен чакшызы, \ ай чарык ошсың (ты самая красивая земля, ты как яркий лунный свет); 17) қудай черлердиң чакшызы, \ эзе, шынап пар полза, \ ол – мында ла, – \ шор черимниң ортазында (если есть лучшая божья земля – рай – то она здесь – в Шории).

Эта трансляция своей любви к природе и Шории дается в структуре восхищенного перебирания-любования частей предмета своей любви экспрессивными словами и словосочетаниями, представляет собой развернутое прямое признание в любви, выделяющееся сильным одическим тоном, в который вплетается пока лишь отдельными словами (чўрегим ачыпча, \ уккамда кўгинни қомнаштығ (у меня душа болит, когда я слышу твои мелодии печальные) элегический тон (легкая отягощенность печалью).

В более позднем творчестве Таяны Тудегешевой элегический тон приобретет вес и силу, и возникнет своеобразное равновесие между этими двумя тонами: элегический тон будет плакать о том, что природа, Шория, древняя слава тюрков – потеряны навсегда, а одический тон будет воспроизводить утраченное время и пространство в сознании лирической героини (вслушиваясь в звуковую стихию Шории).

Любовь Арбачакова транслирует свою разновидность любви к природе и Шории: Туған черим – алтын чер, \ Родная земля – золотая (красивая, Божья) земля \ Чатқан аалым – ырыс тем, \ Село, где я жила, – там было счастливое (удачливое, полное везения) время \ Туған ичем – Қудай иче \ Мама, родившая меня, – Божья мать (Богоматерь) \ чатқан

үгем – чарык үй || Дом, где я жила, – светлый (красивый, добрый, Божий) дом, || Туған черде – ақ чачык || На родной земле – белые (светлые) цветы, || чатқан черде – көк тегри... || На земле, где я жила, – синее (Божье) небо... || Туған черимге пұён || Родную землю сегодня || Қара тыбан чайыл-партыр. || Черная мгла накрыла, оказывается || чатқан черимге пұён || Землю, где я живу || көк шалғынақ өс-партыр || Зеленая (небесная, Божья) крапива затмила (крапивою земля заросла) [1, с. 76].

Сначала идет сильный и уверенный одический тон, который вдруг в «сегодня» перебивается не менее сильным элегическим тоном. Неоднозначно оцененная земля, сочетание плюса и минуса, клубок противоречий, высшая ценность, которая обесценивается на глазах у лирической героини. Любовь к природе и Шории, сначала возвышенная радостью, восторгом, затем вдруг отягощается сильной печалью.

Геннадий Косточаков транслирует свою любовь к природе и Шории: Қайран туған черим, || Дорогая (милостивая, милосердная) моя родина || Сени көбленмен қайдейин?! || Могу ли я тебя не любить || Мең паза черим чоқ, || У меня нет другой земли || Сени ачынман қайдейин?! || Могу ли я тебя не жалеть (не любить) || Тағларың аразында туғам, || Я родился среди твоих гор || Мында ойнаған черлерим. || Здесь места, где я играл || Ол темнер чүрегимде, || Те времена в моем сердце || Ыларды ундут-кел қайдейин?! || Могу ли я забыть их (те времена) || Тағларыңны, чер қалбан, || Горы твои, все без остатка || парчазын көрдим, пақ чөріп. || Я видел (знаю), потому что их излазал || Пожат-салған тағлардаң үчүн || О разрушенных горах || Ам ылғабан қайдейин?! || Могу ли я не плакать || Тилге ус, ишке ус || Гений языка, гений работы || Кижилерим сағыжымға кирчалар. || Мой народ приходит мне на ум || Ам кижичоқ ааллардаң үчүн || О нынешних пустых деревнях || Мен сықтабан қайдейин?! || Могу ли я не рыдать || Қайран туған черим, || Дорогая (милостивая, милосердная) моя родина || Сен пай үчүн моғапчан черим. || Ты богатая земля, потому и страдаешь || Ол да полза, сең пайдаң үчүн || Как бы то ни было, твоему богатству || Мен үргүнмен қайдейин?! || Могу ли я не радоваться [4, с. 25].

Довольно сильный одический тон, обращенный в прошлое родины, в нынешнее время пересиливается не менее сильным элегическим тоном. Эти два тона соединяются вместе в душе лирического героя и дают искру очищения: Сең пайдаң үчүн \ мен үргүнмен қайдейин?! (Могу ли я не радоваться от того, что ты, земля моя, так богата?!).

Итак, весьма экспрессивные образы любви к природе и Шории имеют две тональности – одическую и элегическую, и не вполне пока ясно, которая из них сильнее.

Библиографический список

1. Арбачакова Л. Н. Оңаз черим // Тернии души. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. 153 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

3. Койа Бельчек (Бельчегешев Н. Е) Наа-эски чурт // Небесная Мрассу. Новокузнецк, 2000. 314 с.
4. Косточаков Г. В. Ала тагларым. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. 90 с.
5. Тудегешева Т. В. Поющие стрелы времен. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2000. 167 с.
6. Ёлгер. Кемерово: Кн. изд-во, 1995. 174 с.
7. Чедыген. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 228 с.

© Косточаков Г. В., 2018

УДК 811.512.31

И. В. Евсева, А. М. Кулехова

РОЛЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы сохранения и развития языка посредством приобщения к этнокультурным традициям и народному творчеству на территории Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области. Предлагается принципиально новая модель соизучения языка и культуры.

Ключевые слова: бурятский язык, культура, билингвизм, субординативный.

Язык является самым сильным инструментом сохранения и развития нашего материального и духовного наследия. В таком многонациональном регионе, каким является Усть-Ордынский Бурятский округ (далее – УОБО), где проживают представители более семидесяти национальностей и этнических групп, этноязыковая политика как мощный фактор стабильности и межнационального согласия должна быть важнейшей составной частью политики округа и России в целом.

Реализация многообразных интересов народов, уважительное отношение к их уникальному, накопленному в течение многих веков этнокультурному наследию является важным показателем соблюдения принципов гуманизма в решении национальных проблем. В данном случае родной (бурятский) язык является хранилищем всего разнообразия накопленных знаний, жизненного опыта, обычаев, которые можно и нужно сохранить и передать подрастающему поколению.

По данным ЮНЕСКО, бурятский язык находится под угрозой исчезновения [9]. Сегодня все больше бурятский язык уступает место русскому языку, причем во всех сферах общения. Это закономерно. Родители выбирают для своих детей тот язык, на котором говорит большинство в стране и который имеет официальный статус государственного языка. В Российской Федерации таким языком является русский, овладев которым легче добиться успеха в жизни. Последнее, в первую очередь, связано с получением желаемой профессии и трудоустройством. Рациональный расчет родителей, являющихся представителями малых народов,

приводит к утрате их детьми родного языка. Такое положение говорит о серьезной психологической составляющей проблемы [6]. Нельзя заставить человека учить язык, если у него нет желания, внутренней мотивации это делать.

Сейчас же нередки, к сожалению, случаи, когда дети и внуки тех, кто говорит на бурятском языке, живя под одной крышей с родителями и дедушками-бабушками, не владеют родным (бурятским) языком. Об этом свидетельствуют результаты исследования, проведенного нами в УОБО в 2015–2016 гг.

По данным исследования видно, что ребенок до поступления в школу в повседневной жизни пользовался бурятским языком (23,1 %), а в процессе обучения в школе наблюдается тенденция к снижению функционирования и использования бурятского языка и доминирование русского языка. Это демонстрируется в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

**Использование бурятского языка до поступления в школу
и в процессе обучения в школе**

До начала обучения			В процессе обучения			
бурятский язык, %	русский язык, %	оба языка, %	бурятский язык, %	русский язык, %	оба языка, %	нет ответа, %
23,1	38,5	38,5	31,9	80,8	17,3	0,0

Результаты исследования показывают, что реальная языковая ситуация в дошкольном и младшем школьном возрасте относительно бурятского языка является критической.

При анализе частоты использования бурятского и русского языков (см. табл. 2) и ситуаций перехода с одного языка на другой установлено, что употребление русского языка преобладает над бурятским. В случаях владения информантами обоими языками, люди чаще переходят на русский.

Таблица 2

**Частота использования бурятского и русского языков
в Прибайкалье**

Варианты ответа на вопрос: Какой язык используете в следующих ситуациях?	Количество ответов	
	в основном бурятский, %	в основном русский, %
На работе	8,6	80,3
Дома	34,3	77,7
С друзьями, знакомыми	27,4	78,0
С родственниками	36,3	76,0
В общественных местах	6,9	84,0
При чтении книг, газет, журналов	2,7	87,7
При переписке	1,4	87,7

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: на территории УОБО сложился субординативный билингвизм – такая форма функционирования бурятско-русского двуязычия, при которой доминирующую роль выполняет русский язык. Это создает особые условия для выполнения задачи сохранения национального языкового наследия. Решая эту проблему, необходимо создавать условия для развития и совершенствования родного языка бурятскими детьми. В условиях субординативного билингвизма актуальной становится задача воспитания любви к бурятскому языку и желания говорить и общаться на родном языке, познавая через язык родную культуру. В целях повышения качества обучения бурятскому языку важно создать определенные педагогические условия. Необходимо найти такую форму сосуществования языков, в которой каждый из них будет выполнять свою функциональную роль, и строить в соответствии с этим систему обучения.

Доктор педагогических наук С.Ц. Содномов [7, 8], обосновывая повышение функциональности бурятского языка в УОБО, обозначил следующие задачи:

- разработать комплексный подход к изучению современных проблем функционирования бурятского языка в условиях этноязыкового контактирования;
- исследовать тенденции развития и определить перспективы распространения бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия в УОБО;
- выявить основные факторы, определяющие и регулирующие лингво-социокультурную обстановку в округе, влияющие на функционирование бурятского языка;
- определить пути, обеспечивающие сохранение и развитие языка в реальной картине языкового функционирования.

Процессы глобализации влияют на языковую устойчивость и приводят к снижению практической необходимости использования своего родного языка, а затем к его постепенной утрате. В этих условиях необходимо осознание возможной утраты родного языка, что является важной составляющей культуры народа, поэтому актуальной становится задача сохранения языка как средства коммуникации, познания и сохранения нематериального культурного наследия УОБО.

По нашему мнению, одним из эффективных и доступных средств изучения родного (бурятского) языка является приобщение детей к этнокультурным традициям, народному творчеству. Фольклор позволяет ребенку приобщаться к культурным ценностям, усваивать их через сказки, традиционные игры, народную музыку, формировать ценностные ориентиры и интерес к знаниям о родной земле, уважение к истории и культуре своего народа.

Для этого необходимо знакомить детей дошкольного и школьного возрастов с традиционной культурой как основным средством сохранения и развития родного (бурятского) языка. Это возможно сделать при использовании принципиально новой модели – *модели соизучения языка и культуры*. Эта модель позволяет организовать одновременный процесс обучения языку, культуре и межкультурной коммуникации, которые рассматриваются во взаимодействии.

Изучение этнокультурных особенностей является необходимым условием, способствующим позитивному развитию этнокультурного образования. Большая роль в этой связи принадлежит средним учебным заведениям, так как важнейшим транслятором национальной и мировой культуры является школа. Она призвана осуществлять общее образование и воспитывать уважительное отношение к культурным ценностям. Именно в рамках учебного и внеучебного процесса происходит приобретение и усвоение растущим человеком системы духовных и культурных ценностей, приобщение к национальным культурам, обрядам, верованиям, характерным для того или иного этноса, видам традиционного быта, стереотипам поведения. Поэтому Г. М. Гогоберидзе, А. А. Егизарьянц определяют этнокультурное содержание образования как приоритетную составляющую для современной школы [3].

Принятие идеи этнокультурного образования на уровне округа в нашем понимании означает создание на территории округа системы обучения и воспитания, базирующейся на основе культурного и лингвистического плюрализма, сочетающей современный уровень технической, информационной оснащенности образования с традиционными культурными ценностями.

Основными условиями реализации данной идеи в условиях округа являются: развитие и укрепление национальных начал обучения во всей образовательной системе района; признание и обеспечение безусловного приоритета для формирования личности родного бурятского языка и культуры; демократизация образования; вариативность и мобильность образования как по типу собственности, так и по многообразию каналов реализации этнокультурных интересов, запросов, предпочтений; общедоступность и дифференцированность образовательных и культурных услуг; открытость, адаптивность и непрерывность образовательной деятельности, направленной на реализацию этнокультурных запросов личности и общества; целенаправленная ориентация на выявление и удовлетворение спроса на услуги в области этнокультурных потребностей; наличие программ по данной проблеме с учетом особенностей этнического состава населения, на базе единой образовательной социально-культурной политики.

Этнокультурное образование подрастающего поколения определяется социально-политическими и духовными переменами, сделавшими оче-

видной стабилизационную миссию этнокультурного образования в развитии будущего России.

Центром этнокультурного образования считают общеобразовательную школу, активно участвующую в процессе передачи культурного наследия. В содержании школьного образования (национально-региональный компонент) заложена перспектива развития этнокультурного воспитания с акцентом на этнические, региональные, национальные культуры. Ведущей задачей при этом представляется сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры.

Многогранная деятельность образовательных организаций округа направлена на совершенствование воспитательно-образовательного процесса и использование новых подходов к воспитанию и обучению детей, а также обновление содержания образования на основе системы духовно-нравственных ценностей и идеалов бурятского народа и внедрение наиболее эффективных форм и методов работы с семьями воспитанников.

Учебная и внеклассная работа с обучающимися строится на основе ознакомления с богатством родного языка, культуры, духовно-нравственных ценностей, опыта жизни нации. Особое значение в процессе формирования национальной культуры личности имеют народные традиции, обладающие огромным воспитательным потенциалом. Обязательным является включение в учебную программу традиционных национальных праздников, таких, как «Сурхарбан», «Сагаалган». Изучение народных обрядов и праздников – это основа этнокультурного обучения и воспитания, так как они отражают передаваемые из поколения в поколение общечеловеческие ценности, нормы поведения, философию и эмоциональные переживания народа.

В образовательных организациях УОБО, программы которых предусматривают этнокультурное содержание, изучаются бурятский язык, история района, культура. В некоторых образовательных организациях района в режиме развития работают временные творческие группы учителей, ими разработаны циклы интегрированных уроков по географии и биологии, математике и географии с учетом региональных и национальных особенностей; составлены программы элективных курсов, методические разработки. Учителями родного (бурятского) языка Е. А. Дашидондовой, И. В. Ольхеевой предложены программы по курсам «Бурятское народное творчество», «Бурятская национальная одежда», «Бурятская семья».

Образовательная деятельность в МОУ «Корсукская СОШ» ориентирована на сохранение, трансляцию и развитие культуры народов, проживающих на характеризуемой территории в целом и бурятского этноса

в частности. За последние годы МОУ «Корсукская СОШ» накоплен значительный теоретический и практический опыт как национальной школы [4]. Коллективом образовательной организации разработана и внедрена в практику программа развития школы «Моделирование образовательного пространства в условиях полиэтнической среды» [1]. Основными целями программы обозначены: обеспечение государственного уровня образованности учащихся, обеспечение образовательного пространства системой проектных модулей, способствующих интеграции поликультурного национально-регионального компонента в содержание общего образования, реализация направлений и задач гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса, широкое внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий обучения и воспитания. Результатами своей деятельности коллектив определил: владение бурятским, русским, татарским языками, формирование и развитие толерантного самосознания, межкультурной компетентности, этнического плюрализма, навыков социальной межэтнической адаптации.

В реализации программы этнокультурного образования на первое место выдвигается использование активных развивающих технологий. Учителями разработаны и внедрены в образовательную деятельность авторские и адаптивные программы этнокультурной направленности. Предложенные методы, формы и средства этнокультурного образования учащихся отличаются от традиционного пассивно-навязывающего обучения по целому ряду параметров. Упор в учебном процессе делается на активизацию мышления обучающихся, что превращает активность школьника в длительную и устойчивую.

Активные и интерактивные технологии обеспечивают принятие детьми скорректированных по содержанию, эмоционально окрашенных и мотивационно оправданных действий и решений. Процесс обучения по авторским программам приобретает коллективную основу и строится по определенному алгоритму. Результативность обучения повышается главным образом не за счет увеличения объема информации, а благодаря ее глубине и скорости переработки. Общее назначение инновационных технологий заключается в том, чтобы способствовать закреплению знаний и умений у подростков, активизации обмена их опытом. От детей требуется учиться инициативно, творчески, работать постоянно в поисковом, исследовательском стиле.

В заключение акцентируем внимание на конкретных действиях, связанных с решением проблемы сохранения бурятского языка в УОБО посредством приобщения детей к традиционной народной культуре. На наш взгляд, необходимо сделать следующее:

- актуализировать проблему в СМИ;

- провести этнопедагогизацию образовательного пространства путем внедрения во все ступени образования программ и предметов, связанных с знакомством детей с традиционной народной культурой;
- создать искусственную культурно-историческую среду на базе различных учебных заведений – от дошкольных до высших образовательных организаций;
- разработать программу по активному взаимодействию с родителями детей-бурят, предусмотрев различные виды информационно-просветительской деятельности, которые будут способствовать возвращению народных традиций в бурятские семьи;
- внедрить в дошкольные учреждения и в школы региональный компонент в преподавании не только языка, но и традиционной культуры бурятского народа.

Сегодня культура бурят представляет собой целостное синкретическое явление, соединяющее различные виды культур.

Гармоничному развитию личности ребенка способствует создание культурно- и природосообразной образовательной среды. Формирование культурного поля ребенка во многом зависит от линейности работы всех участников образовательного процесса. Вся работа делится на 3 блока: фольклор, хореография и «Баян Тала-Урдын Үгэ» (ансамбли). Разработан план работы с родителями и учителями, ведется перспективное планирование мероприятий с детьми с учетом интеграции образовательных областей; имеются конспекты непосредственно организованной образовательной деятельности с детьми, созданы сценарии национальных праздников и развлечений. На занятиях обучающийся входит в мир родной культуры, основные законы мироустройства, постигает систему нравственного поведения. На основе принципов многофункциональности традиционной культуры и синкретичности народно-художественного творчества решаются различные проблемы развития личности в соответствии с психовозрастными особенностями.

Цикл мероприятий по приобщению детей к истокам бурятской народной культуры проходит в мини-музее «Юрта», созданном при поддержке родителей. Музей является одной из основных форм работы с детьми, родителями, педагогами. Юрта – символ жизненного уклада бурятского народа. Здесь тоже собран материал, касающийся жизненного уклада бурятского народа: люлька (улгы), национальная одежда и посуда, очаг и т. д. Очень действенным и доступным ребенку является приобщение к культуре через предметы, в которых воплощена история, прошлое народа и его настоящее. Дети познают предметы бурятского быта через деятельность с этими вещами, через собственный опыт. Знакомство с национальной одеждой, кухней, играми, музыкой и песнями, народным фольклором – вот направления работы с детьми по освоению этнокультуры.

Учащиеся сами приходят к выводу, как много могут рассказать предметы о прошлом реального человека.

Весь материал подается в игровой и непринужденной форме. В игре в упрощенном виде воспроизводится, моделируется действительность, имитирующая реальные действия. Почти вся непосредственно организованная образовательная деятельность носит интегрированный характер. Дети смотрят видеоматериалы, слушают музыку, принимают участие в практической деятельности: выполняют аппликации, мастерят поделки бурятского промысла, рисуют, вырезают разнообразные орнаменты, читают стихи, играют в дидактические игры и т. д. В образовательной организации создан детский фольклорный ансамбль «Урдын Үгэ» (руководитель – Н. В. Балдаева), участники которого активно демонстрируют результаты творческой деятельности в районных и областных конкурсах, занимая призовые места. Контактная с другими школами Эхирит-Булагатского района, дети МОУ «Ново-Николаевская СОШ» перенимают опыт соседей, узнают много интересного и видят, как изучается культура бурятского народа.

Целью взаимодействия с семьями школьников является передача объема знаний, необходимых ученикам для развития представлений о человеке в области истории и культуры, воспитания чувства любви к своей Родине, приобщения к ее прошлому и настоящему. Для этой цели с родителями проводятся консультации по темам: «Нравственное воспитание личности ребенка через бурятские традиции», «Бурятские традиции в моей семье», вовлекаются родители в совместные мероприятия при организации экскурсий, праздников: «Юбилейные даты нашего села», «Сагалган», «Сурхарбан» и т. д.

Таким образом, в образовательных организациях УОБО с этнокультурным компонентом посредством модели соизучения языка и культуры обеспечиваются условия для усвоения и принятия системы общекультурных и общероссийских ценностей через активизацию познавательной деятельности обучающихся.

Библиографический список

1. Васильева М. С. Научно-методические основы развития бурятской школы. Улан-Удэ, 1998. 32 с.
2. Гарипов Я. З. Языковое самосознание как фактор этнической социализации личности // Языки народов России: перспективы развития: тез. выст. межд. семинара, г. Элиста, Респ. Калмыкия, РФ, 10–16 мая 1999. Элиста, 1999. С. 10–12.
3. Гогоберидзе Г. М., Егизарьянц А. А. Этнокультурная направленность образования как фактор формирования межэтнической толерантности подростков // Сб. научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». № 4. С. 78–87.
4. Дугаржапова Е. Д. Основы качественного этнокультурного образования в поликультурном пространстве ОУ. URL: ipkro-38.ru/interesnye-materialy/12 (дата обращения: 09.03.2018).
5. Качала Я. Язык и национальная самоидентификация (на примере словацкого национального языка) // Язык, культура, этнос. М.: Наука, 1994. С. 52–53.
6. Кулехова А. М. Социальные аспекты двуязычия в Прибайкалье // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 4 (51). С. 255–259.

7. Содномов С. Ц. Методическая система литературного развития младших школьников при изучении курса «литературное чтение» на бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 264 с.
8. Содномов С. Ц. Формирование языковой компетенции в процессе коммуникативного обучения бурятскому языку // Вестник БГУ. 2010. № 15. С. 236–244.
9. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (дата обращения: 09.03.2018).

© Евсеева И. В., Кулехова А. М., 2018

УДК 398

Г. В. Юлдыбаева, Г. С. Ханова

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ, НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ БАИТА «САК-СУК»*

В статье рассматриваются история публикаций, научного исследования, пропаганда мифологического байта «Сак-Сук». Произведение активно бытует по настоящее время не только на территории Республики Башкортостан, но и за ее пределами. Во время экспедиций было записано огромное количество текстов байта. Данное произведение печатается отдельными книгами, в научных сборниках, ученых записках, на страницах периодической печати. Есть ряд научных статей, посвященных байту «Сак-Сук». По мотивам байта написаны романы, повести, пьесы. На основе этого произведения создано короткометражное кино.

Ключевые слова: байт «Сак-Сук», мифология, история изучения, башкирский фольклор.

Байт «Сак-Сук» – один из самых распространенных башкирских, татарских байтов, повествующий о трагической судьбе двух детей, которые были прокляты матерью и, превратившись в мифических птиц Сак и Сук, улетели. Они были обречены на вечную разлуку, на одиночество.

Данное произведение уже несколько веков бытует среди народа. Тексты байта хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН, фольклорных кабинетах БашГУ, фонозаписи Уфимской государственной академии искусств, фольклорном центре БашГПУ им. М. Акмуллы, фольклорном фонде кабинета башкирской филологии Сибайского института (филиал) БашГУ, а также фольклорном и рукописном отделах ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Впервые байт из 71 строфы был опубликован в 1909 году в сборнике З. Уммати «Песни и байты башкир, типтярей» [8, с. 28]. В данном варианте повествование идет не только из уст проклятых детей, но и от имени сожалеющей о своем деянии матери. В 1968 году текст байта с ногами, записанный Н. Шункаровым от Х. С. Валиевой в Давлекановском районе, в д. Новый Аккулай, увидел свет в газете «Совет Башкортостаны» [10].

* Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ «Мифологический байт «Сак-Сук» (варианты и исследования), № 16-34-01020.

В 1978 году в томе «Байты» свода «Башкирское народное творчество» представлены пять вариантов данного байта в записях Н. Шункарова, из них три варианта нотированы [2, с. 379–381]. Также в 1983 году в томе «Песни и наигрыши» того же свода [3], в 1992 году в книге Ф. А. Надершиной «Духовные сокровища» [7, с. 76], в 1995 году в книге Р. С. Сулейманова «Жемчужины народного творчества Урала» [11, с. 149] тексты и ноты байта «Сак-Сук» заняли достойное место. В 2004 году в томе «Байты» из серии «Башкирское народное творчество» вариант байта увидел свет на русском языке [1, с. 280–283]. В 2012 г. байт «Сак-Сук» увидел свет на немецком языке в переводе А. Тайсиной [12]. Также тексты байта печатаются в различных научных сборниках, ученых записках, на страницах периодической печати.

Несмотря на широкое распространение сюжета среди народа, в башкирской фольклористике байт «Сак-Сук» является малоисследованным, научных книг, монографий, посвященных изучению произведения, пока нет. Но некоторые аспекты вопроса об идейно-тематическом содержании произведения так или иначе рассмотрены в трудах К. Мергена, Г. С. Кунафина, Г. С. Галина, А. Харисова, З. Г. Аминова, Г. В. Юлдыбаевой, Г. С. Хановой, введениях или комментариях свода «Башкирское народное творчество», имеются специальные статьи в сборниках, средствах массовой информации.

В области издания и изучения байта «Сак-Сук» татарскими и чувашскими учеными сделано немало. Известный вклад внесли татарские ученые Г. Толымбай, Х. Ярми, А. Ахмет, М. Бакиров, Ф. И. Урманчеев, Ф. В. Ахметова, И. Н. Надилов, Ф. В. Ахметова-Урманче, чувашские – Г. Ф. Трофимов, И. В. Софронов.

В 1913 году байт «Сак-Сок бэете» (Байт о Сак и Сок) был включен в сборник «Бэетлэр» (сост. Х. Бадиги), а в 1960 году – в книгу «Байты» Х. Ярми [20]. В 1970, 1986 гг. варианты данного произведения вошли в книги «Татар халык жырлары» [15], в 1981 году – «Татарские народные песни» [14], в 1996 году – «Халык моңарын халыкка» [18].

Также два варианта данного произведения были опубликованы в 1983 году в томе «Байты» академической серии «Татарское народное творчество» [23]. В 1985 году вариант байта издан в книге Г. Тукая [31].

В 1999 году текст байта «Сак-Сок» включен в книгу «Памятники татарского народного музыкального искусства» [9]. Также варианты увидели свет в книгах «Бэетлэр» (2000), «Бэетлэр, мөнәжэтлэр» (2000), «Мөнәжэтләр һәм бэетләр» (2001), «Татар эпосы. Бэетләр» (2001) [4; 5; 6]. В 2001 году произведение опубликовано в Анкаре в издании «Turkedebiatlari Antolojisi».

Сюжет байта, повествующих о детях-близнецах, невзначай проклятых матерью и превратившихся в птиц, проникает и литературу. Например, Ш. Шакурова в 2014 году по мотивам байта написала роман «Пусть ветер

унесет мои слова» [19]. В 2015 году на основе этого романа башкирским режиссером А. Аскарковым экранизировано короткометражное кино. Также на основе байта Ф. Буляковым в виде драматической повести написана пьеса-кисса «Сак-Сук». Татарский писатель Р. Батулла собрал более 14 вариантов мелодий байта и в 2002 году создал драму. Также чувашские поэты, писатели (Г. Ф. Юмарт, В. Ахун, Ю. Скворцов) использовали данное произведение в своем творчестве.

Библиографический список

1. Башкирское народное творчество. Байты. Т. 11. / сост., авт. предисл. и коммент. Б. С. Баимов, Г. Б. Хусаинов. Уфа, 2004. 424 с.
2. Башкорт халык ижады. Бәйеттәр / Төз. М. М. Сәгитов, Н. Д. Шонқаров, инеш мәкәлә Ф.Б. Хөсәйенов, М.М. Сәгитов. Өфө, 1978. 397 б.
3. Башкорт халык ижады. Ырзар һәм көйзәр / Төз. инеш мәкәлә язгыусы, анлатмалар биреүсе Р. С. Сөләймәнов. Өфө, 1983. 251 б.
4. Бәетләр. Казань, 2000. С. 8–10.
5. Бәетләр, мөнәжәтләр. Казань, 2000. С. 11–14.
6. Мөнәжәтләр һәм бәетләр. Казань, 2001. С. 512–520.
7. Нәзершина Ф. А. Рухи хазиначлар (Асылыкул, Дим, Өршәк буйы башкорттарының фольклоры). Өфө, 1992. Б. 76.
8. Өммәти З. Башкорт типтәрлеренәң жыр, бәетләре. Уфа: Шәрәк, 1909. Б. 28.
9. Памятники татарского народного музыкального искусства. Сак-Сок. Казань: ТКН, 1999.
10. Сак-Сук бәйеге / г. Совет Башкортостаны, 7 август.
11. Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. Уфа: Китап, 1995. С. 148–149.
12. Taissina A. Verwunschene Brüder Sak und Sok. Eine tatarische Ballade aus dem Mittelalter" in der Übersetzung ins Deutsche von Alia Taissina, mit 7 farbigen Illustrationen.
13. Татархалыккижаты. Бәетләр / Төзөүч. Ф. Ф. Ахметова, И. Н. Надинова, К. Б. Жамалетдинова. Казань: Татар. книж. изд-во, 1983. С. 12–13.
14. Татарские народные песни. М., 1981. С. 121.
15. Татар халык жырлары. Казан, 1986. С. 67.
16. Татар эпосы. Бәетләр. Казань, 2001. С. 44–50.
17. Тукай Г. Әсәрләр, 5 томда. Т. 4. Казань: ТКН, 1985. С. 159–161.
18. Халык мончырынан – халыкка. Казан: Дело, 1996. С. 26.
19. Шакурова Ш.Р. «Пусть ветер унесет мои слова» / Уфа: Китап, 2014. 208 с.
20. Ярми Х. Бәетләр. Казан, 1960. 388 б.

© Юлдыбаева Г. В., Ханова Г. С., 2018

УДК 82-1

Н. Н. Таскаракова

КӨӨК ЧЛИ САҢНАРЫН САПХАН ВАЛЕРИЙ МАЙНАШЕВ

В данной статье основной акцент делается на образ «певчей птицы» – кукушки, которая поет о родной земле, о природе, о буднях и проблемах человека, о радостях бытия, Вселенной. Статья посвящена лирике хакасского поэта Валерия Майнашева, чей 70-летний юбилей отмечает общественность Хакасии в текущем году.

Ключевые слова: лирика, поэтические образы, художественно-образительные средства, поэтика, Валерий Майнашев.

Кибелісчі кізі хустан пасха нимес. Ол чүреенең сыхчатхан көглерін чонға истілдіре чоохтанарға күстенче. Андағларның пірсі хакас поэзиясында В. Майнашев. Пүүл агаа, изен-хазых полған полза, 70 час толарчых. Ол 1948 чылда Ағбан пилтірі аймағындағы Ах хол аалда төреен. Позының чирінеңер чоохтаан: Минің чирім -Харлыған/ Ағыр Ниннің тайгазы/ Аның "поэзия одында көйген хысхацах чолы, ачырғасха «чуртас күні ортызында» тохтаап парған. Чайаачы ус 1992 чылда, 44 чазын апарчадып, «чуртас поездіне» одырыбызып, «күн кірінзер наныбысхан». Пүкүле ырга саптырған үлүзін сизініп, ол таныхтаан:

*Хайди идем зе-аның күзі
Миннең хай-хай күстіг полған,
Саңай ырга тирінібізін,
Паза анаң ос полбаам.*

Парыбысхан В. Майнашев күргенде одырчатхан Хара хус поларым тп ізеніп. Че ах чарыхта ол көбізін көөк чили көглеен. Нимедеңер аның көө?

В. Майнашев көп нимедеңер көглеен: чуртастанар, хыныстанар, өрініс-хомзыныстанар, чон кибірінеңер, чир-чайаанаңар, наа техникадаңар. Оларны прайзын көөк хус піріктіреткен осхас.

Көөк хачан даа часхы тустаң палғалыстыг хус. Ол чир усхунчатханына угаа өрінче. Анзын В. Майнашевтің поэзиясында сизінерге чарир:

*Өңненче часхы сіли,
Көк отнаң чирні тамызып,
Арыгда чүрек ле чили,
Сабылча көөк табызы...
Көөктер күстеніп тапсапча,
Харах көзіне чир хубулча,
Чазылар-тағлар көгерісче
Агастар көк түкнең чабынча.*

Көөк хустың көө хайди даа таңдағы «чарых тусха» ізеніс пирче:

*Тиктең нимес, тиктең нимес
Чарыпча часхы таңнары
Тиктең нимес, тиктең нимес
Саапча көөк саңнары.*

Кееркестіг матыр ідөк хыныстанар сағынча, сурынча:

*Тыт агастаң көөгі чек
Кемге-де чыл санапча
Хыныс пілбеен чиит чүрек
Пүүн пазох ардапча...
Чоохтап пир, көөгі чек:
Хайдадыр минің хынызым!*

Хыныс пілбеен чиит чүрөк

Хыныс одынаң тамылзын.

Көп нима кееркестіг матырның көбүн түзірче: «күскүнің чобағлыг сілии», «пурунғының сустары», «керткен тустың ачии».

В. Майнашевтің иптiг кибирліг сөбiреде өскенi iле пiлдiрче, аннаңар ол поэзияда айлан полча – от-нанчы, күн-нанчы:

Пазох пессер одыңнар суччам,

От-нанчы, сығырыбыс, истим...

Че, күн-нанчы, ам одыраң,

Ікі хыр пас апсах хада...

Тоозылбас–парбас тиннестіріглер поэзия чолларын улам чарых, хоос итчелер:

Күн чахайагы ла осхас

Толдыра ай көк тигiрде...

Ах ча чыннар чатча

Тиселбеен харлыг чазылар осхас.

Андағоҳ ондайлығлар удаа учурапчатхан айланыстар:

Син, күн, төдiйiң, магаа

Минөк осхас хадарчызың!...

Изен, i чемнiң хазыңы...

Көгле, хазың...

Хорла, хорла, Хорлаңа...

Айлан, хара хус...

Таныхталған айланыстарда – тирең сағыс, аарлас паза улуғлас. Олар өбiнiнде чир-чайаан омазынаң палғалыстығлар. Иң не аарластығ чайаан көк тигiр полар, тиктең нимес кибелис чолларында тоғасча айланыс–сөстер:

О, тигiр, син чалгыс ла хырзың

Минiң хара пазым үстүнде...

Паза пiр хоос ондай кибелисчiнiң сөзiн чiтiг итче, тыытча – ол хата-лыс. Мына хай-пiреелерi:

Күмүс түстер, күмүс түстер...

Ах кибистер, ах кибистер

Пүүн магаа түзелче...

Чоғыл, чоғыл, чоғыл

Чоғыл аның чоогы.

В. Майнашевтің поэзиядағы көңнi көбiзiн ниик паза көгліг. Аның кееркестiг матыры чөрче «хайда тал пазы чарылча», «хайда самчып парған хазыңнар», «хайда күн чахайагы көйче». Пiр сөснең, поэзия

кӧглепче – хачан даа часхы хустары ӧтиг тапсассын, хачан даа кӧбк то-
озылбас-парбастанар кӧглезин!

Библиографический список

1. Майнашев В. Г. Кӧбк саннары. Абакан, 1985. 111 с.
2. Майнашев В. Сырлалган халсарыг. Абакан, 1990. 126 с.

© Таскаракова Н. Н., 2018

УДК: 398.2(=152.153)

В. В. Миндибекова

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ХАКАСОВ

В статье представлены результаты исследования отдельных жанровых и текстологических особенностей этиологических нарративов в сказочной прозе хакасов. Рассматриваются отдельные мифологические сюжеты.

Ключевые слова: *несказочная проза, кип-чоох, фольклор хакасов, нарративы.*

Несказочная проза занимает особое место в системе жанров хакасского фольклора. Она является одним из важнейших источников для изучения материальной и духовной культуры. В работе рассматривается значение этиологических нарративов в сказочной прозе хакасов. В настоящее время сказочная проза народов Сибири представлена в пяти томах двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» [1995], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [2005], «Мифы, легенды, предания тувинцев» [2010], «Несказочная проза алтайцев» [2011], «Несказочная проза хакасов» [2016]. Тем самым, сравнительно-сопоставительное изучение сказочной прозы народов Сибири может опираться на уникальный материал.

В книгах отражено жанровое и тематическое многообразие сюжетов сказочной прозы. Национальные тексты основаны на подлинных записях, соответствующих устной речевой природе исполнения. В соответствии с принципами Серии тексты сказочной прозы представлены авторами-составителями с сохранением оригинальных фонетических, лексических и синтаксических особенностей [8, с.5].

Народный термин «*кип-чоох*» охватывает все устные рассказы. Сказочная проза является одной из содержательных составляющих фольклорного наследия хакасов. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью специфики отдельных жанров хакасского фольклора, а также их распространённостью в народе. Мифы, легенды и предания являются одним из важнейших источников для изучения материальной и духовной культуры народа.

Жанры несказочной прозы хакасов имеют одну общую установку на достоверность изображаемого события. Среди них мифы имели определённое функциональное назначение. Они были основным средством передачи регламентаций, опыта, норм морали будущему поколению. В них прослеживается потребность человеческого разума понять, объяснить и тем самым подчинить себе в какой-то степени объективную реальность. В мифах объясняется устройство Вселенной, регламентируется поведение человека в тех или иных жизненных ситуациях и т. д. Рассказывать мифы – значит, нести слушателям какую-то важную информацию об окружающей действительности, излагать правила и запреты, принятые в этническом сообществе (не хвалиться охотничьей добычей, не болтать во время еды лишнего и т. д.). В этом проявлялась их дидактическая роль.

В широком смысле все мифы в той или иной мере выполняют «этиологическую» функцию, чем и отличаются от сказок, где обычно связи с элементами окружающей среды не столь явны. Но чаще термин «этиологические мифы» употребляется в более узком смысле, обозначая мифы, суть которых сводится к объяснению происхождения чего-то существующего.

Прежде всего, мифы несут информацию о различного рода мировоззренческих представлениях, посредством которых регламентируется поведение человека. Содержание текстов, дошедших до нас, показывает, что поведение древнего человека строилось на соблюдении отдельных табу, рекомендациях, которые предписывали мифологические рассказы.

По этиологическому принципу создавались мифы о животных и птицах. Они принадлежат к числу наиболее архаичных мифов, возникших еще в глубокой древности. Мифологические сюжеты, в которых описываются особенности внешнего облика зверей и птиц, являются наиболее архаичными из них. В них объясняются повадки, окрас, конституция зверей и птиц. В них находят отражение наблюдательность и хорошее знание животного с его специфическими особенностями и повадками. Образы животных персонифицированы, т. е. по-своему индивидуализированы, но не превратились еще в аллегорические характеры. Такие повествования имеют этиологическое назначение: почему, к примеру, у бурундука – пёстрая спина, а у ласточки хвост раздвоенный и т. д. Сюжеты о полоске на спине бурундука распространены в фольклоре многих народов. Так, появление полосок на спине бурундука хакасские мифы объясняют тем, что медведь провел по его спине своими когтями.

Специфику мифологических повествований составляет построение текста с нацеленностью на ответ. Характерной особенностью мифа является его этиологическая направленность, задача которой состоит в том, чтобы дать человеку какое-либо знание или объяснение. Существует не-

мало и собственно этиологических мифов – коротких повествований, объясняющих особенности какого-нибудь предмета или явления.

Библиографический список

1. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша / Новосибирск, Наука, 2010. 373 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28).
2. Мифы и легенды хакасов. Составитель и переводчик П.А. Трояков. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2007. 210 с.
3. Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, С. Е. Ямаева. Новосибирск, Наука, 2011; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 30).
4. Несказочная проза хакасов / сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 34)
5. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Т. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Тексты. СПб.: Изд-во АН, 1907а. XXXII + 668 с. + XLVIII.
6. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Т. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Переводы. СПб.: Изд-во АН, 1907б. VI + XXV + 659 с.
7. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.
8. Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 2003.

© Миндибекова В. В., 2018

УДК 398.22

Н. Н. Николаева

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ (БУРЯТ И ХАКАСОВ)

Выражение эмоций в героическом эпосе бурят и хакасов имеет некоторые общие черты и специфику. Перечень эмоций, испытываемых эпическими героями, невелик, однако сложные эмоциональные чувства передаются ярко и убедительно при помощи константных формул, включающих в себя эпитеты, метафоры, сравнения и гиперболизацию.

Ключевые слова: буряты, хакасы, героический эпос, персонажи, эмоции.

В эпических жанрах фольклора бурят и хакасов (героическом эпосе и сказках) изображение эмоций персонажей представлено, с одной стороны, достаточно сдержанно и лаконично, с другой – психологические состояния персонажей, выражаемые при помощи эмоций, передаются живо и образно. При этом достоверно переданы как особенности национального менталитета с учетом сложившегося этнического психотипа, уклада жизни, имеющих верований и традиций и т. д., так и общие эмоциональные реакции, присущие индивиду или группе

индивидуов. В сказках, как жанре с динамичными сюжетами и выраженной сосредоточенностью на занимательности, эмоции более субъективированы и лишены гиперболизации, тогда как в эпосах, в особенности, архаических, выражение эмоций зачастую имеет вселенский масштаб (как и все остальное), в некоторых случаях даже приобретает этиологические оттенки.

В эпосах бурят и хакасов наблюдаются некоторые общие моменты, касающиеся эмоций персонажей, их типов и средств выражения. Одним из общих является то, что обычно полный спектр эмоций любого плана (позитивных, негативных, нейтральных) могут испытывать положительные персонажи, чаще всего главные, но и второстепенным дается возможность на выражение эмоций по необходимости в контексте сюжета. Эмоции отрицательных персонажей либо не описываются, либо скупы и ограничены. Однако это не означает, что антагонист не испытывает вообще никаких эмоций.

Так, например в бурятских улигерах герой-богатырь, узнав о разорении своих земель врагом – чудовищем мангадхаем, выражает свои чувства – гнев, скорбь – и кинетически (скрежещет зубами, треплет волосы), и словесно (клянется, что пойдет на врага и вернет обратно свой народ с имуществом). Описывается состояние сильного душевного потрясения: он может одновременно плакать и смеяться, глядя на свои разоренные владения, его сердце сильно бьется, сгибая ребра, и т. д. Однако враг-мангадхай, встречаясь с прибывшим на битву героем, не выказывает никаких эмоций, либо выражает их слабо, например, припоминает, что некогда, услышав о рождении богатыря, он был взволнован [2, с. 354–355].

В хакасском эпосе «Алтын-Арыг» [1] эмоции чужеземного богатыря Саатай-Миргена и вообще в целом персонажей, не относящихся к «своим», «своему народу», переданы лаконично («рассвирипел», «возликовал» и т. д.), на них не акцентируется внимание, тогда как положительные герои Пис-Тумзух, Алтын-Арыг, Хыс-Хан и др. в полной мере испытывают как позитивные, так и негативные эмоции, и их выражение создает более образную эпическую картину.

Выражение эмоций в эпосах бурят и хакасов передается как через простые глагольные формы и конструкции, так и через традиционные эпические формулы, краткие и развернутые, включающие в себя метафоры, эпитеты и сравнения. Например: ‘...[в гневе] горою вспухла./ Как великая река, разбушевалась’ [2, с. 261]. Для сравнения в эпосе бурят: *Уур ехээр уурлажа./ Ууиха ехээр булхайжа* ‘Великим гневом разгневавшись./ подобно легким, вспухла [от гнева]’ [3, л. 51]. Эмоции протагониста и антагониста часто передаются одними и теми же константными формулами.

Библиографический список

1. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
2. Бурчина Д.А. Героический эпос унгинских бурят: указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
3. Эржэн Мэргэн хүбүүн (улигер качугских / ленских бурят) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 234. 77 л.

© Николаева Н. Н., 2018

УДК 398.22(571.54)

Е. Л. Тихонова

РЕЦЕПЦИЯ РИТУАЛА В УСТНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ О НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ

В докладе рассматриваются устные рассказы русских старожиллов Бурятии о календарных праздниках, содержащие фрагменты вербально представленной рецепции отдельных ритуалов праздника и в целом самого праздника. Рецепция календарных ритуалов русскими старожиллами Бурятии представляет собой ориентацию на прошлое, которое осмысливается народной традицией как идеал, как благо, как более совершенная форма существования.

Ключевые слова: *устный рассказ, ритуал, рецепция, народный календарь.*

Интересующие сегодня общество этнические стереотипы, а, следовательно, и этническая традиция, наиболее ярко проявляются в календарно-обрядовых праздниках. Основным содержанием таких праздников является ритуал. Именно ритуал представляет собой одну из первичных форм, воплощающих содержание культурной памяти этноса. В форме обрядов и ритуалов культурная память в дописьменный период была способна не только аккумулировать свое содержание, но и адекватно транслировать его последующим поколениям. Культурная память, или, по А. К. Байбурину, память культуры, может быть разнотипной и в том числе ритуальной.

Сам же ритуал А. К. Байбурин определяет как «единственно возможный способ поведения человека и коллектива в тех ситуациях, которые расцениваются данным коллективом как кризисные и поэтому требующие специальных (обязательных для всех членов) программ поведения» [1, с. 21]. Проблема изучения календарных праздников, самих ритуалов («программ поведения») на современном этапе заключается в том, что исконный сакральный смысл большинства обрядовых действий (ритуалов) либо забыт (но может быть активирован вопросами собирателя), либо утрачен безвозвратно для носителей традиции. Поэтому сегодня архиважна актуализация пассивных элементов локальной традиции, пока они окончательно не ушли из сознания людей. Актуализация традиции возможна при условии сохранения в памяти ее носителей хотя

бы фрагментов этой традиции. Такие фрагменты фиксируются в устных рассказах о том, как раньше отмечали тот или иной календарный праздник и как это происходит сегодня. На материале устных рассказов-воспоминаний о календарных праздниках прошлого, записанных в старожильческих селах Республики Бурятия в начале XXI века, мы пытаемся реконструировать и исследовать систему традиционной календарной обрядности русского старожильского населения, проследить вербально выраженные моменты рецепции календарных ритуалов (на примере отдельных праздников).

Наиболее перспективным является исследование рецепции ритуала в контексте социальной жизни всего общества и жизни каждого конкретного человека. Сегодня, когда народные календарные праздники, их семантика и структура находятся в стадии разрушения, положение отчасти может спасти «активная вербализация представлений, формирующих контекст» [2, с. 442], то есть устные рассказы-воспоминания о некогда традиционном праздновании народного календаря.

Русское старожильческое население и по сей день сохраняет в своей памяти локальное содержание традиционных обрядовых действий, связанных с народным календарем. Подобная сохранность определяется семантикой и прагматикой ритуалов, обеспечивающих повторяемость природных и жизненных циклов. В рамках крестьянского календаря на период зимнего солнцестояния приходится праздничный цикл Святков, которые начинались в Рождественский сочельник и заканчивались Крещением. На Рождество повсеместно в Забайкалье была распространена традиция христославия, а также колядования: «(А расскажите, как Рождество отмечали? – Соб.) *Рождество? А Рождество тоже вот так же стряпали, да все. Да ходили славилы ребята по соседям. Пели тама-ка, молитву какунить читали. Яицы давали, печенье давали. Вот кажный бегали, кому охота, а кто не хотел-то – не бегали. Встречали Рождество. Пели. <...> Мы Богу молились. Свечки зажгут, в каждом доме свечки на Рождество тоже зажгут. И молился, вот, Богу молился*» (зап. Тихонова Е. Л. от Крыловой Е. Н., 1916 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.). Восприятие исполнительницей рождественского праздника происходит прежде всего через молитву, что обусловлено предметом референции.

Также в воспоминаниях информанта лейтмотивом звучит мысль о том, что раньше жизнь была лучше, правильнее, веселее, потому что верили в Бога, боялись Бога, соблюдали обычаи и обряды, исполняли связанные с ними ритуалы, что упорядочивало жизнь, делало ее понятной и предсказуемой. А в этом и заключается основное назначение ритуалов, обращенных не только в будущее, но и в прошлое: «*Весело было. Весело, друг, ране было вот это все* (Речь идет о праздновании святков. – Е. Т.).

Теперь этого ничего нету. Пришло бы, может, дети бы лучше были. Занимались, хоть чо-то делали. Теперь... одна ходьба. Ходят по улице без дела» (зап. от Крыловой Е.Н., 1916 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.). Рецепция святочных ритуалов выводит повествование на уровень «раньше – теперь»: раньше «*весело было*» – теперь «*одна ходьба*». Возвращение ритуальных святочных действий мыслится информантом как благо: «*Пришло бы, может, дети бы лучше были*». Таким образом, возвращая в прошлое, ритуал призван наладить, нормализовать современную жизнь.

В течение всех Святков по забайкальским селам ходили ряженые – «старики», «старухи», «медведи», «цыганки» и т. д. Ряженье, называемое в Забайкалье «машкарадами», является одним из наиболее ярких элементов традиционной народной культуры. Основными чертами ряженья являются, прежде всего, изменение внешнего облика человека и особая игровая форма поведения, носящая ритуальный характер.

«(А передевались в какие-нибудь одежды, в кого-нибудь наряжались? – Соб.) *В святки-то? Машкаровались, бегали. О-о-о-й, по всякому разному, кто как сможет, так и облакался. Облакались по-всёму. <...> Я дак вообще любила машкароваться. Меня мама одевала. То парнишком оденет, то старичком оденет, то девчонкой оденет, всяко разное. Тут косы заплетет, банты сделает, идешь вечером просишься, запускали. С гармошкой ребята ходили, с балалайкой ходили. Хорошо вообще вот это все было. (А еще в кого наряжались? – Соб.) Старухой одевались, и в парней одевались. (А в животных одевались в каких-нибудь? – Соб.) В животных? И в животных удельвали, это, садились на «коня» верхом. Мужиков-то они делают, оденут (конём. – Е. Т.). И как, это, на «коне» едет. Бы-ы-ы-ло все, мой друг. ... (А когда маскаррадили, что говорили? – Соб.) А машкаровались ... «Машкарад пустите?» В окошко и стукаем. Оне, кто запускал, не боялся. А у которых ребята еще боялись. «Пустите?» – «Нет, не пускаем. Вы красивы или страшны?». Мы рявем оттуды: «Красивы!» – «А если страшны, ня пустим!» Ага. Красивы, так заходим: «Ну, заходите». У кого музыки нету, заслонку возьмет и по заслонке колотит чо-нибудь там. Чтoб мы плясали. Танцевали. Вот так стукали. А мы скачем, мы скачем! О-о-о-й, друг, было! Так напляшемся!»* (зап. от Крыловой Е. Н., 1916 г. р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.). Из повествования Е. Н. Крыловой видно, какие положительные эмоции вызывают у неё воспоминания о праздновании Святков.

Устные рассказы русских старожилов Бурятии и о таком календарном празднике, как Масленица, содержат в своей структуре воспоминания о целом комплексе разнообразных масленичных ритуалов и вербализованную рецепцию самого праздника. Рассказы о том, как раньше праздновалась Масленица и как сегодня воспринимается этот праздник, сопровож-

даются указанием на то, как это весело и хорошо. Рецепция масленичных празднеств оптимистична по своей сути: «(А как у вас Масленицу отмечали? – Соб.) *Масленицу? Масленица – это Широкая Масленица! Не зря говорят – Широкая Масленица. Отмечают ее очень широко, красиво! Это большой праздник. Когда провожают уже зиму, так получается. Блины. Праздник большой!*» (зап. Тихонова Е.Л. от Маркеевой Н.В., 1957 г.р. в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2013 г.). Далее рассказчица сообщила, что чучело Масленицы сжигают, а на вопрос «Зачем это делают?» ответила: «*Ну, это как бы провожают зиму, сжигают вот это всё, что... убирают негатив, встречают весну, радуются. Зима ушла – пришла весна. Ну, такой заряд, такой позитив бывает, когда вот это все происходит! Несмотря ни на какую погоду, даже вот бывает погода какая-то, а все равно такой позитив, так все красиво. И так все празднично. Пусть холодно или как-то, но все равно люди отмечают это широко!*» (зап. от Маркеевой Н.В., 1957 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2014 г.). То есть с деритуализацией праздника его эстетический, нравственный, эмоциональный заряд не исчезает. В широкой, веселой, разгульной Масленице заключена «гуманистическая идея утверждения жизни и ее непреходящей ценности» [3, с. 5]. И эта «гуманистическая идея» прослеживается и в том, как Масленица воспринимается информантами, как, в каких выражениях они рассказывают об этом календарном празднике.

Итак, рецепция ритуала (в любом из календарных праздников) русскими старожилыми Бурятии представляет собой ориентацию на прошлое, которое всегда осмысливается народной традицией как идеал, как благо, как более совершенная форма существования. Во всех рассказах о календарных праздниках лейтмотивом звучит мысль о том, что раньше жизнь была лучше, правильнее, веселее, потому что верили в Бога (рассказы о Рождестве и Святках), соблюдали обычаи и обряды, исполняли связанные с ними ритуалы, что упорядочивало жизнь, делало ее понятной и предсказуемой. Соответственно, рецептивное состояние календарно-обрядового комплекса в устных рассказах-воспоминаниях определяется по принципу *соблюдение ритуалов – хорошо / забвение ритуалов – плохо.*

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
2. Добровольская В. Е. Нормативный контекст фольклорного текста и его роль в бытовании фольклорной традиции // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник докладов. Том II. М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 428–449.
3. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 360 с.

© Тихонова Е. Л., 2018

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ–РОД» В АФОРИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В данной статье рассматриваются основополагающие элементы концепта «семья-род», раскрывающие семейно-родственные отношения тюрко-монгольского мира, особенности характера, специфику его миропонимания, самобытность образных ассоциаций, которые наиболее ярко проявляются в образцах афористической поэзии. На основе анализа паремий тюрко-монгольских народов показана значимость рода в жизни человека, выявлены особенности взаимоотношений членов семьи.

Ключевые слова: концепт, афористическая поэзия, паремия, ментальные представления, семейно-бытовые отношения.

Выбор концепта «семья – род» в качестве объекта исследования обусловлен тем, что семья, семейный быт были и остаются важнейшей частью культуры народа, вне связи с которой невозможно представлять его историко-культурный облик в целом. Следовательно, сравнительное исследование образов семьи и дома у разных народов и выявление общих и специфических черт является важным аспектом в изучении национально-культурной специфики образов мира носителей разных культур. В семье усваиваются основные социальные знания, приобретаются нравственные умения и навыки, закладываются определенные ценности и идеалы, формируются обычаи и традиции.

Сравнительное исследование фольклорных текстов показало, что в основном социальная сфера человека, так или иначе, была основана на семейных традициях, семейном укладе.

Известно, что у тюрко-монгольских народов издавна принято при знакомстве спрашивать не имя человека, а его принадлежность к какому-либо роду, племени. Значимость рода монгольских народов особенно ярко проявлялась и на фоне осуществления основных, ключевых событий в жизни семьи/родового сообщества – свадьбы, рождения детей, похорон. В прошлом высказывание «породниться» несло в себе более глубокий смысл – установление близких отношений не с конкретным человеком, а с определенным родом. Поэтому при выборе невесты имущественному положению ее семьи не придавалось особого значения, более важными представлялись сведения о роде (хорошая родословная). Это также нашло отражение в следующих паремиях: «Үүдэ муута гэр уняар дараха хоймороо, удха муута хун удхаараа дараха урэээ» (бурят.) – «Жилище с плохой дверью дымом окутывает весь «хоймор», человек с плохой родословной давит потомков» [1, с. 33], «Инезін көрін, хызын ал» (хакасск.) – «Прежде чем брать замуж дочь, взглядишь сначала в ее мать» [2, с. 6].

Отметим, что важное место уделяется образам таких родственных групп как материнский и отцовский род, местоположению их представителей в иерархии социальных связей у разных этнических групп монгольского мира:

Бурят. Торгут:

Уһанай эхин – булаг, Авга хун овог толгойлно,

Угай эхин – нагаса. Атан тэмээ хосог толгойлно.

«Начало воды – родник, Дядя по отцу род возглавляет,

Начало рода – брат по матери. Кастрированный верблюд обоз возглавляет».

Продолжение рода у любого народа было самым важным делом в жизни. В культуре как монгольских народов, так и тюркоязычных наиболее ценным было рождение сына, а дочь считалась «чужим богатством»: «дочь – богатство чужого человека». Например, у хакасов популярны пословицы: «Тас – тастаан чирде, хыс – парган чирде» – «Камень, хоть не прошен, там, куда он брошен, а девица – там она, куда замуж отдана»; «Чис ахча – ахча нимес, хыс пала – пала нимес» – «Медяк – не деньги, девочка – не ребенок» [3, с. 79].

Известны и другие высказывания, отражающие значимость рода в жизни каждого отдельно взятого человека: «Ураг муудвал удмаа түшдэг, тураг муудвал уулаа түшдэг» (торгутская) – «Если родственник обеднел – опирается на свой род, если птица ослабела – прислоняется к горе», «Агаш тазылы јер өткүре, кижиг тазылы эл өткүре – «Корни деревьев под землей, корни человека внутри рода» (алтайская) – [4, с. 32].

Таким образом, концепт «Семья», отражающий общечеловеческие и национально-специфические (социальные, этические, нравственные) представления о феномене семьи, можно отнести к одному из универсально значимых концептов. Образцы фольклорных произведений, в частности паремии, занимают особое место в определении обществом системы ценностей, поскольку они в наиболее чистом виде дают представление о народном видении мира, человеческого бытия в нём, о структуре отношений между людьми, а также составляют основу ментального самосознания.

Библиографический список

1. Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982.
2. Мудрое слово. Хакаские пословицы, поговорки и загадки. Абакан, 2014.
3. Так сказали мудрецы. Хакаские пословицы и поговорки / сост. У. Н. Курбижекова. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1968.
4. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: автореф. дис. ... д. филол. н. Казань, 2012.

© Гымпилова С. Д., 2018

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О. Г. АЛАХТАЕВОЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В статье рассмотрены произведения О. Г. Алахтаевой как средство формирования музыкально-эстетической культуры будущих педагогов. В результате анализа автор доказывает, что из поколения в поколение передаются музыкальные и эстетические установки: некоторые закономерности музыкального языка, композиции и исполнительское мастерство. Изучение творческого наследия хакасских композиторов позволит определить современные тенденции и перспективы развития национальной культуры.

Ключевые слова: музыка, творчество, педагог, культура, наследие.

Из поколения в поколение передаются как музыкальные, так и эстетические установки: разнообразные образные средства, некоторые закономерности музыкального языка, композиции и исполнительское мастерство.

По мнению известного педагога Д. Б. Кабалевского, современный музыкант должен быть исследователем, то есть обладать развитым творческим мышлением, которое обеспечивает понимание содержания музыки как «психики общественного человека» [2, с. 24]. Через освоение национальной музыки будущие педагоги приобретают знания об особенностях народной музыки, нашедших своеобразное преломление в фортепианном изложении, умения применять эти знания в процессе работы над произведением, конкретно-игровые навыки, опыт поисковой творческой деятельности, связанный с открытием нового в известном (например, звучание известных песен в новом фортепианном исполнении).

Композитор – это человек, отражающий взгляды той эпохи, которая его сформировала. Всеми нитями своего бытия он связан с мировоззрением и системой отношений со многими группами людей. Слушатель, понимая язык композитора, проникается его творчеством, познавая мир прекрасного, воспринимая красоту, испытывая чувство эстетического наслаждения.

Анализ музыкальных инструментальных произведений предполагает творческое исследование музыкального произведения, в результате которого у педагога-музыканта сложилась бы своя обоснованная интерпретация авторского замысла. Звуковое воплощение образов, являющихся символами хакасской земли, очень ярко и красочно передается фактурой пьес О. Г. Алахтаевой. В них композитор мастерски передает национальный колорит. Для ее фортепианных миниатюр характерны синкопированные ритмы, пентатоника, кварто-квинтовое изложение фактуры, ис-

пользование эффекта звукоподражания, терпкое звучание диссонансов, использование увеличенных интервалов, трезвучий, что говорит о характере хакасской музыки как о восточной музыке; используются всевозможные колористические находки в динамике, фактуре, интонационном развертывании мелодии.

В процессе занятий необходимо решение двух задач: выучивание пьес в ходе грамотной работы по преодолению трудностей мелодии, ритма, аппликатуры и др., а также формирование культуры исполнительских навыков. Решение обозначенных задач вызывает определенные трудности, так как необходим практический опыт. Поэтому именно приемам воплощения музыкального образа, осознанию средств воплощения исполнительских намерений уделяется наше внимание на практических занятиях.

Начинать работу со студентом лучше с произведений несложного образного плана, технологически доступных для изучения. Например, «Настроение» или «Пьеса» в тональности ля бемоль мажор. Педагог предлагает выполнить следующие примерные задания: 1) определить жанр музыкального произведения; 2) назвать характерные для хакасской музыки интонационно-ритмические обороты, которые композитор использует в произведении; 3) определить уровень сложности произведения; 4) определить общее настроение музыки; 5) определить, какие приемы композитор использует для создания музыкального образа; 6) определить, какие еще образы возникают при исполнении произведения, 6) определить технологические трудности, 7) объяснить пути и методы в решении технологических задач, для воплощения художественного замысла композитора, 8) найти и оценить художественные достоинства и особенности музыкального сочинения.

Яркое, поэтичное произведение предваряет его название – «Настроение», в котором есть загадка или вопрос: какой образ создает нам композитор? Пьеса О. Г. Алахтаевой передает тончайшие оттенки чувств благодаря специфической интонации, учитывая возрастные особенности, она понятна и интересна для студента. В начале урока педагог проигрывает произведение, ничего не говоря перед исполнением. Затем предлагает студенту придумать название пьесы. Даются такие варианты – «Утро», «Чувство любви», «Вдохновение» – с объяснением, какие краски музыкальной изобразительности рождают эти образы. Таким образом, становится понятно, что от осмысления красоты образов хакасской музыки студент переходит к пониманию красоты реального мира, к окружающему его миру чувств. Взаимодействие яркого музыкального и поэтического образов композитора Хакасии – животворный источник воспитания благородных чувств и стремлений, который учит ценить и видеть красоту хакасского края.

Г. М. Цыпин отмечает глубокое заблуждение музыкантов, считающих, что решать свои профессиональные проблемы можно лишь сугубо профессиональными средствами: «Понятийно-логическое начало, дополняя художественный образный строй мышления, обогащает и усиливает его» [3, с. 143].

Таким образом, в процессе выполнения анализа у студента формируются умения в области анализа ладотонального и гармонического языка, ритмики, полифонии, тематического и интонационного развития структуры произведения и его фактуры, знания стилей и жанров, особенностей той или иной эпохи.

Методологический анализ музыкального произведения позволяет формировать музыкально-эстетическую культуру будущего педагога-музыканта, его теоретическую и практическую готовность и способность на высокопрофессиональном уровне воспринимать, усваивать, осмысливать и оценивать музыкально-эстетическую информацию, содержащуюся в пьесе, определять художественно-исполнительский стиль эпохи и музыкально-художественные особенности авторского «мира» в данном сочинении, находить и отбирать оптимальные варианты исполнительских средств.

Работа строится на основе осмысления идеи сочинения, определяются исполнительские намерения студента и художественные средства их воплощения. Такое освоение произведения, прежде всего, помогает сформировать свое отношение к хакасской музыке. Студент, думая, размышляя над музыкой, не просто представляет себе музыкальные картинки, а учится сразу проникать в чисто музыкальное содержание. При этом педагогу необходимо ориентироваться на личностную модель взаимодействия со студентом, на доверие и уважение к развивающейся личности. Такое обучение служит основой диалога о музыке.

Диалогический (демократический) стиль взаимодействия помогает избежать этих проблем, способствует развитию личности, формирует веру в свои силы, воспитывает самостоятельность. Главной целью взаимодействия является воспитание навыков самостоятельности суждений студента, умение делать выводы, находить самостоятельные решения по тем или иным творческим проблемам.

Общеизвестно, что центральное место в формировании и развитии творческой активности занимает саморазвитие личности (способность к самостоятельным действиям, способность к труду, полному мысли, внимания, целеустремленности, способность к самостоятельной работе и проявлению творчества). Ведь педагог должен быть не репетитором, а наставником, направляющим профессиональное мышление ученика учитывая его индивидуальные особенности, уровень подготовленности и дарования.

При условии постоянного развития и активизирования мыслительной деятельности в доступной форме, студент по мере взросления будет испытывать потребность в более углубленных рассуждениях о музыке, в расширении круга затрагиваемых вопросов (в ответ на приобретенные им знания и опыт). Студенты не всегда умеют, а из-за неумения не желают высказать собственное мнение, проанализировать качество исполнения, самостоятельно справиться с профессиональными (а вслед за ними зачастую и психологическими) трудностями.

Основой нашей работы становится постижение смысла музыкальных сочинений. Согласно Б. В. Асафьеву, «мелодия – спящая красавица, а сказочный принц, призванный ее разбудить – это интонация» [1, с. 22]. Таким образом, исполнение произведения необходимо наполнить смыслом, а для этого надо знать выразительные и формообразующие возможности исполнительских средств.

Такие занятия способствуют постижению искусства исполнения хакасских музыкальных произведений, являются основой творческого, высокохудожественного воспроизведения созданного автором сочинения, воплощения его замысла, выявления эстетической ценности, его основной идеи и образного содержания, а также выразительных средств хакасской музыки.

В процессе выполнения заданий студент имеет возможность осознать такое сложное понятие как «национальный стиль», осмыслить значение выразительных средств народной музыки – ритма, лада, тембра, динамики, метра, среди которых главным является мелодия, передающая интонации человеческой речи, скорбь, жалобы, стон и призывы; выявить специфику жанровой системы хакасской музыки; анализировать народное музыкальное искусство с точки зрения воплощения эстетических категорий прекрасного и возвышенного, трагического и комического.

Грамотное изучение творческого наследия хакасских композиторов позволит через понимание особенных культурных процессов определить современные тенденции и перспективы развития национальной культуры через формирование духовно-нравственных основ музыкально-эстетической культуры будущих педагогов.

Библиографический список

1. Асафев Б. В. Русская музыка XIX и начала XX века. Изд. 2-е. Л.: Музыка, 1979. 345 с.
2. Кабалевский Д. Б. Педагогические размышления: избранные статьи и доклады. М.: Педагогика, 1986. 188 с.
3. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика / Э. Б. Абдуллин [и др.]; под ред. Г. М. Цыпина. Москва: Академия, 2003. 368 с.

© Егорова Ю. Г., 2018

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ХАКАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О. Г. АЛАХТАЕВОЙ

Статья посвящена вопросам сохранения традиций хакасской национальной культуры в творчестве О. Г. Алахтаевой. Особое внимание обращается на проблемы межнационального общения, в процессе решения которых особенно актуально изучение традиций, национальных особенностей культуры и искусства. Изучение фортепианных стилей входит в профессиональную подготовку педагогов-музыкантов, поэтому актуальным является изучение особенностей, связанных с национальным своеобразием сочинений хакасских композиторов.

Ключевые слова: музыка, творчество, традиции, культура, фольклор.

В мире сосуществует множество различных музыкальных культур, имеющих свои богатые традиции. В связи с многонациональным составом нашего общества и связанными с ним проблемами межнационального общения особенно актуально изучение традиций, национальных особенностей культуры и искусства.

Изучение фортепианных стилей мировой музыкальной классики входит в профессиональную подготовку педагогов-музыкантов, поэтому актуальным является изучение особенностей, связанных с национальным своеобразием сочинений хакасских композиторов.

История хакасского фортепианного искусства началась сравнительно недавно, лишь в 20-х годах XX века. Фортепианная музыка Хакасии объединяет традиции различных культур, поэтому актуален вопрос национальной идентификации хакасской фортепианной музыки, выявления в ней традиций и новаторства. В музыковедении Хакасии достаточно полно изучен начальный этап истории хакасской фортепианной музыки и сочинения 30–60-х годов, в то время как фортепианная музыка 70–80-х годов и творчество современных композиторов отражены недостаточно. В нашей работе показано влияние современного европейского (и русского) фортепианного искусства на формирование хакасской фортепианной музыки и взаимодействие жанровых традиций с хакасским фольклором.

Исходя из вышеизложенного, можно полагать, что фортепианное творчество композиторов Хакасии развивает национальную культуру и вносит новые традиции, которые требуют осмысления и обобщения. В начале XXI века дистанция, необходимая для исторического анализа, помогает обобщению достижений в фортепианном творчестве композиторов Хакасии.

Для хакасских музыкантов очень большое значение имел опыт русской музыкальной культуры. Традиции русской музыкальной культуры сказались на сохранении музыкального наследия и на развитии вырази-

тельных средств музыкального языка. В свою очередь развитие русской фортепианной школы основано на традициях европейского фортепианного искусства, которое опиралось на наследие фольклора.

Для хакасских композиторов творческий процесс был вдвойне сложен, так как они ориентировались одновременно на два вида творчества – на национальный фольклор и европейское музыкальное искусство. Композиторам приходилось соединять две различные художественные системы. Хакасские композиторы поставили перед собой задачу создания на европейской основе нового национального варианта музыкального языка, который имел бы многоголосную гармоническую основу и способы развития, свойственные европейским жанрам.

Как показывает анализ произведений О. Г. Алахтаевой, разработка тембровой стороны хакасской фортепианной музыки основывалась на достижениях всей мировой музыкальной культуры, в том числе русской. К примеру, русская фортепианная музыка имела свой самобытный опыт воспроизведения национальных инструментальных наигрышей (свирель, гусли, балалайка, гармонь и т. п.). Оксана Герасимовна стала воспроизводить в фортепианной музыке звучание чатхана, хомыса, ыыха, хобраха, тюра и др. Чтобы музыка была понятной широкой аудитории, композитор в своём фортепианном творчестве отдавала предпочтение детской музыке, пьесам. Но есть в ее творчестве и монументальные произведения, например, «Хакасская сюита».

Хай, исполняемый с сопровождением чатхана, является наиболее высокой ступенью инструментального наследия хакасов. Хай в хакасском языке – понятие многозначное. В обиходной речи – это состояние природы, человека. Применительно к музыке – состояние человека в момент создания инструментального сочинения, отображающего его мысли и чувства. Его можно было расширять во времени, продлевать или, наоборот, сокращать. Поэтому число звеньев хая может варьироваться в сторону увеличения или уменьшения.

Кроме того, необходимо понимать, что специфику хакасской фортепианной музыки О. Г. Алахтаевой во многом определили метроритмические особенности – вариативность, повторность, импровизационность, которые по-прежнему остаются ее основными характеристиками.

В хакасских мелодиях строгого (регулярного) ритма есть особая отличительная черта – оstinatность. В хакасской музыке ритмический приём оstinато выполняет особую выразительную роль, которая связана в традиционной культуре кочевого народа с семантикой образов скачки. Привычность этого ритма позволяет использовать его для выражения различных эмоциональных состояний: радости или печали, гнева или веселья. Если передача таких образов в ритме скачки непривычна для европейцев, то для слуха хакасов это звучит очень естественно.

Особенности мелодического строения, метроритма, фактуры, лада сформировали национальные черты фортепианного стиля. В интонировании мелодии для передачи национального колорита применяется особое *rubato*. Большую роль играют основные звуки тонического трезвучия. Остановки или опора на эти звуки при интонировании мелодии связаны с особенностями национальной вокальной традиции и позволяют исполнителю несколько перетянуть их во времени, что приближает к манере пения хакасов. Композитор часто использует импровизационность изложения, которая ведет свое развитие от устного народного творчества хайджи. Ощущение импровизационности передается через тонкие изменения в агогике, смены метроритма. Особенно типичны смены размера 2/4 на 3/4, которые создают ощущение гибкости и импровизационности. В фортепианных пьесах звучит аккордовая фактура секундового и квартинтового строения, применяется тип изложения, подражающий звучанию народных хакасских инструментов.

Следует отметить, что О. Г. Алахтаева сочиняет фортепианные пьесы преимущественно в жанрах миниатюры, программное содержание которых передается названиями произведений. Композитор отражает многообразный окружающий мир с его контрастами и борьбой противоречий, сочиняя в новых жанрах (например, хоровая сюита).

Сюитная форма как вид музыкальной композиции не имела аналогов в традиционной хакасской музыке. Освоение сюиты означало новый этап в овладении европейскими нормами музыкального мышления и демонстрировало многообразие возможных подходов к синтезу двух культур. Появление сюиты было новаторством для хакасской культуры.

Сегодня, по нашему мнению, хакасская фортепианная музыка вобрала в себя многие черты, присущие фортепианному искусству прошлых веков. Взаимодействие европейских и национальных традиций в хакасской фортепианной музыке отражается на форме произведений, а своим отношением к фольклору переключается с эпохой романтизма. Черты романтизма сказались в обращении композиторов к жанрам миниатюры. Преломление романтической эстетики в хакасской фортепианной музыке проявляется в сочетании особенностей самобытного национального мышления и романтических тенденций в таких фортепианных жанрах, как прелюдия, поэма, ноктюрн и др. Это направление, получившее в XX веке название неоромантизма, прослеживается в некоторых произведениях О. Г. Алахтаевой. В ее фортепианном творчестве различные жанры соединяются с национальными фольклорными средствами и современной композиторской техникой.

Также отметим, что в конце XX века в разных странах проявляется тенденция взаимодействия джаза и фольклора. Эти традиции импровизации продолжает в своём творчестве современный хакасский композитор

О. Г. Алахтаева. Черты общности идут от импровизационности мышления хакасских народных музыкантов устной традиции.

Изучение хакасской фортепианной музыки показывает, что в XXI веке новое для хакасов фортепианное искусство стало частью многогранной музыкальной культуры, в которую входит не только композиторское творчество, но и деятельность музыкантов других специальностей (дирижёров, певцов, пианистов и т. д.).

На наш взгляд, изучение традиций и новаторства в фортепианном творчестве хакасского композитора показывает, что решающим фактором в становлении хакасского фортепианного искусства стало народное музыкальное творчество. В этом прослеживается продолжение традиций европейского и русского музыкального искусства, так как становление европейских композиторских школ и русской композиторской школы происходило на основе изучения национальных фольклорных традиций и преломления их композиторами в своем творчестве.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: общие закономерности формирования фортепианной музыки у разных народов показывают единство процесса становления фортепианного искусства разных стран. Национальные традиции в хакасской фортепианной музыке проявляются в применении фольклорных выразительных средств (гармония, метроритм, диатонические лады), песенных интонаций фольклора. Традиции мирового фортепианного искусства сохраняются в применении фортепианных средств выразительности, включающих в себя динамику, ритм, тембр, жанры, формы. Новаторством в контексте хакасской музыкальной культуры стало применение европейского инструмента, европейских средств и форм на основе хакасских фольклорных традиций. Новаторством в фортепианном искусстве, как целостном явлении мировой культуры, стало новое содержание, национальные образы и выразительные средства, национальный колорит.

Постижение преемственности и эволюции национальной культуры помогает познанию современности. Изучение особенностей хакасской фортепианной музыки способствует объективной оценке достижений музыкального искусства хакасского народа на сегодняшний день.

© Егорова Ю. Г., 2018

ИЗУЧЕНИЕ ШОРСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Данная статья освещает проблему воспитания народного этико-эстетического идеала, ценностей и патриотизма у детей младшего школьного возраста через изучение шорских сказок.

Ключевые слова: *этика, патриотизм, младший школьный возраст, воспитание, шорские сказки.*

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования в разделе «Требования к предметным результатам освоения основной образовательной программы» по предмету «литературное чтение» сказано, что «выпускник начальной школы должен для сохранения и передачи нравственных ценностей и традиций народа осознать понятия “добро” и “зло”» [5, с. 17].

Богатый материал для осознания понятий добра и зла представляют шорские сказки. Как отмечает А. И. Чудояков, «шорские сказки – это сказание, повествование о простых людях или животных» [2, с. 5], а «художественный мир сказки базируется на традиционном шаманском мировоззрении, т. е. мир в них триедин» [1, с. 111–112]. Вот составляющие того триединого мира (сферы):

1. Верхний мир (небесный мир, мир светлый, мир Солнца и Луны);
2. Нижний мир (подземный мир, мир тёмный, без солнца и луны, мир мёртвых);
3. Средний мир (наш мир, мир человека, мир живых, арена борьбы Верхнего и Нижнего миров).

Герои сказки (прежде всего волшебной) – носители идеологий Верхнего или Нижнего миров, поэтому соответствующие боги непосредственно или через посредников (своих слуг, посланников, которые выполняют функцию помощников героев) им покровительствуют, помогают достигать цели и спасают в трудную минуту. Естественно, главные герои поддерживаются исключительно только Верхним миром. Важнейшими (но не единственными) показателями идеологий того или иного миров являются внутренние морально-этические качества героев (этико-эстетическая сторона образов), среди которых особо выделяются богатырская честь, гордость, неподкупность, бескорыстие, доброта, любовь к родителям, дружба, сострадание к обездоленным, униженным, простота, бесхитрость, обострённое чувство справедливости, соблюдение традиций, соблюдение нравственных принципов. Носители этих качеств (положительные герои) борются с носителями идеологии

Нижнего мира (отрицательные герои), а именно – со злым началом во всех его проявлениях: с жестокостью, продажностью, угодливостью, корыстолюбием, хитростью, коварством, притворством, чванством, жадностью, нарушением традиций и т. п. Исходом этой борьбы подчёркивается этико-эстетический идеал создателя этих произведений, т. е. народа.

В волшебных сказках [4] активной фигурой является не столько герой, сколько его помощник, обладающий волшебными предметами и изредка сам являющийся представителем Верхнего мира. Это не столько мальчик *Оолак*, сколько таинственная девушка *Талым-Арыг* («Настоящая жена Талым-Арыг»), не охотник *Абышка*, а таинственный медвежонок, впоследствии оказавшийся *Кара-Молотом*, сыном *Каракаана*, которого проклял отец и превратил в медвежонок («Охотник Абышка») и др. Сами же герои волшебных сказок довольно пассивны. Если бы не чудесные помощники, не волшебные предметы – волшебная шапка для *Астама*, которую тот увидел во сне и которая помогала ему потом выполнять сложнейшие задания премудрой девушки («Волшебная шапка») и др., если бы не обстоятельства: обида («Несчастливый Неккер»), нужда пойти на охоту («Уш-Карак», «Алыг-Анчи – Глупый охотник», «Волшебная книга»), нужда пойти сторожить посев и священную берёзу («Алтын-Тарак или Птица счастья»), повеление достать и привезти золотой стол, за которым бог Ульген обедает («Несчастливый Неккер», «Чагыс – Одинокий парень») и т. п., то герои волшебных сказок остались бы у себя дома, занимались бы привычными своими делами. Но даже в пути они не могут похвастаться своей силой, более того, теряются в трудной обстановке (как Подур Пакен в сказке «Подур Пакен»), беспомощны и ведомы своими помощниками (как паренёк-герой в «Волшебной книге»), полностью зависят от данных им волшебных предметов.

Важнейшим мотивом, отправляющим героя волшебной сказки в путь, является поиск суженой. Герой сказки добывает жену в каком-то ином мире («Алтын-Тарак или Птица счастья», «Волшебная книга», «Чагыс-Одинокий парень», «Несчастливец Неккер», «Охотник Панюгеш»). Этот иной мир суженой героя волшебной сказки можно соотнести с Верхним миром, поскольку будущая жена часто является помощницей героя и имеет отношение к волшебным предметам. Следовательно, речь здесь идёт о принципиально новом взгляде на то, какая должна быть семья, закладываются новые основы семьи. Семья здесь – брак Среднего (герой) и Верхнего (суженая) миров. А брак только между представителями Среднего мира оборачивается острыми противоречиями внутри семьи, о чём говорится в сказках: конфликтами, когда появляется гонимый брат – младший («Алыг Анчи – Глупый охотник»),

старший («Уш-Карак»), или вообще нет семьи («Чагыс – Одинокый парень», «Подур Пакен»). Сказка выступает против неравенства между членами семьи, за восстановление поправных прав гонимого, утверждая, что униженный является точно таким же, как его «умные» братья.

Таким образом, реализация народного этико-эстетического идеала в волшебных сказках возможна только с помощью волшебства.

В социально-бытовых сказках пред нами предстаёт другая картина: уже почти нет связи героев ни с каким из миров, остаётся только личностная этико-эстетическая доминанта, которая покоится единственно на внутренних качествах героев, на их уме, смекалке, активном чувстве социальной справедливости и др., которые противостоят корыстолюбию, коварству, несправедливости, глупости и т. п. Например, *ум, рассудительность, мудрость* Пчёлки противопоставляется *жадности и глупости* его богатого дяди Овода («Пчёлка»); *ум, сметливость, справедливая месть* Аргачи противопоставляется *коварству, жадности и глупости* богатого Кююрчи, Каратты-каана и его сына («Аргачи и Кююрчи»), *хитрость и сметливость* Аргынака противопоставляется *жадности и глупости* его свояков и проезжавшего мимо одноглазого купца («Хитрый Аргынак»). Внутренний мир героев этого вида сказки даётся через поступки героев. В целом же этот вид сказки более реалистичен по сравнению с волшебными сказками.

В сказках о животных наделение животного способностями и чертами человека позволяет тоже актуализировать этико-эстетическую доминанту положительных качеств. Однако отождествление образов животного с человеком не может быть полным, так как эти сказки несут в себе и атавистические черты наблюдения над животными человека первобытного общества, когда смысл этих сказок состоял, прежде всего, в передаче молодым знаниям о животном мире.

В волшебных и социально-бытовых сказках актуализируется социальная проблематика. В волшебных сказках описывается таёжно-охотничий уклад жизни, т. е. жизнь части того народа, которым владеют все богатые люди, купцы, а сами богатые люди выступают в роли противников героев сказок (это Кара-каан в «Волшебной книге», хан тайги в «Охотнике Абышке», купец в «Охотнике Панюгеше»). Социальная проблематика особенно заострена в социально-бытовых сказках, в которых социально-классовое деление на богатых и бедных есть одновременно и деление соответственно на злых, жадных и добрых, справедливых, на глупых и умных. Строится такой ряд внутренних качеств героев: если богатый, то значит – злой, жадный, даже алчный, несусветно глупый при этом; если бедный, то значит – добрый, справедливый даже в своей мести, необыкновенно умный, сметливый, находчивый, хитроумный при этом.

Необходимо отметить, что важнейшим приёмом создания образов в сказках является преувеличение качеств и действий. Положительные герои наделяются преувеличенным умом, сметливостью, мудростью, некорыстной хитростью (например, Пчёлка в сказке «Пчёлка», Аргачи в «Аргачи и Куюрчи», Аргынак в сказке «Хитрый Аргынак»).

Ещё хотелось бы сказать о роли женщины в сказках. В волшебных сказках женщина сохраняет связь только с Верхним миром, способности её теперь исходят только от волшебного предмета, а поскольку она является помощницей героя, то мужчина (герой) полностью в её власти, она им руководит, утешает, приходит к нему на помощь. В социально-бытовой сказке женщина, наоборот, полностью во власти мужчины. Но всегда с женщиной связан мотив любви и верности суженому, почитания и возвеличивания мужчины, ради любимого, отца или брата она идёт на всё, использует все свои способности.

В сказках также запечатлелись и исторические этапы становления фольклорного эпического слова. Волшебная сказка стала повествовать о человеке без исключительных качеств, о простом человеке, хотя поддержка богов продолжает оставаться, поддержка уже не прямая, а опосредованная (через того или иного помощника, которые уже не обладают мифической силой, и вся их чудесная сила заключена часто только в волшебных предметах). В социально-бытовых сказках поддержка богов почти вовсе отсутствует, человек уже сам распоряжается своей судьбой, что даёт ему стимул для собственной активности. [3, с. 146]

Таким образом, шорские сказки представляют собой этико-эстетически преломлённое изображение народом исторической действительности, того мировоззрения, при помощи которого он создавал свои идеалы, которые при этом преследовались. Характер народа, его дух были источниками и побудительными мотивами создания произведений. В целом сказки помогают детям осознать понятия добра и зла для того, чтобы сохранить и передать следующим поколениям нравственные ценности и традиции своего народа.

Библиографический список

1. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Кемерово: Кн. изд-во, 1989. С. 111–112.
2. Чудояков А. И. Эпюды шорского эпоса. Кемерово: Кн. изд-во, 1995. С. 5–12.
3. Чудояков А. И. Эпюды шорского эпоса. Кемерово: Кн. изд-во, 1995. С. 146–160.
4. Чудояков А. И. Шорские сказки, легенды. Кемерово, 2012. С. 14–156.
5. Федеральный государственный стандарт начального общего образования (с изменениями на 31 декабря 2015 г.). АО «Кодекс», 2016. С. 17–18

© Кувалева С. М., 2018

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ГЕОРГИЕВИЧА ДОМОЖАКОВА

Статья посвящена творчеству хакасского писателя, создавшего ряд произведений на тему Великой Отечественной войны. Поэт призывает свой народ единой стеной подняться на защиту Отечества, трудиться во имя победы, утверждая, что сила народа в единстве и дружбе.

Ключевые слова: стихотворение, поэма, лирический герой, тема войны, защита Отечества.

Николай Георгиевич начал писать стихи в самое романтическое время, когда все верили в светлое будущее. Как и многим, ему пришлось стать летописцем своей эпохи. В поэзии периода Великой Отечественной войны («Материнский наказ сыну», «Песня Харола», «Отечественная война», поэма «Галина» и др.) поэт призывает свой народ единой стеной подняться на защиту Отечества, трудиться во имя победы, утверждая, что сила народа в единстве и дружбе.

В 1939 году он поступает на историко-филологическое отделение Абаканского учительского института, одновременно преподает хакасский язык в русской группе педучилища и в обкоме партии. Перед самым окончанием института его направляют для поступления в аспирантуру. Сдав там экзамен, Доможаков приезжает в Абакан и заканчивает учительский институт с красным дипломом. В это время начинается война, и он пишет заявление о добровольном направлении на войну. Но его откомисовали. Тогда Н. Г. Доможаков осенью едет учиться в аспирантуру. Железная дорога не успевает возить солдат и все необходимое для фронта, поэтому пассажирский поезд шел очень долго. Оказалось, что институт и ученые эвакуированы. С оставшимися учеными и писателями он поступает в пожарники. Ночью дежурят на крышах и сбрасывают на землю фугасные бомбы, чтобы предотвратить пожар. Об этом написано его стихотворение «Москва», в котором поэт рассказывает о патриотизме и мужестве защитников столицы:

На черном небе – облачная просесть.
Тревожна затемненная Москва.
Летит фашистский ас,
Он бомбы хочет сбросить –
Зениток гром слагается в слова:

Москва жива,
Тверда Москва,
Москва сильна,

Спокойна и грозна!
На каждой крыше люди наготове,
Стал крепостью московский каждый дом.
Столицу берегут зенитчики с любовью,
А «ястребки» – как птицы над гнездом.
Постепенно чувство опасности вытесняется чувством уверенности в
конечной победе. Все надежды страны связаны с Москвой:

Москва тверда,
Москва – как сталь,
С Москвой всегда
Мы. Не уйдем с поста.

Тема Родины, дружбы и войны представляет в поэзии Н. Г. Доможакова единый лирический сплав. Последняя обрела в ней широкое гуманистическое звучание. С особой силой поэт акцентирует внимание читателя на антропологической природе, противоестественном характере, жестокости войны. Надежда на скорое ее окончание, уверенность в победе – в этом черпает силы защитник Родины. Особенно популярной в военное время была лирическая поэма Н. Г. Доможакова «Галина», написанная в 1942 году. Она стала гимном дружбы народов в минуту суровых испытаний. Каждый народ ощущал братское плечо других народов, что придавало уверенность и силу. Восточная пословица гласит: «Не упадет тот, кому есть на что опереться». Дружба народов, их единение стало одной из главных тем хакасской литературы. Русская медсестра вынесла с поля боя раненого бойца-хакаса и отдала свою кровь, чтобы спасти его жизнь. Она стала для него другом и сестрой.

Галина кровь дает бойцу
И видит, видит, как в тумане,
Что по солдатскому лицу
Вновь заходил былой румянец!

В финале поэмы утверждается принцип, на котором зиждется дружба народов, – единство их интересов и целей, праведный бой во имя мира на земле.

О, Родина моя! В тебе
Все разноликие народы
Равны в труде,
Равны в борьбе –
И в ясный день,
И день невзгоды.
Коль падает один в дыму
Под грохот вражьего снаряда –
Другой всю кровь отдаст ему
И жизнь свою отдаст, коль надо.

Душевные силы, стойкость и отвага людей проявляются в первую очередь в чувстве патриотизма. Любовь к родине в грозную минуту ускорила рождение героического в характере людей. Поэт нигде прямо не говорил о патриотизме. Он, как истинный художник, ставит перед собой задачу – показать «безгеройность героизма»: героическое осознается как норма поведения каждого человека на войне, оно вошло в повседневность, и поэтому так естественно его проявление на фронте. Многие стихотворения Н. Г. Доможакова о войне написаны в жанре наказа, призыва, отсюда взволнованность звучания, доверительность интонаций. Суровые испытания военных лет придали стихотворению «Отечественная война» мужественную простоту, скрытую силу, гневность.

Слушай мой голос, хакасский народ,
Голос взволнованный мой,
Силы мне дай от великих щедрот,
Смертный чтоб выдержать бой.

Поэт призывает народ проявить высокие моральные качества, пытается вдохновить его на подвиг, укрепить стремление отстоять независимость, спасти Родину-мать. В стихотворении выражается мысль о главном условии победы – о неразрывной связи армии и тыла. В тяжелые минуты испытаний лирический герой, подобно русским былинным богатырям, обращается за помощью к родной земле:

Щедро роди нам зерно, земля!
Родине нужно оно, земля.

Непримиримость к врагу и нежность к народу-бойцу и труженику – этими чувствами наполнено стихотворение «Отечественная война». Как набат, призывающий к возмездию, звучит стихотворение «За Родину!». Центральное место занимает в нем обобщенный образ воина-богатыря, осознавшего свою историческую миссию – освобождение страны от фашистских захватчиков.

Хочет хищник отнять наше кровное право,
Наше общее счастье, богатство и славу.
Зверь напал на Отчизну – клыкастый, когтистый,
Носит он ненавистное имя фашиста...
Поднялись все народы для смертного боя,
Чтоб в бою отстоять дорогое, родное.
Все народы сплотились в единую силу,
Чтоб фашистскому хищнику вырыть могилу.

В стихотворении ярко и образно раскрываются чувства и переживания защитников Родины. Лирический герой твердо верит в победу над врагом.

Та земля, где народ себе выстрадал счастье,
Не отдаст его – станет лишь вдвое прекрасней.

Так вперед – за весну, за сиянье зари,
За Советскую Родину, богатыри!

Мотивы напутствия, характерные для поэзии военных лет, особенно отчетливо звучат в стихотворении «Материнский наказ сыну», в котором автор передает чувство опасения женщины-матери, провожающей сына на войну.

Снова, сын мой, в родную степь
Враг тяжелую ночь несет.
Злобным псом, разорвавшим цепь,
Тело нашей земли грызет.

Вся глубина внутренних переживаний, весь пафос стихотворения – в обращении матери к сыну. Стихотворение заканчивается призывом:

Приходи, врагов истребя!
Не сразив их, не знай покоя!

Печать военных лет лежит и на стихотворении «Песня Харола», раскрывающего переживания простых солдат. Доможаковский Харол – это обобщенный образ защитника Родины, олицетворяющий лучшие силы народа. Он находит душевную опору в любви к Родине, ее неповторимой красоте.

Вернусь я, коснусь родимой земли –
Меня, Абакан, обними.
Не плачь по мне, мать-земля,
Вернусь к тебе песней сыновней любви,
Меня в свое сердце прими.

Страстная и глубокая поэзия Н. Г. Доможакова военных лет являет собой наглядный пример гражданственности, патриотизма, личной причастности к одному из важнейших событий в истории человечества – Второй мировой войне.

Библиографический список

1. Абакан: стихи // Саянское созвездие. М., 1981.
2. Доможаков Н. Избранные стихи и поэмы. Абакан: Хака. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1965. 150 с.
3. Отечественная война; Уйбатская степь; Войско сибирское; Яркий свет; Тебе, русский: стихи // Литература Хакасии: 10 кл. Абакан, 1996.

© Сердюкова Н. К., 2018

МОТИВ СВАТОВСТВА В ХАКАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируется реализация мотива сватовства в хакасской литературе. На основе анализа хакасских произведений «У синих утесов», «Таг ээзи» и башкирского сказания «Акбузат» выявляются схожие моменты в ситуациях поиска и выбора невесты героем. Рассматриваются различные формы свадебных традиций в работах хакасских и башкирских ученых.

Ключевые слова: *мотив сватовства, традиция, башкирское кубаи, роман, поэма, поиск невесты, создание семьи, формы брака.*

Мотив сватовства прослеживается в литературе многих народов. Хакасская литература в этом смысле не составляет исключения.

Свадебные традиции, являясь частью обрядовой культуры хакасов, активно входят в сюжетные линии произведений хакасских писателей. Безусловно, эти традиции в первую очередь отражаются в фольклорных произведениях.

Целью нашей работы является рассмотрение такой небольшой формы сватовства в хакасской литературе, как поиск жены в пути. Базой теоретической концепции послужили труды ученых разных направлений: фольклористов В. Е. Майногашевой, М. А. Унгвицкой, историка В. Я. Бутанаева, литературоведов А. Г. Кызласовой, В. А. Карамашевой, Л. В. Челтыгмашевой и других. Однако следует отметить, что системного исследования по этой теме нет, чем объясняется актуальность данной проблемы.

В фольклорных и литературных произведениях тюркских народов отражаются различные формы брака. Так, например, Р. С. Липец выделяет его следующие формы: брак с девушкой, полученной героем в результате «нормального» сватовства; брак с невестой, предназначенной завоевателю против ее воли местным побежденным или устрешенным властителем (дипломатический брак); брак с захваченной в походе пленницей [3, с. 45].

Хакасские исследователи в основном отмечают такие формы сватовства как сговор, умыкание, хысхылых и др. Это можно проследить в работе В. Я. Бутанаева: «В общем, свадебный комплекс сводился к следующим этапам: сватовство малолетних – «саблыг той» или похищение девушки – «тутхын» и приезд погони – «серген», затем малый праздник – «кiчiг той», мировая – «чарас», собственно свадьба – «улуғ той». В свадебных обрядах хакасов отразились пережитки различных исторических эпох, социальных норм и религиозных верований, раскрываются мировоззрение и многогранность традиционной культуры народа. Многие элементы хакасской свадебной обрядности являлись общими для народов

Южной Сибири, что говорит об их древних этнокультурных связях» [1, с. 185].

С. А. Угдыжекков в своей статье «Женщина в древнехакасском обществе» приходит к выводу, что «в имущественном и социальном положении древнехакасская женщина, вероятно, не была особенно принижена» [5, с. 38]. Возможно, что основной формой брака в древности был брак умыканием, широко распространенный среди хакасов, алтайцев и тувинцев в недавнем прошлом.

Наше внимание привлекает древняя форма поиска жены, отраженная в охотничьих мифах хакасов. Этой формой удачно пользуется известный хакасский писатель К. Нербышев в романе «У синих утесов», явившемся вершиной его творчества. В основе создания рода Ах кистер лежит охотничья удача. Так, «мастер по дереву и железу, сильный, «сбивающий кулаком коня» Сапон, охотясь в далеких краях, встретил бродившую там беременную женщину Паачан, привел к себе домой и женился на ней. В аале до сих пор никто толком не знает, как все случилось. Разное говорили... Жили они дружно, вырастили двух дочерей. Та, что пришла в чреве матери от чужих людей и принесла незнакомую кровь, была Сарыг-Пас, желтоголовая красавица... Сюжет о происхождении рода Ах кистер напоминает сюжет охотничьих мифов» [6, с. 7]. В данном случае белолицая красавица становится главной добычей охотника. Не остаются без внимания и слова автора об особенностях проведения свадеб рода Ах кистер, показанные в прологе произведения: «Даже свадьбы с девушками из рода Ах кистер играют в то пьянящее время года, когда кажется, что стоящие цепью синие тасхылы от неумолчного звона кукушек начинают бить в колокола, а заросли черемухи возле аала знойно гудят от снующих в белой кипени пчел» [6, с. 5].

Действительно, мотив встречи будущей жены во время охоты часто встречается в героических сказаниях многих народов. К примеру, исследователь Н. Г. Кульсарин отмечает, что «проблема поиска жены и создания семьи в эпосе многих народов начинается с того, что эпический герой отправляется на охоту, встречает водяную девушку, а в более архаичных сюжетах – золотую утку, превращающуюся затем в девушку. Так, в башкирском кубаире «Акбузат» главный герой Хаубан шел по берегу озера, увидел плавающую золотую утку и подстрелил ее. Когда он подплыл и начал подгонять утку к берегу озера, та заговорила человеческим языком» [2, с. 1015–1017]. Человеческим же языком заговорила хозяйка горы в поэме «Тағ ээзи» В. Майнашева: «Вернее она, услышав пение молодого пастуха овец на горе, стала заигрывать с ним: то хохотала, то пряталась. Испуганный парень прибежал домой «бересты бледней». В итоге они поженились и прожили счастливо до старости» [4, с. 12]. В этом произведении автор исполь-

зует другой мотив. Он связан с тем, что «инициатива брака исходила не от героя, а от хозяйки природы».

Таким образом, рассмотренные нами два мотива сватовства – поиск жены в пути (на охоте) и брак по желанию хозяина природы, в произведениях хакасских писателей, хотя и не отражают основные формы сватовства хакасов, но показываются как основа создания семьи и прием характеристики персонажей названных произведений. В сюжетной линии эпических произведений тюркоязычных народов такие жанры фольклора как сказка, легенда и миф, пословица, поговорка, а также кречет и плач имеют устойчивую форму в традиции мотива сватовства.

Библиографический список

1. Бутанаев В. Я Свадебные обряды хакасов // Традиционные обряды и искусство коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 179–193.
2. Кульсарин Н. Г Мотив сватовства героя в башкирском и русском героическом эпосе // Вестник башкирского университета. 2012. № 2. Т. 17. С. 1015–1017.
3. Липец Р. С. «Завоеванная женщина» в башкирском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 45.
4. Майнашев В. Чазы. – Тайгалар үні: цикл стихов // Часкы перлер. Абакан, 1974. С. 4–20.
5. Угдыжеков С. А. Женщина в древнехакасском обществе VI–XII вв. // Научные исследования молодых ученых и студентов Хакасии. Абакан, 1997. С. 36–39.
6. Нербышев К. Т. У синих утесов. Роман. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1999. С. 5–7.
7. Челтыгмашева Л. В. Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте. Абакан, 2014. 104 с.

© Торокова А. Э., 2018

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 372.4

В. В. Мирошниченко, Л. С. Боргоякова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА К КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РЕГИОНА

В статье рассматриваются особенности организации проектной деятельности в начальной школе. Обосновывается необходимость формирования у младших школьников интереса к культуре народов региона через организацию проектов этнорегионального содержания, к которым относятся исследовательские, творческие, игровые, информационные и практико-ориентированные проекты.

Ключевые слова: проектная деятельность, виды проектов этнорегионального содержания, интерес к культуре народов региона.

Учет национальных, региональных и этнокультурных особенностей заявлен как один из основных приоритетов федеральных и региональных законов об образовании. Необходимость знакомства обучающихся с культурами своего этноса и этносов-соседей для формирования интереса к культуре народов региона, а также воспитания культуры межнационального общения и межэтнической толерантности прописана во многих нормативно-правовых документах (Конституция РФ (ст. 26), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 3), Федеральный Закон о национально-культурной автономии, Концепция развития поликультурного образования в РФ, Комплексная программа развития поликультурного образования, Федеральный государственный стандарт).

Саяно-алтайский регион представляет собой единое историческое и социокультурное пространство, объединяющее проживающих на его территории представителей коренных этносов (алтайцев, тувинцев, шорцев и хакасов), их традиции, обычаи, мифологические и культурные архетипы. Мы считаем, что, в первую очередь, необходимо на всех ступенях образования знакомить обучающихся с элементами культур коренных этносов региона. И младших школьный возраст является для этого сензитивным.

Одним из эффективных средств формирования интереса к культуре народов региона у младших школьников является проектная деятель-

ность. Проектная деятельность – вид учебно-познавательной активности обучающихся, представляет собой совокупность действий, заключающихся в мотивационном достижении сознательно поставленной цели по исследованию и разрешению педагогических задач, направленных на развитие субъектов образовательного процесса, освоение профессионального опыта и овладение способами деятельности и операциями в процессе создания продукта (В. В. Гузеев, Н. В. Матяш, Е. С. Полат).

Проектной деятельностью этнорегионального содержания школьники начинают заниматься уже в начальных классах, сначала под руководством учителя, а затем и самостоятельно.

В соответствии с доминирующим методом, лежащим в основе выполнения проекта, Е. С. Полат различает исследовательские, творческие, игровые, информационные и практико-ориентированные проекты [1, с. 62].

Рассмотрим особенности выполнения младшими школьниками проектов в контексте формирования интереса к культуре народов региона.

Исследовательские проекты предполагают проверку некоторого предположения, гипотезы с использованием научных методов познания; имеют четкую продуманную структуру. Например, «Как сохранить традиции и обряды народов Саяно-Алтая?», «Сказки народов региона: особенность и отличие», «Значение праздников в жизни народа» и т. д.

Творческие проекты предполагают авторский, креативный подход в решении проблемы. Такие проекты не имеют четкой и продуманной структуры совместной деятельности учащихся. В данном случае структура только намечается, а затем уточняется с учетом требований к форме и жанру конечного продукта проекта [2]. Это может быть стенная газета, сценарий праздника, театрализации, подготовка выставки и т. д. Творческие проекты, направленные на формирование этнической и гражданской идентичности, могут быть ориентированы на подготовку «Праздника дружбы», выставки «Путешествие в мир национальной одежды» и т. д.

Игровые проекты требуют значительной подготовительной работы, определение участниками игровых ролей с учетом особенностей решаемой проблемы, формирование умения принимать решение в игровой ситуации. К таким проектам можно отнести и ролевые игры («Мы пришли в гости к хакасской (шорской, алтайской) семье» и др.). Помимо ролевых игр, примером тематики игровых проектов могут быть проекты «Во что играли наши бабушки и дедушки?», «Приключение старинной вещи» и т. д.

Информационные проекты ориентированы на сбор информации о каком-либо явлении, объекте, на знакомство участников с информацией, ее анализе и обобщении фактов (статья в СМИ, информация в сети Интернет) [2]. Примером таких проектов являются: «Народные музыкальные

инструменты: история и современность», «Народные праздники: вчера, сегодня, завтра» и т. д.

Практико-ориентированные проекты имеют практический результат деятельности его участников, который отражает социальные интересы участников. Может быть предложена следующая тематика практико-ориентированных проектов: составление путеводителей «Традиционно почитаемые места хакасов», «Мой родной край», разработка маршрутов виртуальных экскурсий по городу и краю, подготовка макета (или рисунка) «Дом в этностиле», приготовление национального блюда и т. д.

Так, на базе МБОУ «Бековская основная общеобразовательная школа» (Кемеровская область, Беловский район) был проведен конкурс проектов, работа осуществлялась по следующим секциям: 1. Сохранение истории родного края; 2. История семьи; 3. Личность в истории; 4. Население Кузбасса.

В качестве примера приведем еще несколько проектов, разработанных школьниками совместно с учителями, в Кемеровской области (Горной Шории):

– «Интеграция занятия оздоровительной физической культурой с изучением родного языка и родной литературы»;

– «Язык, культура и быт шорцев на занятиях декоративно-прикладным творчеством и традиционными ремеслами».

Виды и формы презентации проектов могут быть различными, что во многом зависит от продукта работы над проектом, от индивидуальных особенностей и предпочтений учащихся. Это может быть: деловая игра; демонстрация видеофильма – продукта, выполненного на основе информационных технологий; диалог исторических или литературных персонажей; иллюстративное сопоставление фактов, документов, событий, эпох, цивилизаций; инсценировка реального или вымышленного исторического события; научная конференция; отчет исследовательской экспедиции; прессконференция; путешествие; реклама; ролевая игра; соревнования; спектакль; спортивная игра; телепередача; экскурсия и др. [3].

Главным при организации проектной деятельности этнорегиональной тематики является владение учителем технологии организации и проведения проектов, безусловный интерес к изучаемому материалу, а также большое желание сформировать у младших школьников основы этнической и гражданской идентичности.

Библиографический список

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева; под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 1999. 224 с.
2. Ступницкая М. А. Что такое учебный проект? // Первое сентября. 2010. № 2. С. 34.
3. Чердынцева Е. В. Организация проектной деятельности в начальной школе // Ученые записки. Сер. Психология. Педагогика. 2009. № 1 (5). С. 68–73.

© Мирошниченко В. В., Боргоякова Л. С., 2018

ПРОЕКТ «ЧАПСЫХ ЧООХ» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается успешный опыт использования инновационного проекта в виде цикла радио- и телепередач «Чапсых Чоох», направленного на формирование устойчивого познавательного интереса и мотивации к изучению хакасского языка жителями Республики Хакасия.

Ключевые слова: инновационный проект, хакасский язык, миноритарный язык, этнокультурное образование, поликультурная среда.

Республика Хакасия сложилась как полиэтническая и многоязычная республика, в которой проживают представители более 100 национальностей. Общая численность хакасов составила по итогам переписи 2010 года 72 959 человек, русские – 79,5 %, украинцы – 2,9 %, немцы – 2,0 %, чувашаи – 0,6 %, другие – 4,5 %.

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
	перепись	перепись	перепись	перепись	перепись	перепись	перепись	перепись
Численность хакасов в Хакасии	44,219 (49,8 %)	45,799 (16,8 %)	48,512 (11,8 %)	54,750 (12,3 %)	57,281 (11,5 %)	62,859 (11,1 %)	65,431 (12,0 %)	63,643 (12,1 %)

В такой ситуации возрождение социального и культурного статусов национальных языков становится важнейшим фактором формирования национального самосознания их носителей, создания благоприятного климата межнационального общения в Республике.

Правовой основой для осуществления целенаправленной языковой политики являются принятые в Республике Законы Республики Хакасия «Об образовании» (17–18 февраля 1998 г.), «О языках народов Республики Хакасия» (20 октября 1992 г.), «О нормативах финансового обеспечения образовательной деятельности муниципальных общеобразовательных учреждений» и другие, в которых закреплены права граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики, на свободный выбор языка воспитания и обучения. Понимая, что основной путь к национальной школе лежит через родной язык и национальную культуру, Министерство образования прилагает все усилия для соблюдения конституционного права каждого ребенка изучать свой родной язык.

В целях реализации подпрограммы «Укрепление единства российской нации и гармонизации межнациональных отношений в Республике Хакасия в 2014–2016 годах» государственной программы Республики Хакасия «Региональная политика Республики Хакасия (2014–2016 годы)», утвержденной постановлением Правительства Республики Хакасия от

13.11.2013 № 622 Министерством образования и науки Республики Хакасия, в 2015 году было принято решение провести республиканский конкурс на предоставление грантовой поддержки муниципальным образованиям в области сохранения хакасского языка и культуры. В данном конкурсе принял участие и стал победителем муниципальный проект г. Абакана «Чапсых чоох» («Интересная беседа»). У народа, который не знает своего языка, истории, нет будущего, это как дерево без корней, как огромное здание без фундамента, поэтому приобщение учащихся к истории, культуре народа, воспитание чувства патриотизма и популяризация хакасского языка среди жителей Республики – это основная идея проекта.

Проект направлен на сохранение и развитие культурного и языкового наследия хакасского народа через создание цикла радио- и телепередач, способствующих сохранению и развитию хакасского языка, пониманию его роли в жизни человека и общества; расширение аудитории, использующей хакасский язык в качестве средства общения; формирование разговорного стиля общения на хакасском языке в свободной непринуждённой форме.

В проекте участвовали учителя хакасского языка, корреспонденты ИРТА «Абакан». При реализации проекта использовались интерактивные формы и методы, которые способствовали осознанию хакасского языка как одного из основных национально-культурных ценностей народа, его самобытности и уникальности. Радио- и телепередачи были рассчитаны на широкую аудиторию радиослушателей и телезрителей разных возрастов, разного уровня сформированности языковой компетенции. Содержание радио- и телепередач было направлено на обогащение словарного запаса и грамматического строя речи, в том числе для людей, не владеющих хакасским языком. Тексты были ориентированы на запоминание отдельных слов, предложений, что является первым шагом к более широкому использованию их в речи, формированию интереса к дальнейшему изучению хакасского языка, развитию готовности к речевому взаимодействию и взаимопониманию. Для визуального запоминания хакасских слов в газете «Абакан» был опубликован лексический словарь в рубрике «Изучаем хакасский язык вместе».

Выпуск сборника текстов радио- и телепередач позволил использовать их в муниципальных образовательных учреждениях в качестве учебно-методических пособий. В рамках проекта с целью распространения положительного опыта был создан видеофильм «Поликультурное образование в городе Абакане».

Городским управлением образования спланирована и успешно проводится работа по созданию условий, обеспечивающих расширение возможностей для изучения хакасского языка и культуры. В этой работе

принимают участие педагоги и родители, представители средств массовой информации, что обеспечивает повышение мотивации к изучению родного языка и литературы, развитие творческих способностей учащихся, сохранение языка и традиций хакасского народа.

© Тюкпиекова Е. Я., Улугбашева О. И., 2018

УДК 372.881.1

О. П. Сагалакова

ПРАКТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ РАБОТЫ НА УРОКАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются некоторые из наиболее распространенных видов интерактивных форм и методов обучения, систематизируется практический опыт использования данных методов и приёмов на уроках хакасского языка и литературы. Автор приходит к выводу, что использование интерактивных форм и методов работы способствует повышению качества подачи материала и обеспечивает высокую продуктивность его усвоения и повышение мотивации к изучению родного (хакасского) языка.

Ключевые слова: интерактивные формы и методы работы, интерактивное обучение, интерактивный режим, деятельность, хакасский язык.

Современное образование нацелено на подготовку гражданина России, обладающего разнообразными качествами: способного к социально адаптированной жизни в обществе, умеющего учиться, самосовершенствоваться.

В соответствии с социальными запросами цели образования, заложенные в Федеральном государственном образовательном стандарте, определяют такую ключевую компетенцию, как «научить учиться», предполагающую как общекультурное, личностное и познавательное развитие обучающихся.

Интерактивные формы и методы работы, полностью соответствуя условиям быстро меняющегося общества, предусматривают обеспечение индивидуализации обучения и воспитания, развитие самостоятельности обучающихся и содействуют сохранению и укреплению здоровья.

Постановка мотивированной познавательной деятельности на уроках хакасского языка и литературы в режиме интерактива разрешает создать благоприятные условия обучения, вызывая появление чувства успешности у каждого обучающегося.

Взаимодействие учителя и обучающихся на основе общения через призму родного языка в интерактивных формах основано на умении слушать и слышать, говорить и быть понятым. Оно позволяет им выступать в качестве активных участников когнитивного процесса, получая

возможность понимать и пропускать через себя имеющуюся информацию путем более плодотворного осмысления.

Говоря простыми словами, учащийся получает информацию не в виде уже готовой системы от педагога, а в процессе собственной активности. Педагог создает ситуации, в которых обучающийся становится активен, он сам спрашивает, действует. Интерактивное обучение отчасти решает еще одну существенную задачу. Речь идет о релаксации, снятии нервной нагрузки, переключении внимания, смене форм деятельности и т. д.

В актуальной педагогической действительности разработаны и используются несколько десятков новых стратегий, методов и приемов интерактивного обучения. Педагог, независимо от преподаваемого предмета или учебной дисциплины, должен владеть хотя бы несколькими методами и формами интерактивного обучения и уметь использовать их в учебном процессе.

В настоящее время методистами и учителями-практиками разработано немало интерактивных форм работы. Наиболее известные из них – «Карусель», «Микрофон», «Аквариум», «Мозговой штурм», «Дебаты» и т. д.

Эти формы результативны тогда, когда на занятии обсуждается определенная тема в целостности, о которой у школьников имеются первоначальные знания, полученные ранее на уроках или в обыденном опыте. Так, например, нет смысла в групповом обсуждении сложных ещё не изученных теоретических вопросов хакасского языка. Важно также, чтобы при обсуждении определённых вопросов имелась хоть какая-то имеющаяся база знаний для перехода путем обсуждения к более широкой постановке проблемы. Эта проблема должна быть актуальной, интересной и значимой для учащихся.

Каждый учитель может использовать «Мозговой штурм» для выработки нескольких решений конкретной проблемы. Целью данной формы работы является сбор разнообразных идей от всех учащихся за короткое время. В частности, на уроке хакасской литературы в 7 классе по теме «Алыптыг ныхагарданар» обучающиеся должны перечислить слова-существительные, ассоциативно связанные с понятием «алыптыг ныхах». На следующем этапе обучающиеся придумывают слова-прилагательные, которые подходят к сочетанию «алыптыг ныхах», аналогично записываются глаголы. Впоследствии класс объединяется в три-четыре группы, которые составляют текст, используя написанные на доске слова.

Использование мозгового штурма на уроках хакасского языка имеет свою специфику. В качестве примера можно привести урок хакасского языка в 5 классе по теме «Имя прилагательное». В группах выбираются *руководители*, *секретари*, которые фиксируют поступившие идеи. Рабочие группы получают задания, которые определяют роль прилагательных в речи:

Задание первой группе: у прилагательных не было числа, падежа, лица. Как помочь прилагательным обрести эти грамматические категории? (*Позаимствовать у существительных*).

Задание второй группе: представьте такую ситуацию, что из нашей речи исчезли все прилагательные. Что может произойти? (*Катастрофа, все станет серым*).

На втором этапе обучающиеся анализируют перечисленные идеи и доказывают их важность и необходимость, при этом ни одна идея не пропускается, все рассматриваются.

На заключительном этапе результаты обрабатываются и обучающиеся приходят к окончательному выводу. Подведение итогов работы в группах ведется в соответствии со следующими вопросами: к какому выводу мы пришли? Какова роль прилагательных? (речь с прилагательными богаче, образнее. Прилагательные могут взять на себя роль существительного, заимствуя при этом все его признаки: число, падеж, притяжательную форму). Какое практическое применение могут найти ваши идеи?

Высокую активность обучающихся на уроках хакасского языка и литературы можно увидеть при использовании метода «Броуновское движение», который используется при изучении блока информации или повторении выученного и позволяет осуществить сбор информации по предложенной теме не только в классе, но и в школе. Обучающиеся учатся решать проблему через анализ собранных сведений, критически мыслить, принимать взвешенные решения. Суть «Броуновского движения» заключается в предварительном приготовлении карточек с фактами, касающимися темы урока, на каждого ученика. В течение нескольких минут обучающийся знакомится с представленной информацией, затем знакомит с ней максимальное количество учащихся для передачи как можно более полной информации. После окончания упражнения предлагается воссоздать полученные сведения.

На примере урока хакасской литературы в 9 классе по теме «В. А. Кобяков «Пасха кизінің аңмары» можно рассмотреть содержание интерактивного метода «Два, четыре – все вместе». Перед обучающимися ставится задача: определить глубокую мысль, заложенную в названии рассказа В. А. Кобякова «Пасха кизінің аңмары». Все обучающиеся в течение 1–2 минут обсуждают проблему самостоятельно, затем обмениваются мнениями в парах, объединяясь в группы по четыре человека. После принятия совместного решения «в четверках» происходит совместное обсуждение вопроса. Данный метод является вариантом кооперативного обучения и является эффективным при развитии навыков общения в группе, умений убеждать и вести дискуссию.

В контексте урока хакасского языка в 7 классе по теме «Причастие» интерактивные формы и методы можно рассмотреть в следующем вари-

анте: обучающимся предлагается написать глаголы, характеризующие их действия на момент постановки вопроса (например, *пишу – пасчам, улыбаюсь – кўлінчем, думаю – сагынчам, смотрю – кўрчем, слушаю – исчем и т. д.*). После этого им предлагается объединиться в пары и преобразовать данные глаголы в слова, отвечающие на вопрос *какой?* (*пишущий – пасчатхан, улыбающийся – кўлінчеткен, думающий – сагынчатхан, смотрящий – кўрчеткен, слушающий – исчеткен и т. д.*). Затем «двойки» объединяются в «четверки» и составляют три-четыре предложения с написанными причастиями. Составленные предложения озвучиваются и анализируются.

Большой интерес среди учащихся вызывает использование интерактивного метода «Микрофон», при котором им предлагается высказать свою точку зрения по поставленному вопросу или проблеме. По классу пускают предмет, имитирующий микрофон (ручка, карандаш). Каждый, получивший такой «микрофон», обязан четко и лаконично изложить свою мысль и сделать вывод. Метод «Микрофон» дает возможность каждому сказать что-то быстро, но не повторяя предыдущий ответ.

Актуальность использования игры «Карусель» не вызывает сомнений. Так, например, на уроке хакасской литературы в 8 классе по теме «Н. Г. Доможаков «Ыраххы аалда» можно одновременно использовать игру «Микрофон» и «Карусель». Образуется два кольца: внутреннее и внешнее. Внутреннее кольцо – это стоящие или сидящие неподвижно ученики, обращенные лицом к внешнему кругу, а внешнее – это ученики, перемещающиеся по кругу через каждые 30–60 секунд. Таким образом, они успевают проговорить за несколько минут несколько тем. Ребята увлеченно беседуют, занятие проходит динамично и результативно по заранее подготовленным вопросам:

- Сабис – герой положительный или отрицательный? Почему вы так считаете?
- Охарактеризуйте образ Тоёна.
- Какими описаны природа, степь, кони в прочитанном отрывке?
- Сравните образы Сабиса и Тоёна.
- Какую характеристику вы бы дали Сагдау?
- Как развивался бы сюжет произведения, если бы не было Тоёна? Ваши предположения.

После обсуждения детям рекомендуется встать в круг. Учащиеся одним-двумя предложениями высказываются по содержанию отрывка произведения и передают «микрофон» следующему. Высказывания учащихся не повторяются.

Методы «Карусель» и «Микрофон» являются эффективным вариантом одновременного включения участников в активную работу с равными партнерами в общении для обсуждения дискуссионных вопросов.

Применяя метод эмпатии, предлагаем такой вид работы, как написание монолога от лица героя литературного произведения, например, монолог Акая по теме «Жизнь детей в послевоенное время». «Вживание» в неодоушевленные образы вызывает большой интерес обучающихся. Например, в 7 классе монолог дуба в произведении М. Е. Кильчицакова «Кі кинек».

Метод эмпатии как никакой другой способствует развитию фантазии, воображения, постижению сути изучаемого объекта, получению оригинальных творческих решений, созданию творческих проектов. «Вживание» в образ, особенно на уроках литературы, учит сочувствию, состраданию, соучастию, «будит душу», и следовательно, формирует важнейшие нравственные понятия подрастающего человека.

Интерактивные формы и методы позволяют вести работу в группах сменного состава без особых затруднений. В группах небольшого количества состава и способности, и слабоуспевающие имеют возможность высказаться, стать малозаметным становится невозможным, что повышает инициативность обучающихся, усиливает интерес к занятию. Объединение обучающихся разного уровня подготовленности в группы на уроках хакасского языка и литературы позволяет взаимно дополнять и обогащать друг друга.

В целях экономии времени на уроке предварительно планируется, каким образом учащиеся будут разделены на группы. С этой целью готовятся карточки со словами или предложениями на определенные темы, и предлагается объединиться в группы.

При работе групп следует вести наблюдение над тем, в какой степени плодотворно выстраивается объединенная работа, необходимо оказывать помощь отдельным обучающимся, не включившимся в деятельность, стать участниками общения. На приготовление сообщения разным группам требуется разный промежуток времени, поэтому можно выделять дополнительное время отставшим. При разрешении проблемы возможно выступление одного человека (по желанию или выбору группы) или последовательное выступление всех членов группы. Особым условием выступления является краткость и информативность.

Наш практический опыт показывает, что любой урок можно проводить в интерактивных формах, заложив в него диалоговую основу, что способствует повышению эффективности обучения родному языку.

© Сагалакова О. П., 2018

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье обобщается опыт работы по хакасскому языку в условиях внеурочной деятельности с использованием образовательных технологий. Внеучебная деятельность организуется в условиях, отличных от урочной системы обучения. Включение обучающихся в практическую деятельность играет важную роль в формировании навыков говорения на хакасском языке.

Ключевые слова: внеурочная деятельность, хакасский язык, образовательные технологии, виртуальный кабинет хакасского языка, результаты внеурочной деятельности.

Решение задач воспитания и социализации школьников в контексте национального воспитательного идеала, их всестороннего развития наиболее эффективно в рамках организации внеурочной деятельности.

Внеучебная деятельность – деятельность, организуемая участниками образовательного процесса, отличная от урочной системы обучения: экскурсии, кружки, секции, круглые столы, конференции, диспуты, КВН, школьные научные сообщества, олимпиады, соревнования, поисковые и научные исследования и т. д. [3, с. 4].

Хакасский язык в лицее ведется через внеурочную деятельность. Учащиеся, поступающие к нам в школу, не знают хакасского языка, как и основная масса молодых родителей. Хотя хакасский язык получил статус государственного языка еще в 1992 году, он не стал языком полноценного функционирования в социальных сферах республики. Несмотря на то, что многое делается для развития и сохранения хакасского языка и культуры, наш язык еще не стал востребованным в первую очередь самими хакасами, а затем уже и другими народами, проживающими на территории Республики Хакасия.

Сегодня уже не осталось сомнений по поводу необходимости изучения родного языка. В городе Абакане в школах ведется обучение хакасскому языку через внеурочную деятельность или через уроки хакасского языка. В лицее хакасский язык ведется через внеурочную деятельность.

Главным направлением в моей деятельности является формирование навыков говорения на хакасском языке с целью формирования и развития навыков коммуникации на родном языке у учащихся не только на уроке, но и в социуме.

Для решения данной задачи в обучении хакасскому языку мною используются современные образовательные технологии в организации внеурочной деятельности, которые помогают организовать ее в соответствии с ФГОС наиболее эффективно.

Технология проблемного обучения. Главным условием данной технологии является включение обучающихся в практическую деятельность (игру, труд), в процессе которой возникают потребности в овладении чем-либо («хочу научиться», «хочу это сделать» и т. д.). Данная технология решает следующие задачи:

- стимулирование внутренней мотивации учения;
- повышение познавательного интереса;
- формирование самостоятельности;
- развитие творческих способностей, воображения;
- развитие коммуникативных навыков;
- формирование убеждений;
- овладение первичными навыками исследовательской деятельности.

Таким образом, обучающийся становится не объектом, а активным субъектом своей деятельности [6].

Следующая технология, которую я внедряю в процесс внеурочной деятельности по хакасскому языку, – это **технология проектирования**.

Цель работы над проектами – развитие личности и создание основ творческого потенциала учащихся.

Задачи:

1. Формирование позитивной самооценки, самоуважения.
2. Формирование коммуникативной компетентности в сотрудничестве:
 - умение вести диалог, координировать свои действия с действиями партнеров по совместной деятельности;
 - способности доброжелательно и чутко относиться к людям, сопереживать;
 - формирование социально адекватных способов поведения.
3. Формирование способности к организации деятельности и управлению ею:
 - воспитание целеустремленности и настойчивости;
 - формирование навыков организации рабочего пространства и рационального использования рабочего времени;
 - формирование умения самостоятельно и совместно планировать деятельность и сотрудничество;
 - формирование умения самостоятельно и совместно принимать решения;
 - формирование умения решать творческие задачи;
 - формирование умения работать с информацией (сбор, систематизация, хранение, использование).

Детские проекты могут быть разнообразными, отличаться друг от друга результатом:

- поделки (открытки, рисунки, книги, игрушки, костюмы, макеты, модели и т. д.);

- мероприятия (викторины, концерты, спектакли, КВН, показы мод и т. д.) [2].

Метод проектов – это одна из конкретных возможностей использовать жизнь для воспитательных и образовательных целей.

Следующая технология, которую применяю в обучении хакасскому языку – **игровые технологии**. Одной из форм обучения, развивающей умение самостоятельно оценивать и отбирать необходимую информацию, является дидактическая игра, способствующая практическому использованию знаний, полученных на уроке и во внеурочное время.

Игра – это естественная и гуманная для ребенка форма обучения. В игру включаются:

- игры и упражнения, формирующие умение выделять основные, характерные признаки предметов, сравнивать, сопоставлять их;
- группы игр на обобщение предметов по определенным признакам;
- группы игр, в процессе которых у младших школьников развивается умение отличать реальные явления от нереальных;
- группы игр, воспитывающих умение владеть собой, быстроту реакции на слово, фонематический слух, смекалку и др.

При этом игровой сюжет развивается параллельно основному содержанию обучения, помогает активизировать учебный процесс, осваивать ряд учебных элементов [5, с. 156].

Информационно-коммуникационные технологии представляют собой процесс подготовки и передачи информации учащемуся, средством осуществления которых является компьютер.

Создание и развитие информационного общества предполагает широкое применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании.

Применение ИКТ во внеурочной деятельности предполагает использование новых средств обучения и хранения знаний, к которым относятся:

- электронные учебники и мультимедиа;
- электронные библиотеки и архивы, глобальные и локальные образовательные сети;
- информационно-поисковые и информационно-справочные системы и т. п.

Использование ИКТ обеспечивает:

- повышение эффективности и качества внеурочной и внеурочной деятельности;
- активизацию познавательной и творческой деятельности школьников за счет компьютерной визуализации учебной информации, включения игровых ситуаций, возможности управления, выбора режима внеурочной деятельности школьников;

- углубление межпредметных связей за счет использования современных средств обработки, хранения, передачи информации, в том числе и аудиовизуальной, при решении задач различных предметных областей (например, автоматизированные, интеллектуальные обучающие системы, электронные учебники, используемые при организации внеучебных мероприятий и досуга школьников);
- усиление практической направленности знаний, полученных в рамках внеучебных мероприятий;
- закрепление знаний, умений и навыков в области информатики и информационных технологий;
- формирование устойчивого познавательного интереса школьников к интеллектуально-творческой деятельности, реализуемой с помощью средств ИКТ;
- повышение воспитательного воздействия всех форм внеурочной деятельности;
- осуществление индивидуализации и дифференциации в работе со школьниками;
- развитие способности свободного культурного общения школьников с помощью современных коммуникационных средств.

В состав средств ИКТ рекомендуется включать задания, побуждающие к основным этапам практического обучения, задания, требующие деятельностного ответа, задания, основанные на развивающейся практике. Сценарий работы средства ИКТ должен предусматривать возможность индивидуального выбора темпа и траектории деятельности школьников [1, с. 6].

ИКТ могут использоваться не только в учебных целях, а также для развития интеллектуального и воспитательного потенциала учащихся. На официальном сайте лицея размещен виртуальный кабинет хакасского языка. Задачи виртуального кабинета хакасского языка:

- 1) приобщать учащихся к изучению хакасского языка и развивать интерес к традициям хакасского народа и других народов мира;
- 2) оказывать помощь педагогам хакасского языка в развитии профессионального потенциала и развития поликультурной компетенции;
- 3) содействовать формированию и развитию представлений о национальной культуре и истории хакасского народа.

В виртуальном кабинете хакасского языка размещены материалы для учителей и лицеистов. Для обмена опытом для учителей размещены уроки хакасского языка. Для расширения знаний учащихся в виртуальном кабинете имеются олимпиадные задания, тесты по хакасскому языку, материалы для подготовки к интеллектуальному марафону «Хыйгацахтар мариин». Так мы используем возможности информационно-коммуникационных технологий для развития интеллекту-

ального и воспитательного потенциала учащихся, изучающих хакасский язык.

Результатом внеурочной деятельности по хакасскому языку является участие обучающихся в конкурсах различного уровня, подтверждающее высокую мотивацию учащихся и желание реализовать свой познавательный и творческий потенциал.

Учащиеся ежегодно показывают хорошие результаты:

- в Международном фольклорном празднике «Детский Тун Пайрам 2012» – 2 место;
- в межрегиональном Фестивале-конкурсе «Серебряные голоса» – I место;
- в городском конкурсе юных экскурсоводов «Герой моего края» – III место;
- в республиканском конкурсе видеоклипов «Я – режиссёр страниц книг писателей Хакасии» в рамках республиканского проекта «Писатели Хакасии – детям» – II место;
- в ежегодном городском интеллектуальном марафоне «Хыйҕахахтар мари»: 2013 г. – III место, 2014 г. – II место, 2015 г. – III место; 2016 г. – III место, 2017 г. – III место, 2018 г. – II место;
- в ежегодном городском конкурсе «Чурта, төреен тілім!» («Живи, родной язык!»), посвященном Международному дню родных языков.

Таким образом, использование современных образовательных технологий во внеурочной деятельности по хакасскому языку стимулирует мотивацию учащихся к обучению родному языку, повышает их познавательный интерес, помогает в развитии творческих способностей воспитуемых, а самое главное – развивает коммуникативные навыки детей.

Библиографический список

1. Агатова Н. В. Информационные технологии в школьном образовании. М.: Школа-Пресс, 2006. 322 с.
2. Валиулина З. Р. Использование проектной деятельности на уроках математики, геометрии. URL: https://urok.pf/blogs/ispolzovanie_proektnoj_deyatelnosti_na_urokah_mat_092430
3. Григорьев Д. В., Степанов П. В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2010. 223 с.
4. Поляков С. Д. Технологии воспитания: учеб.-метод. пособие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 144 с.
5. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2-х т. – Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
6. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Теория обучения». URL: <https://studfiles.net/preview/2381170/page:45/>

© Тинникова Л. И., 2018

САМОБИТНОСТЬ И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ХАКАССКОГО ФОЛЬКЛОРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ХАКАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье представлено жанровое многообразие хакасского фольклора, изучаемое в школьной программе хакасской литературы 5–11 классов. Автор уделяет внимание самобытности и воспитательному потенциалу хакасского фольклора.

Ключевые слова: хакасский фольклор, сказка (нымах), скороговорки (табырах чоох-таныстар), пословица, поговорка, загадка, миф, ыр, тахпах, кип-чоох, алыптыг нымах.

Во все времена фольклор играл огромную роль в духовной жизни всех племен и народов. Создававшийся и шлифовавшийся на протяжении многих веков, а в отдельных жанрах и тысячелетий, фольклор хакасов и их предков хранит в себе большие идейно-художественные богатства.

Фольклор в своих лучших образцах несет школу жизни и борьбы, нормы нравственности и морали народных масс, воспитывает характер, прививает патриотизм, чувство добра, понятие долга перед своим народом, семьей, он развивает ум, учит владеть собой.

Хакасский фольклор имеет разнообразные виды и жанры. Начиная от благословений, детских пестушек, колыбельных песенок, скороговорок, побасок, пословиц, поговорок, загадок, мифов, плачей и песенок зверей и птиц, народных баллад, исторических и социально-бытовых преданий, легенд о шаманах, этногенетических и топонимических преданий, народных песен – ыр и тахпах, а также сказок до больших героико-эпических полотен под названием алыптыг нымах [4, с. 10].

В школьной программе хакасской литературы 5, 6, 7 и 10 классов представлено все богатое жанровое многообразие фольклора хакасского народа.

Программа хакасской литературы в 5 классе начинается с народной сказки. Среди многих жанров устного народного творчества особое место занимает сказка. Народная сказка таит в себе огромную воспитательную и образовательную силу. К. Д. Ушинский считал, что задача умственного и нравственно-эстетического развития может быть успешно выполнена при условии, если в воспитании будет широко использован материал народных сказок. Народные сказки (сказки о животных, волшебные, бытовые), собравшие вековой опыт народа, использовались, прежде всего, для воспитания таких качеств личности, как хозяйственность, трудолюбие, старание, бережливость, прилежность, доброжелательность, любовь к своей малой родине, почитание и уважение старших.

Специфика хакасских сказок о животных проявляется в том, что очень многие из них по своему происхождению являются архаическими мифами-быличками. Здесь мы встречаемся с хорошо знакомыми персонажами – дикими и домашними птицами и животными («Лиса и тетерев», «Зайчонок»). Так, например, петух – внимательный, конь – надежный, медведь – сильный, лиса – хитрая, волк – злой, журавль – доброжелательный, заяц – трусливый, мышь – воровка. Сказки о животных родились в среде охотников-промысловиков, и их назначение – объяснить, почему то или иное животное обладает такими качествами. Мы узнаем, почему у вороны такой неприятный голос, почему воробей постоянно чирикает и т. д. За такими объяснениями стоят многовековые наблюдения и опыт народа. Эти небольшие произведения помогают понять многое о самом народе – его представлениях, верованиях, его тесную связь с миром природы, его тонкую наблюдательность и творческую фантазию.

Главным героем волшебных сказок является пастух, охотник или рыбак («Рыбак и хозяин реки»). Им приходится решать нелегкие задачи: спрятаться там, где его враг не найдет, бороться против злого хана, сильного богатыря, защищать родину от врагов. Часто в волшебных сказках в качестве помощников положительных героев выступают животные, птицы и т. д. Они оживляют главных героев, многие из помощников понимают человеческий язык и умеют говорить. Из волшебных сказок дети черпают знания о том, чем занимались предки хакасов, какой образ жизни вели и каков был основной род деятельности.

Хакасские бытовые сказки создавались под влиянием русской сказочной традиции. В то же время они достаточно самобытны. В них иной, по сравнению с русской сказкой, состав героев. Положительные герои – это батрак («Батрак Торсых»), работающий на бая, попа или шамана, охотник, рыбак, бедняк («Два брата»), сирота («Серебряная книга»). Отрицательными персонажами являются хан, бай, купец, судья, улусный старшина, шаман и поп. Отличительной особенностью хакасской бытовой сказки является и такое качество, как её слияние с волшебной сказкой, наличие таких персонажей, как образы хозяев стихий (суҕ ээзі, таҕ ээзі, тайга ээзі) [1].

Таким образом, через сказки дети получают знания о мире, взаимоотношениях людей, проблемах и препятствиях, возникающих у человека в жизни. Через сказку ребенок учится преодолевать барьеры, находить выход из трудных ситуаций, верить в силу добра, любви и справедливости. Сказка нужна каждому человеку, в тяжелые времена она может сохранить самые прекрасные чувства, помогает каждому верить в лучшее.

Богата и разнообразна песенная культура хакасов. Она хранит в себе великое культурное наследие. Песню вкладывали в уста животного эпоса,

песней передавали свои думы и чувства героя сказок, преданий, сказаний. Изучение песни животных и птиц для школьников очень познавательны и полезны. По строению они похожи на стихотворения. Песни помогают узнать особенности и образ жизни тех или иных птиц и животных. В некоторых песнях прослеживается связь животного с человеком и изображены исторические реалии («Песня зайца»).

Также в хакасском фольклоре развиты жанры – пословицы, поговорки, загадки, скороговорки. В содержании пословиц есть жизненно-конкретная основа, определяемая условиями исторической жизни народа, особенностями его бытового уклада. В пословице, как в другом фольклорном жанре, отражается действительность, различные ее стороны, поэтому имеет большое познавательное значение. Пословицы не однородны. Многие из них отразили разум народа, его подлинную мудрость, явившуюся результатом раздумий и выводов о жизни трудовых слоев населения. Основная тематика пословиц в курсе хакасской литературы 5 класса – труд («Лоб потеть будет – живот сытым будет»), учение («Грамотный человек на солнце похож, неграмотный – на ночь»), культура («Не учи ругая, учи советуя»), семейно-бытовые отношения («Взрослых уважай, младших не обижай»), нормы поведения человека в обществе («У седла две луки бывает, слово мужчины верное бывает»).

Если пословица являет законченное суждение, то поговорка (сиспек) – намек на то или иное обстоятельство, явление пословиц и загадок. Поговорки близко примыкают к пословицам, но не заменяют их. У поговорок своя функция. Под поговорками понимаются меткие выражения, часто становящиеся крылатыми. По внешнему строению поговорки не имеют формы законченного суждения. Поговорки – образные характеристики человека, явления, которые не называются, а подразумеваются. Например, «Словно новорожденный телёнок». Поговорок у хакасов меньше, чем пословиц и загадок.

Загадки имеют познавательное значение, расширяют представления человека об окружающей его жизни, о социальных условиях, об особенностях бытового уклада. Они заключают в себе умение в сжатой и образной форме выделить наиболее яркие, отличительные признаки предмета. Тематика загадок: труд и орудия труда, жилище и предметы быта, природа, дикие и домашние животные, человек, социальные отношения. Они созданы в познавательных целях, для развлечения, для развития у детей и взрослых сообразительности и наблюдательности [5, с. 142]. Разгадывание загадок дает возможность ребенку анализировать, обобщать, делать выводы, развивает у детей поэтический взгляд на действительность.

Скороговорки (табырах чоохтаныстар) учат говорить, правильно произносить слова.

Первый литературный жанр после изучения фольклора в 5 классе – литературная «Сказка о хитрой лисе» М. Е. Кильчичакова. Целесообразно совместно с учащимися выявить схожие и отличительные черты фольклорной и литературной сказки.

В 6 классе программа изучения хакасской литературы начинается с изучения кип-чооха («Күн Арыҥ», «Сибічекнең Сибдейек», «Аат палазы Хубай хус паза Ир Тохчын»). Со времен борьбы против монголо-джунгарского владычества среди хакасских этнических групп наряду с героическим эпосом и другими жанрами устного народного творчества зарождается и развивается новый жанр, который первым его исследователем М. А. Унгвицкой назван историко-героическим эпосом (кип-чоох) [5, с. 153–154]. Исследователи считают, что эти исторические предания, в отличие от алыптыг ныхмах, повествуют об исторических фактах и событиях. В них повествуется о боевых схватках, борьбе народных героев против монгольских завоевателей-ханов. Особенность кип-чооха – характер повествования более реалистичен. Чаще всего воспеваются героизм, сила, ловкость, быстрота ума, любовь к родине, родителям. Изучение кип-чооха вызывает живой интерес к истории Хакасии и народу.

Большой популярностью пользуются песенные жанры – состязательная песня *тахпах* и сюжетная песня *ыр*. Тахпах – импровизированное песенное состязание. Оно состоит из одного, двух четверостиший, причем каждое из них построено на параллелизме: первые две строки рисуют образную картину природы, две другие – из жизни людей. Тематика тахпахов очень обширна. Тахпахи позволяют нам узнать внутренние переживания человека, о животрепещущих проблемах людей, о том, что их волнует на данный момент. Также дети узнают, что сочинять на ходу тахпахи очень сложно, нужно обладать остротой ума, иметь богатый словарный запас хакасских слов, уметь образно мыслить, обладать логическим мышлением. Умение исполнять и придумывать тахпахи оказывает влияние на развитие речи, употребление различных средств выразительности – олицетворение, эпитеты, сравнения, использование многозначных слов. Несмотря на небольшой объем, тахпахи таят в себе неисчерпаемый источник воспитательных и образовательных возможностей.

Изучение хакасского героического эпоса (алыптыг ныхмах) «Албынчы» в школьной программе хакасской литературы представляется оправданным и закономерным – сказание красочно, имеет динамичный сюжет, яркие, запоминающиеся эпизоды, вполне доступно ученикам и по возрасту, и по характеру их интересов. Основная методическая задача его изучения – через поэтику сказания постичь её художественный мир, её национальное своеобразие. В сказании дается широкая, величаво-эпическая картина жизни средневековой Хакасии, действуют десятки

персонажей. Вся композиция героического сказания построена на сопоставлении, противостоянии мира человеческого, реального и демонического, фантастического. Главными врагами простого народа являются представители демонического мира, они ведут постоянную борьбу с богатырями эпоса. Каков нравственный итог поэмы? В героическом сказании главное – изображение подвигов богатырей – защитников своего народа, именно в судьбах положительных героев выражены идеалы и представления народов о счастье, добре и справедливости, они воплощают не только идеалы, но и самосознание, мировоззрение народа, его духовную культуру [2, с. 142–145].

В программе хакасской литературы 10 класса предусмотрено повторение и более углубленное изучение жанров устного народного творчества, например, пословицы, поговорки, загадки, тахпахи, исторические предания (кип-чоох), сказки.

В программе запланировано изучение одного из наиболее древних жанров хакасского фольклора – мифа (по-хакасски – пурунгы кип-чоох, т. е. древние рассказы). Мифы – это большей частью короткие и лишь иногда длинные прозаические повествования, основанные на каком-то событии. В мифах действуют различные существа, иногда люди, иногда звери и птицы, но героями бывают божества, в роли которых выступают Месяц (Луна), Солнце, некоторые птицы и звери, духи – хозяева гор, реки (воды), тайги и т. д., позднее – Худай (Бог). Они сильнее всех и потому властвуют над миром людей, животных и птиц.

Мифы отражают ту раннюю ступень в общественной жизни, когда люди еще не отделяли себя как разумные существа от природы, о чем свидетельствует наделение природы, как и человека, живой душой, волей, разумом, способностями к осознанным деяниям. Люди жили в постоянном страхе перед враждебными силами природы. Не умея властвовать над ними, видели выход в поклонении этим силам. В мифах рассказывается о фантастических событиях, как о происходивших в действительности. Человек уже тогда стремился осмысливать и объяснять окружающий его мир, задавался вопросами о том, что и как происходило, как возник мир, какие взаимоотношения существуют среди животных, растений, во всей природе, и отвечал на эти вопросы по своему разумению [4, с. 46].

В программе 10 класса кип-чоохи изучаются по следующим тематическим циклам: этиологические, объясняющие как произошли те или иные явления природы («О месяце»); космогонические – о возникновении небесных светил: звёзд, луны, солнца («Большая Медведица»); мифы о животных и птицах («Медведь и бурундук»); мифы о духах-хозяевах гор, тайги, воды («Шестиногая лось-гора») [3].

Наиболее любимым в народе, популярным и богатым жанром хакасского фольклора является героический эпос – алыптыг нымах (например, «Алтын Арыг»).

Алыптыг нымах – это стихотворные, крупные по размеру поэтические произведения-песни. В них редко повествуется об одном-двух героях, а обычно о трех поколениях богатырей из одного рода и семьи. Алыптыг нымахи обычно исполнялись путем гортанного пения попеременно с речитативным сказом под аккомпанемент чатхана или хомыса. Героические сказания имеют зачин и концовку. Структура алыптыг нымаха – последовательное биографическое повествование о жизни и борьбе первого, второго и третьего поколений – рождение, первый подвиг, героическое сватовство, схватки и борьба с врагами, приключения в пути, на вражеской земле и в подземном мире, гибель, возрождение к жизни и победа над врагами.

В произведениях героического эпоса главными героями выступают сильнейшие представители своего рода, а также целого народа. Наделенные могучей физической силой, они соответственно называются *алып*, т. е. богатырь.

Таким образом, изучение хакасского фольклора в курсе литературы позволяет развивать аналитическое мышление учащихся (их способности анализировать, сравнивать, сопоставлять); читательскую культуру учащихся (навыки чтения и умения выразительно читать; потребность в чтении и устойчивый интерес к нему); устную и письменную речь учащихся (умение строить высказывания, правильно и последовательно излагая фактический материал в соответствии с темой и основной мыслью создаваемого текста, используя богатство и разнообразие лексического и грамматического строя речи); совершенствовать у обучающихся умения чтения и анализа художественного текста с привлечением базовых литературоведческих понятий и необходимых сведений из различных наук.

Изучение малой родины, истории народа, знание религиозного мировоззрения народа, традиций, фольклора, владение языком как основой культуры позволяют человеку глубоко чувствовать принадлежность к родному народу и в то же время сознавать себя гражданином России и субъектом мировой цивилизации.

Библиографический список

1. Кольчикова Н. Л. Изучение хакасского фольклора в школе. Сопоставительный аспект. Абакан, 2002.
2. Кольчикова Н. Л. Изучение хакасского героического сказания «Албынжи» (VII класс) // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск IV. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. С. 142–145.
3. Мифы и легенды хакасов / сост., переводчик П. А. Трояков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. 210 с.
4. Очерки истории хакасской советской литературы / под ред. К. Ф. Антошина. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1985. С. 10–46.

5. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1972. С. 141–181.
6. «Хакас тілі», «Литературнай хыгырыг», «Хакас литературазы», «Хакас тілі паза литературазы» үгредіг предметтерінче тогынчаң программалар тимнирінче методика чөптери (1–11 кл). Агбан: Хакас книга издательствозы, 2014. 236 с.
7. Хакас литературазы. 5–9 класстар. Тиксі үгредіг школаның үгренчилеріне учебник / М. П. Боргоякова, ан. п. Агбан: Хакас кн. изд-воzy, 2014.

© Албычакова В. В., 2018

УДК 37.032

Е. И. Артюшкина

ЗНАЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОР В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматривается понятие этнокультурной компетенции учащихся, задачи школы по развитию эффективного межэтнического взаимодействия. Представлен опыт педагогов, направленный на обогащение духовного опыта в национальной культурной среде, развитие способности к установлению межкультурных коммуникаций, формирование национального самосознания, патриотизма.

Ключевые слова: этнокультурная компетенция, фольклор, национальная культура, толерантность, фестиваль, исследовательская работа, патриотизм.

Под этнокультурной компетентностью мы понимаем свойство личности, выражающееся в наличии объективных представлений и знаний о той или иной культуре, которые реализуются через умения, навыки и модели поведения. Именно это способствует эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию.

Иными словами, быть этнокультурно компетентным – значит иметь знания о других народах, их культуре, традициях, обычаях, понимать их своеобразие и ценность.

Привитие ребенку основ национальной культуры – один из важнейших аспектов в учебном и воспитательном процессе. В настоящее время изучение истоков народного творчества, национальной культуры стало особенно актуально.

К сожалению, в современном обществе отмечается разрыв связи между поколениями, следствием чего является постепенное исчезновение фольклора из нашей жизни. У педагогов возникает потребность в разработке методики развития речи учащихся средствами малых форм фольклора. Это должно происходить не только на специально организованных занятиях, но и в повседневной школьной жизни. Для решения данной задачи важно, чтобы педагоги были заинтересованы в полноценном использовании всего богатства национального фольклора, а дети принимали в этом активное участие [1, с. 61].

Рассматривая фольклор в качестве воспитательного средства, следует обратить внимание на сущность этих средств и их роль в становлении личности ребенка.

Накопленный педагогический опыт позволяет выделить ряд различных образовательных методик, направленных на развитие этнокультурной компетенции ребенка. Они нужны как для непосредственного воспитательного воздействия, так и для диагностики этнокультурной компетенции, без которой никакое развитие невозможно.

Использование пословиц и поговорок, закличек, скороговорок, кричалок, загадок и т. д. на занятиях и в повседневной жизни активизирует речь ребенка, способствует развитию умения ясно формулировать свои мысли, помогает лучше понять правила житейской мудрости [2, с. 27].

Данные формы фольклора вносят определенную «живинку» в занятия, они заставляют по-новому взглянуть на те или иные предметы, увидеть необычное, интересное в давно привычных вещах.

Рекомендуется использовать малые формы фольклора в театрализованной деятельности (игры – драматизации, концерты, праздники), где у детей закрепляется умение рассказывать, активизируется словарь, вырабатывается выразительность и четкость речи [3, с. 29].

В нашей школе работа по формированию этнокультурной компетенции ведется не только на уроках, но и во внеурочное время.

Традицией стало проведение Недели хакасской культуры, в рамках которой учащиеся знакомятся с историческими корнями, обычаями и традициями хакасского народа, что способствует развитию духовных и культурно-исторических ценностей, формированию толерантности. В рамках Недели проводятся различные мероприятия: воспитательские часы «Чыл пазы – голова года»; единые классные часы «Моя многоликая Хакасия!»; выставка книг «Хакасские писатели детям»; соревнования «Сильные, смелые, ловкие!» (по хакасским народным играм) и т. д.

Хакасия богата звездами, которые своими песнями, любовью к малой родине прославляют ее. Нашими постоянными гостями являются ансамбль «Айланис» Хакасского театра драмы и этнической музыки «Читиген» и ансамбль «Хазыр суҕ» Хакасского драматического театра имени А. Топанова.

Одним из основополагающих мероприятий Недели является проведение единых уроков «Фольклор хакасского народа», где дети знакомятся не только с жанрами хакасского фольклора, путешествуют по дорогам хакасских сказок, загадок, пословиц, заключающих в себе народную мудрость, но и затрагивают особенности других культур, так как в России и в нашей Хакасии живут люди разных национальностей.

Интересным и познавательным для учащихся школы оказался фестиваль «Сказки народов России». Главная задача данного мероприятия –

развивать кругозор учащихся, знакомя их с культурой, обычаями и традициями малых народов, проживающих на территории России; формировать гражданскую позицию школьников, предусматривающую уважительное отношение к культуре малых этносов России через изучение культуры, традиций, сказок народов России; воспитывать толерантное отношение ко всем народам, проживающим в России.

Важно на этапе подготовки таких мероприятий учитывать контингент учащихся с точки зрения принадлежности к той или иной национальности, активно привлекать детей и родителей разных национальностей к участию в мероприятии, используя их знания, опыт, традиции и обычаи.

Путем объединения классов были сформированы 4 команды национальности (русские, якуты, тувинцы, буряты), каждая из которых заранее изготовила модель герба, флага представляемого народа, оформила эмблемы, подготовила национальные костюмы, а также инсценировку сказки на закрытие фестиваля.

Особый интерес у детей вызвал второй день фестиваля – знакомство с культурой, обычаями и традициями представляемых народов России. Учащиеся работали с пословицами, загадками, обрядовыми песнями, легендами своего народа, участвовали в национальных спортивных играх, сами проводили некоторые обряды, разучивали танцы, угощали друг друга блюдами национальной кухни.

Главный вопрос, на который должны были ответить учащиеся по итогам фестиваля, – что объединяет все народы России? Важно, что все дети верно подметили сходства в традициях, обычаях, играх и даже кухне народов России и сделали вывод, что именно это помогает нам тысячелетиями жить в согласии и мире на территории нашей великой и могучей страны – России.

Формирование этнокультурной компетенции проходит в рамках работы научного общества учащихся «Прометей». На школьной научно-практической конференции среди старшеклассников была представлена исследовательская работа «Образы животных в сказках народов России». Изучение народных сказок способствует знакомству с традициями и обычаями народов России, поскольку главные герои напоминают и своей речью, и поведением людей той национальности, где бытуют эти сказки. Изучив литературу, проведя анкетирование в школе, сравнительный анализ русских, якутских, тувинских, хакасских и бурятских сказок, учащаяся, выполнившая работу, пришла к следующему выводу: несмотря на различия в языках и культурных традициях, сюжеты сказок у разных народов похожи, потому что все народы на протяжении многих веков имели одинаковый жизненный опыт и стремились к добру, истине, справедливости и мирной жизни на земле.

Таким образом, устное народное творчество таит в себе неисчерпаемые возможности для пробуждения у детей познавательной активности, самостоятельности, яркой индивидуальности, развития речевых навыков. Поэтому необходимо как можно шире использовать его в воспитании и обучении детей. Этнокультурная компетенция детей является залогом их духовного роста и развития в национальной культурной среде, в их способности к установлению межкультурных коммуникаций, в формировании национального самосознания, патриотизма.

Библиографический список

1. Асмолов А. Н. Историческая культура и педагогика толерантности // Мемориал. 2001. № 24. С. 61–63.
2. Банькина С. В., Егоров В. К. Учимся толерантности: методическое пособие для проведения классных часов, бесед и тренинговых занятий с учащимися 7–11 классов. М.: АРКТИ, 2007. 125 с.
3. Народное искусство в воспитании детей / под ред. Т. С. Комаровой. М.: Педагогическое общество России, 2000. 256 с.

© Аргюшкина Е. И., 2018

УДК 372.881.1

А. Г. Кокова

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО РАЙОНА

Статья посвящена анализу языковой ситуации, вопросам изучения и сохранения хакасского языка в общеобразовательных организациях Орджоникидзевского района. Предлагается оценка деятельности рабочей группы по сохранению, развитию и популяризации хакасского языка в учреждениях образования.

Ключевые слова: хакасский язык, языковая ситуация, изучение и сохранение хакасского языка.

Хакасская народная мудрость гласит: «Отца корни – в тебе, матери сердце – в тебе, а язык твоего народа в мире». Через язык мы не просто познаём мир, через язык мы узнаём прошлое, творим настоящее. Он связывает поколения и ведёт нас к будущему. Согласно Конституции Республики Хакасия, государственными языками региона являются русский и хакасский, поэтому вопрос сохранения и изучения хакасского языка является одним из приоритетных направлений деятельности общеобразовательных организаций Орджоникидзевского района.

В Орджоникидзевском районе созданы все необходимые условия для сохранения и развития хакасского языка в соответствии с современными требованиями. В 2017–2018 учебном году в 7 общеобразовательных организациях изучают хакасский язык 382 ребенка (2015–2016 учебный

год – 190 детей; 2016–2017 учебный год – 368 детей), из них 65 детей хакасской национальности (17 %). Всего в общеобразовательных организациях района обучается 110 детей хакасской национальности, что составляет 4,2 % от общего числа обучающихся (2015/2016 учебный год – 103 ребенка хакасской национальности; 2016/2017 учебный год – 131 ребенок хакасской национальности).

Изучение хакасского языка в общеобразовательных организациях организовано на уровне начального общего образования и основного общего образования как самостоятельный учебный предмет и через внеурочную деятельность.

Изучение хакасского языка как учебного предмета организовано в МБОУ «Кобяковская ООШ» и начальных классах МБОУ «Устино-Копьевская СОШ», включая филиалы (Подкаменная НОШ, Когаевская НОШ и Костинская НОШ). В начальных классах этих школ хакасский язык как предмет изучают 134 обучающихся, из них 32 ребёнка хакасской национальности. На изучение хакасского языка в школах отводится 3 часа в неделю.

Для обеспечения изучения хакасского языка библиотечные фонды общеобразовательных организаций Орджоникидзевского района постепенно пополняются справочной литературой, словарями. В библиотеках образовательных организаций, наряду с учебниками, имеются детские литературные журналы «Тигір хуры», «Кўнічек», художественная литература, электронное пособие «Хакасский язык для начинающих изучать родной язык», методическое пособие «Методика обучения хакасскому языку и литературе», сборник рассказов и очерков на хакасском языке «Абек» О. П. Шулбаева; жанры хакасского фольклора: героические сказания, народные сказки, горловое пение, тахпачи (печатные брошюры); русско-хакасские школьные словари и др.

Педагогическую деятельность по обучению хакасскому языку осуществляют 7 педагогов. Высшее профессиональное образование имеют 6 и среднее специальное – 1 педагог.

Дошкольные образовательные организации посещают 478 детей, включая 23 ребенка хакасской национальности. Кружковая работа ведется в МБДОУ ОВ «Детский сад «Колосок» с. Устинкино, где малышей знакомят с национальной культурой, традициями и обычаями хакасского народа. В других дошкольных образовательных организациях имеются этнические уголки, связанные хакасской культурой, достопримечательностями Республики Хакасия и Орджоникидзевского района, а также проводятся мероприятия, посвященные быту и культуре хакасского народа.

С 2016 года в рамках ежегодной конференции педагогических работников Орджоникидзевского района работает площадка «Сохранение и

развитие в Орджоникидзевском районе хакасского языка и национальной культуры». Работу площадки организуют и проводят учителя МБОУ «Кобяковская ООШ».

В районе организована Рабочая группа по сохранению, развитию и популяризации хакасского языка в образовательных организациях Орджоникидзевского района. На заседаниях рассматриваются следующие вопросы: анализ состояния дел по изучению, сохранению и развитию хакасского языка в образовательных организациях Орджоникидзевского района; возможности внедрения методических рекомендаций по введению курса внеурочной деятельности «Родная Хакасия и Я»; организация мероприятий по сохранению, развитию и популяризации хакасского языка. Участниками являются педагоги образовательных организаций, специалисты Управления образования, члены Президиума совета старейшин хакасского народа. Педагогические работники образовательных организаций принимают участие в мероприятиях, направленных на повышение своей профессиональной компетенции, обобщают накопленный опыт на муниципальном и региональном уровнях: организуют открытые занятия, выступают на научно-практических конференциях, участвуют в конкурсах.

Несмотря на все созданные условия, мониторинг показывает низкую мотивацию к изучению хакасского языка и отсутствие необходимой речевой среды. Даже в семьях хакасской национальности общение ведется только на русском языке. Языковая ситуация в Орджоникидзевском районе определяется действием двух основных объективных факторов: активным влиянием русского языка и ослаблением позиций родного языка. Ограниченность среды применения родного языка в обществе повлекла за собой утрату функций сохранения и передачи родного языка и традиций как семейных ценностей от старшего поколения к младшему. Поэтому большое значение необходимо придавать повышению языковой культуры общества, формированию бережного отношения к языковым традициям, воспитанию сознательного отношения к языку как к национальной культурной ценности.

Для повышения эффективности деятельности сохранения, развития и популяризации хакасского языка Рабочей группой разработан проект «В гостях у сказки», направленный на создание национальной языковой среды и повышения мотивации не только обучающихся, но и их родителей к изучению хакасского языка. Реализация проекта позволит повысить интерес к изучению хакасского языка; увеличить долю обучающихся и их родителей, изучающих хакасский язык; увеличить долю семей хакасской национальности, говорящих на родном языке на бытовом уровне.

Создание искусственной языковой среды в процессе тесного сотрудничества педагогов, обучающихся и родителей в формате семейных клубов можно отнести к эффективным инструментам достижения поставленной цели – сохранение, развитие и популяризация хакасского языка.

© Кокова А. Г., 2018

УДК 376.744

Л. А. Чебодаева

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЧЕРЕЗ ВНЕУРОЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В докладе раскрывается система внеурочной деятельности по хакасскому языку на основе разработанных программ, включающих взаимодействие с другими образовательными учреждениями дополнительного образования. В каждом из направлений обозначены цель, задачи, содержание и предполагаемые результаты.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, внеурочная деятельность, этнопедагогика, народные песни, тахпахы, хоровое пение, Аскизский район, «Ымай».

На современном этапе в школьном образовании ведущим направлением педагогического процесса является акцентирование внимания на развитие личности ребенка. Огромная роль в развитии и воспитании ребенка принадлежит этнопедагогике. Академик Г. Н. Волков так охарактеризовал народную педагогику: без памяти нет традиций, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа [1]. Народные традиции обеспечивают особую психологическую среду, выступая важнейшим средством воспитания детей. Внеурочная деятельность как часть основного образования призвана помочь ребёнку в освоении учебной деятельности – в других условиях, на другом материале. Внеурочная деятельность по хакасскому языку также является неотъемлемой частью учебно-воспитательной работы. Она позволяет закрепить знания по предмету, активизировать умственную и творческую деятельность учащихся, сформировать интерес к изучению хакасского языка, что способствует успешной социализации учащихся, формированию компетентной мотивированной личности.

Нами разработано несколько программ по внеурочной деятельности: «Весёлая Азбука», «Богатство моего языка», «Хакасия – земля, где я живу», «Путешествуя по родному краю».

«*Весёлая Азбука*». Программа данного курса позволяет показать учащимся, как увлекателен, разнообразен, неисчерпаем мир родного (хакасского) языка. Для успешного проведения занятий нами используются

разнообразные виды деятельности, включая игровые элементы, дидактический и раздаточный материал, физкультминутки, считалки, головоломки. Пробуждение интереса к родному языку приводит учащихся к стремлению расширять свои знания по хакасскому языку, совершенствовать свою речь в рамках второй программы – «*Пай тилібіс*» (*Богатство моего языка*). Программа данного курса позволяет погрузить детей в мир традиционной культуры, используя соответствующий языковой материал. Это, прежде всего, изучение наиболее популярных *пословиц и поговорок*. Использование в речи пословиц и поговорок помогает детям учиться ясно, лаконично и выразительно выражать свои мысли и чувства, интонационно и образно окрашивая свою речь. Следующий элемент языкового развития – разгадывание *загадок* – развивает способность к анализу, обобщению, формирует умение самостоятельно делать выводы, четко выделять наиболее характерные образы предметов. Наряду с другими музыкальными жанрами мы стремимся максимально использовать и потенциал *народных песен, тахнахов, колыбельных песен* для развития родной речи детей младшего школьного возраста. По мнению ученых, пение вообще является мощным средством балансировки нервной системы и психики детей. Поэтому в этом году для работы на уроках хакасского языка и во внеурочной деятельности мы взяли дополнительное направление «Хоровое пение». Оно оказалось эффективным инструментом развития не только языковых навыков, но и психических процессов развития детской памяти и внимания.

Для развития интереса учащихся к *исследовательской деятельности* в нашей школе действует кружок по ФГОС «*Хакасия – земля, где я живу*». Использование в его рамках проектных технологий дает возможность апробировать оригинальный опыт изучения проблемы, провести опрос среди одноклассников, проявить собственное творческое видение процесса и результата работы, создать проектный продукт, которым смогут воспользоваться другие. Наши учащиеся со своими проектами принимают участие в научно-практических конференциях школьного и муниципального уровней. Творческие работы, конференции, олимпиады, занятия в кружке, экскурсии по музеям, внимание родителей (для слабовладельческих детей очень важно) – все это в комплексе помогает повысить интерес к предмету и приводит к результатам. Цель курса кружка – развитие познавательной и творческой активности учащихся, расширение их историко-географических представлений о своей республике, воспитание чувства любви и гордости за своё родное село, родной край. Мы живем в прекрасном месте в Хакасии, рядом с нами удивительная красота природы, многовековые курганы. Что связывает современного человека с прошлым? На этот вопрос помогает ответить изучение культуры своего народа, нравов и обычаев. В ходе учебно-воспитательной деятель-

ности мною разработана программа кружка – движение *«Путешествие по родному краю»*. Формы работы: экскурсии и тематические походы по родному краю, тематические праздники, сбор и оформления материалов для школьного музея. Эта программа с каждым годом обновляется и активно применяется во внеклассной работе в общешкольных мероприятиях. Совершая экскурсии, походы по родному краю, ведем описание памятников истории, культуры и природы, оформляем стенды, собираем экспонаты для школьного музея.

Идеальным вариантом воспитательной работы является равноправное, дружеское взаимодействие родителей, ребёнка и школьного коллектива. Взаимодействие с родителями осуществляется посредством вовлечения родителей в учебно-воспитательный процесс. В нравственном воспитании детей используются традиционные общественные и семейные праздники, праздничные обычаи, обряды. Если раньше я проводила с родителями беседы, тематические родительские собрания, то сейчас стала вовлекать родителей в процесс обучения детей через:

- участие в мероприятиях: «Ымай», «Тун Пайрам» (творческие работы мам, стихи и проза собственного сочинения, приготовление национальных блюд). Направление «Хоровое пение» по здоровьесберегающей технологии использую с родителями, где старшее поколение учит молодое поколение родителей петь, а также готовить национальные блюда;
- проведение традиционного общешкольного мероприятия «День открытых дверей», где на открытых уроках хакасского языка, родители садятся за парты со своими детьми изучать хакасский язык;
- тематические походы «Ўртун той», «Чыл пазы», «Чир Ине», где родители участвуют при проведении обрядов: кормление Богини Огня, приглашение к столу Почитания и при организации и проведении национальных игр.

Создавая новые и совершенствуя существующие общественные, семейно-бытовые, личные традиции и обычаи, мы оказываем огромное воздействие на сознание и чувства людей, которые заставляют пересмотреть и преодолеть привычки, представления, связанные с прежним образом жизни. Родители и педагоги – две мощнейшие силы в процессе становления личности каждого человека. Сотрудничество семьи и школы становится все более актуальным и востребованным [2, с. 193]. И чем успешнее будет данное сотрудничество, тем выше будет эффективность воспитания подрастающего поколения.

Следующее важное направление – сотрудничество с учреждениями дополнительного образования детей. Эффективное взаимодействие с конкретными формами работы установлено с такими учреждениями, как:

- сельская библиотека села Бельтирского: клуб «Ынархас» (бабушки);

- районная библиотека им. М. Е. Кильчичакова: конкурс стихов «Мастерская крыльев души», экскурсия: постановка сказки «По тропам экологии»;
- музей «Усть-Сос» Бейского района: виртуальная экскурсия, мастер-классы «Народные музыкальные инструменты», «Национальная пища хакасов»;
- музей «Хуртуях тас» Аскизского района: «Национальные игры», мастер-класс «Талған»;
- литературный музей им. М. Е. Кильчичакова: «Уважая старших» (мероприятие, посвященное ко Дню пожилых);
- районное телевидение АСТВ: акция «Читаем на родном языке», «Из школьной жизни», «Моя семья».

Таким образом, весь комплекс направлений педагогического процесса заключается в содействии ускорению процесса успешного развития детей в родном этнокультурном окружении под руководством педагогов при активном участии родителей и специалистов дополнительного образования.

Библиографический список

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия». 1999. 168 с.
2. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат. 1976. 216 с.

© Чебодаева Л. А., 2018

УДК 371

М. Г. Байкалова

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В настоящее время особенно актуальна проблема воспитания человека, обладающего большим общечеловеческим потенциалом, безусловной гордостью для которого должны стать принадлежность своему народу, языку, культуре, любовь к Отечеству и уважение к другим народам.

Ключевые слова: *толерантность, гражданское воспитание, этничность, содружество, поликультурное сообщество.*

Толерантность является ключевым нравственным принципом гражданского общества. В соответствии с Декларацией принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО в 1995 году, толерантность определяется как ценность и норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообра-

зию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям и верованиям [1, с. 33].

Понятие «толерантность» (от лат. *tolerate* – терпение, переносить) в социологии и психологии означает терпимость, умение спокойно, без враждебности воспринимать чужой образ жизни, поведение, обычаи, чувства, мнения, идеи, верования. В современных условиях, когда роль этничности возрастает в сферах жизнедеятельности общества, развитие межэтнической толерантности должно проходить, прежде всего, в образовательном пространстве. Как важный элемент культуры общения формирование и развитие толерантности является одной из целей воспитательного процесса, в том числе и в системе образования. Цель воспитания толерантности – формирование в подрастающем поколении потребности и готовности к взаимодействию с людьми и группами людей независимо от национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей и поведения [1, с. 35–36].

В формировании менталитета будущего гражданина общества особую роль играет то, что ребенок с раннего детства впитывает в себя язык и культуру своего народа, красоту своей малой родины, традиционный уклад жизни, любовь к родному очагу, нормы взаимопомощи людей любой национальности [2, с. 3–4].

Образование и культура в первую очередь влияют на мировоззрение подрастающего поколения, будущего гражданина человеческого общества. Формирование и развитие этих качеств личности детей, подростков и молодежи является одним из условий становления и развития правового государства и гражданского общества в России.

Многообразии народов, их культурные различия, такие как язык, религия, обычаи, традиции и особенности истории нередко бывают источником конфликтов. Различия во взглядах, мнениях и ценностях часто ведут к серьезным противоречиям по отношению к этническим меньшинствам.

Поэтому возникла необходимость в разработке и реализации Программы гражданского воспитания учащихся. В МБОУ «Красноключинская основная общеобразовательная школа», программа «Содружество» призвана сформировать нравственный облик ученика, развить умения и навыки межкультурного диалога и толерантного взаимодействия у детей в поликультурном сообществе. Программа охватывает полиэтничное сообщество Сибирского региона – это хакасы, тувинцы, алтайцы, ханты, буряты, кумандинцы, челканцы, чукчи, шорцы, эвенки, нанайцы и др. и содержит разделы: одежда, жилище, кухня, устное и песенное творчество каждого народа. Особое внимание уделяется традициям, обычаям, обрядам, проведению праздников хакасского народа.

Реализация программы рассчитана на 2017–2018 годы. Включает исследовательскую, практическую деятельность учащихся.

Цель программы «Содружество»:

- Что делать? (воспитывать духовно-нравственную личность);
- Зачем делать? (для воспитания будущего гражданина – патриота своей Родины);
- Как делать? (с учетом психологических особенностей и потребностей учащихся);
- На каком содержании? (народные традиции и обряды);
- С кем делать? (совет старейшин, сельский клуб, женсовет, молодежный актив, школа);
- Когда делать? (на классных часах, во внеурочное время, в свободное время).

Миссия педагогического коллектива – формирование и воспитание у подрастающего поколения толерантного отношения, понимания и уважения этнических форм и различий человеческого сообщества, а также потребности в активно позитивном и ответственном межкультурном взаимодействии.

Задачи программы «Содружество»:

- духовное развитие личности, привитие принципов доброты, уважения к культуре других народов и старшим, укрепления семейных отношений;
- усвоение лучших моральных и нравственных принципов, выработанных человечеством на протяжении своей истории, сохранение преемственности поколений, воспитание патриота России;
- развитие национальной культуры, воспитание толерантного гражданина, объединение усилий семьи, общественности и школы в воспитании детей [3, с. 5–16].

Механизм реализации программы «Содружество»:

На воспитательную систему в классе положительно оказывают влияние:

- использование современных технологий развивающего обучения и воспитания;
- социокультурный системный подход в образовательном процессе;
- сеть кружков возрождения традиций и обрядов «этнического меньшинства» – жилище, одежда, кухня, культура, устное и песенное творчество.

Принципы гражданского воспитания:

- воспитание на традициях и обычаях;
- сохранение исторической памяти;
- системно-организованный и лично-ориентированный подход.

Деятельность по выполнению Программы осуществляет совет класса, родители учащихся и классный руководитель, которые определяют содержание конкретных мероприятий по реализации Программы, организуют их выполнение, обсуждают предложения, направленные на повышение эффективности в работе.

Основные направления воспитательного процесса:

- развитие познавательной активности на основе внедрения технологий развивающего обучения и воспитания в системе урочно-внеурочной деятельности;
- формирование толерантного отношения к окружающему миру, культуры взаимоотношений, речи, мыслительной деятельности и внутренней потребности к самосовершенствованию.

Прогнозируемые результаты реализации программы «Содружество»:

- духовно-нравственные, социально-личностные и культурные компетенции.

Содержание программы «Содружество» (5–9 классы)

Задачи:

- развитие духовных и нравственных ценностей;
- воспитание коллективной и групповой деятельности;
- приобщение учащихся к национальной культуре и традициям «этнического меньшинства» в полиэтническом сообществе.

Год	Месяц	Воспитательные мероприятия	Воспитывающие мероприятия	Работа с родителями
2017	январь	Классный час «Что такое толерантность?».	Урок-лекция	Информация для родителей: «План работы учащихся 7 класса».
2017	февраль	Классный час «Полиэтническое сообщество Сибирского региона».	Работа творческой группы: «Краткая характеристика ряда коренных народов Сибирского региона».	Выставка «Малые народности Сибири».
2017	март	Урок-встреча «Этническое меньшинство».	Работа творческой группы: «Отличительные характеристики этнических групп».	Родительское собрание «Наши традиции».
2017	22 марта	Внеклассное мероприятие «Хакасский Новый год».	Праздник «Чыл Пазы».	Участие родителей в празднике «Хакасский Новый год».

2017	апрель	Урок-встреча «Этническое жилище, одежда и кухня хакасского народа».	Работа творческой группы: презентация «Жилище, одежда и кухня хакасского народа».	Деятельность родителей в презентации.
2017	22 апреля	Внеклассное мероприятие «Чир Тайи» – «День Земли».	Праздник «День Земли».	Участие родителей в празднике.
2017	май	Урок-беседа «Хакасские национальные праздники».	Работа творческой группы: сбор материалов о хакасских национальных праздниках.	Деятельность родителей в сборе материалов.
2017	01 июня	Внеклассное мероприятие «Праздник Детства».	Проведение праздника «День защиты детей».	Участие родителей в празднике.
2017	июль	Внеклассное мероприятие «Кун солбаны»	Экскурсия в Музей «Усть Сос»	Участие родителей в экскурсии
2017	май	Урок-встреча «Этническое устное и песенное творчество хакасов».	Работа творческой группы: презентация «Устное, песенное творчество хакасского народа».	Оказание помощи сбора местного материала по теме.
2017	август	Практическая деятельность: «Сбор материалов устного народного творчества аала Красный Ключ».	Конкурс «Ине тілі» – «Тахпахчистов, знатоков хакасского языка».	Оказание помощи сбора местного материала по теме.
2017	сентябрь	Праздник «Уртун той» – Праздник урожая.	Конкурсы овощей и фруктов аала Красный Ключ, Малый Монок.	Оказание помощи родителей.
2017	октябрь	Исследовательская деятельность учащихся по теме «Традиции, обряды и обычаи хакасского народа».	Практическая деятельность: сбор материалов по темам «Обряд сватовства», «Обряды рождения ребенка», «Обряды карамчения», «Обряды расплетания девичьих косичек» и др.	Оказание помощи сбора местного материала по темам.
2017	ноябрь	Урок-встреча по темам «Обряд сватовства», «Обряды рождения ребенка», «Обряды карамчения», «Обряды расплетания девичьих косичек» и др.	Отчет-презентация творческой группы по исследовательской деятельности. Выпуск школьной газеты «Родничок».	Родители – рецензисты. Выпуск бюллетеня по собранным материалам и оформленные книжки – сборника.
2017	декабрь	Урок-встреча «Этническое жилище, одежда и кухня алтайцев».	Работа творческой группы: презентация «Жилище, одежда и кухня алтайцев».	Деятельность родителей в презентации.

2018	январь	Урок-встреча «Этническое устное и песенное творчество алтайцев».	Работа творческой группы: презентация «Устное, песенное творчество алтайцев».	Оказание помощи сбора местного материала по теме.
2018	февраль	Урок-встреча «Этническое жилище, одежда и кухня бурятов».	Работа творческой группы: презентация «Жилище, одежда и кухня бурятов».	Деятельность родителей в презентации.
2018	22 марта	Внеклассное мероприятие «Хакасский Новый год».	Праздник «Чыл Пазы».	Участие родителей в празднике «Хакасский Новый год».
2018	22 апреля	Внеклассное мероприятие «Чир Тайи» «День Земли».	Праздник «День Земли».	Участие родителей в празднике.
2018	01 июня	Внеклассное мероприятие «Праздник детства».	Проведение праздника «День защиты детей».	Участие родителей в празднике.
2018	июль	Внеклассное мероприятие «Кун солбаны»	Экскурсия в Музей «Усть Сос».	Участие родителей в экскурсии.
2018	август	Урок-встреча «Этническое устное и песенное творчество бурятов».	Работа творческой группы: презентация: «Устное, песенное творчество бурятов».	Оказание помощи сбора местного материала по теме.
2018	сентябрь	Праздник «Уртун той» – Праздник урожая.	Конкурсы овощей и фруктов.	Оказание помощи родителей
2018	октябрь	Урок-встреча «Этническое жилище, одежда и кухня тувинцев».	Работа творческой группы: презентация «Жилище, одежда и кухня тувинцев».	Деятельность родителей в презентации.
2018	ноябрь	Урок-встреча «Этническое устное и песенное творчество тувинцев».	Работа творческой группы: презентация «Устное, песенное творчество тувинцев».	Оказание помощи сбора местного материала по теме.
2018	декабрь	Урок-встреча «Этническое жилище, одежда и кухня ханты».	Работа творческой группы: презентация «Жилище, одежда и кухня ханты».	Деятельность родителей в презентации.
2018	декабрь	Подведение итогов реализации Программы «Содружество».	Работа творческой группы: презентация «Устное, песенное творчество ханты». Выпуск школьной газеты «Родничок».	Деятельность родителей в презентации.

Воспитание толерантной личности – процесс сложный и может быть реализован как в процессе учебной, так и во внеучебной деятельности. Именно в школьном сообществе у ребёнка могут быть сформированы

гуманистические ценности и реальная готовность к толерантному поведению. Мы должны научить ребенка правильно воспринимать и понимать единство человечества, взаимосвязь и взаимозависимость всех и каждого живущих на планете, понимать и уважать права, обычаи, взгляды и традиции других людей, найти своё место в жизнедеятельности общества, не нанося вреда и не ущемляя права других людей.

Библиографический список

1. Новак О. Ю. Методические рекомендации по проведению уроков этнической толерантности, Новосибирск, 2005.
2. Кызласов И. Л. Хакасоведение в школе. М.–Абакан, 2002. С. 3–4.
3. Сборник: Хакасия: Содружество наций. С. 5–16.

© Байкалова М. Г., 2018

УДК 398

Г. В. Боргоякова

ИСТИНЫ, СОКРЫТЫЕ В ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ ХАКАСОВ И БУРЯТ

В данной работе автор на основе сравнительно-сопоставительного анализа героического эпоса хакасского и бурятского народов на примере сказаний «Албынжи» и «Гэсэр» выявляет общее и различное в традиционном мировоззрении народов, относящихся к разным генеалогическим древам: тюркской и монгольской группам.

Ключевые слова: хакасы, буряты, героический эпос, традиционное мировоззрение.

В МБОУ «Калининская СОШ» успешно функционирует музейный комплекс, в том числе музей хакасского языка «Ине тілі». Цель создания музея: сохранение и развитие хакасского языка через применение инновационных технологий. Большое внимание уделяется исследовательской работе учащихся. Одним из главных направлений работы музея является изучение и исследование языка алыптых нымахов. Древнетюркская письменность, появившаяся в VII веке, была уничтожена во время татари-монгольского ига. Письменность хакасов вновь появилась только в 1926 году, когда вышел первый учебник на хакасском языке. Это стало возможным благодаря тому, что народ сохранил свой язык в течение многих веков в изустной форме, более всего – в героическом эпосе, в котором заключена мудрость народа, его обычаи, традиции и чаяния.

По большей части при чтении героических сказаний мы усваиваем лишь внешние начертания образа, не пытаемся проникнуть в первозданность его смысла. Мы забываем, что язык легенд и сказаний – это язык древних символов, а он нами утрачен и его нужно восстанавливать: столько забытых истин сокрыто в них. Только при внимательном чтении в них и постоянном изучении эти истины могут быть оживлены вновь.

Каждый из нас пытается познать себя в этом мире и преломить этот мир в собственный, то есть происходит двуединый процесс, на встречах курсах которого рождается истина. Какие же истины открыли «Албынжи» и «Гэсэр»?

Выбор сказаний продиктован тем, что «Гэсэр», крупнейшее произведение бурятского героического эпоса, считается главным достоянием эпического наследия бурят, а также других народов Центральной Азии: Монголии, Джунгарии, Калмыкии, Тибета. Целью исследования является знакомство с традиционным мировоззрением хакасского и бурятского народов через эпос, сопоставление алыптыг нымахов и улигеров. Возможно ли такое сопоставление? Есть ли единые корни в эпосе разных народов, принадлежащих к разным генеалогическим древам: тюркской и монгольской группам? Предполагаем, что и в обычаях, и в традициях хакасского и бурятского народов есть много общего.

Кратко передадим содержание «Гэсэра», но для начала остановимся на некоторых понятиях: алыптыг нымах (хак.) – улигер (бурят.), хайджи – улигершин, чатхан – морин-хур, алып – батор.

Гэсэр – это легендарный герой, посланный с непобедимым войском для уничтожения нечестивцев на земле. Он совершает героические подвиги, о которых рассказывают ветви бурятского эпоса. Каждая ветвь посвящена битве Гэсэра с чудовищами. Цикл улигеров о Гэсэре состоит из 9 ветвей, потому что улигеры исполнялись в течение 9 вечеров. Каждый вечер улигершин исполнял по одной ветви.

Первая ветвь называется «Истоки людских судеб». Здесь говорится о борьбе небожителей Хана Хурмаса, властелина 55 небесных долин, и Атай Улаана, властелина 44 небесных долин, которые не могли поделить владения срединного властелина Сэгэна Сэбдэга. И когда Хан Хурмас побеждает своего противника, он отрубает ему голову, шею, руки, ноги, туловище и бросает их на землю. Упав на землю, эти части тела небожителя превращаются в чудовищ, дьяволов, демонов-детоедов и так далее, и от них-то пошло всё зло на земле. И Гэсэр был послан на землю, чтобы искоренить это зло [2].

Таким образом, в бурятской Гэсэриаде все пороки социального неравенства (собственнические интересы, корыстолюбие, жадность, стремление подчинить себе других, агрессивность, жестокость и тому подобное) обнаруживаются в первую очередь у богов: не начнись на небе война между двумя лагерями богов из-за неподелённой верховной власти, не было бы на земле страшных чудовищ, вредящих всему живому. Согласно традициям бурятского народа, среди людей ничего похожего на борьбу за власть не происходит и не может произойти. Наоборот, людям и земным героям по душе мирная жизнь и покой. Идеал народного героя – борец за справедливость, за счастливую мирную жизнь на земле. После каждой

победы Гэсэр со словами: «Хорошее время вернулось, мирное время пришло» убирает лук и стрелы, устраивает всенародный праздник.

Боги признают свою исключительность, осознают своё превосходство над людьми. Но, согласно той же эпической традиции, не боги, а люди дают жизнь всему на свете. Вот почему Гэсэр заново должен был родиться от земных родителей. Вот почему у Гэсэра только от земной жены рождаются три сына, тогда когда от небесных жён нет у него никакого потомства, несмотря на всеисилие богов. Такая двойственность образа обусловлена миссией Гэсэра – посланца небожителей – с целью вмешательства в устройство земных дел. Смысл спуска и второго рождения в том, что, по представлениям бурят, небесному жителю не дано вмешиваться в земные дела. Такое вторжение в иную сферу признаётся невозможным. Чтобы получить право участвовать в делах людей, эпический герой должен сделаться земным по происхождению [2].

Таким образом, эпическая поэзия у бурят является гимном земному человеку, гимном матери-земле. Она воспекает у земных людей доброе, созидательное начало и сурово осуждает небесных богов и демонов, их распри, вражду, то есть восстаёт против злого, разрушительного начала.

В эпосе бурят прослеживается единство трёх начал жизни: надземной (небесной), наземной (земной) и подземной. И главным рождающим началом природы считается Мать-земля под именем Ульген-Эхэ, хотя в переводе с алтайского языка Ульген означает «покойник», «умерший», что не слишком созвучно функциям земли [2]. У хакасов слово «блген кизи» также означает «умерший».

Буряты, как и многие другие народы Центральной Азии и Сибири, в том числе тюрки, считали, что средний и верхний миры связывают светлые нити-лучи. По рассказам шаманов, душа человека представлялась соединённой особой нитью с тем божеством, которое её создало. С космическим верхом соотносится верх телесный, поэтому внедрение души связано именно с верхом: головой, ртом, подмышками. Именно поэтому возник такой сюжет о рождении брата и сестёр Гэсэра: старший брат Гэсэра вознёсся в небо через макушку матери-старушки, старшая сестра через правую её подмышку, средняя сестра через левую подмышку отделилась, младшая сестра через пуповину определилась. А Гэсэр родился как обыкновенный человек. И родился он уже готовым к сражениям:

Правая рука вытянута,
Чтобы всех врагов поражать,
Левая нога согнута,
Чтобы всех врагов растоптать,

Левый глаз приоткрыт,
Чтобы врагов перехитрить,
Правый глаз широко открылся,
Чтобы никто из врагов не скрылся [2].

Как видим, внутренний мир богатырей не актуален. Героический характер определяется набором качеств, в основе которых легко обнаружить количественный момент. Богатыри отличаются большим ростом, огромной силой, неукротимой энергией, а их психология проста и однотипна. Однако, хотя Гэсэр не простой смертный, ему свойственны сомнения и страх, трезвая оценка своих возможностей. Он не жаждет чужого добра и земли, не честолюбив, не гонится за славой, свои заботы и дела не отделяет от общих. Свою миссию он видит в очищении земли от всякой скверны. В конце жизни Гэсэр утверждает, что не оставил на земле ни одного злодея и зловердного существа, то есть полностью выполнил свою «очистительную» миссию. Таковы были мечты и чаяния бурятского народа.

Обратимся к «Албынжи». «Лежит младенец светлее дня – Ногти – монеты из серебра, Волосы – пламя большого костра», – таким родился Албынжи [1]. Здесь отмечается всё светлое, яркое, сравнивается со светлым днём, серебром, пламенем. С понятием света у тюрков связывались представления о жизни.

Светлоликость, сияние облика были высоким эталоном красоты эпических героев. Именно поэтому положительным героям даются такие имена: Ай Арыг (чистая луна), Алтын көбк (золотая кукушка), Ах Молат (белая сталь) и так далее. Имя Албынжи означает «отдающий дань» своей земле, родителям (албын – дань) [4].

Богатырям имена давали не сразу – имя они должны были заслужить. Так, бурятский Гэсэр сначала носил имя Нюргай, что означает «соплячок, пачкун» [2]. «Имя имеет большой смысл», – говорили алтайцы. Порой, чтобы уберечь новорожденного от болезней и бед, ему давали заведомо плохое, неблагозвучное, «обманное» имя. Считалось, что, произнеся его, глава нижнего мира не остановит своего внимания на малыше и ему будет сохранена жизнь. Своё имя Гэсэр получил, когда сделал немало добрых дел. И, получив настоящее мужское имя, он борется за избавление людей от бедствий.

Таким же образом происходило имянаречение и у хакасских алыпов. После первого сражения с Юзут-Арх и освобождения от злых чар отца Хулата Албынжи говорит о себе:

Но только без имени я один,
Живу безлошадным, несчастья сын! [1].

После победы над Кир-Палыхом на дне морской пучины богатырь получает своё имя – Албынжи. Сражённый Кир-Палых говорит ему:

Крепко запомни слово моё:

Албынжи – отныне имя твоё [1].

Николай Фёдорович Катанов утверждал, что имя «дают через долгое время, когда человек большой сделается». То есть вступление в зрелость сопровождалось переменной имени.

Имя, будучи знаком отличия человека, так же, как жилище, одежда, имущество, служило как бы его собственностью. Одновременно оно заключало в себе некоторую сущностную характеристику.

Здесь можно сравнить фольклорные мотивы с историческими реалиями: например, Чингисхан – Темучин.

Традиция переименования нашла отражение в древнетюркских рунических текстах. Эпитафия в честь Кюль-Тегина включает, например, следующие строки:

В семь лет осиротел, а в десять лет уже

Он именем мужским был назван:

Кюль-Тегин [3].

Много испытаний проходят богатыри, много встреч их ожидает в пути. И даже в том, как звучат приветственные слова, тоже сокрыта истина. Если в эпосе тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья героя встречают словами: «Какого ты рода, кто твой отец?», то в хакасском эпосе приветственные слова гласят: «На какой земле тебя мать родила, на какой земле вы стада пасёте, из какой реки воду пьёте?» [4]. Это значит, что в древней народной поэзии хакасов господствует идея оседлой и созидательной жизни. И поэтому в «Албынжи» нет героизации воинских походов. Наоборот, «Албынжи» подчёркнуто утверждает, что жажда походов свидетельствует о дурном стремлении алыпа похвастаться бесполезным удальством. Именно поэтому отец Албынжи Хулатай был наказан.

Много зла приносит Албынжи Юзут-Арх, пришедшая на землю из нижнего мира.

Хакасы считали, что владыкой нижнего мира является Эрлик-хан. По традиционному мировоззрению тюрков, жизнь, разлитая в Природе, бесконечна во времени и пространстве: жизнь есть над землёй, на земле и под землёй. Ведь даже когда речь идёт о нижнем мире, фольклор и наше сознание рисуют иную, но всё же жизнь. Это жизнь, явленная «вполсилы»: тусклый свет, ущербные обитатели, искажённые характеристики обыденных вещей и тому подобное.

От жителей срединной земли обитатели нижнего мира отличались отсутствием суставов. Одноногость, хромота, половинность также являются признаками иных существ. Это всевозможные вихляющиеся, шатающиеся потусторонние существа. Вот почему, оказывается, выглядит Юзут-Арх так:

Стоит, внушающая дикий страх,

На чёрной кобыле о трёх ногах.

Лицом страшилище земли черней.

Сажени не хватит между ушей.

Пёстро-змеиные косы у ней,

Глаза лягушачьи раскосы у ней [1].

Пытаясь представить себе загробное существование человека, тюрки не без влияния христианства считали, что души добродетельных людей (ах сагыстыҕ кизи) обращались в лёгкий ветерок или ветер прохлады. Дыхание человека от ветра, поэтому хакасы говорили:

Вверху с хорошим дыханием жил Худай,

С плохим дыханием, под землёй, жил айна [4].

Чистые души были стражами жилищ, покровителями людей, посредниками между ними и верховными божествами. А души грешников становились пособниками Эрлика. В обменах между мирами главной ценностью является душа: именно душу просят у неба, а потом пристально следят за его состоянием в течение всей жизни человека. После смерти душу провожают в нижний мир. Вот таким образом прослеживается связь между тремя измерениями жизни [4].

В борьбе алыпа с врагами в трудных ситуациях приходит на помощь сестра или сестра отца. Часто они превращаются в светлых кукушек. Сюжет с кукушкой-вещуньей широко известен в тюрко-монгольском фольклоре. У тюркоязычных народов Южной Сибири это связано с концепцией судьбы, и поэтому кукушки наделялись вещим даром предрекать судьбу. В алтайском эпосе говорится:

Они знают, кто когда умрёт,

Знают, кто сколько проживёт,

Кому предназначена счастливая жизнь,

Тех радуют золотые кукушки,

Кому предназначена плохая судьба,

Тех печалят серые кукушки. [4]

Вот почему сестра Хулатая, оживив брата, превратившегося в камень, сама превращается в светлую кукушку (Чарых Кёёк). И старшую сестру Хулатая зовут Алтын Кёёк (Золотая Кукушка). У хакасов сохранились представления о том, что золотую кукушку создают семь безгрешных дев. Они находятся в подчинении у Худая, живут «в невесомости» у зелёного дерева и являются проводниками законов. Чудесную птицу они посылают на помощь людям. Когда она пролетает над тем местом, где случилась беда, всё вокруг обновляется [4].

Интересным является тот факт, что побеждённый богатырь превращается в камень, скалу или гору. Среди коренного населения Южной Сибири считалось, что горы в изначальные, мифические времена были богатырями.

По объяснению стариков-хакасов, весьма распространёнными в прошлом были представления о том, что горы с течением лет «растут», то

есть обладают важнейшим признаком живого. Более того, им приписывалась способность вести человеческий образ жизни, совершать человеческие поступки.

Согласно преданиям, горы могут передвигаться, переходить из одного района в другой. Более того, низкие горы подчинены высоким или чем-либо замечательным горам. Горы воюют между собой, вступают в брак и так далее. Таким образом, горы изображались как человеческие существа [4].

Превратившегося в камень или скалу богатыря, когда вновь угрожала опасность, можно было спасти разными лечебными травами. Когда Ху-латай превратился в скалу, вещая кукушка подсказала его сестре, как оживить богатыря:

Возьми трёхветвистый саргай поскорей,
Отломи и пожуй один из корней
И выплюнь саргая чудесный сок
Каменной лошади прямо в висок.
Корень второй пожуй в зубах
И плюнь в синий камень, отбросив страх.
А третий корень, пожевав, проглоти. [1]

Как видно, лекарственная трава выкапывалась и применялась с соблюдением целого ряда предписаний и правил. В этом видим традиционный подход к проблемам взаимоотношений человека и окружающей среды. Сложившаяся на практических знаниях традиционная медицина хакасов исходила из того, что влияние природы на жизнь человека доминирует.

Человек есть частица и дитя природы. Человек есть носитель микро- и макрокосмоса. Только познавший себя, свой микрокосмос может познать вселенную, а истоками такого назначения служат произведения устного народного творчества с их мудростью и заповедями.

Библиографический список

1. Албынжи. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1984.
2. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1986.
3. Поэзия древних тюрков XI–XII вв. М., 1993.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская [и др.]. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
5. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1972.

© Боргоякова Г. В., 2018

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ С ОВЗ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

В докладе автор предлагает методы, способствующие развитию знаний о национальной культуре, тем самым позволяющие учащимся выйти за рамки изучения одной культуры и расширить свою индивидуальную модель мировосприятия.

Ключевые слова: этнокультурная компетенция, культура народов, литература, фольклор, диалог культур.

В последнее время современное образование в нашей стране находится в центре внимания общественности и государства, которые заинтересованы в качественном и доступном образовании, в повышении духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Одной из главных задач Федерального государственного образовательного стандарта, стоящих перед школой, является сохранение и развитие истории и культуры народов России. Одним из способов решения этой задачи в образовательной системе является включение, наряду с русской традиционной культурой, культуры разных народов, т. е. формирование этнокультурной компетенции. Проблемой формирования этнокультурной компетентности занимались многие ученые. Т. В. Поштарева пишет: «Этнокультурная компетенция – это свойство личности, которое выражается в совокупности представлений, знаний не только о родной культуре, но и о культуре других народов, реализующееся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [1, с. 35]. Таким образом, этнокультурная компетенция – это умение ориентироваться и соответственно вести себя в ситуациях межкультурного общения. Что же включает в себя этнокультурная компетенция учащихся? Это, прежде всего, готовность учащихся к позитивному взаимодействию, взаимопониманию, а также сотрудничеству с представителями других культур. Становление личности ребенка, успешная социализация происходит в процессе погружения в поликультурную среду.

Важнейшей задачей, которую ставит перед собой школа, является воспитание толерантной личности, живущей в согласии с другими нациями, а также воспитание культуры межнационального общения. Задача учителя – найти пути реализации этой задачи.

Для слепых и слабовидящих детей изучение родного края, его природы, истории, культуры, традиций, народов ее населяющих, важно. Специализированная школа является единственным заведением для большинства из них, поэтому это необходимо для общего развития, формиро-

вания познавательного интереса, расширения кругозора, коррекции недостатков психофизического развития и социальной адаптации обучающихся с нарушениями зрения. Литература является одним из ведущих гуманитарных учебных предметов, который дает прекрасную возможность для всестороннего развития и воспитания личности и создает условия для формирования этнокультурной компетенции.

В нашей школе для детей с нарушениями зрения обучаются представители разных национальностей: русские, тувинцы, хакасы, татары и т. д. Безусловно, большой значимостью обладают уроки литературы, которые наряду с образовательной функцией способствуют установлению диалога культур в процессе межкультурной коммуникации учащихся. В условиях общеобразовательной школы изучение русской литературы целесообразно в сопоставительном плане с другими национальными литературами. Н. Л. Кольчикова замечает, что «такое изучение приведет к глубокому постижению национальной поэтической традиции, воспитанию интереса и уважения к различным национальным культурам, будет способствовать обмену общечеловеческими духовными ценностями между разными национальными культурами» [2, с. 3].

Изучение любой литературы начинается с народного фольклора. Первым жанром, по традиции, с которым знакомятся дети, является сказка. Поэтому задача учителя найти такие методы и приемы, позволяющие повысить познавательный интерес к сказкам, а через них к истории и культуре других народов, пробудить чувство любви и уважения. Важнейшей особенностью сказок является поучительность. В главном герое многих национальных сказок обычно ярко показываются основные черты характера: отвага, трудолюбие, остроумие, смелость, мужество. Посредством сказок мальчики понимают то, что кормильцем, хозяином в семье является мужчина. Это принято издревле. Не давать себе лениться, быть добытчиком, защитником семьи. Традиционная роль женщины – мать, хозяйка, хранительница очага.

Результатом изучения сказок является создание проекта, который позволяет выявить общность и различие в сказках; сопоставить образы героев, их поведение. Такое сравнение сказок дает дополнительный стимул для углубления интереса к сказкам других народов, способствует более глубокому и эмоциональному их восприятию, позволяет увидеть общее и национально своеобразное в фольклоре народов.

Приведем пример части проекта. Основной проблемный вопрос, над которым работают группы: в чем сходство и различие русских и национальных сказок?

Самостоятельные исследования учащихся:

1. Какие виды сказок встречаются?
2. Имеют ли они определенную композицию?

3. Герои сказок.
4. Какими качествами обладают герои сказок?
5. Художественно-изобразительные средства сказок?

Вариантами представления результатов становятся презентации, буклеты, стенгазеты и т. д. Интересным и познавательным для учащихся школы стал фестиваль «Сказки народов России». В ходе фестиваля были использованы разные методы работы: метод сбора информации, инсценировка, игровые ситуации и т. д.

Таким образом, данные методы позволяют учащимся выйти за рамки изучения одной культуры и расширить свою индивидуальную модель мировосприятия, приглашают учащихся к «диалогу культур», способствуют развитию знаний о национальной культуре, дают возможность осознания и принятия культурных особенностей другой национальности.

Библиографический список

1. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. 2005. № 3. С. 35–42.
2. Кольчикова Н. Л. Изучение хакасского фольклора в школе (сопоставительный аспект): учебно-методическое пособие для студентов-филологов и учителей школ Республики Хакасия. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2002. 45 с.

© Тоданова И. В., 2018

УДК 811.512.155

Г. Д. Щергина

ШОРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

В статье говорится о методе использования шорских народных сказок в обучении детей шорскому языку. Важным и необходимым аспектом образовательной деятельности является сохранение шорского языка во внеурочной деятельности. Итогом работы является повышение интереса к изучению шорского языка через инсценировку шорских сказок.

Ключевые слова: шорские народные сказки, урок, родной язык.

Использование шорских народных сказок является одним из наиболее действенных и популярных методов в обучении детей родному языку. И как пример такого использования сказки и восприятия ее детьми мы хотели бы представить план урока, целью которого является обучение детей родному языку посредством использования шорских народных сказок. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) изучение творчества Софрона Тотыша («Сказки Шапкая») и Андрея Ильича Чудоякова («Сборник шорских сказок и легенд»); 2) составление программы внеурочных занятий в рамках внеурочной деятельности «Театральная мастерская»; 3) информирование учеников о шорской культуре,

народных костюмах, национальных блюдах: 4) чтение художественной литературы (национальные художественные сказки); 5) постановка сказок (создание тематических видеозаписей, театрализованное выступление для жителей села); 5) сделать выводы и рекомендации.

В нашей школе 18 % учащихся – шорцы, к сожалению, никто из них не знает своего родного языка. Существует необходимость – сохранение шорского языка, в том числе и через внеурочную деятельность. Современное поколение должно знать, кто их предки, как они жили, каковы были традиции, язык, что они были разными, но дружили народами, не смотря на различия между ними. Предполагаю, что творческие занятия позволяют развить интерес у детей к изучению шорского языка.

Для формирования познавательного интереса к малой родине и желания активно изучать ее историю, культуру, быт, язык народа Хакасии мы решили создать направление в рамках внеурочной деятельности «Театральной мастерской» – знакомство с шорским языком через народные сказки. Выбор такой формы обучения соответствует возрастным особенностям младшего школьника. Разнообразный репертуар, интересные костюмы, декорации позволяют делать школьные спектакли запоминающимися. «Театральная мастерская» воспитывает добрых, умеющих добиваться собственным трудом поставленной цели, творческих личностей.

Изучая «Сказки Шапкая» Софрона Тотыша, «Сборник шорских сказок и легенд» Андрея Ильича Чудоякова, дети узнают, что шорские сказки, как и русские, бывают волшебные, бытовые, сказки о животных. Для инсценировки выбора сказок мы привлекаем детей. Они прочитали как можно больше сказок и выбрали самую значимую, на их взгляд, сказку, после чего каждый ребенок под руководством учителя защищал свой проект. Он объяснял свой выбор, какие реквизиты можно применить к данной сказке и какую роль он бы хотел сыграть в ней. Мы изучали быт коренного народа – шорцев. Затем разучивались роли, некоторые слова, а также частушки на шорском языке. Каждый ребенок имел право попробовать инсценировать любую роль, но для премьеры выбиралась путем голосования. Некоторые сборники печатались как на шорском, так и на русском языках.

Трудность состояла в том, что я не учитель шорского языка, и, чтобы произносить слова на шорском языке, нужна была консультация специалиста. Мы прибегали к разным источникам, чаще получали консультацию у коренного населения. Дети выучили несколько частушек и много слов на шорском языке.

Выводы: все поставленные задачи были решены. Дети ознакомились с творчеством Софрона Тотыша, Андрея Ильича Чудоякова. Составлена программа внеурочной деятельности «Театральной мастерской», вклю-

чив инсценировку шорских народных сказок с произношением некоторых слов на шорском языке. Дети познакомились с шорской культурой, в том числе, с национальными блюдами. Мы подготовили детей к инсценировке сказок. Со сказкой «Добрый Медведь» дети приняли участие на республиканском семинаре «Методические основы обучения родным языкам малочисленных народов РХ в условиях поликультурной среды». «Театральная мастерская» приняла участие в двух межрегиональных детских фестивалей культуры и творчества шорского народа: «Алтын Черим – Моя золотая земля» и «Алыптыҕ ныбак». Участникам I этнографической экспедиции «Российский Север» были представлены для просмотра 2 сказки. С подготовленными сказками дети выступали перед воспитанниками детского сада ООО «РЖД» № 200. После постановок сказок дети, не только шорцы, но и русские, стали больше интересоваться шорским языком. Также были составлены рекомендации родителям по изучению шорского языка в игровой форме.

© Щергина Г. Д., 2018

УДК 372.882

С. А. Кочелакова

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Статья посвящена вопросам применения интегрированных уроков в современной школе. Рассмотрено понятие и цель интегрированных уроков. В статье затрагиваются основные способы интеграции уроков русской литературы и хакасской литературы в курсе школьной программы. Особенности уроков является широкое использование межпредметных связей и максимальное привлечение примеров из повседневной жизни.

Ключевые слова: интеграция, интегрированный урок, русская литература, хакасская литература, межпредметная связь.

Подготовка обучающихся к жизни в современном обществе – одна из главных задач образования, которую можно решить через получение различного рода необходимых знаний. Практика показывает, что одним из наиболее результативных способов их формирования является интегрирование школьных учебных дисциплин. На принципе интегрирования построены большая часть школьных дисциплин, представляющих самые различные, близкие друг другу области знаний. Распространенность интегрированных уроков среди педагогов достаточно широка.

Опыт работы подтверждает, что основным устройством организации данного типа урока является осуществление интеграции нескольких

учебных предметов. Выявление междисциплинарных связей, которое реализуется путем объединения в содержании урока сведений нескольких учебных предметов или проведения урока двумя учителями или одним учителем, имеющим квалифицированную подготовку по нескольким смежным дисциплинам: например, учитель русского языка и литературы; хакасского языка и литературы.

Взаимосвязанное изучение русской и хакасской литературы начинаю с сопоставительного анализа фольклорных жанров: пословицы, поговорки, считалки, частушки, сказки и т. д. по таким темам, как «Русские и хакасские сказки» (5 класс); «Русские и хакасские пословицы и поговорки»; «Русская народная песня и тахпахи» (6 класс); «Бытовые сказки хакасского народа и сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина», «Хакасские героические сказания и русские былины об Илье Муромце» (7 класс). В старших классах провожу интегрированные уроки по сопоставлению лирики Сергея Есенина и Валерия Майнашева; «Повесть «Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина и роман «Шелковый пояс» И. М. Костякова» и другие.

Создание проблемных ситуаций на таких уроках позволяет выйти на более глубокое восприятие художественного текста. В 5 классе при изучении хакасских сказок провела интегрированный урок совместно с сельским библиотекарем Сагалаковой Галиной Васильевной. Взяли две сказки: русскую «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» и хакасскую «Бай и охотник». Русскую сказку дети прочитали совместно с Галиной Васильевной на библиотечном уроке. На внеклассном уроке мы с обучающимися занимались сравнением и анализом данных сказок. И мы увидели единство и близость культур разных народов. Сопоставление сказок провели по таким характеристикам, как зачин; главные герои (Андрей-стрелок и охотник); завязка (любовь царя к жене Андрея и любовь сына бая Хаара-Пидекея к жене охотника); испытания, выпавшие на долю главных героев; женские образы (образы Марьи-царевны и жены охотника); образы «противников» главных персонажей (царя и бая); концовка сказочных произведений (возвращение героев домой, победа добра над злом); язык волшебных сказок. В результате такого анализа мы пришли к выводу, что зачин у русских сказок традиционен: *«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, холост – не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей»*, а в хакасской сказке «Бай и охотник» зачин имеет не характерное для сказок этого народа полное, доскональное начало: *«В одном большом улусе жил жадный и злой бай по имени Хаара-хан. Он облагал народ данью, разорял. На другом конце этого улуса, в плохонькой юрте, жил сирота-охотник. Ничего у него не было, кроме лука, из которой бил он зверей, да игреневого лошадки на которой он ездил на охоту»*.

Главные герои русской и хакасской сказок – Андрей-стрелок и бедный охотник – занимаются одной и той же деятельностью – охотой, тем и живут: *«Службы Андрей не забывает: каждое утро ни свет ни заря идёт в лес, настреляет дичи и несёт на царскую кухню»*. – *«Охотник бьёт зверей и птиц, домой их на себе носит, живут спокойно»*. Они оба вынуждены защищать своих жён, отстаивать честь семьи. И Андрей-стрелок, и бедный охотник отличаются мужеством, чувством долга, состраданием к другим, способностью любить, хранить верность. И завязка у данных сказок схожа. В русской сказке ей является любовь царя к жене Андрея-стрелка, а в хакасской – любовь сына бая Хаара-Пидекея к жене охотника. Те испытания, которые проходят герои, показывают нарастающую сложность и трудность их выполнения.

Проанализировав эти сказки, мы совместно с обучающимися пришли к выводу, что волшебные сказки русского и хакасского народов имеют устойчивую композицию и сходные типы сюжетов; что человек не может равнодушно относиться к несправедливости, которую совершают рядом с ним, и должен активно вставать на защиту правды, а добро всегда побеждает зло.

В 7 классе совместно с Байкаловой Маргаритой Гавриловной провели интегрированный внеклассный урок по теме «Малые жанры хакасского и русского фольклора». Учащимся было дано опережающее домашнее задание, которое выполняли ученики всего класса – найти близкие по значению пословицы и поговорки русского и хакасского народов. Ребята активно поработали с домашним заданием. Были представлены много различных пословиц и поговорок. В связи с чем урок прошёл в форме диспута, учащиеся активно принимали участие, доказывая значения и сходство собранных русских пословиц и поговорок с хакасскими пословицами и поговорками. Проведение интегрированных уроков заинтересовывают детей в получении дополнительных знаний по различным изучаемым предметам, что приводит к самостоятельной работе учащихся с дополнительной литературой в школьной и сельской библиотеке, с родителями и Интернет-ресурсами. Одна из учениц так заинтересовалась сравнением русских и хакасских пословиц, что написала исследовательскую работу, с которой принимала участие в муниципальном этапе научно-практической конференции учащихся и стала победителем в секции «Русская литература». Её научная работа приняла участие в республиканской научно-практической конференции имени Вернадского, которая проходила в городе Черногорске. Из двадцати участников секции «Лексикология» Алина заняла первое место и стала победителем.

В результате интегрированных уроков создается творчески развитая, поликультурная личность. Каждый ученик начинает понимать, что каж-

дый этнос имеет свою культуру, свой стиль, свои традиции, свои особенности нравственных и эстетических ценностей.

Таким образом, интегрированные уроки способствуют активизации мыслительной деятельности детей, формированию навыков анализа, сравнения и поиска межпредметных связей. Кроме того, такие уроки развивают образное мышление учеников, помогают лучше усвоить фольклорное наследие двух контактных культур – хакасской и русской.

© Кочелакова С. А., 2018

УДК 908

Т. А. Гусева

ШОРСКИЕ УКРАШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Национальная одежда – это своеобразная летопись исторического развития и художественного творчества народа. Являясь одним из элементов материальной культуры, она всегда отражала не только этническую принадлежность и географическую среду, но и уровень экономического развития, социальное и имущественное положение, религиозную принадлежность.

Одежда шорцев изготавливалась вручную в основном из покупных материалов. Материя раскраивалась острым ножом, детали сшивались с помощью шила и иглы прочными кендырными нитками. Дифференциации по крою женской и мужской одежды у шорцев не было. Разве только женская одежда обильно украшалась вышивкой. Особой ритуальной или праздничной одежды не было. Традиционная одежда шорцев состояла из рубахи-платья (кунёк), штанов (штан), фартука (шабур), головных уборов и обуви [3].

Женский костюм «оживлялся» самодельными или покупными украшениями – ушными, накосными, шейными, налобными, а также кольцами и перстнями. Материалом служили бисер, раковины каури, медная проволока, шерстяные и шелковые нитки, пуговицы, серебряные монеты, конский волос и т. п. [1].

Ушные украшения. Серьги «бызырга» делали из медной проволоки, которую сгибали в спираль из пяти-шести оборотов и свободным концом, загнутым крючком, вдевали в отверстие ушной мочки; иногда на проволоку перед крючком нанизывали несколько бусин. Или медную, реже – серебряную проволоку сгибали в кольцо и крепили к нему подвески из нитей бисера, раковин каури и монет. Иногда бусины чередовались с мелким бисером, вместе с ними мог использоваться кусочек меха, спира-

левидно намотанная проволока, тонкие шнуры шерстяных нитей, кисточки и пуговицы [5, с. 125–136].

У девушек косы оканчивались наконечным украшением «чинча» – жгутами, сплетёнными из конского волоса, обвязанными нитками с бусами свободно свисавших цепочкой ниже талии, раковинами каури, перстнями, серебряными монетами и маленькими медными колокольчиками. Всё украшение свито очень прочно и тщательно, при ходьбе украшения издают своеобразный звон [2].

На шею шорские женщины надевали несколько нитей бус. Зажиточные надевали на шею ожерелье «мончуг» из трёх рядов бус разных цветов. У шорианок были и налобные украшения из прямоугольного куска плиса с льняной подкладкой. Завязывались они сзади тесёмками. Лицевая сторона расшивалась металлическими бляшками, железными узорчатыми пластинками. По бокам свисали по пять цепочек из круглых металлических, соединённых между собой кольцами. На нижнем конце каждой цепочки имеется шаровидный бубенчик. Цепочки спускались вдоль кос, имитируя одновременно и ушные подвески [4].

Украшения для рук у народов Сибири включали кольца или перстни «чустуг». Шорские медные перстни имели щитки овальной или круглой формы, один из Новокузнецкого краеведческого музея изготовлен в форме сердца. Орнамент из геометрических и растительных мотивов выполнен в технике гравировки [5, с. 140–151].

Библиографический список

1. Одежда коренных жителей Кузбасса. <http://uchitelya.com/istoriya/77906-proekt-odezhda-korennyh-zhiteley-kuzbassa.html>.
2. Сайт музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. <http://museum.kemsu.ru>.
3. Угрецова У. А. Шорцы и телеуты. Народные костюмы. <http://www.myshared.ru/>.
4. Шорские женские украшения. <http://nsfo.kemguki.ru/index.php>
5. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения / сост. Т. И. Кимеева. Кемерово, 1999. Ч. 1–5.

© Гусева Т. А., 2018

УДК 398

В. А. Чепсаракова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХАКАССКОГО ФОЛЬКЛОРА В РАБОТЕ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В статье речь идет об использовании хакасского фольклора в учебно-воспитательном процессе начальных классов. В программах начальной школы присутствуют произведения устного народного творчества, но на их изучение отведено малое количество часов, что не позволяет в полном объеме раскрыть весь коррекционно-развивающий потенциал хакасского фольклора. Для того, чтобы получить результативность и эффективность, педагогам

приходится использовать в своей работе различные методы и приемы, как традиционные, так и нетрадиционные во внеурочное время.

Ключевые слова: *дети с ограниченными возможностями здоровья, культура, фольклор, народ.*

Одной из актуальных педагогических проблем настоящего времени стала проблема организации и содержания коррекционно-развивающего обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях общеобразовательной школы.

Учебная деятельность младших школьников с ограниченными возможностями здоровья характеризуется качественным своеобразием, поскольку зависит от особенностей развития их внимания, памяти, мышления и речи. Формирование познавательной деятельности требует специального построения учебного процесса, организация которого позволила бы усваивать содержание программного материала и способствовало бы развитию рассматриваемой категории учащихся. Этот процесс станет эффективным в том случае, если в нем будут использоваться содержание, формы и методы, соответствующие психолого-педагогическим особенностям детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья. [1, с. 91]

Большую помощь в создании наиболее благоприятных условий для обучения этой категории детей в условиях общеобразовательных школ может оказать фольклор, который является неотъемлемой частью национальной культуры и вызван к жизни именно педагогическими потребностями народа. Только глубокое и всестороннее знание психологии детского возраста могло послужить основой для создания хакасского фольклора в жанре поэзии, особого для каждого периода жизни ребенка.

Народ, как педагог, так или иначе, использует и использовал устное народное творчество для педагогических целей. Почти в каждой народной сказке, легенде, песне есть чувство прекрасного и поучительного.

Ребенок, слушая сказки, колыбельные песни, прибаутки, потешки, воспринимает и впитывает в себя весь народный дух.

Сказки играют большую роль в гармоничном развитии ребенка и не утратили воспитывающей функции в настоящее время.

Они знакомят малышей с окружающей жизнью, особенно с трудом взрослых, помогают узнавать многое о животном мире, обогащают жизненный опыт, пробуждают воображение, фантазию ребенка, развивают связную речь, обогащают словарный запас слов.

Народная сказка учит детей трудолюбию, честности, справедливости, добру. И если сердце ребенка с ранних лет согрето теплом, то оно не остынет до глубокой старости.

С помощью сказок ребенок знакомится с народными обычаями, традициями, обрядами. В сказках отражается стремление народа к свобод-

ной и счастливой жизни, поэтому они обычно имеют счастливый конец; в них всегда добро одерживает победу над злом. В сказках народ выразил свою мечту об облегчении тяжелого труда, о покорении природы, о преодолении больших пространств в более короткие сроки.

На уроках «Родной край» используются различные виды сказок и нужно не только заинтересовать учащихся чтением и изучением сказок, но и привлечь их к созданию сказок собственного сочинения и иллюстраций к ним.

Пословицы и поговорки используются для формирования грамотной речи. Люди употребляют их также легко и непринужденно, как слова собственной речи. Первые пословицы ребенок слышит в речи взрослых, при этом он постепенно вникает в смысл пословиц и поговорок, начинает понимать суть содержания пословиц. Народные пословицы содержат народную мораль, выработанную многими поколениями.

Хыйга кізінің чооғы аарлығ.

Слова мудреца бесценны [2, с. 25].

Іченің ибі истіг,

Пабаның ибі паарсах,

Дом матери уютен,

Дом отца – ласков. [2, с. 6]

В приобщении ребенка к человеческой мудрости и состоит большое педагогическое значение пословиц. Пословицы легко запоминаются.

Сағыс кізінің пайы.

Ум – богатство человека. [3, с. 13]

Также очень удобно проводить работу с рисунками животных, показывать домашних животных (овцу, коней, коров и т. д.). Дети подбирают пословицы к рисункам. Например:

Аттың чорығы кічігден,

Кізінің чахсызы чииттен.

Ход лошади – с раннего возраста

Хорошее в человеке – смолоду. [2, с. 24]

Таким образом, проводится работа по развитию речи, развивается память, мыслительная деятельность ребенка.

Детской игрой, полезной забавой является в наши дни и загадывание загадок. Отличительная черта загадок, небольшой размер, рифмованность, в следствии этого – хорошая запоминаемость. Загадывали загадки не вразброс, а в определенном порядке. Сначала шли загадки о человеке, потом о доме и вещах, которые находятся в нем, потом о дворе, огороде, саде, полях, лесах и в самом конце о явлениях природы.

Пастан төрт азахтығ,

Анаң ікі азахтығ,

Соонаң ұс азахтығ (кізі)

Сперва, когда еще был мал, на четырех
ногах шагал,
Когда поднялся с четырех,
Пошел на двух, потом на трех (человек) [2, с. 79].

Ах адым ахсын

Ачын турчадыр (пес)

Белая лошадь разинула рот

И в боме тепло от нее идет (печь) [2, с. 73].

Дети разучивают скороговорку наизусть. Эта работа развивает речь учащихся и в игровой форме дает возможность запомнить новую букву.

Не зная своей культуры – не будешь знать и другой, – гласит народная мудрость. Именно национальные праздники, знание народных традиций для ребят – радость. Например, праздник «Чыл пазы». Накануне праздника все люди убирали, очищали свое жилище – юрту, наряжались в красивую новую одежду и ходили с рассветом друг к другу в гости. Люди поздравляли друг друга, пели песни, читали стихи и рассказывали сказки. После праздника детям предлагается написать сочинение о празднике.

Наша задача не только сформировать личность, но и наполнить её добротой и уважением к народным традициям. Использование различных жанров устного народного творчества формирует развитую личность и способствует становлению достойных граждан нашего времени.

Библиографический список

1. Азина Е. Г. Использование детского фольклора в коррекционно-логопедической работе // Начальная школа. 2013. № 9.
2. Майнагашева Н. С. Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки // ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ». Абакан, 2014.
3. Сагалакова Е. М., Казачинова Г. Г. Звездочка: книга для дополнительного чтения во 2-м классе хакасской школы. Абакан, 1995. 184 с.

© Чепсаракова В. А., 2018

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

УДК 376.7

Н. Ф. Шоева, О. Б. Бурнакова

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Кто молоко матери не пробовал,
Сиротой остался.
Кто язык предков не уважает,
Обычаи своего народа никогда не узнает.*

М. Е. Кильчичаков

В статье раскрываются вопросы этнокультурного воспитания детей дошкольного возраста в процессе театрализованной деятельности, которая способствует обогащению внутреннего мира ребёнка и приобщает его к национальной культуре хакасского народа.

Ключевые слова: этнокультурное воспитание, культурно-национальное наследие, театральные постановки, хакасский язык.

Этнокультурное воспитание – это такой процесс, в котором цели, задачи, содержание, технологии воспитания ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального Российского государства. Этнокультурная компетентность – это не просто представление об истории и культуре других наций и народностей, это признание этнокультурного разнообразия. Дошкольный возраст характеризуется интенсивным вхождением в социальный мир, формированием у детей начальных представлений о себе и обществе, чувствительностью и любознательностью, поэтому этот период очень благоприятен для формирования этнокультурной осведомленности. Главным компонентом формирования этнокультурной компетентности является создание условий для:

- целостного развития личности ребенка через приобщение его к традиционной народной культуре;
- воспитания и уважения к культуре межнационального общения, толерантности, умения взаимодействовать с окружающим миром, а также

создания педагогических условий формирования этнокультурных компетенций у детей дошкольного возраста.

Актуальность работы заключается в том, что театрализованная деятельность в дошкольном возрасте является одним из основных средств развития ребенка. К средствам театрализованной деятельности относятся сказки, легенды, басни, потешки.

Целью этнокультурного воспитания в дошкольном возрасте является: приобщение детей к культуре своего народа посредством театрализованной деятельности на хакасском языке. Для правильной организации театральных занятий с дошкольниками учитывались следующие принципы:

- содержательность занятий, разнообразие тематики и методов работы;
- ежедневное включение театрализованных игр во все формы организации образовательного процесса, что делает их такими же необходимыми, как дидактические и сюжетно-ролевые;
- максимальная активность детей на всех этапах подготовки и проведения игр;
- сотрудничество детей друг с другом и со взрослыми;
- подготовленность и заинтересованность воспитателей.

Все игры и упражнения на занятии подбираются таким образом, чтобы удачно сочетать движения, речь, мимику, пантомиму в различных вариациях. Разрабатывая программу по театральной деятельности на хакасском языке, мы исходили из того, что этнокультурное воспитание будет осуществляться наиболее эффективно при наличии специально созданных условий организации работы с учетом обобщенной модели театра с этнокультурным компонентом, структурирования содержания занятий на основе хакасского языка и в переводе с фрагментов русского фольклора и литературы. Использование данных произведений подразумевает обучение детей национально-культурным традициям народа, формирование ценностного отношения к культурно-национальному наследию, использование театральных, тренинговых и игровых технологий, способствующих развитию эмоциональных качеств детей.

Приобщение детей к этнокультуре народа осуществляется в форме презентаций, где используются малые формы фольклора: прибаутки, песенки, считалки. Презентации способствовали развитию эмоций и чувств детей, для чего использовались игровые народные персонажи (куклы Тарина, Сояна, Аяс, наш любимый персонаж Сорока, животные: медведь, лиса, заяц и др.); атрибуты народного быта (костюмы, юрта, домашняя утварь и др.); организация народных игр, хороводов.

Содержание занятий включало в себя:

- просмотр кукольных спектаклей и беседы по ним;
- игры-драматизации;
- подготовку разных сказок и инсценировок;

- упражнения по формированию выразительности исполнения (вербальной и невербальной).

Результатом такой работы стали театральные постановки. Создавались они по мотивам сказок русского и хакасского народов, адаптированных для детского восприятия. За эти годы были поставлены и представлены следующие музыкальные сказки: «Заюшкина избушка», «Как птицы царя выбирали», «Спор овощей», участниками которых были дети.

Подготовка спектакля обычно строится по следующей схеме:

- чтение сказки, её обсуждение;
- разбор сценария спектакля, выбор ролей;
- слушание музыки;
- создание элементов костюмов, декораций, украшений помещения, где будет проходить спектакль.

Большое внимание в своей работе с детьми мы уделяем проведению национальных хакасских праздников, которые, по нашему мнению, наиболее близки и понятны детям: «Чыл Пазы», «Праздник урожая», «День пожилого человека», в которых с удовольствием принимали участие дети. В нашем детском саду создан мини-музей хакасского быта, экспонаты которого активно используются в проведении праздников, развлечений, занятий. Свою работу по этнокультурному воспитанию мы проводим в тесном сотрудничестве с родителями. Считаем, что только комплексный и системный подход может стать залогом успешности всего намеченного и реализованного.

Таким образом, работа по этнокультурному воспитанию через театрализованную деятельность помогает обогатить внутренний мир ребёнка, у детей появляется интерес к национальной культуре хакасского народа.

© Шоева Н. Ф., Бурнакова О. Б., 2018

УДК 37.011.33

В. П. Акушакова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье рассмотрены основные современные технологии, применение которых способствует оптимизации восприятия и изучения хакасского языка у детей дошкольного возраста. Автор раскрывает основные образовательные технологии в аспекте указанной темы, приводит практические примеры возможного использования определенной технологии в своей педагогической практике.

Ключевые слова: технология, педагогическая технология, современные технологии, хакасский язык, дошкольный возраст, инновационные технологии.

В современном мире все больше людей стремятся изучать разные языки. Большинство ученых считают, что нужно начинать развивать ребенка как можно раньше. Как в отечественной, так и в зарубежной психологии есть данные о том, что ребенок овладевает языком легче и быстрее, чем взрослый человек.

Известно, что дошкольный возраст характеризуется развитием всех основных типов мышления: наглядно-действенного, наглядно-образного и словесно-логического. Мышление тесно связано с восприятием, памятью и зависит от эмоционального состояния ребёнка [3, с. 115]. Поэтому так важна заинтересованность детей при обучении языкам, в нашем случае хакасскому языку. Отсюда возникает проблема проявления и поддержания заинтересованности детей в процессе обучения.

На протяжении многих лет процесс реорганизации всей системы образования предъявляет высокие требования к организации дошкольного воспитания и обучения, побуждает к поиску новых, более эффективных психолого-педагогических подходов к этому процессу. На современном этапе развития общества инновационные процессы затрагивают в первую очередь систему дошкольного образования, как начальную ступень раскрытия потенциальных способностей ребёнка. Развитие дошкольного образования, переходя на новый качественный уровень, не может осуществляться без разработки и введения инновационных технологий в обучении детей дошкольного возраста языкам.

Педагогическая технология – это совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приёмов обучения, воспитательных средств; она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса [2, с. 235].

Современные инновационные технологии – это система методов, способов, приёмов обучения, воспитательных средств, направленных на достижение позитивного результата за счёт динамичных изменений в личностном развитии ребёнка в современных социокультурных условиях [5, с. 12].

К числу современных образовательных технологий можно отнести: здоровьесберегающие технологии, технологии проектной деятельности, технологию исследовательской деятельности, информационно-коммуникационные технологии, лично-ориентированные технологии, технологию портфолио дошкольника и воспитателя, игровую технологию, технологию «ТРИЗ» и др.

Для эффективности педагогического процесса в дошкольном образовании используются элементы современных образовательных технологий.

Использование педагогической технологии активной сенсорно-развивающей среды помогает в создании условий введения детей в нестандартные игровые ситуации.

Дошкольный возраст – это период активного развития речи, а ведущим видом деятельности в этом возрасте является игра. Следовательно, игра – один из самых эффективных способов воздействия на детей, в котором наиболее полно и ярко проявляется принцип обучения: учить играя [4, с. 36]. Знакомство с хакасским языком, культурой происходит через игры, знакомство с фольклором. У детей появляется повышенный интерес к нетрадиционным методам обучения, таким формам занятий, как экскурсии, видеоэкскурсии, видеопрезентации. В результате эффективность работы по обучению хакасскому языку гораздо выше, поскольку вопросы и задания требуют от детей активизации имеющегося речевого опыта в нестандартной ситуации.

Непосредственно образовательная деятельность по обучению хакасскому языку проводится один раз в неделю и включает в себя следующие виды деятельности: игровую, изобразительную (рисование, аппликация), элементы театральной деятельности, художественно-речевую (стихотворения, пословицы, сказки).

Чтобы обогатить у дошкольников словарный запас наиболее употребительных хакасских слов и фраз, в группе создаются такие речевые ситуации, которые мотивируют их спросить или сказать что-то на хакасском языке. Сюда входит ситуация знакомства, рассказа о своей семье, любимой игрушке и т. д. В свободное время и во время режимных моментов обязательно используются слова и словосочетания на хакасском языке («Здравствуйте!», «До свидания!», «Можно идти домой?»), озвучивается меню на хакасском языке и т. д. Дети с радостью и легкостью запоминают новые слова и словосочетания, если они пользуются ими в повседневном бытовом общении в детском саду, тем самым мотивируя и активизируя свои способности для дальнейшего изучения хакасского языка и вне стен детского сада.

Технология проектной деятельности помогает в развитии и обогащении социально-личностного опыта путем включения детей в сферу межличностного взаимодействия.

Активно используя проектную технологию в воспитании и обучении дошкольников, можно сказать, что организованная по ней жизнедеятельность в детском саду позволяет лучше узнать воспитанников, прочувствовать внутренний мир ребенка, включить родителей в деятельность дошкольного учреждения. Проектный метод помогает детям в усвоении темы тем, что ребёнок совместно с родителями готовит задание. Например, по теме проекта «Домашние животные» дети готовят макет фермы.

Технология исследовательской деятельности

Целью исследовательской деятельности в детском саду является формирование у дошкольников основной ключевой компетенции, способности к исследовательскому типу мышления.

Необходимо отметить, что применение проектной технологии не может существовать без использования ТРИЗ-технологии (технологии решения изобретательских задач). Поэтому при организации работы над творческим проектом воспитанникам предлагается проблемная задача, которую можно решить, что-то исследуя или проводя эксперименты [1, с. 81].

Методы и приемы организации экспериментально-исследовательской деятельности, применяемые при изучении хакасского языка: постановка и решение вопросов проблемного характера; наблюдения; эвристические беседы; подражание голосам и звукам животных; дидактические игры, игровые обучающие и творчески развивающие ситуации; использование художественного слова; трудовые поручения, действия.

Информационно-коммуникационные технологии

Мир, в котором развивается современный ребенок, коренным образом отличается от мира, в котором выросли его родители. Это предъявляет качественно новые требования к дошкольному воспитанию как первому звену непрерывного образования: образования с использованием современных информационных технологий (интерактивной доски, планшета, компьютера и др.).

Поэтому мы начали использовать в своей работе совершенно новое методическое пособие – лэпбук.

Лэпбук – сравнительно новое средство обучения, это книжка-раскладушка с кармашками, конвертами, дверками, окошками, вкладками и подвижными деталями, в которую помещены материалы по одной теме. Использование этого пособия для закрепления темы недели даёт детям возможность осмыслить содержание книги, провести исследовательскую работу, в процессе которой ребенок участвует в поиске, анализе и сортировке информации.

Лэпбук интересен и полезен тем, что его делают совместно взрослые и дети. Он выглядит как интерактивная книжка, информация в которой представлена в виде красочных вынимающихся и разворачивающихся листочков, открывающихся ярких окошек и прочих забавных деталей. Они, с одной стороны, призваны привлечь интерес ребенка к самой папке, а с другой стороны, это прекрасный способ подать всю имеющуюся информацию в компактной форме.

Кроме того, частью одной из современных технологий стало проведение хакасских народных праздников («Чыл пазы» и т. д.). Подготовка к таким праздникам включает в себя и изучение стихотворений на хакасском языке, изучение традиций хакасского народа, внедрение хакасской атрибутики (ленты, национальные музыкальные инструменты, национальные блюда), активное участие родителей дошкольников и приобщение их к хакасской культуре.

Еще одним современным шагом является проведение музыкальных занятий на хакасскую народную тематику. На музыкальных занятиях разучиваем хакасские народные песни и танцы. На занятиях изучаем и читаем хакасские народные сказки, обсуждаем и изучаем новые слова и выражения из прочитанных сказок. Дети участвуют в городских конкурсах и занимают призовые места.

Занятия по обучению детей хакасскому языку – это благодатная почва для формирования всех видов компетенций, поскольку, используя язык как средство, мы изучаем окружающий нас мир во всех его проявлениях, традиции и быт хакасского народа. Раннее изучение способствует не только более свободному практическому овладению хакасским языком, но и несет в себе большой интеллектуальный, нравственный, творческий потенциал. Овладение хакасским языком полезно всем детям, живущим в Хакасии, независимо от их способностей, поскольку знание языка положительно влияет на развитие памяти, воображения, мышления ребенка, а также стимулирует развитие его речевых навыков. Используя на занятиях ИКТ, необходимо тщательно планировать время работы с компьютером и необходимость данной технологии. Основными целями применения ИКТ на занятиях хакасского языка являются повышение мотивации к изучению хакасского языка, расширение объема знаний о культуре, обычаях хакасского народа, развитие речевой компетенции. Используя в работе ИКТ можно выделить основные занятия, мультимедийные презентации, использование аудио- и видеоматериалов. Использовать компьютер можно на всех этапах обучения: при введении нового материала, закреплении, повторении.

В заключение хотелось бы отметить, что изучение языка развивает разные стороны личности: память, внимание, языковую догадку, эрудицию, дисциплину, делает ребенка более активным, причает его к коллективным формам работы в группе, пробуждает любознательность, формирует ребенка интеллектуально и эстетически. Таким образом, правильно организованное обучение языку в детском саду помогает решить задачи образования, воспитания и развития детей, а самое главное поддержать интерес к дальнейшему изучению языка.

Библиографический список

1. Атемаскина Ю. В., Богославец Л. Г. Современные педагогические технологии в ДОУ. М.: Детство-Пресс. 2011. 112 с.
2. Лихачев Б. Т. Педагогика: курс лекций: учебное пособие для студентов педагог, учеб. Л65 заведений и слушателей ИПК и ФПК. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-М. 2001. 607 с.
3. Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы. М: Медицина. 1964. 264 с.
4. Соловейчик М.С. Первые шаги в изучении языка и речи. М., 1991. 102 с.
5. Сылченко Е. А. Инновационные педагогические технологии. Метод проектов в ДОУ М.: Детство-Пресс. 2012. 96 с.

© Акушакова В. П., 2018

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

В статье раскрывается понятие «толерантность», описаны способы применения принципов толерантности в обучении дошкольников разных национальностей хакасскому языку. Автором предложен разнообразный практический материал: песни, потешки, стихи и др., который можно использовать с детьми дошкольного возраста для театрализованной постановки.

Ключевые слова: толерантность, обучение хакасскому языку, обучение дошкольников, толерантная личность, поликультурная среда.

Что такое толерантность? Описать и говорить о ней очень трудно. И, возможно, из-за того, что на разных языках оно определяется по-разному. И в каждом определении обнаруживается различие культур, исторический опыт. Вместе с тем каждое определение выражает сущность толерантности: требование уважать права других, принимать их такими, какие они есть; не допускать причинение им вреда, поскольку причинение вреда другому – это причинение вреда всем, в том числе и самому себе. И не зря говорится в «Декларации принципов толерантности», принятой в 1995 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры: «Толерантность означает уважение, принятие, понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способы проявления индивидуальности...» [1].

Проявление толерантности созвучно уважению прав человека, т. е. уважение – это значит «быть внимательным, проявлять внимание» [1]. Поэтому в приведенных определениях можно выделить четыре основных принципа толерантности.

Принятие и признание различий, существующих между людьми, можно считать наиболее приемлемой формой взаимодействия.

Уважение – это чувство, основанное на признании чьих-либо достоинств, заслуг, качеств. Уважение – это значит быть внимательным, проявлять внимание.

Понимать – это значит сопереживать, т. е. внутренним состоянием, интуицией понимать другого человека, сочувствовать ему.

Подлинная толерантность является ценным нравственным качеством развития личности, которая имеет свои ценности, интересы и готова, если понадобится, их защищать, но вместе с тем с уважением относиться к воззрениям и ценностям других людей.

А чтобы в обществе выросла подлинно толерантная личность, надо начинать развитие с раннего детства. Маленькие дети еще не знают, к

какой национальности они принадлежат. Их отношения со сверстниками не зависят от национальной принадлежности. А подрастая, ребенок начинает понимать свою национальную принадлежность, поэтому так важна благоприятная обстановка как в семье, так и в детском саду. Конечно, мы знаем, что формирование личности, ее установок, ориентаций начинается, прежде всего, в семье. Поэтому так важно, чтобы семья и детский сад на начальном этапе, а затем и школа формировали установку на соблюдение норм общения с окружающими, носителями другой культуры и сыграли большую роль в укреплении культурных традиций и привитии общекультурных норм и ценностей, воспитании толерантной личности.

В детский сад приходят дети из разных семей, в наше время молодые родители не владеют своим родным языком. В настоящее время наблюдается рост внимания к проблемам семьи; это естественно и закономерно. Семья – это важнейшая ячейка общества. И в ней, как в капле воды, отражаются проблемы, тенденции развития общества. Напряженный ритм жизни, многочисленные стрессовые факторы, рост тревоги, агрессивности – все это отрицательно влияет на формирование личности. Поэтому на начальном этапе формируем толерантную личность мы, педагоги детских садов, особенно те, кто учит малышей хакасскому языку.

Начинаю обучать детей родному языку с младшей группы. В малышей группы я стараюсь брать потешки, стихи, песенки, как на хакасском, так и на русском языке.

Например, пальчиковые игры для малышей:

Піс капустаны кисчебіс	Мы капусту рубим, рубим
Піс моркопты хырчабыс	Мы морковку трем, трем
Піс капуста тус салчабыс	Мы капусту солим, солим
Піс капуста нағыпчабыс	Мы капусту ждем, ждем.

Ічем, ічем.	Мама, мама.
-------------	-------------

Ниме, ниме.	Что-что-что.
-------------	--------------

Аалчылар килчелер, аалчылар	Гости едут.
-----------------------------	-------------

килчелер.

Килзінер, килзінер.	Ну и что.
---------------------	-----------

Изеннер, изеннер.	Здравствуй, здравствуй!
-------------------	-------------------------

Чмок, чмок, чмок	Чмок, чмок, чмок.
------------------	-------------------

В этих случаях детям надо только запомнить, потому что без перевода понятно, о чем речь.

Потешка для успокоения деток:

Суулабанар, суулабанар,	Не шумите, не шумите
-------------------------	----------------------

Хызыл ирген пасталар	Утро красное встает
----------------------	---------------------

Чарых күнічек сыгар	Солнце яркое встает
---------------------	---------------------

Хусхаҗахтар сарназар
Салааҗахтар усхунар
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Птицы запевают
Пальцы просыпаются
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Очень любят малыши игры с руками:

Арба хоор-хоор-хоор,
Талған хоор-хоор-хоор,
Кбче хоор-хоор-хоор
Чарба хоор-хоор-хоор

Питі, сибі, ибі, сибі,
Тубе кресс

В этих потешках дети учатся проговаривать хакасские звуки *э, ö, і*.

В режимных моментах, в умывальной комнате, проговариваем потешки:

Соох суғ, соох суғ
Сырайымны чуғ-чуғ
Чуғ-чуғ, чуғ-чуғ.
Наағастарым хызарзыннар
Харахтарым чылтыразыннар
Буль-буль-буль, пуль-пуль-пуль.

Водичка-водичка
Умой мое личико
Чтоб глазоньки блестели
Чтобы щечки краснели
Чтоб смеялся роток
Чтоб кусался зубок

Игра «Изеннер»

Изеннер, холларым – усхундар ба? Я-я-я
Изеннер, хулахтарым – усхундар ба? Я-я-я
Изеннер, харахтарым – усхундар ба? Я-я-я
Изеннер, азахтарым – усхундар ба? Я-я-я

Называют другие части тела: састарым, наахтарым, тістерім и т. д.

Очень любим хороводные песни: «Ікі хусхаҗах», «Минің тайым Трипуным».

Песни-игры переведены на хакасский язык и сопровождаются движениями: «Чиж», «Веселые музыканты», «Два веселых гуся».

Песня «Солнечный зайчик» – «Күнічекнең хозанах». Исполняя хакасские песни, не забываем про русские. Эти песни (см. выше) поем на русском и хакасском языках.

Обучая детей хакасскому языку, я использую театрализованную деятельность. Дети очень любят играть (быть артистами). Сказку С. Я. Маршака «Теремок» мы назвали «Ибічек» (маленькая юрта). Вначале мы исполняли эту сказку как хороводную песню. Позже было задумано поставить сказку «Ибічек». Каждому герою были придуманы песенки.

Мышка поет:

Мин күскечекпін
Хортых күскечекпін
Хоосхаҗахтаң хорыхчам
Табырах анаң тисчем.

Лягушка поет:
Паға-пағачахпын
Сіліг паачахпын
Тұлғу пөрік мин кисчем
Алтын ызырға суғынчам.
Зайчик поет:
Узун-узун хулахтарым
Тоғылах харахтарым
Чапчаң-чапчаң азахтарым
Хортых минің чүреечем

Лисичка поет:
Минің торғы тонычаам
Күн хараана чылтырапча
Түгдүр минің хузуриим
Арға чонны чапсытча

А волку дала слово:
Тағдаң таға ойладым
Чічең ниме таппадым

А Мишка поет песню, составленную по стихотворению А. Килижекова (музыка Н. В. Катаевой):

Тайға ээзі мин полчам,
Чистектерге чоо хынчам,
Суғда паламны чуупчам,
Хысхы килзе, узупчам

По сказке Н. Торбостаевой, взятой из журнала «Сорока-белобока», был написан сценарий. С данной постановкой мы приняли участие в конкурсе «Сурнағастар».

Герой сказки, лягушка, спела песню:
Пак-пак-пак, пак-пак-пак
Наңмыр чағ-чағ-чағ
Мині чуғ-чуғ-чуғ-чуғ
Палбах паазычамны
Халбах хулахтарымны, пеедек харнычаамны
Узун азахтарымны пак-пак-пак

Лисичка поет:
Минің адым тұлгүчек
Пағачахнаң дөречекпін

Кӱйтӱк кӱлӱк пичечек

Все это помогает мне и детям обогащать наш язык. Дети хорошо понимают меня. Они все разные по национальности, но с огромным удовольствием поют хакасские песни, участвуют в сценках, читают стихи, принимают участие в играх, как хороводных, так и подвижных. Все дети считают, что они почти хакасы, потому что мы живем в Хакасии.

Параллельно с обучением языку и фольклору дети знакомятся и с родным краем, при знакомстве с которым нельзя умолчать о топонимике, поскольку от названий рек, озер, гор, сел и городов веет стариной. Рассказывая об Абакане, я знакоблю детей с легендами об Абакане, которые вызывают у них большой интерес. Очень интересны легенды о происхождении озер, гор, созвездий. К некоторым легендам я придумала свои гипотезы.

Обучая детей хакасскому языку, нельзя забывать о праздниках, как русских, так и хакасских. Наши дети постоянно участвуют в праздниках: *Чыл пазы* – Новый год (по хакасскому календарю), *Масленица* – встреча весны и зимы, *Чир ине кӱни* – день Матери-земли, колядки. Осенью мы встречаем праздник почитания пожилого человека. На все эти праздники обязательно приглашаются бабушки, мамы, дедушки, папы. Таким способом исполняются традиции и обряды: передается эстафета следующему поколению. Осознание того, что существуют национально-специфические праздники, иноязычные песни, стихи, игры, топонимика, дает дошкольникам развить уважение и интерес к другой национальности. И все это служит основой для воспитания толерантной личности в современном поликультурном обществе.

Библиографический список

1. Попова Е. В. Предпосылки и условия формирования толерантности личности на разных возрастных этапах // Концепт. 2015. № 03 (март). URL: <https://e-koncept.ru/2015/15070.htm> (дата обращения 17.04.2018).

© Чаптыкова Ю. Д., 2018

УДК 373.24

О. И. Чучалина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДНЫХ ИГР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ДЕТСКОМ САДУ

В статье обобщается опыт использования народных игр на занятиях по физической культуре с детьми дошкольного возраста. Автором раскрывается педагогическая ценность народных игр не только для повышения физической активности дошкольников, но и воспитания патриотических чувств, любви к своей малой Родине.

Ключевые слова: народные игры, физическая культура, воспитание, региональная культура.

«Народные подвижные игры не должны быть забыты. Они дадут положительные результаты тогда, когда исполняют своё главное назначение – доставят детям удовольствие и радость, а не будут учебным занятием».

М. А. Горький

Совершенствование физического развития детей дошкольного возраста приобрело особую значимость в условиях внедрения ФГОС ДО. До 7 лет человек проходит огромный путь развития, не повторяемый на протяжении последующей жизни. Век компьютерных технологий, мобильных телефонов и темп, с которым они развиваются, вызывая к себе повышенный интерес, негативно сказываются на здоровье детей, отвлекая ребенка от двигательной активности, а она является естественной потребностью детей. Одним из важнейших условий полноценного развития ребёнка является удовлетворение этой потребности. Двигаясь, дети взаимодействуют с окружающей средой, приобретают не только двигательный, но и коммуникативный опыт, что даёт возможность использовать физические упражнения более широко, для целенаправленного развития полноценной личности. Средством повышения двигательной активности детей дошкольного возраста являются следующие формы: утренняя гимнастика, подвижные игры и физические упражнения, физкультминутки на занятиях, динамические паузы, плавание, гимнастика после дневного сна и т. д. Но всё же одним из главных средств в этот период развития ребёнка является игра как ведущий вид деятельности.

Прогрессивные русские ученые, педагоги, психологи (А. С. Макаренко, Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин, В. Г. Яковлев, Р. И. Жуковская и многие другие) раскрыли роль игры как деятельности, способствующей качественным изменениям в физическом и психическом развитии ребенка, оказывающей разностороннее влияние на формирование его личности.

Одним из направлений образовательной программы дошкольного учреждения является региональный компонент. ФГОС ДО рассматривает учет регионального компонента как необходимое условие вариативности дошкольного образования. Важно с дошкольного возраста формировать в детях духовно-нравственные качества, воспитывать хранителя культурного наследия, хранителя традиций и обрядов. Сохранение и возрождение культурного наследия начинается со своего края и играет важную роль в воспитании подрастающего поколения. Региональная культура становится для ребенка первым шагом в освоении богатств мировой культуры, присвоении общечеловеческих ценностей, формировании соб-

ственной личностной культуры. Но как же радость движения сочетается с духовным обогащением детей?

Народные игры – это наше богатство. Они являются эффективным средством развития положительного отношения к физической культуре. Через народные игры дети приобщаются к национальной культуре, традициям народов страны. В ненавязчивой форме ребята знакомятся с народными промыслами; произведениями писателей, художников, композиторов; детским фольклором. Расширяется представление о традициях и обычаях народов, проживающих в республике; дети знакомятся с географическими особенностями, с достопримечательностями.

До наших дней дошло множество народных игр: передаваемые из поколения в поколение, они вобрала в себя лучшие национальные традиции. По играм мы можем судить о культуре и быте, о нормах поведения, существовавших на Руси. Исследователи народных игр отмечают, что во все времена они выполняли важные социальные функции, являясь частью досуга, давали возможность человеку отдохнуть от будничных дел и погрузиться на время в радостную атмосферу.

Однако основная цель народных игр – повышение физической активности дошкольника, воспитание патриотических чувств, любви к своей малой Родине. Народные игры, являются оптимальным вариантом художественно-эстетического, нравственного и патриотического воспитания дошкольников.

Наряду с этим, народные игры решают основные задачи:

- удовлетворять потребность ребёнка в двигательной активности;
- способствовать закреплению и совершенствованию основных видов движений;
- способствовать физическому развитию ребенка;
- развивать умение действовать в коллективе, выполнять условия и правила игры;
- развивать физические качества (силу, ловкость, быстроту, выносливость, координацию движений).

Народные игры, несомненно, должны быть включены в занятия по физической культуре для детей дошкольного возраста. Они просты и общедоступны. В них каждый из детей может найти себе роль по силам и способностям. В играх больше, чем в других физических упражнениях, воспитанники могут выполнять различные двигательные действия так, как им хочется, как позволяют им их индивидуальные особенности. Богатейшим разнообразием движений отличаются такие игры, как «Совушка», «День и ночь», «Пятнашки» и др. Одним из привлекающих факторов игр является элемент соревнования. Даже в таких простых играх, как «Пустое место» или «Третий лишний» уже имеются ясно выраженные

стремления детей к победе: быстрее обежать круг, догнать партнера или успеть убежать от него.

Для занятий с детьми игры подбираются с учётом их возрастных особенностей, возможностей выполнения того или иного движения. Также игры выбираются в зависимости от их двигательного содержания: игра с бегом или прыжками, с метанием, с переноской предметов, преодолением препятствий, с ходьбой, с лазаньем, ползанием и т. д.

Народные игры проводятся во время образовательной деятельности, в повседневной жизни ребят, на прогулке. Дети отдают предпочтение народным играм – «Ручеек», «Салочки», «Море волнуется», «Пустое место», «Куручки». Нравятся и игры народов мира – «Достань шапку» – Азербайджан; «Аист и Лягушка» – Индия; «Поймай дракона за хвост!» – Китай; «Водяной» – Удмуртия, «Перетягивание» – Кавказ; «Беляк» – Белоруссия. Ознакомление детей с календарными праздниками и национальными играми нашего региона происходит в рамках проектной деятельности. Ведь народные обрядовые праздники всегда связаны с игрой. В Рождество проводим игры «Два Мороза», «Я – мороз красный нос»; в Чыл Пазы – «Хозанорых» (Заячья тропа), «Перетягивание палки» (Ағаснаң тартызы), «Аба паза төкпес» (Медведь и пень), «Пағтудызах» (Веребочка); в Зимние святки – «Баба Яга», «Дорожки»; на Масленицу – «Гори, гори ясно», «Салки», «Змейка» и др.

Таким образом, народные игры являются важной и неотъемлемой частью культуры любого народа. Национальные игры и подвижные развлечения играют большую роль в физическом развитии детей. Они воспитывают волю, мужество, стремление к победе. Народные подвижные игры в комплексе с другими воспитательными средствами представляют собой начальный этап формирования гармонически развитой, активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

© Чучалина О. И., 2018

УДК 372.881.1

М. В. Балахчина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ИГР ПРИ ОБУЧЕНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье анализируются возможности использования театрализованных игр в обучении детей дошкольного возраста хакасскому языку. Автор отмечает, что использование театрализованных игр способствует не только обогащению словарного запаса на хакасском языке, но и развивает психические функции личности ребенка-дошкольника, его

художественные способности, общечеловеческую универсальную способность к межличностному взаимодействию.

Ключевые слова: *дошкольники, обучение хакасскому языку, театрализованные игры.*

Одной из актуальных задач в системе образования Республики Хакасия является обучение детей хакасскому языку. В нашем детском саду имеются группы по изучению хакасского языка. Содержанием обучения является все самое ценное, что веками сформировано мудростью, культурой хакасского народа. Особенности овладения вторым языком в дошкольном возрасте связаны с непосредственностью детского восприятия, открытостью по отношению к людям, говорящим на другом языке, с овладением иными формами общения, когда ребенок дошкольного возраста не осознает, зачем ему нужно знать второй язык. Весь процесс постижения второго языка выстраивается как процесс удовлетворения личностных, познавательных, игровых потребностей ребенка в интересном общении со взрослыми и детьми. Следует учесть, чем более активной и содержательной будет деятельность детей с запоминаемым материалом, тем выше окажется произвольность запоминания ими этого материала.

В нашем учреждении большая часть детей, говорящих на русском языке. Как сделать процесс обучения хакасскому языку доступным, занимательным и интересным, обеспечивая при этом такой уровень усвоения языка, при котором ребенок легко смог бы пользоваться им и быть хорошим партнером в игровой коммуникации? Этот вопрос меня очень волновал. Ответ на него я нашла в собственной экспериментальной работе – решила использовать театрализованные игры в обучении детей хакасскому языку.

Методика обучения хакасскому языку через театрализованную игру является отраслью педагогической науки и имеет свои цели, задачи и содержание. Театрализованная деятельность позволяет комплексно решать образовательные задачи.

Стараюсь, чтобы общение детей на хакасском языке было мотивированным и целенаправленным. Делаю ребенку положительную психологическую установку на иноязычную речь. Способом создания такой положительной мотивации является театрализованная игра. В основе лежит создание воображаемой ситуации и принятие ребенка той или иной роли. Через театрализованную деятельность дети овладевают языком как средством общения.

Огромную, ни с чем несравнимую радость доставляет детям театр, праздничное радостное представление.

Увиденное и пережитое в настоящем театре, в их самостоятельных театрализованных представлениях расширяет кругозор детей, создает обстановку, требующую от ребенка вступать в беседу, рассказывать о спектакле товарищам и родителям. Все это, несомненно, способствует разви-

тию речи, умению вести диалог и передать свои впечатления в монологической форме.

В образовательной деятельности в детском саду используют различные виды театров: пальчиковый, куклы Бибабо, платочные куклы, теневой, тактильный. Для представлений мы вместе с детьми изготавливаем фигурки, маски, костюмы к театрализованным спектаклям. Мною разработан перспективный план по ознакомлению детей с хакасскими народными сказками, легендами и авторскими произведениями Михаила Кильчицакова, Николая Тинникова и др. Все эти средства не только служат обогащению эмоциональной сферы, но и дают возможность с интересом и легкостью осваивать и запоминать слова на непонятном, не русском языке.

Театральная игра в обучении детей хакасскому языку не только обогащает словарный запас на хакасском языке, но и развивает психические функции личности ребенка, художественные способности, общечеловеческую универсальную способность к межличностному взаимодействию, творчеству в любой области. К тому же для ребенка театрализованное представление – это хорошая возможность хотя бы ненадолго стать героем, поверить в себя, услышать первые в жизни аплодисменты. На занятиях я использую методику М. С. Арчимаевой. Процессы ознакомления с новым словом осуществляется через процесс заучивания ролей. Дети на занятиях играют с игрушками, наряжаются в костюмы героев. И чем ярче переживается образ, тем лучше он сохранится в памяти.

В своей работе для заучивания считалок, потешек и стишков разыгрываю спектакли, миниатюры, где роли действующих лиц «исполняют» игрушки. Если театр игрушек не требует никаких подделок и дети выступают в роли зрителей, то театр петрушек, кукол, театр сценической постановки, создает постановку по настоящему театрального представления. Дети проявляют не поддельный интерес к такому театру. Куклы производят на детей сильное и глубокое впечатление, малыши искренне переживают все события вместе с героями спектакля: они разговаривают с куклами, дают советы, сочувствуют одним и гневно обличают других. Даже малообщительные дети не остаются равнодушными. Подготовить декорации и кукол для театра – дело хлопотливое, но возможное. Зато как близка кукла детям! Надев куклу на руку, могу с ней подойти к малышам и этот Волчок или Мишка могут поговорить с детьми, немножко пошалить, приласкаться, ободрить и утешить ребенка, попросить что-либо сделать. Сказки радуют детей своим оптимизмом, добротой, любовью ко всему живому, мудростью понимания жизни, сочувствием слабому, лукавством и юмором. При этом формируется опыт социальных навыков поведения, а любимые герои становятся образцами для подражания.

Ребенок получает роль одного из её героев, приобщается к культуре своего народа, непроизвольно впитывает то отношение к миру, которое дает силу и стойкость в будущей жизни. Чтобы дети лучше запомнили незнакомые по звучанию слова хакасского языка, мне приходится читать текст за нескольких действующих лиц, учить каждого говорить так, чтобы дети могли по интонации различать персонажей. Дикторское прочтение слов автора требует, чтобы текст читался выразительно, внятно, достаточно громко. Следовательно, на занятиях по хакасскому языку у детей развивается четкая дикция, ведется работа над артикуляцией с помощью считалок, скороговорок, чистоговорок, потешек, дети знакомятся с литературным произведением хакасских писателей.

Таким образом, необходимо помнить, что знания и умения, усвоенные без желания и интереса, не стимулируют познавательную активность дошкольников, а с помощью театрализованной игры дети активны, любознательны и им не страшен чужой для общения язык.

Итогом работы по усвоению детьми хакасского языка является спектакли по народным сказкам. На представление приглашаются дети как и с общеразвивающих групп, так и из групп компенсирующей направленности, родители. Фрагменты постановок включаются в сценарии утренников, досугов, русских и хакасских календарных праздников. Можно сказать, что творческая театрализованная игра выполняет существенную роль в процессе обучения их хакасскому языку и способствует его лучшему усвоению.

Библиографический список

1. Акулова О. А. Театрализованные игры // Дошкольное воспитание, 2011. № 4.
 2. Алябьева Е. А. Развитие воображения и речи детей 407 лет: игры-импровизации, игры-путешествия, игры-перевоплощения. М., 2008.
 3. Алякринский Б. С. О таланте и способностях. М., 2008.
 4. Артёмова Л. В. Театрализованные игры дошкольников. М., 2010.
- © Балахчина М. В., 2018

УДК 373.24

М. А. Белякова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье раскрываются возможности музейной педагогики как интегративной и качественно новой сферы образовательной деятельности в этнокультурном воспитании детей дошкольного возраста. Автором анализируются различные формы, методы музейной педагогики в этнокультурном образовании дошкольников.

Ключевые слова: музейная педагогика, этнокультурное образование, дошкольное образование.

Дошкольное образовательное учреждение, являясь начальным звеном системы образования, призвано формировать у детей первые представления об окружающем мире, отношении к окружающей действительности: родной природе, малой Родине, своему Отечеству. Наша малая Родина Хакасия является многонациональным регионом, здесь живёт коренной народ – хакасы, а также переселенцы из разных уголков России (русские, татары, украинцы, чувашаи). Из-за непринятия людьми разных национальностей друг друга в обществе нарастает социальная напряженность, не прекращаются межэтнические конфликты.

Дошкольный возраст имеет основополагающее значение для социального становления личности в целом и для воспитания этнотолерантности, поскольку, с одной стороны, ребенок изначально толерантен, а с другой – именно на ранних стадиях закладывается прочная база для будущих этнических и расовых предрассудков и конфликтов. Поэтому актуальным становится вопрос об этнокультурном образовании дошкольников. Используя сравнение традиций народов Хакасии в педагогической работе, мы получаем возможность приобщить подрастающее поколение к современным культурным ценностям, в систему которых, несомненно, входят традиционные и этнические ценности. Проблема этнокультурного воспитания детей старшего дошкольного возраста состоит в выборе и создании таких условий, в которых ребенок смог бы максимально самореализоваться, то есть установить собственные отношения с обществом, историей, культурой человечества, что является одной из основных задач воспитательного процесса.

Введение регионального компонента призвано познакомить с опытом коренных народов Хакасии, его нравственными устоями, которые будут способствовать возрождению исторической памяти. Соприкосновение с народным искусством и традициями, участие в народных праздниках духовно обогащают ребенка, воспитывают гордость за свой народ, поддерживают интерес к его истории и культуре.

Этнокультурное воспитание – это процесс, в котором цели, задачи, содержание, технологии воспитания ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального Российского государства [1, с. 682]. В старшем дошкольном возрасте оно направлено на развитие этнокультурной компетенции. Это не просто представление об истории и культуре других наций и народностей, это признание этнокультурного разнообразия.

Дошкольное образование неразрывно связано с социальными процессами и культурой общества. В законе РФ «Об образовании» говорится: «Гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей... единство федерального культурного и образовательного пространства; ...развитие национальных культур, региональных культур-

ных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» (ст. «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования») [2, с. 6].

В дошкольном возрасте закладываются нормы поведения, моральные ценности, происходит формирование представлений о значимости человеческого достоинства, понимание ценности своей личности и других людей, воспитывается уважение к ним, чувство солидарности и стремление к сотрудничеству, умение разрешать конфликты, происходит активное усвоение ребенком знаний о мире, о взаимоотношениях между людьми, знакомство с социальными ролями и ценностями общества.

Реализуя государственный образовательный стандарт в дошкольных учреждениях по разделу: «Развитие представлений о человеке в истории и культуре» [3, с. 63], мы столкнулись с некоторыми трудностями. Дети дошкольного возраста усваивают все прочно и надолго только тогда, когда перед ними есть наглядность, возможность проведения опытов, экспериментов, создания продуктов творческой деятельности. Если в дошкольном учреждении нет достаточной материальной базы для полноценного изучения данного раздела, нет соответствующей развивающей среды и методического обеспечения, то здесь нам на помощь приходит музейная педагогика как интегративная и качественно новая сфера образовательной деятельности, так как музей удовлетворяет образовательные и познавательные потребности детей.

Музейная педагогика, как и педагогика в целом, направлена на задачи воспитания и развития личности. Музейно-педагогический процесс представляет собой единую и динамичную систему компонентов, определяемых педагогическими категориями (воспитанием, развитием, образованием, обучением). Музейная педагогика оперирует теми же понятиями и категориями и подчиняется тем же законам, что и общая педагогика. Более того, сама музейная педагогика может быть рассмотрена как инновационная педагогическая технология [4].

Современная музейная педагогика использует различные формы, методы и технологии. Так, М. Ю. Юхневич относит к числу базовых форм культурно-образовательной деятельности музея десять следующих форм работы с детьми: экскурсия, лекция, консультация, научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студия), конкурс (олимпиада, викторина), встреча с интересным человеком, концерт (литературный вечер, театрализованное представление, киносеанс), праздник, историческая игра [5, с. 17].

Музей как социокультурный феномен обладает большими потенциальными возможностями для приобщения дошкольников к различным культурам благодаря наглядно представленным памятникам и музейным экспонатам. Современные технологии делают доступным и интересным

процесс приобщения дошкольников к различным культурам в условиях музея.

А. В. Запорожец показал, что центральными достижениями психического развития в дошкольном периоде следует считать образные формы познания и социальные эмоции. Музейная форма представления материала непосредственно способствует именно образному познанию, а социальные эмоции – вопрос содержания музейных экспозиций.

Фундаментом педагогики музея является погружение ребенка в специально организованную среду, которая может включать в себя элементы искусства, старины, памятники природы и многое другое.

Таким образом, именно музей становится источником формирования интереса детей к народам Хакасии, культуре, формирует основу нравственно-патриотического воспитания. С помощью музейной педагогики мы решили проблему в выборе условий этнокультурного образования детей.

Библиографический список

1. Кравцова Ф. Х. Реализация региональной программы «Этнокультурное воспитание дошкольников». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-regionalnoy-programmy-etnokulturnoe-vozpitanie-doshkolnikov>.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция).
3. Программа «От рождения до школы» под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, М. А. Васильевой. М.: Мозаика-Синтез, 2014.
4. Морозова А. Н., Мельникова О. В. Музейная педагогика. М.: Сфера, 2006.
5. Кетова Л. М. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология
6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kak-innovatsionnaya-pedagogicheskaya-tehnologiya#ixzz3tievQOkv>

© Белякова М. А., 2018

УДК 373.2

Т. П. Танбаева

ИНТЕНСИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ХАКАССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье анализируются методы интенсивного обучения хакасскому языку детей дошкольного возраста. Рассмотрены принципы интенсивного обучения, средства активизации разговорной речи. Приводятся образцы языковых игр и упражнений. Статья адресована студентам факультетов дошкольного воспитания, специалистам, воспитателям дошкольных учреждений.

Ключевые слова: *интенсивное обучение, средства активизации, принципы обучения, ритмизация, речевые ситуации, хакасский язык, дошкольный возраст.*

Интенсивное обучение (от лат. intensio – напряженный, сжатый, насыщенный) – это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие «ребёнок – педагог» или «ребёнок – ре-

бёнок – педагог». Следует отметить, что данная форма обучения – это специальная форма организации познавательной деятельности. Среди форм организации обучения преобладает групповая, т. е. коллективное взаимодействие. Виды деятельности и формы работы на занятиях меняются, так как внимание детей удерживается до тех пор, пока существует интерес.

Интенсивное обучение следует рассматривать как многомерное явление, которое на каждом этапе занятия решает одновременно три задачи: учебно-познавательную, коммуникативно-развивающую и социально-ориентационную. Так как в группах дети с разным уровнем владения хакасского языка, то возникает необходимость создания коллективной формы работы. Достоинство этой работы состоит в том, что она значительно увеличивает объём речевой деятельности на занятиях: ведь хорошие ответы помогают преодолеть боязнь допустить ошибку. Эта работа удобна для разыгрывания речевых ситуаций, которые побуждают их спросить или сказать что-либо на хакасском языке.

– *Пу инек! Чоон инек! Инек пазы! Пар хулахтары, харахтары, ахсы.*

– *Пу мүүстер!, Мү-ү- үстер!*

Работа в парах	
– пу ниме? – <i>хой</i> – пу ниме? – <i>пазы</i> – пу ниме? – <i>азахтары</i> – пу ниме? – <i>хузурии</i>	Ира спрашивает, а Саша отвечает.

Составление рассказа по схеме:

1. Хысхы килді.
2. Соох хысхы килді.
3. Соох апсах киллер.
4. Соох апсах. Наа чылда килер.

По карточкам:

Хысхы килді хар чаапча. Соох апсах арыгда чөрче. Арыгда пүүрлер чуртапча.

Парами жестом, мимикой:

1. <i>пу хол</i>	2. <i>пу хол</i>	3. <i>холларым</i>
<i>пу азах</i>	<i>пу азах</i>	<i>азахтарым</i>
<i>пу пас</i>	<i>пу пас</i>	<i>пазым</i>
<i>пу хулах</i>	<i>пу хулах</i>	<i>хулахтарым</i>
<i>пу харах</i>	<i>пу харах</i>	<i>харахтарым</i>
<i>пу ахсым</i>	<i>пу містерім</i>	<i>сырайым</i>

Работа в парах помогает исправлять речевые ошибки детей путем составления диалога по заданной ситуации.

Работу по цепочке можно использовать при составлении рассказов по картинкам. Для привития интереса к хакасскому языку можно использовать словесные, ролевые игры, различные виды карточек (моделей).

По таким же принципам осуществляется интенсивное обучение. Прежде всего это личностное общение (я – личность, все мы – личности). Общение с детьми происходит с позиции глаза в глаза, на равных, на полном взаимодоверии. Дети встают парами, взявшись за руки, говорят и показывают жестами, используя мимику. Затем пары меняются, ребенок, который слушал, теперь говорит, или один спрашивает – другой отвечает. Второй принцип – волевая организация учебного процесса (я – актер, прячусь за маской). В этом случае ребенок, оберегая свое психическое здоровье, раскрывает свои возможности. Третий принцип коллективного взаимодействия, когда все дети общаются друг с другом (я – коллектив, один за всех, все за одного, мой успех – ваш успех).

Средства активизации для большего запоминания основного языкового материала:

1. Создание благоприятной обстановки.
2. Опорный язык (русский) звучит вскользь, а хакасский – в нужном темпе с использованием его интонационного рисунка.
3. Раскрытие речевого аппарата. Можно включить громко музыку, дети должны её перекричать или использовать разный уровень громкости (от шепота до крика). Этим средством дети быстро запоминают любую считалку, скороговорку.
4. Интонационная речь. Каждая фраза произносится в разных интонациях (; ! ? !!! .) *Наа чыл чагдапча.*

5. Прием дробления фраз.

Кемдiр синiң, адың, адың,? ...Синiң, адың, ? Кемдiр синiң, адың,?

6. Ритмизация:

а) под барабанную дробь произносить трудные слова: *пу-дiг-чи;*

б) повороты под проговаривание;

в) жесты: *чоон – кiчiг;*

г) степень сравнения: *чахсы, угаа чахсы, хандыра.*

7. Пропевка – языковой материал перекладываем на знакомую мелодию.

Песня «В траве сидел кузнечик»:

Мин иртен иртiк турчам

Анан мин азыранчам

Ипек пир iчечеем

Чей ур пир уучачам.

8. Подстановка и использование фраз в разных ситуациях:

Мин сирернең таньзарға хынчам

-----чоохтазарға-----

-----туганназарға-----

Все эти средства осуществляются по принципу:

- группа – воспитатель;
- парная работа;
- конвейер;
- толкучка;
- диалог.

Таким образом, интенсивный метод обучения позволяет детям быстрее овладеть родным языком и дает возможность воспитать в ребенке языковое чутье. Постепенно родной язык станет для них фундаментом, на котором будет строиться разумное усвоение других языков.

Библиографический список

1. Трофимова Ю. Поговорим на якутском? // Дошкольное воспитание. 2008. № 2. С. 49.
2. Китайгородская Г. Я. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М, 1986.
3. Щукин А. Н. Современные интенсивные методики и технологии обучению иностранным языкам: учебное пособие. М., 2010. 188 с.

© Танбаева Т. П., 2018

УДК 372.367

**О. Ю. Лобыгина, Е. В. Саломатова,
С. В. Туктарова, Н. Н. Берестова**

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Статья посвящена вопросам патриотического воспитания детей дошкольного возраста во взаимодействии дошкольной образовательной организации и семьи. Авторы приходят к выводу о том, что без нравственно-патриотического воспитания невозможно сохранить этнокультурное наследие. В статье описаны основные приемы и методы, используемые педагогами ДООУ с целью укрепления межэтнической толерантности детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, чувство патриотизма, социальный опыт, воспитательное воздействие, творческие группы, толерантность, межэтническая толерантность.

С чего начинается Родина? Где и когда зарождается чувство патриотизма? И как маленькому человеку объяснить, что такое Родина? Не менее важно кто и как начинает развивать патриотизм.

В. А. Сухомлинский утверждал, что «Детство – каждодневное открытие мира и поэтому надо сделать так, чтоб оно стало, прежде всего, по-

знанием человека и Отечества, их красоты и величия... Воспитание этих качеств начинается с того времени, когда ребенок начинает видеть, познавать, оценивать окружающий мир» [4, с. 213]. Ежедневное открытие и накопление ребенком социального опыта жизни в своем городе (селе, поселке), усвоение принятых в нем норм поведения, взаимоотношений, приобщение к миру его культуры, станет базовым этапом формирования у детей любви к Родине – патриотизма. Чувство патриотизма так многогранно по своему содержанию, что не может быть определено несколькими словами. Это и любовь к родным местам, и гордость за свой народ, и ощущение своей неразрывности со всем окружающим, и желание сохранять, приумножать богатства своей страны [2, с. 49]. С раннего возраста человек начинает осознавать себя частицей своей семьи, своей нации, своей Родины. Поэтому именно с дошкольного возраста следует воспитывать в детях чувство достоинства и гордости, ответственности и надежды, раскрыть им истинные ценности семьи, нации, Родины.

Необходимо подвести к пониманию, что все это – частица Родины, поскольку во всех местах: больших и маленьких, есть много общего: повсюду живут люди разных национальностей, совместно трудятся и помогают друг другу.

Чувство Родины... Оно начинается у ребенка с отношения к семье, к самым близким людям – к матери, отцу, бабушке, дедушке. Это корни, связывающие его с родным домом и ближайшим окружением [3, с. 56].

Патриотическое чувство – результат длительного целенаправленного воспитательного воздействия на человека, начиная с раннего возраста, который формируется под влиянием образа жизни, воспитательной работы в семье и дошкольном учреждении.

Воспитывая у детей любовь к своей семье, к своему селу, воспитание любви к своему Отечеству, гордости за свою страну должно сочетаться с формированием доброжелательного отношения к культуре других народов, к каждому человеку в отдельности, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Безусловно, гуманное отношение к людям разных национальностей создается у ребенка в первую очередь под влиянием родителей и педагогов, т. е. взрослых, которые находятся рядом с ним. Особенно это актуально в наши дни, когда среди какой-то части взрослого населения возникают противостояния по данным проблемам. Поэтому особенно важно в детском саду поддержать и направить интерес ребенка к людям других национальностей, рассказать, где территориально живет данный народ, о своеобразии природы и климатических условий, от которых зависит его быт, характер труда и т. д. Важно постоянное общение взрослого с ребенком, в результате и посредством которого формируется такое сложное образование, как чувство любви к Родине.

В нашем детском саду работает пять творческих групп, в планы которых входят мероприятия по взаимодействию семьи воспитанников и детского сада, направленные на воспитание патриотических чувств.

В рамках данной работы проходят творческие встречи, родительские собрания, беседы, конкурсы, совместные выставки рисунков и фотовыставки, «Дни открытых дверей», где родители могут наблюдать совместную деятельность «педагог – воспитанник» в течение дня (НОД, дидактические и народные игры, театрализованная деятельность). Мы, участники творческих групп, делимся между собой опытом, приглашаем друг друга на творческие встречи с родителями для вовлечения их в образовательный процесс ДОУ. Наибольший эмоциональный отклик у детей вызывают праздники, утренники, другие досуговые мероприятия, где особое место занимают национальные традиции. Это позволяет создать в детском саду периоды повышенной творческой активности, объединяя ребенка и родителей, как первоисточник познания своей малой родины, к месту, где родился и вырос маленький человек. И невозможно говорить о воспитании любви к родному краю без сообщения детям определенных знаний о нем [1, с. 23].

Дети нашего сада включаются в празднования событий, связанных с жизнью села и страны. Торжественные моменты в жизни наших детей, которые они прожили и прочувствовали, очень важны для патриотического воспитания, они запечатлены в фотовыставках и выставках совместных рисунков (Масленичная неделя, Иван-Купала, Наурыз, Сабантуй).

Активная совместная и самостоятельная деятельность детей обеспечивается созданием в каждой группе национально-регионального центра. В нем помещены символы государства, портрет Президента, портрет главы Республики, коллекция кукол в национальных костюмах народов России, национальные жилища хакасов и русских, папка «Я юный гражданин России», папка «Москва – столица нашей Родины», папка «Абакан – столица Хакасии» и другое. Все периодически обновляется и заменяется.

Используя проектную деятельность, мы стимулируем проявление любознательности детей, самостоятельный поиск информации в разных источниках; у детей формируется ответственность и заинтересованность в выполнении задания. Итогом проекта служит презентация. В качестве презентации проектов проводятся итоговые мероприятия: интеллектуальные конкурсы; спортивные досуги, праздники, изготовление макетов, газет, альбомов с рисунками и рассказами детей. В процессе познавательно-исследовательской деятельности дети учатся находить взаимосвязь живой и неживой природы Хакасии, особенность приспособления к

жизни в Хакасии, национальные обряды и традиции народов, проживающих на территории нашей республики. Используем проблемные, поисковые вопросы, направляем детей на самостоятельный поиск информации: спросить у родителей, бабушек, понаблюдать.

Детский сад должен помочь родителям осознать, что именно в семье нужно сохранять память о старшем поколении, передавать народные традиции, ценности, созданные предками, исторические материалы. В настоящее время работа по данному направлению важна и требует большого терпения, так как в молодых семьях вопросы патриотического воспитания не считаются важными, и в большинстве случаев вызывают лишь раздражение. В процессе взаимодействия с семьёй необходимо повысить уровень педагогической компетентности родителей по вопросам патриотического воспитания дошкольников. Многим родителям просто не известно, что именно в дошкольном возрасте необходимо посеять и взрастить в детской душе семена любви к родной природе, к родному дому и семье, к истории и культуре страны, созданной трудами родных и близких людей. Только совместное воздействие таких факторов, как семья, ближайшее окружение, детский сад, объединенных в одну образовательную систему, позволит воспитать у ребенка чувства гражданственности, патриотизма, толерантного отношения к другим нациям и народам [5, с. 78]. И отрадно видеть, как молодые семьи уже откликаются не только на нашу просьбу о помощи, но и сами проявляют инициативу.

Библиографический список

1. Андреева Н. Ф. Планирование работы по патриотическому воспитанию в ДОУ // Управление ДОУ. 2005. № 1. С. 16–24.
2. Буре Р. С., Година Г. Н., Шатова А. Д. и др. Воспитание нравственных чувств у старших дошкольников: кн. для воспитателей дет. сада. М.: Просвещение, 1989. 96 с.
3. Маханаева М. Д. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников. // Управление дошкольными образовательными учреждениями. 2005. № 1. С. 55–67.
4. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям // Изб. пед. соч. М., 1979. Т. 1.
5. Цветкова И. М., Макеенкова Е. Е. Любовь к Родине воспитываем с раннего возраста // Управление дошкольными образовательными учреждениями. 2005. № 1. С. 73–78.

© Лобыгина О. Ю., Саломатова Е. В., Туктарова С. В., Берестова Н. Н., 2018

ЗНАКОМСТВО ДОШКОЛЬНИКОВ С ХАКАССКИМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются возможности театрализованной деятельности для приобщения детей дошкольного возраста к традициям хакасского народа. Авторы полагают, что театрализованная деятельность способствует обогащению знаний дошкольников об обычаях, обрядах хакасского народа.

Ключевые слова: театральная деятельность, традиции, игра, среда, праздник.

Детство каждого из нас проходит в мире ролевых игр, которые помогают ребенку освоить правила и законы взрослых людей. Игры для детей можно рассматривать как импровизированные театральные постановки, в которых кукла или сам ребенок имеет свои вещи, игрушки, мебель, одежду и т. д. Ребенку предоставляется возможность побывать в роли актера, режиссера, декоратора, бутафора, музыканта. Каждый ребенок играет по-своему, но все они копируют в своих играх взрослых.

Кроме того, коллективная театрализованная деятельность направлена на целостное воздействие на личность ребенка, его раскрепощение, вовлечение в действие, активизируя при этом все имеющиеся у него возможности; на самостоятельное творчество; развитие всех ведущих психических процессов; способствует самопознанию, самовыражению личности при достаточно высокой степени свободы; создает условия для социализации ребенка, усиливая при этом его адаптационные способности, корректирует коммуникативные отклонения; помогает осознанию чувства удовлетворения, радости, значимости, возникающих в результате выявления скрытых талантов и потенций.

Театрализованная деятельность в детском саду организационно может пронизывать все режимные моменты: включаться во все занятия, в совместную деятельность детей и взрослых в свободное время, осуществляться в самостоятельной деятельности детей. Театрализованная деятельность может быть органично включена в работу различных студий и кружков; продукты театрализованной деятельности (инсценировки, драматизации, спектакли, концерты и др.) могут вноситься в содержание праздников, развлечений.

Среда является одним из основных средств развития личности ребенка, источником его индивидуальных знаний и социального опыта. Предметно-пространственная среда должна не только обеспечивать совместную театрализованную деятельность детей, но и являться основой само-

стоятельного творчества каждого ребенка, своеобразной формой его самообразования.

В группе есть театральный уголок, куда входят пальчиковый, настольный, кукольный, теневой театры, театр рукавичек, театр на фланелеграфе, маски к театральным играм, ширма. Картотека пальчиковой, артикуляционной и дыхательной гимнастик, сценарии сказок, театрализованных игр. В уголке «ряженье» имеются национальная хакасская и русская одежда, женские украшения, что способствует включению элементов родной культуры в повседневную жизнь и деятельность детей. В познавательном уголке дети могут посмотреть фотографии известных людей Хакасии, достопримечательностей родного города, фотографии исторических памятников, символику нашего города, республики, страны. Организованная таким образом работа будет способствовать тому, что театрализованная деятельность станет средством приобщения детей к народной культуре.

Хакасия – многонациональная республика, но для того, чтобы считать республику своей родиной, необходимо ощутить духовную жизнь хакасского народа и творчески утвердить себя в ней, принять хакасский язык, историю и культуру республики как свои собственные.

Как приобщить детей к истокам народной культуры, к традициям хакасского народа? Эта проблема особенно актуальна, так как ребёнок становится человеком не сам по себе, а лишь общаясь со взрослыми, перенимая у них не только умение ходить, разговаривать, но и нравственные нормы.

Знакомство детей с национальным фольклором мы начинаем с чтения хакасских народных сказок, прослушивания хакасских мелодий, песен. Лучшему пониманию сказок, стихотворений помогает инсценирование их с помощью игрушек, настольного театра. В процессе своей работы используем песни-колыбельные, пословицы, загадки.

Хакасское народное творчество имеет огромную воспитательную ценность в привитии детям с раннего возраста любви к своему родному краю, его истории, природе, к истокам национальной культуры, формирующей лучшие качества и чувства ребёнка, вызывающей желание самостоятельно творить. Мифы, легенды, поговорки, праздники раскрывают содержание воспитания и обучения детей, основные нравственные правила и идеалы, понимание добра и зла, нормы общения и человеческих отношений.

В современной ситуации роста национального самосознания каждого народа России особенно значимыми становятся возрождение, сохранение и развитие традиционного мировоззрения хакасского этноса, в котором заключаются основы духовной культуры, здорового образа жизни и бережного, священного отношения к окружающей среде.

Хочется привести слова Г. Г. Казачиновой и В. К. Татаровой: «Для традиционного мировоззрения хакасского народа характерно прежде всего осознание животворной силы Природы, живого начала в Природе, реалистическое восприятие которого облечено в символы и образы, отражённые в реальной жизни ритуалами и обрядами, обычаями и традициями, которые составляют основу календарных народных праздников». [6, с. 10]

Одним из таких праздников и является Чыл Пазы – праздник Благодарения, гостеприимства, очищения, благословения (Праздник Солнца, Неба, Огня и Берёзы – праздник природы). Это день весеннего равноденствия, означающий встречу Нового года, который совершался по древнему лунно-циклическому календарю 22 марта.

Ещё один праздник, который проводится в саду, это Чир Ине – День Земли (почитание и оснащение сил природы) (22 апреля).

Второй год в детском саду проводим праздник Таан-Той (Прилёт первых весенних птиц галок).

Во время подготовки праздников проводится большая предварительная работа: дети выбирают роли, узнают историю праздника, изучают обряды и ритуалы хакасов, разучивают стихи, песни, танцы, новые подвижные и спортивные игры.

Важнейшим в детском творческом театре является процесс репетиций, процесс творческого переживания и воплощения. Поскольку именно в процессе работы над образом происходит развитие личности ребенка, развиваются символическое мышление, эмоциональный двигательный контроль. Происходит усвоение социальных норм поведения, формируются высшие произвольные психические функции. Очевидно, что работа над этюдами не менее важна, чем сам праздник.

Подготовка праздников невозможна без помощи родителей, это вызывает у детей много эмоций, обостряет чувства гордости за родителей, которые участвуют в театрализованных постановках и праздниках.

Таким образом, театрализованная деятельность способствует обогащению знаний старших дошкольников о традициях, обычаях, обрядах хакасского народа, приобщению детей к народной культуре, обеспечивает связь поколений, помогает всестороннему гармоничному развитию личности. Разностороннее влияние театрализованных игр на личность ребенка позволяет ему во время игры чувствовать себя более раскованно, свободно, естественно. Участвуя в театрализованной игре, дети познают мир через образы, краски, звуки. Работая над произведением, они учатся думать, анализировать, делать выводы.

Библиографический список

1. Акулова О. Театрализованные игры // Дошкольное воспитание. 2005. № 4. С. 28–35.
2. Бутанав В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая = Толы хоорайчонньоцолацай пазз улугкүннери. Абакан: Журналист, 2014. 315 с.

3. Кыласова Л. Е. Родительские собрания. Волгоград, 2010.
4. Петрова Т. И., Сергеева Е. Л., Петрова Е. С. Театрализованные игры в детском саду. М.: Школьная пресса, 2000.
5. Маханева М. Д. Театрализованная деятельность дошкольников // Дошкольное воспитание. 1999. № 11. С. 20–24.
6. Толмашова Т. В. Проведение хакасских праздников (из опыта работы) Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО «РОСА», 1997. 60 с.
7. Хакасский детский праздник Тун пайрам: пособие для учителя. Абакан: Абаканское книжное издательство, 2011. 192 с.

© Копчегашева И. И., Тюкпиекова О. Н., 2018

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абдина Раиса Петровна**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан) gabdina@mail.ru
2. **Абдуллаева Фатима Эйвазовна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) fatima2888@mail.ru
3. **Айтмагамбетова Марал Бейсетаевна**, аспирант, старший преподаватель кафедры журналистики и филологии Инновационного Евразийского университета (Казахстан, г. Павлодар) dogma19@mail.ru
4. **Акушакова Варвара Павловна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад “Золотой ключик”» (г. Абакан)
5. **Албычакова Валентина Вячеславовна**, учитель хакасского языка и литературы МБОУ «Аршановская СОШ» (с. Аршаново) wawib@mail.ru
6. **Алексеева Долгуяна Владимировна**, студент Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (г. Якутск) dolgusha1997@gmail.com
7. **Араева Людмила Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) agaeva@list.ru
8. **Артюшкина Екатерина Ивановна**, учитель русского языка и литературы ГБОУ РХ «Школа-интернат для детей с нарушениями зрения» (г. Абакан) kate__1990@mail.ru
9. **Ахматова Мариям Ахматовна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик) mari.ahmatova@yandex.ru
10. **Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета (г. Кызыл) mira.bavuu_surun@mail.ru
11. **Байкалова Маргарита Гавриловна**, директор МБОУ «Красноключинская ООШ» (с. Красный Ключ)
12. **Балахчина Марина Васильевна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад “Машенька”» (г. Абакан) marina71178@mail.ru
13. **Белякова Марина Анатольевна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад “Машенька”» (г. Абакан) marina.ru_91@mail.ru

14. **Берестова Наталья Николаевна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад № 4 “Березка”» (с. Туим)
15. **Биткеева Айса Николаевна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва) aisa_bitkeeva@yahoo.com
16. **Боргоякова Галина Васильевна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Калининская СОШ» (с. Аскиз) borgoyakovag@mail.ru
17. **Боргоякова Ирина Николаевна**, учитель МБОУ «СОШ № 1» (г. Абакан) borgoyakova63@mail.ru
18. **Боргоякова Лола Сергеевна**, студент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
19. **Боргоякова Тамара Герасимовна**, доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) tamarabee@mail.ru
20. **Булгакова Ольга Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) bulgakova.o.a@yandex.ru
21. **Бурнакова Ольга Борисовна**, воспитатель МБДОУ «ЦРР – д/с “Хрусталик”» (г. Абакан)
22. **Герасименко Дарья Сергеевна**, магистрант Кемеровского государственного университета (г. Кемерово)
23. **Го Лихун**, преподаватель Цицикарского университета, аспирант Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) guolihong2477@126.com
24. **Гусева Татьяна Андреевна**, учитель начальных классов МБОУ «Балыксинская СОШ» (с. Балыкса) gusevapanina@mail.ru
25. **Гусейнова Аурика Вагифовна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) aurika_guseynova@mail.ru
26. **Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) gymps70@yandex.ru
27. **Дамбуев Игорь Александрович**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) igor_dambuev@mail.ru
28. **Дашинимаева Полина Пурбуевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ) polinadash58@mail.ru

29. **Денисова Эльвира Степановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) elvdenisova@yandex.ru
30. **Додуева Аминат Таубиевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик) daminat57@mail.ru
31. **Досжан Райхангул Абдугаликызы**, доктор филологических наук, профессор Регионального социально-инновационного университета (Казахстан, г. Шымкент)
32. **Дырхеева Галина Александровна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) an5dagl@mail.ru
33. **Евсеева Ирина Владимировна**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск) ivevseeva@yandex.ru
34. **Егорова Юлия Геннадьевна**, преподаватель кафедры музыкального образования Музыкального колледжа Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) julia_y7787@mail.ru
35. **Журавель Тамара Николаевна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск) zhuravel_petamal@mail.ru
36. **Забусова Наталья Евгеньевна**, студент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) Nataoneg@icloud.com
37. **Захарова Наталия Егоровна**, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) zakharova_nataly@mail.ru
38. **Иванова Нина Иннокентьевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языкознания Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск) haar-haar@mail.ru
39. **Каксин Андрей Данилович**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) adkaksin@yandex.ru
40. **Карамашева Виктория Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

41. **Карачакова Алина Владиславовна**, магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) a-karachakova@mail.ru
42. **Керексibesова Урсула Валерьевна**, студент Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) kerekсібesова@gmail.com
43. **Кетенчиев Мусса Бахаутдинович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик) ketenchiev@mail.ru
44. **Кичеева Кристина Владимировна**, аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) kristi.tabakova@mail.ru
45. **Кобенко Юрий Викторович**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск) serpentis@list.ru
46. **Коква Анна Григорьевна**, учитель хакасского языка МБОУ «Кобяковская ООШ» kkvaa@rambler.ru
47. **Копчегашева Ирина Ивановна**, воспитатель МБДОУ «ЦРР – детский сад “Сказка”» (г. Абакан)
48. **Косточаков Геннадий Васильевич**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики преподавания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк) gvkost@mail.ru
49. **Кочелакова Светлана Антоновна**, учитель русского языка и литературы, хакасской литературы (с. Красный ключ) kochelakovasvetlana@rambler.ru
50. **Кувалева Светлана Михайловна**, учитель начальных классов МБОУ «СОШ № 19» (г. Абакан) kuvaleva.s@mail.ru
51. **Кулехова Анна Михайловна**, аспирант, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 20» (г. Иркутск) annakuula@yandex.ru
52. **Ли Станислав Игоревич**, аспирант кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) li.stanislav999@yandex.ru
53. **Лобыгина Олеся Юрьевна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад № 4 “Березка”» (с. Туим)
54. **Мальцева Анастасия Павловна**, студент Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) ya.anastasiya2016@yandex.ru
55. **Мельник Наталья Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) saikova@mail.ru

56. **Миндибекова Валентина Виссарионовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) vmindibekova@list.ru
57. **Мирошниченко Влада Валерьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) vlada_v@mail.ru
58. **Монге Александра Доржиевна**, магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) mongesandra686@gmail.com
59. **Никитина Алина Дмитриевна**, студент Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (г. Якутск) nikstar97.an88@gmail.com
60. **Николаева Наталья Никитична**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) natanika80@mail.ru
61. **Образцова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) maria_obraztsova@mail.ru
62. **Озерова Галина Валерьевна**, заместитель начальника Городского управления образования Администрации города Абакана (г. Абакан) ozerovagala@mail.ru
63. **Ойноткинова Надежда Романовна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) n.bayzhanova@mail.ru
64. **Оленев Станислав Владимирович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) stanislav.olenev@gmail.com
65. **Паули Юлия Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) pauliyulia@gmail.com
66. **Покоякова Карина Александровна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) karina_p.84@mail.ru
67. **Проскурина Анастасия Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) proscurina@yandex.ru
68. **Пушкарева Ирина Алексеевна**, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения Но-

- вокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк) irina_pushkareva2016@mail.ru
69. **Сагалакова Ольга Петровна**, учитель хакасского языка МБОУ «Красноключинская ООШ» (с. Красный Ключ)
 70. **Сагалакова Таисия Николаевна**, учитель начальных классов МБОУ «СОШ № 6» (г. Салехард) taisiya-sagal@mail.ru
 71. **Саломатова Екатерина Викторовна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад № 4 “Березка”» (с. Туим)
 72. **Седова Анастасия Фёдоровна**, студент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк) output2013@yandex.ru
 73. **Селютина Ираида Яковлевна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) siya_irina@mail.ru
 74. **Сердюкова Надежда Константиновна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Аршановская СОШ» (с. Аршаново) nadya.serdyukova.75@mail.ru
 75. **Серээдар Надежда Чылбаковна**, кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Тувинского института гуманитарных исследований (г. Кызыл) sereedar.62@mail.ru
 76. **Субракова Наталья Чорыевна**, заместитель главного редактора республиканской газеты «Хабар», магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) subrakowa2009@yandex.ru
 77. **Султанбаева Клавдия Ивановна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) ski57@ya.ru
 78. **Танбаева Таисья Петровна**, воспитатель МБДОУ «ЦРР – детский сад “Светлячок”» (г. Абакан) tanbaeva62@bk.ru
 79. **Тарасова Марина Николаевна**, учитель телеутского языка общеобразовательной школы с. Беково (Беловский район, Кемеровская область) tarasova-59322@mail.ru
 80. **Таскаракова Наталья Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) n-tas@mail.ru
 81. **Телякова Вера Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк) vtelyakova@bk.ru

82. **Тинникова Лариса Ивановна**, учитель хакасского языка МБОУ «Лицей» (г. Абакан) lmabak@ Rambler.ru
83. **Тихонова Елена Леонардовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) tipldk@yandex.ru
84. **Тоданова Инга Валерьевна**, учитель русского языка и литературы ГБОУ РХ «Школа-интернат для детей с нарушениями зрения» (г. Абакан) todanova-iv@mail.ru
85. **Топоева Лариса Михайловна**, магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
86. **Торокова Анастасия Эдуардовна**, магистрант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) atorokova@yandex.ru
87. **Туктарова Саимя Вагизовна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад № 4 “Березка”» (с. Туим)
88. **Тюкпиекова Елена Яковлевна**, учитель хакасского языка МБОУ «СОШ № 24» (г. Абакан)
89. **Тюкпиекова Оксана Николаевна**, воспитатель МБДОУ «ЦРР – детский сад “Сказка”» (г. Абакан) tyukpiekova@mail.ru
90. **Тюньдешев Геннадий Александрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) tundesev@mail.ru
91. **Улугбашева Олеся Илларионовна**, учитель хакасского языка МБОУ «СОШ № 24» (г. Абакан) olesyay55@yandex.ru
92. **Ханова Гульназ Салимьяновна**, аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа) tuzgul@mail.ru
93. **Цыбенова Чечек Сергеевна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) tschechek@mail.ru
94. **Чаптыкова Юлия Дмитриевна**, воспитатель МБДОУ «Детский сад “Золотой ключик”» (г. Абакан)
95. **Чебодаева Лариса Александровна**, учитель хакасского языка МБОУ «Лесоперевалочная СОШ № 2» (с. Бельтирское)
96. **Чепсаракова Валентина Александровна**, учитель хакасского языка МБОУ «Бейская школа-интернат» (с. Бея) chepsarakowa.valentina@yandex.ru
97. **Чертыкова Мария Дмитриевна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) chertikova@yandex.ru

98. **Чугунекова Алена Николаевна**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан) chugunekowa@yandex.ru
99. **Чучалина Ольга Ивановна**, инструктор по физической культуре МБДОУ «Детский сад “Машенька”» (г. Абакан) chuchalina.oi@mail.ru
100. **Шамина Людмила Алексеевна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) shamina_la@mail.ru
101. **Шоева Наталья Филипповна**, воспитатель МБДОУ «ЦРР – д\с “Хрусталик”» (г. Абакан)
102. **Щергина Галина Дмитриевна**, учитель начальных классов МБОУ «Балыксинская СОШ» (с. Балыкса) schergina63@mail.ru
103. **Юлдыбасва Гульнар Вилдановна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа) nargul1976@list.ru
104. **Язева Екатерина Евгеньевна**, ассистент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) e-maksakova@yandex.ru

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ
И КУЛЬТУР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

**СИБИРЬДЕ ЧУРТАПЧАТХАН ЧОННАРНЫҢ
КУЛЬТУРАЗЫН ПАЗА ТІЛЛЕРІН ХАЙРАЛЛИРИ ПАЗА ТИЛДЕРІ**

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
(Абакан, 24–25 мая 2018 года)

Ответственный редактор – Т. Г. Боргоякова

Корректоры – Л. Н. Макарова, Т. М. Дудина.
Компьютерное обеспечение – О. Н. Калининой.

Подписано к использованию 16.05.2018. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 21,75. Уч.-изд. л. 21,17.

Заказ № 55.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а; тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru

